

1-2
1967

1-2

везда

Восток

В НОМЕРЕ:

Революция начиналась так...

Жизнь и подвиг Нарзи
Раджапона.

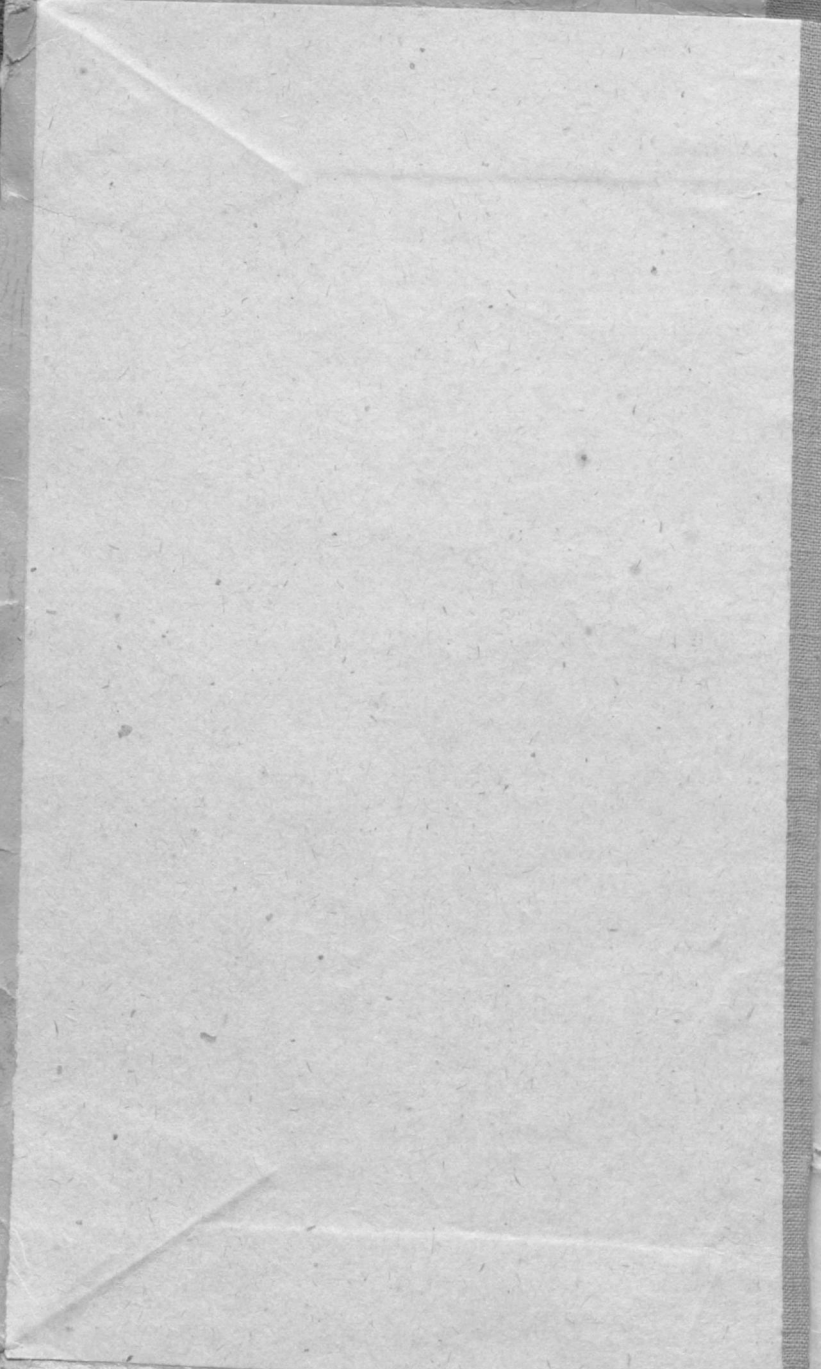
Светлана Евсеева, Нина Татари-
нова новые стихи.

Переводчик: раб или соперник?

Сын Конан Дойла о Шерлоне
Холмсе.

„Типрагинон“.

• 1967 •

Звезда

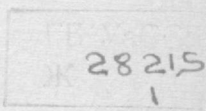
Востока

1

**Орган
Союза
писателей
Узбекистана**

**Ежемесячный
литературно-художественный
и общественно-политический
журнал**

Год издания XXXV

1961

Главный редактор В. А. КОСТЫРЯ.

Редколлегия: И. АКБАРОВ, С. П. БОРОДИН,
С. Д. ДОЛГОПОЛОВ, А. М. ИВАНОВ, С. И. ЛИ-
ХОДЗИЕВСКИЙ, Х. НАЗИРОВ, А. А. УДАЛОВ,
М. И. ШЕВЕРДИН.

И. о. зам. главного редактора Б. Я. БОКСЕР.

Ответственный секретарь В. Б. ВИЛЬЧИК.

Художественный редактор Г. П. Бедарев.

Технический редактор Ф. Я. Викнянская.

Сорректоры: Н. Красова, С. Адигамова.

Рукописи объемом менее печатного листа
не возвращаются

Адрес редакции: Ташкент, ГСП, Навои, 30.

Сдано в набор 10/XII 1966 г. Подписано к печати
18/I 1967 г. Бумага 70×108¹/₁₆. Физич. печ. л. 15,0.
словных печ. л. 20,55. Уч. изд. л. 21,3. Тираж 9697.
04555. Изд. № А-3325. Заказ № 2760. Цена 50 коп.

Ташкент. Типография Объединенного издательства
ЦК Компартии Узбекистана.

СОДЕРЖАНИЕ

К 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

КАМИЛ ИКРАМОВ. Улица Оружейников. По- весть.	6
СВЕТЛАНА ЕВСЕЕВА. Ташкенту. Стихи.	40
НИНА ТАТАРИНОВА. Ташкент, 26 апреля, «Я не- навижу...», «Десятое мая», «Эти стены меня оградили...», «Стоят дома на костылях...», Юрта. Стихи.	42
Я. МИХАЙЛИК. «Я — «Сокол», иду в атаку!».	45
САРА КИРШ. Знакомство. Утро ясное. Огонь. Я дождь. Когда месяц. На свете. Стихи.	89
КАМИЛ ФАЙЗУЛИН. В двух шагах от горизон- та. Рассказ.	93
М. ХВЕДАРОВИЧ. Карши. Стихи.	109

Наши мастера

ВЯЧ. КОСТЫРЯ. Певец братства, свободы, сча- стья. (О творчестве Хамида Алимджана).	110
---	-----

Публицистика

НАЗИР САФАРОВ. След человека.	115
И. ШАГУЛЯМОВ. Флагман полиграфии Узбеки- стана.	130

Литературная критика

Г. ОРАГВЕЛИДЗЕ. Переводчик не соперник.	138
Н. ХУДАЙБЕРГАНОВ. Запечатлеть движение мысли.	151

Книжное обозрение

Н. МАЛАХОВ. Удача узбекского романиста.	159
Т. ХАЛМУРЗАЕВ. «Страна, удивившая мир».	162
Н. КЛИМОВ. Фельетонист Ю. Алексеев.	165

Искусство

Т. ЗАЖИЦКАЯ. Уста Умар.	167
С. САВЕЛЬЕВ. Биография песни.	173

Публикации. Воспоминания. Документы

ОСИП КОЛЫЧЕВ. Юрий Олеша.	190
ИРИНА ГРИНБЕРГ. Две встречи с Ильей Сельвинским	196

Страницы прошлого

Г. ШАЦКИЙ. Два этюда.	201
-------------------------------	-----

Друзья нашего журнала	203
--	------------

Приключения. Фантастика. События

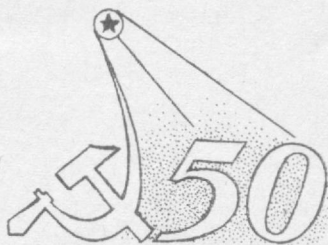
АДРИАН КОНАН ДОЙЛ. Преступление в Фалкс Расе. Рассказ.	206
--	-----

Венера за 400 пиастров.	214
---------------------------------	-----

Калейдоскоп	215
------------------------------	------------

„Типрафикон“ Сатирическое приложение	225
---	------------

На страницах 184—189 работы Б. Мизрохина.

Всё ближе юбилей —
ПОЛВЕКА! —
Страны
Бойца-Большевика,
Дерзающего
Человека,
Пе-
ре-
тряхнувшего века!
Он встал
опорой мирозданию,
Где всё меняется,
течёт...
В Семнадцатом
октябрьской ранью
Эпохи новой начат счет.
Воздел над миром
сердце —
Ленин,
Чтоб даль времен
была видней,
Чтоб стали
сказки поколений
Великой правдой
наших дней.

Камил
ИКРАМОВ

УЛИЦА ОРУЖЕЙНИКОВ

Семь лет назад в нашем журнале была опубликована повесть Камилы Икрамова «Караваны уходят — пути остаются».

С тех пор в Москве и в Ташкенте вышло несколько его книг. Произведения Камилы Икрамова переведены на таджикский, азербайджанский, литовский, словацкий и итальянский языки.

Повесть*

Глава первая

Наследник

По приказу царя Николая узбеков стали забирать на тыловые работы. Сначала отца не взяли: у него с детства болела нога, и он прихрамывал. Недруги называли его Саттаром-хромым. Правда, таких людей на улице Оружейников было мало, большинство и в глаза и за глаза звали его: уста-Саттар — мастер-Саттар.

Врачи осмотрели его и сказали: «Негоден».

Отец смеялся: «Зайца спасают четыре сильных ноги, а меня — одна больная».

В тот же день у отца вышла большая ссора со старостой квартала и с полицейским Рахманкулом. Староста вместе с полицейским составляли списки для мобилизации и вписали туда всех, кто был им негоден, кто взятку дать не мог, кто им родней не приходился. До врачебной комиссии уста-Саттар ничего не говорил старосте квартала: боялся, что люди подумают о нем плохо — ведь каждый, кто не хотел уезжать, другого подводил. Если нужно от квартала двадцать человек, то двадцать и возьмут. Не одного, так другого.

Но когда русские врачи освободили Саттара, он пошел к старосте квартала и при всех обозвал его и его друга Рахманкула взяточниками и злодеями.

* Журнальный вариант.

— Почему ни одного байского сыночка в списках нет? — спрашивал отец. — Почему только бедняки должны ехать в холодную страну? Что у них, кожа толще? Нет, у них кошелек тоньше.

Может быть, эти неосторожные слова и решили судьбу отца, а может, ссора с Усман-баем... Характер у отца был упрямый.

Когда Талиб был еще совсем маленький, отец начал ковать клинок для сабли. Он ковал его очень долго, наверное, несколько лет. Впрочем, возможно, что Талибу это только так казалось.

Отец неплохо зарабатывал в мирное время — он подковывал лошадей, делал топоры, мотыги, узбекские ножи-пчаки, ножницы для стрижек овец, чинил арбы. Иногда он уезжал на месяц, а то и на полтора к уста-Рахиму, своему тестю, который тоже был известный кузнец в городе Намангане. Отец всегда возвращался довольный и рассказывал про свои поездки, про то, какой замечательный человек дедушка Талиба. В Ферганской долине дедушку звали уста-Тилля — мастер-Золото.

— Смотри, какая будет сабля: настоящий булат, — говорил отец, когда, оторвавшись от очередных дел, брался за клинок.

Сталь была темная, почти черная, а по полю вдоль всего клинка тянулись волнистые полосы. Сталь отливала червонным золотом.

— Зульфикар получается — сабля святого пророка Али.

— Откуда здесь золото? — спросил однажды Талиб.

Отец усмехнулся.

— Ты что же, не видел, сколько золота сюда пошло?

— Не видел, — признался Талиб. — Ты золото, наверное, без меня ковал.

— При тебе. Все при тебе делал. Вот оно, золото, — все так же усмехаясь, ответил отец и показал свои черные мозолистые ладони.

Отец показывал саблю только дедушке и дяде Юсупу, державшему маленькую лавчонку возле Шейхантаура. С тех пор, как дядя Юсупа уволили из-за халатности с работы в трамвайном депо, он приходил особенно часто. Иногда он брал у отца готовые вещи и продавал их в своей лавчонке.

— Зачем тебе эта сабля, — спросил он как-то отца. — Продать хочешь?

— Нет, не собираюсь, — ответил отец. — Это я, чтобы себя уважать, выковал. Человек должен знать, что он может. Я посмотрю на клинок и вспоминаю: кто я такой на земле, почему я живу на улице Оружейников.

До того разговора о сабле Юсуп и не знал, почему их улица носит имя Оружейников. Жили там и сапожники, и кондукторы, и водоносы, и ткачи, и ученые муллы, а никаких оружейников не было. Оказалось, что это название очень старинное, пошло оно еще от хромого Тимура. В те давние времена здесь жили мастера по изготовлению луков, стрел, копий и кинжалов. Значит, и Талиб происходил от тех людей, кто эту улицу основал.

Конечно, трудно было удержаться и не похвастаться ребятам: мол, по родству самый старший на улице. Если бы не мои деды и прадеды, может, и не было вовсе этой улицы, называлась бы она улица Ткачей, а то и хуже: улицей Водоносов. Есть же за два квартала от них улица Воров!

И как тут не похвастаться саблей, настоящей саблей, какой никого из ребят нет.

Один раз всего привел Талиб соседских ребят, показал им клинок, когда никого дома не было, и с каждого взял клятву хранить тайну. Талиб не узнал, кто не сдержал клятву, но на улице стало из-

вестно о сабле. Из-за этой сабли и вышла шумная ссора отца с Усман-баем.

Когда узбеков, подлежащих мобилизации, подготовили к отправке и день отъезда назначили, пришел к отцу Талиба Усман-бай с полицейским Рахманкулом. О чем они сначала говорили, Талиб не знал. Больше часа они сидели в комнате, потом вышли на айван — маленькую террасу перед домом. У отца в руках была сабля.

— Глядите,— говорил отец гостям,— глядите, а руками не трогайте. Есть у вас платок шелковый? Давайте сюда.

Отец наклонил саблю, повернув острием вверх, кинул на нее платок, и тот сполз на пол. Только теперь уже не было платка, две три-точки лежали на земляном полу айвана.

— И еще смотрите,— сказал отец. Он подбросил половину платка в воздух и на лету разрубил его пополам.

Усман-бай и Рахманкул угрюмо смотрели на саблю.

— Это мы знаем,— сказал Усман-бай.— Это мы видим. Но зачем тебе сабля? В армию тебя не берут, в полиции ты не служишь. Зачем тебе сабля? А мне она нужна. Я ее одному человеку в подарок отнесу. Мы же родственники с тобой. Неужели такой ты черствый, такой кадный? Мало тебе сто рублей, дам полтораста.

— Нет,— сказал отец.— В жизни таких денег в руках не держал... Но сабля стоит дороже.

— Не спорьте с ним, уважаемый Усман-бай,— вмешался в разговор полицейский.— Он такой же упрямый, как его наманганский учитель Рахим. Этот уста-Тилля никому ничего не говорил, от всех се скрывал... Только в тетрадку писал!..

— Двести рублей,— перебил полицейского Усман-бай.— О семье одумай. Двести рублей! Согласен?

Но отец не слушал его. Он двинулся к полицейскому и, видимо, абыл, что в руках у него сабля. Рахманкул даже попытался.

— Тетрадка? Ты знаешь о его тетрадке?!.— уставился на Рахманкула отец.

Медно-красное, сальное лицо полицейского побледнело, маленькое, не по голове, прижатые уши с приросшими мочками покраснели, ловно стручковый перец.

Талиб видел, как, стоя за спиной отца, Усман-бай вытаращил на полицейского глаза и показал кулак.

— Где тетрадка?!— не отставал отец.— Говори, где тетрадка!

— В полиции тетрадка,— раздался из-за спины отца спокойный голос Усман-бая.

Отец резко обернулся на голос, сабля в его руке дрожала.

— Видишь ли,— спокойнее, чем прежде, очень спокойно, продолжал Усман-бай,— наш уважаемый Рахманкул ездил в прошлом году Наманган, там в полиции он видел тетрадку, которую нашли у все-и уважаемого уста-Тилля. Что в той тетрадке написано, никто в полиции понять не мог. Вот и осталась она там.

Пока отец стоял, обернувшись к Усман-баю, полицейский одернул адравшийся на животе мундир, закрутил усы и боком, осторожно гал пробираться к выходу.

— Эта тетрадка завещана мне, дорогие гости!— с угрозой в голосе сказал отец.— Почему же Усман-бай знает об этом, а я не знаю?!

— Усман-бай самый уважаемый человек улицы...— снова было аговорил полицейский, но бай прервал его.

— Мы же родственники, дорогой Саттар,— сказал Усман-бай гцу.— Хотя и дальние, но родственники. Рахманкул пришел ко мне осоветоваться: говорить тебе или не говорить. Я рассудил так: если

тебе сказать, ты расстроишься, пойдешь в полицию, будешь требовать тетрадку, а тебе ее не дадут. Ты сам знаешь, в полиции без взятки и говорить не станут, да и не у всякого возьмут. Ведь давать взятки нужно уметь. И еще подумал я, зачем тебе эта тетрадка, если в ней все равно никто ничего понять не может. Вот мы и решили ничего тебе не говорить. Не сердись на меня. Послушай, я открою тебе еще одну тайну. Для кого я покупаю у тебя саблю? Не для себя — для полицмейстера Мочалова. Это хорошая взятка, такую любой возьмет, а когда он эту взятку возьмет, я могу потом и просто деньгами дать. Так что ты продай мне саблю для общей пользы. Думаю, рублей тридцать-пятьдесят и все дело-то будет стоять. Получишь ты свою тетрадку.

Пока Усман-бай говорил все это, уста-Саттар немного успокоился. Он стоял, понурившись, исподлобья наблюдая за гостями.

— Ладно,— сказал он.— Пусть будет так. У меня другого выхода все равно нет. Я отдам тебе саблю за сто рублей, остальные — сто — тетрадка стоит. Только, если не будет тетрадки, вы оба берегитесь. Видите этот кинжал?— Отец выдернул из-за пояса большой узбекский нож.— Он из этой же стали, что и клинок. Вот этим кинжалом я обрежу вам обоим уши. Клянусь аллахом, да будет так! Несите деньги.

Деньги у Усман-бая оказались с собой, он быстро отсчитал сотню. Уста-Саттар отдал ему саблю.

Однако, хотя полицейский явно спешил убраться из этого дома, Усман-бай не торопился уходить. Он взял саблю, осмотрел ее внимательно и вежливо спросил:

— А клеймо, дорогой, ты какое поставил?

— Наше клеймо, как у дедов и прадедов. Клеймо правильное,— ответил отец.

— Спасибо, дорогой, это хорошо,— так же вежливо сказал Усман-бай.— Только рукоятка у тебя плохая, придется новую заказывать. Рукоятка у тебя очень простая.

— Какая есть,— отрезал отец.— Помните: что сказал, то и сделаю. Обрежу уши.

Трудно гостям после таких слов не потерять достоинства, но два дружка, купец и полицейский, вышли со двора как ни в чем не бывало. Талиб услышал, как, закрывая калитку, Усман-бай тихо сказал полицейскому:

— Кто кому уши отрежет, один аллах знает, а твой длинный язык укоротить давно надо...

Прошло два дня, и за отцом явился незнакомый полицейский.

— Собирайся, тебя сам Мочалов вызывает, быстро!

— Брать с собой что-нибудь или не нужно?— осторожно спросил отец.

— Не нужно, вечером дома будешь,— отвечал полицейский.

Ни вечером, ни на завтра утром отец не вернулся. На третий день пришел русский солдат и передал записку, в которой отец сообщал, что, по приказу высшего начальства, его как кузнеца взяли на тыловые работы. Отец просил передать ему еду на дорогу и теплую одежду.

«Принесите все это на вокзал сегодня вечером,— писал отец.— Там поговорим».

Вокзал долгое время вспоминался Талибу, как сон бессвязный, страшный и далекий. Толпы народа на перроне, на путях товарные вагоны, набитые людьми до отказа, крики мужчин, плач женщин, звуки двух оркестров — русского, сверкающего медью, и узбекского, состоящего из длинных труб — карнаев, под звуки которых обычно пляшут

на базаре канатоходцы, и звонких сурнаев, выводящих—некстати сейчас—свадебные мелодии. На лицах людей тревога и боль, скорбь и отчаяние. Черные паровозы и красные вагоны неподвижны—стена. Вдруг все замерло, замолкли оркестры. Среди толпы движется группа богатых узбеков в белых праздничных халатах и в ослепительно белых чалмах. Рядом—чины в мундирах с золотыми погонами, золотыми шнурами, золотыми кокардами на высоких фуражках.

— Джигиты!—начинает речь один из богатых узбеков.—Его императорское величество царь Николай оказал большое доверие нам, бедным и несчастным...

Только это и успел выслушать Талиб, мать потянула его за рукав: «Идем, сынок, идем».

Они протиснулись сквозь поток людей, хлынувших послушать оратора.

У всех вагонов широкие двери были открыты, а у второго от паровоза закрыты на замок. Возле вагона была охрана.

— Не здесь ли?..—сказала мать. И не ошиблась. В маленьком окошке под самой крышей они увидели отца. Лицо у него было встревоженное, но когда он увидел жену и сына, улыбнулся и стал вытирать глаза рукавом.

— Нашли меня, милые, спасибо вам!—дрожащим голосом сказал отец.—Хорошо, что нашли! Вот увозят; говорят, кузнецы очень нужны, потому и взяли. Вы не бойтесь за меня, со мной ничего не случится. Я за вас боюсь...

Мать плакала, а Талиб смотрел на отца и не мог понять, что в нем изменилось. Слезы на глазах, улыбка грустная, как у больного, говорит сбивчиво... Что еще говорил отец, Талиб не запомнил, только остались в памяти последние слова: «Я обязательно, обязательно напишу. Береги маму, Талибджан!».

Так пришло первое горе. А через несколько месяцев заболела мать.

Еды в доме хватало,—сто рублей они растянули надолго, были и другие запасы, но мать почти ничего не ела, часто плакала, по ночам тихо стонала и бродила по дворику. Потом мать слегла. Соседки водили к ней знахарок и табибов-лекарей. Они читали молитвы, давали ей пить воду из святых источников, ест землю со святых могил. Мать не верила этим лекарям. Но к русскому врачу обратиться не хотела.

— Не увидеть больше мне нашего отца, сынок... Ты слушайся дядю Юсупа,—наставляла она.

Однажды дядя Юсуп, вопреки ее желанию, привел русского врача. Мать уже не могла говорить.

Врач прослушал ее, помял живот и развел руками:

— Ничем помочь не могу. Поздно.

* * *

Талиб сидел на земле между холодным горном и давно замолчавшей наковальней. Слезы высохли, от них остались полоски на щеках.

Он не слышал, как отворилась дверь и вошел дядя Юсуп.

— Талиб!—позвал он, ничего не видя в темноте кузницы.—Ты здесь?

Он взял мальчика за руку.

— Тебя ищут, ты нужен.

Во двор понашло много людей. Они разделились на две группы: мужчин и женщин. Квартальный мулла стоял на ступеньках террасы.

— Кто из близких есть у этой женщины, чтобы по законам шарията отвечать перед всеми? Муж есть?

Все знали, что муж покойной Хадичи где-то далеко. Мулла знал, что не хуже других, но древний обычай нарушать было нельзя.

— В Ташкенте ее мужа нет. Он в России,—ответили из толпы тоже по обычаю.

— Есть у нее отец? — опять спросил мулла.

— Ее отца, наманганского мастера уста-Тилля, уже нет в живых,—ответили из толпы.

— Есть у нее единокровные братья? — громко продолжал спрашивать мулла.

— У нее есть только дальний родственник Юсуп-чахоточный! — выкрикнул из толпы Усман-бай.

— Есть у нее взрослые сыновья?

— Нет, у нее только маленький и несмышленный сын Талиб,—опять ответил Усман-бай.

— Кто будет наследником этой женщины?

— Я буду,—сказал Усман-бай.— Я буду наследником и опекуном мальчику, я — родственник ее мужа.

Толпа зашумела, раздались недовольные голоса.

— Так не годится,—после того, как немного затихли мужчины, возразила бабушка Джамиля.— Так не годится,—повторила она.

Мулла стоял невозмутимо и ждал, что будет дальше.

— Я буду наследником, я опекуном буду. Мне ихнего имущества не надо, я из любви к родственнику возьму все на себя,—настаивал Усман-бай.

В это время к мулле подошел дядя Юсуп и указал на Талиба, стоявшего в дверях кузницы.— Вот сын Хадичи — Талибджан. Ему двенадцать лет. Он умный мальчик.

— Правильно! — крикнула бабушка Джамиля.

— Пусть сын будет наследником, по закону! — прозвучал из толпы мужчин звонкий молодой голос Тахира-поденщика.— Усман-баиникому добра не сделал. Только живот свой любит.

Мулла помедлил еще минуту и взял Талиба за руку.

— Талибджан будет наследником этой женщины без всяких опекунов. Он теперь отвечает за все, как взрослый,—сказал мулла и начал снова задавать вопросы толпе: — Кому из вас была должна покойная Хадича? У кого она брала в долг деньги или муку, мясо или рис? Кому она не отдала?

— Она всегда отдавала долги, она никому не должна,—ответчали люди.

— Может быть, она обидела кого-нибудь?
— Никого она никогда не обижала.
— В своем ли доме она живет, не имеет ли кто еще права на этот дом?
— Нет. Она живет в доме, который всегда принадлежал дедам и прадедам ее мужа.

— О-о-мин,— сказал мулла и провел руками по лицу от глаз к бороде.— Сын Саттара и Хадичи наследник всего. Он отвечает за все перед вами и богом!

Не дожидаясь конца этой торжественной церемонии, Усман-бай ротиснулся сквозь толпу и боком вышел со двора через распахнутую алитку. На улице его ждал полицейский Рахманкул. Вернее, бывший полицейский, потому что уже несколько месяцев он работал почтальоном. Шел октябрь 1917 года, а еще в марте, вскоре после свержения Петрограде царя Николая, всех ташкентских полицейских выгнали с работы. Рахманкул стоял в своем мундире и в сапогах, но без шашки-еледки, без форменных блестящих пуговиц и без свистка на красном пинуре.

— Наш квартальный мулла не знает законов,— сказал Рахманку-у Усман-бай.— Что толпа говорит, то он и делает.

— Не говорите так, почтенный,— возразил бывший полицейский.— Вы знаете, какие сейчас времена. Какой-нибудь плотник или штукатур может оказаться главнее начальника полиции. Мне сказали, что в Петрограде опять революция...

— Опять революция? Какая еще революция?— искренне удивился Усман-бай.

— Еще одна революция, но какая — не понимаю,— признался Рахманкул.

— Царя Николая, может, вернули?— с надеждой спросил Усман-бай.

Рахманкул сокрушенно помотал головой.

— Говорят, что новая революция много хуже старой.

— Для нас?— встревожился Усман-бай.

— Для нас,— подтвердил бывший полицейский.

* * *

На дворе уже было темно, небо заволокли тучи, когда Талиб с братьями Юсупом вошли в пустой дом. Дядя Юсуп зажег лампу и сразу перекрутил фитиль — керосин дорожал с каждым днем.

— Пойду приготовлю чай,— сам себе сказал дядя.

В комнате пахло пылью. Талиб сел на кошму и оглядел комнату, что увидел ее в первый раз. Рядом с нишей, где стояла посуда, была углубленная ниша, там лежала стопка лоскутных одеял и неоконченная матерья работа — стеганный мужской халат из яркого в мелких цветочках сукна. Третья ниша пустовала. Отец приготовил ее для ножной швейной машины, которую не успел купить на деньги, вырученные от продажи сабли.

— Бери,— сказал дядя Юсуп, протягивая Талибу пиалу с крепко сваренным чаем. Он разломил лепешку, разложив куски на маленькой скатерке — дастархане.— Бери. Чай хороший, свежий, крепкий. Лепешки сегодня купил, мягкие.

Талиб молча жевал лепешку, отхлебывал чай из пиалы. Дядя говорил еще что-то, но Талиб не слушал его. В сердце мальчика жила грусть, она виделась ему в больших и добрых глазах дяди Юсупа, в темноте пустой комнаты...

Дядя расстелил одеяла, кинул две подушки. Помолились и легли спать. Лежали неподвижно, молча.

За окном сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее застучали капли дождя.

Глава вторая

Где были полицейские?

Утром они проснулись от выстрелов. Впрочем, может быть, они проснулись от холода. По ночам теперь иногда выпадал иней.

— Что это? — спросил Талиб.

— Узнаем, — ответил дядя Юсуп.

Они быстро выпили вчерашний холодный чай с лепешкой, и дядя Юсуп заторопился.

— Я хотел взять тебя в лавку, но сегодня не нужно выходить в город, — сказал он на прощание. — Мало ли что может случиться. Во тебе деньги, купишь поесть.

Талиб убрал пиалы и чайник, сложил на место одеяла, подме- во дворе. Потом он надел свой старенький халатик, вытер тряпчоч- ичиги и кауши — кожаные галоши, в которых ходят только на улице и, прислушиваясь к нестихавшей стрельбе, вышел со двора.

На углу, где обычно три-четыре продавца торговали сушеным фруктами, кислым молоком и овечьим сыром, было пусто. Только чайхане сидела кучка завсегдатаев. Увидев Талиба, чайханщик позва- его.

— Эй, грамотей, иди-ка сюда!

Талиб подошел ближе.

— Заходи, Талибджан, заходи, — вежливо, как взрослому, сказа чайханщик. — Мы вот сидим сейчас и думаем, пришел бы Талибджан он по-русски читать умеет, все бы нам объяснил.

По-русски Талиб научился читать недавно, после отъезда отца. Этим он был обязан дяде Юсупу. Тот нередко брал Талиба с собой в европейскую часть города, поручал ему разносить мелкие покупки дома, где жили русские, читал ему вслух русские газеты. А еще в прошлом году подарил русский букварь с картинками.

— У тебя светлая голова, — говорил дядя Юсуп. — Ты можешь стать большим человеком: управляющим, доктором или переводчи- ком. Ты даже большим купцом можешь стать.

Дядя Юсуп знал русский язык много лучше, чем Талиб, но бол- шим человеком почему-то не стал. Почему? Талиб не спрашивал. Неда- ром дядю звали Юсуп-неудачник.

У входа в чайхану Талиб снял кауши и остановился в нерешител- ности.

— Заходи, заходи, не стесняйся, — повторил чайханщик.

По тому, как люди в чайхане смотрели на него, Талиб понял, что здесь действительно, говорили о нем и ждали его.

Талиб сел, подобрав под себя ноги. Ему протянули пиалу с чаем, он отхлебнул, вернее, только слегка замочил губы и, поставив пиалу на ковер, стал ждать, что ему скажут.

— Вот стреляют, — начал старик Касымходжа. Летом он загота- ливал камыш на озерах, а зимой сидел без дела. — Зачем стреляют, мы не знаем.

— Почему не знаем? — возразил другой завсегдатай чайханы, но- ной сторож. — Стреляют, чтобы власть захватить. Власть без стрел- бы не возьмешь. Всегда так было.

Остальные трое посетителей: лмовой извозчик Нурмат, сын бабушки Джамили поденщик Тахир и продавец овечьего сыра Раджаб, не поддержали разговор.

— Все говорят: «Революция», — сказал чайханщик. — Скоро год, как это говорят. Теперь Николая нет, есть Керенский. Опять говорят: «Революция». Давай лучше почитай нам русскую газету.

Он протянул Талибу номер газеты «Туркестанский курьер». На первой странице, сразу под заголовком, очень крупными буквами были напечатаны всевозможные объявления. Талиб, не читая, знал, что там не может быть написано про революцию. В левом нижнем углу первой страницы Талиб, кажется, нашел то, что искал.

«Петроград», — прочел он. — Нам сообщают, что премьер-министр Керенский заявил, что война будет продолжаться до победного конца. О революционное Временное правительство не пойдет на уступки требованиям большевиков во главе с Ульяновым»...

Г — Нет, это не про революцию, — сказал Талиб. — Это — «до победного конца». Сейчас в другом месте посмотрим.

Талиб перевернул страницу и прочел еще одну заметку. В ней рассказывалось о том, что в приемной Керенского ожидают аудиенции делегаты из Ташкента, просящие вернуть на родину мобилизованных арским правительством двадцать пять тысяч джигитов местных национальностей. «Мы не знаем, сумеет ли наш премьер-министр принять делегатов, ибо у него сейчас много других государственных забот, но надемся, что, каков бы ни был его ответ, он будет благоприятен», — так заканчивалась заметка. Талиб добросовестно, как мог, перевел содержание прочитанного и взволнованно сказал:

— Скорее бы!.. Это свежая газета? — Талиб посмотрел на дату. — А это же старая газета! В ней ничего не может быть о новой революции.

— Э-э, — обиженно протянул чайханщик. — Газета — не молоко, не киснет. Просто ты читать не умеешь. Вот прочти лучше, что здесь написано. — И он ткнул пальцем в крупное объявление на первой странице.

Театр
Макс.
Уютный уголок.

Знаменитая драма.
ЗЛЫЕ ДУХИ.

С участием Марии Рутц, Н. Церетели и др.

— Это не про революцию, — сказал Талиб.

— А это? — ткнул пальцем в другое объявление упрямый чайханщик.

Театр
Хива.

Мировой боевик — спешите видеть — роскошная картина.
ЗАБЫТЫ НЕЖНЫЕ ЛОБЗАНИЯ.
В четырех частях.

— И это тоже не про революцию, — уверенно сказал Талиб.

— А про революцию так ничего и нет? — ядовито усмехнулся чайханщик. Недоверие свое он не скрывал. — Так ничего и нет во всей газете про революцию? Ты давай, переведи нам вот это.

АНОНС.

Гвоздь сезона.
ДАМОЧКА С МУХОЙ.

Рискованные трюки с двумя антрактами.

Объявление Талиб прочитал легко, но перевести не смог. Слово «Анонс» он никогда не слышал. «Гвоздь» — слово понятное, но к чему оно здесь — тоже неизвестно. Дамочка — это женщина, но почему она с мухой? Неясными были и «рискованные трюки с двумя антрактами».

— Это трудно перевести, — сказал Талиб.

— Трудно! Конечно, трудно, — не унимался чайханщик. Видимо, газету достал он, и ему казалось обидным, что в ней ни слова о самом главном. — Дальше читай. Не может быть, чтоб совсем не было! Крупные буквы читай!..

Талиб стал читать все объявления подряд:

«На Ташкентском ипподроме, за кадетским корпусом, правее свалки, ЗАВТРА СКАЧКИ».

«НУЖНА грамотная горничная. Обращаться по адресу...»

«ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЕ БАРЫШНИ со средним образованием ищут место горничных. Адрес в редакции для Р.С.Т.С.».

«БАРС спешно продается, ручной, ласковый, как котенок...»

«ЗУБврач Д. С. ЕДВАБНАЯ, вернувшись, возобновила прием».

— Хватит читать, — сдался, наконец, чайханщик. — Вот идет наш Рахманкул-полицейский. Он больше знает, чем газета.

Рахманкул, действительно, принес новости. С его приходом посетители чайханы сразу забыли о существовании Талиба.

— В Петрограде, — начал свой рассказ бывший полицейский, — было Временное правительство. Оно жило во дворце царя Николая. Это, говорят, очень большой дворец, Зимний. Там даже зимой тепло. Вчера по речке Неве, которая, говорят, больше, чем Сыр-Дарья, ехал пароход, — как называется, я забыл, — и стал стрелять по дворцу из пушек. А с другой стороны всякая гольтьба, всякие там поденщики и солдаты тоже стали стрелять. Тогда Керенский убежал...

— Подожди, — перебил Рахманкула поденщик Тахир. — Почему ты сказал «всякие там поденщики»? Что, поденщик не человек? Бывший полицейский лучше? Интересно, где были в то время бывшие петроградские полицейские, когда пароход стрелял из пушек?

— Не знаю, — сказал Рахманкул. — Не знаю, где были полицейские, а за поденщиков прошу прощения. Теперь у каждого надо просить прощения, — зло добавил он. — Если обижаетесь, я не буду рассказывать.

— Продолжайте, уважаемый, — попросил Рахманкула чайханщик.

Рахманкул сделал вид, что обиделся, и стал пить чай. Сахар он не клал в чай, а грыз зубами, и Талиб, сидевший за спиной бывшего полицей-

ского, слышал хруст, видел, как движется большая челюсть Рахманкула и шевелятся его маленькие, прижатые к голове уши.

— Ну вот,—опять стал рассказывать Рахманкул.—Эту гольтеббу подговорили боль-ше-ви-ки.

— Кто это? — спросил продавец овечьего сыра.

— Неужели не знаешь? — вмешался в разговор извозчик Нурмат.—И у нас есть большевики, даже среди мусульман есть большевики. Сын учителя из квартала Укчи — большевик...

— Пусть их всех покарает аллах, если они плохие. Пусть аллах будет им защитой, если они хорошие,—сказал осторожный чайханщик.

— Эти самые большевики — немецкие шпионы,—с чувством собственного достоинства продолжал Рахманкул.—Они хотят всю Россию отдать царю Вильгельму и кричат: «Вся власть Советам!» и «Долой войну!». Когда наши ташкентские смутьяны узнали об этом, они тоже стали кричать и тоже захотели свергнуть власть. Вот теперь идет стрельба. В новом городе по улицам пройти нельзя.

— Что же будет после?.. — спросил продавец овечьего сыра.

— Этого никто не знает,—отвечал Рахманкул.—Потому что умные люди еще в марте говорили: нельзя разгонять полицию. А Керенский глупый человек — взял и уволил всех полицейских. Ты спрашиваешь,—обратился Рахманкул к Тахиру-поденщику,—где были полицейские? Полицейские сидели дома и пили чай с халвой. Потому так и получилось. Ну, ничего, какая бы власть ни пришла, если она хочет быть крепкой, непременно всех бывших полицейских обратно возьмет. Каждой власти такой кулак нужен.—И Рахманкул показал присутствующим свой огромный кулак с золотым кольцом на среднем пальце.

Кулак бывшего полицейского выглядел убедительно. Посетители чайханы не стали возражать, но и соглашаться с Рахманкулом почему-то не хотели. Они только вздохнули.

Талиб чуть не спросил Рахманкула, где же были полицейские, когда прогоняли царя Николая. Ведь тогда они все еще ходили в мундирах с шашками и свистками, и царь Николай их не прогонял. Но взрослые молчали, промолчал и он.

Талибу захотелось уйти, но он все сидел, поджав под себя ноги, и слушал, как стреляют в новой, европейской части города.

— Это из крепости стреляют,—заметил чайханщик.

— Из крепости и в крепость,—уточнил Тахир.

— Кто победит, посмотрим,—вздохнул продавец овечьего сыра.

* * *

Вечером пришел дядя Юсуп. Он был взбудоражен и рассказал Талибу о том, что генерал Коровиченко не хочет уступать власть Советам, вооружил учащихся кадетского училища и гимназистов, захватил крепость, и поэтому на улицах города льется кровь.

— Народ войны не хочет, народ хлеба хочет. Сейчас все только и говорят о Ленине, который у большевиков самый главный. Этот Ленин очень хороший, говорят, человек, только один у него недостаток: ни в какого бога не верит. Это очень плохо.

Несмотря на то, что дядя Юсуп был человеком по тем временам довольно грамотным, он свято верил в аллаха, каждую пятницу ходил в мечеть. Он сам больше года учился в духовном училище — медресе.

— А Усман-бай верит в бога? — спросил Талиб.

— Верит,—ответил дядя Юсуп.—Почему ты спрашиваешь?

— Он нам сто рублей должен отдать или тетрадку дедушки Рахима, уста-Тилля. Обещал достать тетрадку, а не достал.

Дядя очень удивился.

— Откуда ты про тетрадку знаешь? Мы с твоей мамой тоже про это говорили, но она боялась Усман-бая. Пусть, мол, когда отец вернется, мужчины все решат между собой.

— У нас совсем нет денег....— сказал Талиб.— Потому я и вспомнил.

— Не огорчайся, Талибджан, мне удалось достать два ящика ламповых стекол, это хороший товар. Стрельба кончится, я продам стекла... Еще что-нибудь достану. Проживем.— Дядя Юсуп был человеком покладистым и робким, он ни с кем не хотел портить отношения.

— Надо идти к Усман-баю! — не унимался Талиб.

Дядя Юсуп внимательно посмотрел на племянника, вздохнул и сказал с уважением:

— Ты теперь наследник, твое право требовать. Если хочешь, завтра пойдем с тобой к Усман-баю.— И добавил: — Ты решительный, как твой отец.

* * *

Возле высокой глиняной стены с резной калиткой дядя и племянник остановились. И стена, и калитка с начищенным медным кольцом внушали уважение. Усман-бай был самым богатым человеком не только на улице Оружейников, весь город знал Усман-бая.

На двух базарах у него были мануфактурные магазины, его доверенные люди занимались скупкой шерсти и кож в Ташкенте и во многих других городах. Злые языки утверждали, что Усман-бай в молодости занимался конокрадством и грабежом на караванных дорогах, а потом, накопив денег, занялся торговлей. Так это или не так, но Усман-бая уважали и боялись. Наверное, больше боялись, чем уважали.

Дом Усман-бая — огромный, двухэтажный, с террасами и балконами, с амбаром и конюшней на шесть лошадей; посреди двора протекает арык, перед домом клумба с цветами. Это мужская половина, куда могут зайти посторонние. А по ту сторону дома — женская половина. Что там делается, никто не видел. Четыре жены есть у Усман-бая. Ровно столько, сколько позволяет священная книга коран.

— Почтенный Усман-бай дома сейчас? — искательно и робко спросил дядя Юсуп у работника, чистившего лошадь возле конюшни.

— Дома, кажется,— ответил работник, молодой плечистый парень без передних зубов.

— Не будешь ли так любезен, друг, не скажешь ли ему о нашем приходе?

— Мне нельзя входить в дом — там чисто, а я грязный,— сказал работник и опять принял скрести лошадь.— Там есть веревка, дерни за нее, и в доме усядут.

Действительно, у калитки с внутренней стороны болтался конец веревки, которая тянулась через весь двор к дому.

Дядя Юсуп дернул за веревку, но, видимо, недостаточно сильно. Подождя, он дернул сильнее. Через минуту на террасу вышел сам Усман-бай, из-под ладони, против солнца, поглядел на вошедших и спустился на одну ступеньку. На этой ступеньке он задержался, повернулся задом к гостям и старательно надел кауши.

— Прошу вас, прошу вас, пожалуйста,— заговорил он, с протянутыми руками двигаясь навстречу.— Рад видеть вас вместе. Как здоровье, как самочувствие?— сыпал он обязательными приветствиями, не давая гостям и рта раскрыть.— Горе, кругом теперь одно горе,— продолжал Усман-бай.— Заходите, рады вам, заходите. У всех теперь горе. Цены растут, три дня в городе стрельба, убийства, три дня ни одна лавка в городе не торгует. Вы тоже не торгуете, почтенный, Юсуп-ака?

Одно разоренье. И холодно уже становится. Вот завяли у меня розы, совсем осыпались. Приходите весной. Откуда розы у меня, знаете? Из дворца эмира благородной Бухары у меня розы. Мой друг, садовник эмира, под большим секретом продал мне три куста. Для вас, уважаемый, самый лучший бутон срежу...

Он так сыпал словами, был так радушен и суетлив, что у Талиба в голове слегка загудело. Дядя Юсуп смущался все больше и больше.

— Мы к вам по делу...— вставил, наконец, слово дядя Юсуп.

— Дела, дела,— прервал его Усман-бай,— у всех теперь дела. Ох, тяжелое время настало! Заходите, посидим, поговорим; и о делах поговорим. Рад вам, очень рад. Пословица есть: гость в дом — радость в дом...

Усман-бай провел дядю Юсупа и Талиба в комнату для гостей, большую и просторную, с круглой высокой железной печью, какие Талиб видел только в русских кварталах, потолок — лепной. На нем тоже всякие узоры. На полу мягкий и яркий туркменский ковер, горы атласных подушек.

Усман-бай быстро и звонко защелкал пальцами. Тотчас откуда-то вынырнул слуга и расстелил шелковый дастархан. Печенье и прозрачный сахар, кишмиш и изюм с косточками, фисташки и миндаль, европейские конфеты в обертках и матовые гроздья винограда немедленно появились на дастархане.

— Быстрей, быстрей,— подгонял слугу Усман-бай.— Разве ты не видишь, глупый, какие сегодня у нас дорогие гости!

Чем больше Усман-бай говорил, расхваливал гостей и чем больше угощенья появлялось на разостланной шелковой скатерти, тем больше неприязни к хозяину испытывал Талиб. Даже раскосые китаянки под цветистыми зонтиками на чайниках вызывали неприязнь мальчика. А дядя Юсуп совсем растерялся и сник.

— Берите, берите, угощайтесь,— рассыпался Усман-бай, время от времени бросая быстрые взгляды то на дядю, то на его племянника.

Дядя Юсуп оторвал одну виноградинку от кисти и положил в рот, не решаясь раскусить. Талиб тоже оторвал одну ягоду и держал ее в руках.

— Мы по делу,— опять начал дядя Юсуп, с трудом проглотив виноградинку.— Вот Талибджан сейчас остался сиротой, ему нужны деньги, а вы должны...

— Сто рублей,— перебил дядю Юсупа Усман-бай.— Да, я обещал еще сто рублей за саблю, хотя она никогда не стояла и четверти этой суммы. Саттар обманул меня, но я все равно согласен уплатить, раз обещал. Только не сейчас. Сейчас нет денег.

— Вы обещали сто рублей или

тетрадку моего дедушки,— сказал Талиб.

— А, наследник! — вроде бы обрадовался Усман-бай.— Ты настоящий наследник, молодец! Зачем тебе старая тетрадка твоего дедушки? Я дам тебе десять таких тетрадок, только новых. Зачем?

— Вы обещали сто рублей или тетрадку моего дедушки,— не умея скрыть неприязнь, повторил Талиб.

Дядя Юсуп даже покраснел от того, что племянник разговаривает так невежливо. Он пытался что-то сказать, но Усман-бай теперь смотрел только на Талиба.

— Ты, наследник, такой же упрямый, как твой отец,— сказал Усман-бай другим тоном.— Тетрадку я не мог добыть. Не смог, понимаешь? Спроси у Рахманкула. А теперь и полиции нет. Где же я достану тетрадку? И денег у меня сейчас нет. Ни копейки!

Талиб смотрел на Усман-бая в упор. До этой минуты он не решался посмотреть в глаза самого уважаемого человека их улицы, а сейчас смотрел прямо и смело. Теперь сам Усман-бай отвел глаза и обратился к дяде Юсупу:

— Конечно, я обязательно отдам долг. Не такой я человек, чтобы не отдавать долги. Но рассудите сами, зачем вам эти деньги сейчас? Теперь деньги сильно подешевели, раньше сто рублей — богатство, а нынче на базаре фунт мяса — шестьдесят копеек, картошка — по восемь рублей за пуд... Погодите. Вот установится новая власть, деньги опять подорожают, тогда и отдам.

Юсуп знал, что деньги не могут подорожать, наоборот, с каждым днем дорожали продукты, но так прямо возразить Усман-баю он не решился.

— Тяжелые времена,— только и сказал он.

— Вот видишь, наследник,— вздохнул Усман-бай.— Твой дядя, как и я, торговый человек, он понимает. Ты у него учись.

Талиб посмотрел на своего робкого родственника и обиделся за него.

— Тогда давайте тетрадку,— упрямо сказал он.— Вы же обещали...

Он понимал, что нарушает законы гостеприимства, что не должен так разговаривать со старшим по возрасту человеком, но Талибу вспомнились спор отца с баем и полицейским, вокзал, красный вагон, растерянное отцовское лицо в крохотном окошке под крышей и слезы на его глазах.

Усман-бай смотрел прямо перед собой и осуждающе качал головой.

— Невежливо. Невежливо,— бормотал он про себя, но так, чтобы слышали все.

Тогда Талиб, не в силах сдержаться, вскочил с ковра и неожиданно звонким голосом сказал:

— А помните, что говорил папа, когда вы с Рахманкулом уходили с нашего двора?

— Не помню, дорогой,— с усмешкой отвечал Усман-бай.— Твой отец был умный человек, царствие ему небесное уже, наверно, он очень много тогда говорил...

— Не помните?

— Нет. Не помню и не хочу помнить...

— Насчет ушей! — выпалил мальчик, еле сдерживая слезы.— Насчет ваших ушей и ушей Рахманкула!..

Больше сдерживаться не было сил, и Талиб бросился вон из комнаты. Остановился он только за калиткой. Дядя Юсуп вышел смущенный, на племянника старался не глядеть и сказал скорее жалобно, чем укоризненно:

— Вот, обидели почтенного человека. Конечно, он нехороший человек, но уважаемый, а мы его обидели... Пришлось мне за тебя прощения просить.

— Ну и зря,— сказал Талиб.

Они довольно далеко отошли от байского дома, когда Талиб заметил, что в руках у него та самая виноградинка, которую он взял с дастархана. Он вернулся назад и швырнул ее обратно через высокую глиняную стену, окружающую двор Усман-бая.

Кожа́нный человек

Стрельба прекратилась. Все уже знали, что победили большевики и власть перешла к Советам.

Дядя взял Талиба с собой в лавку. Дул прохладный ветер, поэтому всю дорогу они шли по солнечной стороне улиц, и позднее осеннее солнце ласково грело их.

Лавка дяди Юсупа была крохотной. Два ящика с ламповыми стеклами занимали ровно половину пространства за прилавком. На узеньких полках лежали пакетики с синькой для белья, несколько кусков мыла, нитки, иголки, в углу стояла связка веников — вот и весь товар.

Сначала подошла женщина в парандже с новой волосной сеткой — вычаваном, приценилась к ламповому стеклу, пересчитала деньги и купила синьку. Появился русский рабочий в высоких сапогах и фуражке с лакированным козырьком, увидел ламповые стекла, удивился и сразу купил, не торгуясь.

— Гляди-ка, — сказал он дяде Юсупу, — весь новый город обошел, ни нигде нету, а у тебя, пожалуйста.

Когда рабочий отошел, дядя Юсуп сказал с гордостью:

— Видишь, какой товар! Я знаю, что брат. Теперь бы оконных стекол достать, они хорошо пойдут. Сходи, Талибджан, в новый город, посмотри, много ли стекол выбито. Стрельба ведь была сильная.

Талиб обрадовался. Походить по новому городу, посмотреть, послушать, что люди говорят, очень интересно. С независимым видом он направился в сторону канала Анхор, разделяющего старый и новый Ташкент.

Талибу хотелось прокатиться на трамвае, но он пожалел деньги и пошел пешком. Возле керосиновой лавки внимание Талиба привлек темно-зеленый мотоцикл, очень красивый и совсем новенький, сверкавший на солнце рулем, начищенными до сияния медными трубочками под баком, на котором был изображен горный козел, застывший в яростном прыжке.

Хозяин мотоцикла выглядел весьма необычно: на нем была коричневая кожаная куртка и такие же галифе. Сам он невысокого роста, с рыжеватыми усиками. Как щеточка. Он стоял возле мотоцикла и вытирал руки тряпкой. Потом сунул тряпку под высокое сиденье с пружинами, надел перчатки и нажал ногой на рычаг.

Мотоцикл затрещал. Человек сел на него верхом, тронул длинный рычаг с костяной шишечкой, мотоцикл дернулся вперед и, выйдя на улице, направился вверх, к Анхору, к новому городу. Талиб побежал следом.

Мотоциклист ехал небыстро, Талиб бежал изо всех сил и не отставал. Только за мостом мотоцикл заметно отдалился от Талиба и, проехав немного прямо, свернул направо. Талиб огорчился, но когда добежал до поворота, сразу же увидел зеленый мотоцикл. Он стоял у тополя, возле арыка. Кожаного человека поблизости не было, вероятно, он вошел в дом, видневшийся за деревянным забором. Талиб подошел к забору и прильнул к щели, но ничего не увидел, кроме голого осеннего сада, красных опавших листьев на дорожках и желтеющей травы. Он вернулся к мотоциклу и, подобрав полы халата, сел перед ним на корточки. На баке рядом с прыгающим козлом висала какая-то надпись. Буквы были похожи на русские, но не все.

Пахло бензином. Талиб сидел и нюхал. Запах ему нравился.

Через некоторое время из калитки вышел кожаный человек и, внимательно оглядев мальчика в тубетейке и халате, принялся заводить мотоцикл.

— Каерга кетапсыз? — неожиданно для самого себя спросил Галио по-узбекски.

— Чего?

Талиб повторил свой вопрос по-русски:

— Куда вы едете?

— А тебе зачем?

— Я за вами побегу. Я от керосиновой лавки бежал.

— Понравился? — кивнул человек на свой мотоцикл.

— Очень! — ответил мальчик.

— Понимаешь, — сказал кожаный человек, — я бы тебя взял с собой, посадил на багажник, но сам еще плохо езжу. Боюсь, уроню тебя.

— Я буду крепко держаться.

— Понимаешь, этот мотоцикл мы реквизируем у офицеров. Ездить на нем я не обучался. На автомобиле могу, а тут никак не освоюсь.

— Я буду крепко держаться, — повторил Талиб.

Человек еще немного подумал и сказал:

— Понимаешь, а тебя дома не хватятся?

— Нет.

— Ладно. Садись сюда и держись крепче.

Талиб уселся верхом на багажник.

Сначала они подъехали к большому белому зданию, где помещался Совет рабочих и солдатских депутатов. Там было много народа, шум, суета. Ходили солдаты с винтовками и рабочие. Стояли лошади и два автомобиля.

Хозяин мотоцикла ушел по делам и долго не возвращался. Потом он вышел с какой-то бумажкой в руках, перечитал ее и сунул в наружный карман куртки. Что-то изменилось в его облике. Талиб не сразу даже понял. Потом увидел большую деревянную кобуру.

— Понимаешь, — сказал он Талибу, — порученьице дали. Поедешь со мной?.. Конечно, какой может быть разговор! Солдаты туда пошли уже, но мы их догоним.

Ехать пришлось довольно далеко. Они подъехали к большому дому раньше, чем подошли солдаты, и уселись на скамейку у арыка на другой стороне улицы.

Мотоциклист с удивлением, будто в первый раз, оглядел свои ботинки, штаны, куртку, положил на колени деревянную кобуру, пощелкал по ней пальцем и сказал:

— Понимаешь, какое удивительное дело. Год назад в это самое время я ходил в кандалах и полосатой дерюге, гонял тачку на прииске, и каждый надзиратель мог дать мне в морду. Не в лицо, а в морду, ведь у каторжников лица нет. Понимаешь? И вот сижу я теперь с тобой на лавочке в кожаной куртке, и в кармане у меня ордер на арест и обыск отставного генерала Бекасова. Мне дано решать: ходить этому генералу по земле или сидеть ему в кутузке.

Талиб слушал и кивал в ответ, понимая, что человек говорит что-то очень важное, говорит не ему, а себе. Не будь здесь Талиба, он все равно говорил бы это своему мотоциклу.

— Понимаешь, жизнь, оказывается, очень длинная. Я когда в революционеры вступал и не думал, честно говоря, что доживу до этих дней. Просто не верилось. Вот и этот генерал. Командовал он, наверно, сначала взводом или ротой, потом, допустим, полком, дивизией... или в штабе служил. Били его японцы, ругали старшие начальники, сам государь император его в отставку выгнал за глупость, допустим... Жил себе генерал и не думал, что царя прогонят, что Керенский убежит, а будет судьбу его решать бывший каторжник Федор Пшеницын!.. Между прочим, это трудное дело, решать чью-то судьбу. Вот Корови-

ченко мы сразу замели, без сомнений. Этот гад ради Керенского весь Ташкент готов был в крови потопить... С Бекасовым, черт бы его побрал, труднее.— Мотоциклист растегнул куртку, порылся в кармане кожаных брюк, вытащил трубку и сунул ее в рот.— Курить, понимаешь, бросил, сосу теперь пустую, как грудной младенец. Чахотка у меня.

— У моего дяди Юсупа тоже чахотка,— сказал Талиб.

— Плохое дело. Я в тюрьме две вещи приобрел: образование и чахотку. Вернее, образование в тюрьме, а чахотку на каторге. Мне очень повезло. Был я литейщиком на заводе в Москве, грамоту знал, книжки иногда почитывал, а в тюрьме меня жизнь свела с образованнейшими людьми. Три года я с ними пробыл, они занимались со мной по очереди, подготовили за гимназию. И алгебру, и геометрию, и русский язык с литературой. Говорили, выйдешь на поселение, сможешь сельским учителем быть. Мне это очень по душе,— быть сельским учителем. Понимаешь, глухая такая деревня в лесу, молоко, ягоды, картошка своя, речка недалеко. Вода синяя, а по берегу, по зеленой траве ходят белые гуси. Это мне на каторге так мечталось. А вот вышло все иначе, партийный долг иного требует. Да и не смог бы я в деревне, я городской человек, толпу люблю, сутолоку... Твой отец кто? — спросил он у Талиба, пряча трубку обратно в карман брюк.

— Кузнец,— ответил Талиб.

— Самая пролетарская профессия. Ты ему помогаешь в кузне?

— Он в России, его на работы взяли.

— Теперь вернется скоро, небось, написал уже.

— Он ничего не пишет, ни одного письма.

— Понятно,— сказал мотоциклист.— Ты меня зови дядя Федя, Пшеницын... А мать чего делает?

— Умерла она...— сказал Талиб.

— Понятно.— Пшеницын вытащил трубку и сунул ее в рот. Больше он ничего не говорил до тех пор, пока не подошли солдаты.

— Понимаете, хлопцы,— сказал Пшеницын солдатам,— мы должны вежливо войти, предъявить ордер и на законном основании произвести обыск. Чтобы все было аккуратно. Пошли. И ты иди с нами, посмотришь, как генералы живут.

Они подошли к парадному, и Пшеницын с силой крутанул вертушку звонка, на котором было написано: «Прошу повернуть». Дверь приоткрылась, и в щелку выглянула пожилая женщина в фартуке и косынке.

— Ох, господи,— испугалась женщина.— Вы к кому?

— Обыск!

Дверь тут же захлопнулась, и пришлось опять с силой крутануть звонок. В доме послышались голоса, и хриплый бас прогудел:

— Минуточку, господа.

Вскоре дверь распахнулась настежь. Маленький лысый старичок, с венчиком серебристого пуха вокруг лысины, с большими и пышными седыми усами, стоял в передней. На нем была домашняя куртка со шнурами на груди, генеральские брюки с красными широкими лампасами и мягкие войлочные шлепанцы.

— Прошу вас, господа большевики. Я долго ждал вас.

Федор Пшеницын пропустил солдат вперед, а сам прошел вместе с Талибом.

— Вот ордер,— сказал он генералу.

— Даже ордер? — иронически удивился генерал.— Зачем такие формальности? Я готов ко всему.

За спиной генерала стояли две женщины: одна пожилая в фартуке, та, что в первый раз отпирала дверь, другая — очень молодая, красивая, в черном платье с белым воротничком и белыми манжетами.

— Кто это?
— Моя невестка Вера Павловна,— ответил генерал.— Учительница. И кухарка Лизавета.
— Хоть бы ноги вытерли,— сказала кухарка.
— Тише, Лиза, не надо,— прошептала генеральская невестка.
Солдаты ухмыльнулись и посмотрели на свои пыльные сапоги. Пшеницын тоже.

— Правильно,— сказал он.— Ведь ей убираться.
Все вытерли ноги о коврик, а Талиб снял кауши.
— Этот мальчик, очевидно, представитель туземного населения?— с той же иронической миной спросил генерал.— Представитель народа?
— Разговорчив ты больно, ваше высокопревосходительство,— ответил ему один из солдат.— Будет тебе ехидничать, отъехидничал свое.

Обыск начали со столовой. Заглянули под стол, растворили дверцы большого буфета, набитого таким количеством посуды, какого Талиб ни в одном магазине не видел; отодвинули от стены диван, заглянули в высокие часы с золотым циферблатом и двумя тяжелыми гириями.

— Едва Пшеницын отвернулся от часов, как в них раздалось шипение, затем музыка, и они пробили шесть раз. Стрелки показывали два часа дня.

— Это почему они шесть раз бьют?— спросил у генерала молодой солдат, стоящий у входа в столовую.

— Испорчены, сбился бой,— ответил генерал.

— Починить надо,— строго заметил солдат.

— Вы часовщик?— спросил генерал.

— Нет. Непорядок это. Два часа всего, а они шесть бьют.

Потом все прошли в гостиную. Там стояли рояль, столики, покрытые зеленым сукном, много мягкой мебели и виолончель.

— Кто играет?

— Сын,— коротко ответил генерал.

— Тут нечего искать,— сказал Пшеницын.— Покажите кабинет. Да не ходите вы за нами,— сказал он женщинам.— Мы лишнего не возьмем.

Невестка покраснела и отвернулась. Обе женщины остались в гостиной.

В кабинете было полутемно, тяжелые шторы закрывали окно, пропуская лишь тонкую полоску света.

Пшеницын потянул за веревку, оканчивающуюся пушистой кисточкой, и штора раздвинулась. Все стены были заставлены книжными шкафами. Он внимательно оглядел корешки книг.

— Артиллерист?— спросил Пшеницын.

— Фортификатор,— с достоинством ответил генерал.— Инженер.

Пшеницын кивнул и продолжал осмотр кабинета. Солдаты ходили за ним и не знали, что им делать. Пожилой заглядывал туда, куда уже смотрел Пшеницын, а молодой ходил просто так. Наконец Пшеницын сел за большой письменный стол и стал выдвигать ящики. В одном из них лежали письма, аккуратно связанные пачками. Пшеницын спросил, от кого письма.

— От сыновей,— ответил генерал.

— Это они?— указал Пшеницын на портреты двух молодых людей в офицерской форме.

— Петр и Леонид,— старик старался отвечать исчерпывающе.

— Где служат?— опять спросил Пшеницын. Ему подумалось, что старый саперный генерал не представляет серьезной опасности для Советской власти. Вот эти молодые brave офицеры — совсем другое дело.

— Погибли в Пинских болотах. Оба...— сказал генерал и закашлялся.

Пожилой и молодой солдаты с уважением поглядели на старика. Они знали, что много русских солдат и офицеров погибло в знаменитых Пинских болотах.

— Оружие есть? — сухо спросил Пшеницын.

Талибу показалось, что кожаный человек чересчур строго разговаривает со стариком, у которого оба сына погибли.

— Есть, — спокойно ответил генерал. — В диванной.

В другой, небольшой комнате не было ничего, кроме двух диванов и двух огромных стенных ковров. На коврах висело всевозможное оружие: старинные ружья с очень длинными стволами и узкими прикладами, старинные пистолеты, сабли в кожаных и металлических ножнах, кинжалы, тесаки, кортики и даже алебарда.

— Ого! — сказал пожилой солдат. — Целый взвод можно вооружить.

— Оружие придется изъять, — сказал Пшеницын.

— Очень жаль, — сказал генерал. — Но я ко всему готов. Прошу только учесть, что это коллекция старинного оружия, которую я собирал всю жизнь. Это не должно пропасть. Да, я совсем забыл: в кабинете в нижнем ящике лежат два современных пистолета. Я сейчас принесу.

Старик очень проворно вышел и вернулся с наганом и браунингом. Без всякого сожаления он протянул их Пшеницыну. Тот передал их солдатам.

— Я бы хотел, чтобы на коллекцию была составлена опись, — довольно настойчиво заявил генерал. — Это мое право.

Пшеницын посмотрел на солдат и сказал, что это займет много времени, а им надо спешить.

— И все-таки, — сказал генерал. — Я позволил бы себе настаивать, вы, господа большевики.

Пшеницын достал из кармана лист бумаги и карандаш.

— Первое, — начал диктовать генерал. — Пицаль стрелецкая, времен Александра Михайловича, с кленовым ложем. Второе. Кремне-вое ружье дальнего боя, работа уральских мастеров из Златоуста...

Пшеницын писал мелко и быстро. Генерал диктовал размеренно и коротко.

— Пятое. Пара дуэльных пистолетов французской работы неизвестного мастера. Примерно из таких пистолетов стрелялись во времена Пушкина... Это можно не писать. Особо прошу отметить клинок дамасский.

Старик снял со стены кривую саблю в дорогих, осыпанных самоцветными камнями ножнах, и выдвинул клинок. Черная сталь и золотые волнистые полосы заиграли на свету.

— Это мой отец делал, — тихо сказал Пшеницыну Талиб. — Мой отец...

— Что? — переспросил генерал. — Нет, дорогой, это старинный клинок настоящей дамасской стали. Здесь есть клеймо мастера и на нем слово «Дамаск». Если б твой отец, мальчик, мог делать такие вещи, он стал бы самым богатым человеком в Ташкенте. Полюбуйтесь.

Пшеницын взял клинок в руки и сказал Талибу:

— Как металлист говорю тебе: ценная штука. Тысяча рублей ей цена.

— Простите, я заплатил две тысячи триста, — заметил генерал. — И не переплатил. Но пойдем далее. Какой там номер?

— Шестой, — ответил Пшеницын.

— Шестое,— продолжал генерал.— Алебарда парадная. Франция, шестнадцатый век. Седьмое...

Оружие снимали со стен и клали на пол. Когда дошли до двадцать восьмого, последнего номера, пожилой солдат сказал:

— Тут же десять пудов будет, как их тащить?

Действительно, оружия набралось очень много. Пшеницын посмотрел на оружие, на солдат, на старого генерала и сказал:

— Есть два предложения. Первое, унести с собой оружие, оставив в доме опись. И второе, унести с собой опись и письменное поручительство генерала Бекасова, что он обязуется хранить эту коллекцию как народное достояние...

— Простите,— генерал с улыбкой развел руками.— С каких пор моя личная коллекция стала народным достоянием?

— С этого самого момента, ваше высокопревосходительство, или как вас там величали! — рассердился Пшеницын. Он хотел, как лучше, а тут... — Неужели не ясно?

Улыбка сошла с генеральского лица. Он потер лысину двумя пальцами, и лицо его стало сердитым и надменным.

— Может быть, вы объясните несознательному генералу, что значит народное достояние и что значит народ?

— Народ это он, он, я и вот он,— сказал сурово Федор Пшеницын, последовательно указывая на солдат, на себя и на смущенного Талиба.— Но не вы!

— Благодарю вас,— заволновался генерал.— Значит, это будет принадлежать тебе, мальчик... Ты народ?

Талиб молчал.

— Значит, это все теперь твое? — не отставал генерал.

Талиб с деланным равнодушием поглядел в окно.

— Вот видите, господин большевик, народ безмолвствует,— подпрыгивая на месте, сказал генерал Пшеницыну.

— Не надо, папа,— раздался из-за спины генерала голос невестки.— Ты не прав. Пусть они забирают, что положено. Революция.

Пшеницын опять посмотрел на груду оружия, на солдат, на генеральскую невестку, стоявшую в дверях.

— Видите ли,— сказал он невестке,— тут есть два предложения.— И он повторил то, что казалось ему вполне справедливым и разумным.— Я согласен оставить оружие на время под вашу ответственность.

Никто не вмешивался в этот разговор. Солдаты, видимо, думали о том, как им тащить через весь город такую тяжесть, Талиб смотрел в окно, а генерал стоял с независимым видом, заложив руки за спину. На висках его вздулись жилы.

— Папа очень разволновался,— сказала невестка.— Вы простите, ему семьдесят восемь лет. Он всю жизнь собирал эту коллекцию и не думает ею спекулировать. Ему просто обидно... Я согласна взять коллекцию под свою ответственность. Все будет цело.

Она подошла к генералу и погладила его, как маленького. Лицо генерала сморщилось и от этого стало добрее. Невестка подвела его к окну, где стоял Талиб, и сказала:

— Посмотри, как красиво. Червонное золото. В России, небось, снег выпал, слякоть, холод. Симпатичный мальчик,— указала она на Талиба.

— Да-да-да,— сказал старик.— Народ, народ. Народ безмолвствует. Без-молв-ству-ет!

Действительно, все молчали, потому что старик и невестка вызывали у каждого какое-то смутное чувство жалости.

Когда документы были подписаны, Пшеницын сунул их в карман

и все гуськом направились к выходу. В передней генерал взял за рукав молоденького солдата и шепнул:

— Если бы не революция, приказал бы я тебе у себя отобедать, а ты бы: «Слушаюсь!» — и все. Вот так. Меняются времена.

Солдат не ответил и вышел на крыльцо, громыхнув винтовкой.

— Видишь, Вера, — слышалось из-за двери, когда она закрылась, — народ безмолвствует. Без-молв-ствует!

— Ехидный старикашка! — сказал пожилой солдат.

— А барышня хорошая, добрая, — добавил молодой.

— Вот что, ребята, — сказал Федор Пшеницын, — вы свободны. Пишете сдаться не забудьте. А мы с парнем поедем поест. Жрать хочется — сил нет.

— Поехали к нам в казарму, тут рядом, — предложили солдаты.

Пшеницын отказался. Солдаты простились и пошли по усыпанному осенними листьями кирпичному тротуару.

— Дядя Федор, а что он говорил про народ: «Народ безмолвствует»? —

— Это он так. У Пушкина есть такие слова. Но они сюда не относятся. Это он от старости, спутал все. Пушкин — знаменитый русский поэт.

Федор завел мотоцикл и, перед тем, как сесть, спросил:

— Как тебя звать, парень? Пора уж и познакомиться.

— Талиб...

— Толя по-русски, значит. Поехали, Толя, обедать.

* * *

Обедали они в том самом доме за дощатым забором, возле которого Талиб догнал мотоцикл Пшеницына.

Очень высокая, худая и некрасивая женщина лет сорока молча накрыла на стол, поставила корзину, в которой были хлеб, соль и горчица, каждому положила по блестящему и, как выяснилось впоследствии, очень тупому ножу, по вилке и по ложке.

Сначала они съели суп-лапшу. Суп был прозрачный, блестки жира светились на солнце, но самой лапши было мало, на доньшке тарелки. Талиб, не торопясь, стараясь не обогнать дядю Федю, съел все, что ему дали, и собрался уже встать из-за стола, как вдруг женщина, сидевшая по другую сторону стола, порывисто вскочила, убежала и вернулась с двумя плоскими тарелками, на которых лежали куски жареного мяса с румяной картошкой. Вот тут-то и выяснилось, что ножи были очень тупые. Дядя Федя никак не мог разрезать кусок, и тогда Талиб вытащил из-под халата свой узбекский ножик, подаренный отцом.

— Пожалуйста, — протянул Талиб свой нож. — Мой острее. А ваши я наточу на кирпиче.

Федор ничуть не удивился, разрезал мясо и вернул нож Талибу.

— Отличный нож. Отец делал?

— Да, — сказал Талиб. — Возьмите его себе.

Федор отказался. Он брал маленький кусок мяса вилкой, намазывал его толстым слоем горчицы, густо посыпал солью и отправлял в рот. Талиб поступил так же, но женщина сказала:

— Мальчик, не надо во всем подражать дяде. Есть столько горчицы — дурная привычка.

Талиб охотно послушался, ибо горчица только портила, по его мнению, вкусное жареное мясо. Потом им дали компот из свежих яблок.

Хозяйка дома так же молчаливо, как она делала все, убирала со стола. Федор пересел на диван, усадив Талиба рядом, вынул трубку и стал ее сосать.

— Отдохнем немного, а потом я тебя домой отвезу.

Талибу надо было спешить, потому что солнце уже спряталось за деревья сада. В ноябре темнеет рано, дядя, наверно, вернулся уже из лавки и ждет. Однако, узнав, что его отвезут домой на мотоцикле, Талиб готов был ждать еще сколько угодно. Шутка ли сказать, вернуться в свой квартал на мотоцикле с человеком, с головы до ног одетым в сверкающую кожу!

— Понимаешь,— начал послеобеденный разговор Федор,— вот эта женщина, Олимпиада Васильевна, очень хороший человек — ее родной брат со мной на прииске работал, завалило его породой, — но она не понимает, что он погиб не зря. Ему дали шесть лет каторги за подпольную типографию. Напечатал он всего тысячу или чуть больше листовок. И погиб. Она говорит, что зря погиб. Не понимает, что эту тысячу листовок прочли, может, пять тысяч человек. Эти пять тысяч узнали правду о царизме и стали, может, революционерами. Понимаешь, все в жизни в конце концов делится на две части: на революцию и контрреволюцию. Рабочие, крестьяне, солдаты, часть ученых людей — эти за революцию. А купцы, баи, по-вашему, торгаши разные, фабриканты, полицейские, генералы... Понимаешь?

Талиб кивнул. Это было понятно. Конечно, и Усман-бай, и полицейский Рахманкул и другие богачи были врагами простых людей. Недаром же их не любили.

Затем Федор повез гостя домой. Талиб не нарушил дядин наказ, — весь день смотрел он по сторонам и видел, что многие стекла в домах были выбиты, а в центре города и возле крепости таких домов было особенно много.

Пшеницын быстро доставил своего пассажира на улицу Оружейников, на углу, возле чайханы, он затормозил, пригласил Талиба заходить и, лихо развернувшись на глазах удивленного чайханщика, укатил обратно.

Степенно, как ни в чем не бывало, Талиб поклонился чайханщику и выглянувшему из дверей Тахиру, пожелал им здоровья и направился домой. Жаль, что мальчишки не видели его в тот момент!

Вечерело быстро. Дядя Юсуп еще не приходил. Талиб решил заклеить бумагой окно. Ночи стали холоднее. Потом он вытащил из чулана сандал — железное корыто для углей, низенький столик, который ставился над этим корытом, старые одеяла, которыми укрывали столик. Раньше по вечерам они сидели у сандала, сунув ноги под столик, — отец, мать и Талиб. А теперь... Талиб поставил сандал посреди комнаты, потом растелил одеяла, зажег свечу и взял книгу стихов Навои, подаренную дедушкой Рахимом.

Талибу особенно нравилось то место в поэме «Фархад и Ширин», где рассказывается, как молодой и отважный царевич Фархад победил дракона и обрел чудесный меч, подобный легендарному клинку халифа Али.

И разницы не видел небосвод
Меж молнией, что в гору попадет,

И между тем, как этот человек
Своим мечом чудовище рассек.

Фархад к пещере змея подошел
И надпись над пещерою прочел:

Прославлен будь бесстрашный витязь! Ты,
Чудовище убив, достиг мечты.

В пещере змея обнаружишь клад —
Тебе наградой будет он, Фархад!

Войдя в пещеру, знай: она кругла —
Ни углубленья в ней и ни угла.

Измерь ее шагами всю кругом
И средоточье вычисли потом...

Царевич все исполнил, что прочел,—
В сокровищницу змея он вошел.

А в глубине хранилища был вход
В чертог, высокий, как небесный свод.

Там в каждой башне восседал паук,
Сатурн пришел бы от него в испуг.

Как Зульфикар блестя, лежал тут меч,
Он был волнист, двулез, двужал, тот меч.

И выпуклый, с ним рядом, щит сверкал,—
Затмил бы он сверканье всех зеркал.

И надпись на щите гласила: «Тот,
Кто этот щит и меч здесь обретет,

Тот сто коварных дивов победит,
Изрубит их и в прах их обратит...

Читал он недолго, потому что пришел дядя Юсуп. У него было хорошее настроение и много планов. Торговля шла бойко. Он решил, что завтра с утра пойдет за ручной тележкой, купит стекла и будет сам в новом городе их вставлять. И сможет неплохо заработать. Вставлять стекла он умел, а алмаз ему обещали одолжить.

Глава четвертая

«А я могу помочь!..»

Дядя купил еще два ящика
ламповых стекол и два ящика
оконного стекла.

— Вот не думал, что на стекле разбогатею!..— весело говорил он Талибу.— Никак не думал. Скоро мы богаче Усман-бая будем.

Пора было пользоваться сандалом. Талиб должен был наломать саксаула. Кроме того, прохутился кумган—высокий медный кувшин,—и его надо отнести к паяльщику посуды.

Талиб начал с кумгана. Он пошел в соседний квартал, где жил паяльщик, и возле его дома вдруг увидел поденщика Тахира в необычном наряде. На нем была суконная русская курточка с блестящими пуговицами, на голове красо-

валась фуражка, а на боку висела сумка почтальона.

— Привет, Талибджан,— весело, еще издали помахал рукой Тахир-поденщик.— Уж не тебе ли я обязан своей новой работой, а? Вдруг два

дня назад меня вызвал на почту сам начальник и сказал: «Нам нужен почтальон с узбекской улицы, потому что Рахманкула мы уволили». Этот Рахманкул, видно, сильно навредил революции. Три дня назад его уволили, вчера днем к нему приезжал кожаный человек, но не тот, который привез тебя, а другой, у него только тужурка кожаная, и ездит он на бричке. Он велел Рахманкулу сегодня утром явиться в Совет депутатов. Рахманкул сильно испугался, рано утром оседлал лошадь и уехал из города. Никто не знает, куда уехал. Даже жена не знает.

Тахир быстро выпалил все это, похлопал себя по сумке и спросил: — Это ты рассказал кожаному человеку про Рахманкула? Не отпирайся, конечно, ты. А про меня тоже ты ему рассказал? Спасибо, дорогой Талибджан. За меня спасибо и за Рахманкула тоже.

— Я про вас ничего не рассказывал, — честно признался Талиб.

— Ладно уж... — сказал Тахир. — Прости, что хочешь — все выполню! Если от отца письмо придет, бегом принесу. — Он побежал дальше, хлопая рукой по кожаной сумке.

Сколько Талиб помнил себя, столько он помнил и страх перед полицейским. Детей пугали Рахманкулом, взрослые мужчины замолкали при его приближении, женщины, встретясь с ним, убавляли шаг, старики, сидевшие возле дома или у арыка, вставали, когда он подходил. Так было при царе Николае, но и при Керенском страх перед Рахманкулом еще жил в людях.

Обо всем этом думал Талиб, возвращаясь домой с запаянным кумганом в руках. Талиб вошел в комнату и увидел дядю Юсупа лежащим на полу.

— Что с вами? — забеспокоился он.

Дядя не ответил, встал на колени лицом к востоку и начал отбивать поклоны. Делал он это размеренно и долго, пока не зашелся тяжелым чахоточным кашлем. Талиб стоял в страхе и недоумении.

— Мы нищие, — жалобно сказал дядя Юсуп. — Мы беднее нищих. Ночью злодеи взломали лавку, эти гнусные воры... — тут дядя Юсуп заплакал и повалился на ковер лицом вниз. Потом он опять стал молиться. Наконец, немного успокоившись, рассказал все по порядку.

Ночью в лавку залезли воры и украли все, что там было: синьку, мыло, иголки, нитки и ящик ламповых стекол. Воры не могли взломать замок или слишком торопились — оторвали его вместе с доской двери.

— Мы нищие, мы беднее нищих, — причитал дядя. — Я все брал в долг, я накупил товара, мне нечем расплатиться. Мы совсем нищие. Это я виноват. Я забыл аллаха от радости. Я пропускал молитвы, когда ходил вставлять стекла, я торопился заработать, и аллах покарал меня. Нет кары справедливее кары небесной, но почему так жестоко ты наказал меня, о, всемогущий?

— Нужно найти воров, — сказал Талиб.

— Где их найдешь? — раздраженно выкрикнул дядя Юсуп.

— Я пойду к большому русскому начальнику, который привез меня на мотоцикле... — сказал Талиб, — он обыщет весь Ташкент! Он даже у генерала делал обыск... — Помолчав, спросил: — А оконные стекла целы? Неужели их тоже унесли?

— Нет. Они разбили все стекла вдребезги. До одного! Они били по стеклам молотком. Сначала они разбили один ящик, потом другой...

О таком ограблении Талиб никогда не слышал. Зачем же ломать то, что не можешь унести! И словно отвечая на эти мысли, дядя опять заговорил о каре небесной, о том, что он мало молился в последние дни, что забыл аллаха.

Талиб быстро собрался, надел камзол, чтобы выглядеть приличнее, и зашагал к новому городу. Он ушел из дому, и ему сразу стало легче, потому что нет ничего тягостнее, чем видеть бессилие взрослого, слезы

и жалобы того, кто для тебя надежда и опора. Все звали дядю неудачником, но Талиб знал, что дядя страдает только от одного — от слабости и доброты. Он мог отказаться от еды, чтобы покормить голодного, он мог бросить все свои дела, чтобы пойти на помощь к другому человеку. «Мне ничего не надо. Я чахоточный, я скоро помру, нужно успеть сделать много добра тем, кому еще жить». Но люди почему-то мало ценили его за это. Во всяком случае, ценили явно недостаточно.

Талиб шел и думал о том, какой странный сегодня день. Радость известия о бегстве Рахманкула не успела еще утвердиться в нем, как вдруг такое горе! А что, если все это сделал Рахманкул, если Рахманкул, как и Тахир, считает Талиба виновником перемены в своей судьбе? Федор Пшеницын привез его домой на мотоцикле, это видели все, и Рахманкул мог заподозрить и отомстить...

Так постепенно Талиб приходил к мысли, что виновником несчастья, обрушившегося на дядю Юсупа, был он сам. От этого на душе у Талиба стало очень тоскливо. В таком настроении он и подошел к дощатому забору.

— Тебе кого? — спросила уже знакомая женщина.

— Дядя Федор дома?

— А, это ты! Я не узнала. Его нет. Заходи, заходи, — женщина приглашала настойчиво, и Талиб вошел в дом. Он забыл, как зовут эту женщину — имя было длинное и сложное — и поэтому стеснялся больше, чем обычно. — Сейчас я тебя покормлю. Федор велел кормить тебя. Садись, вовремя пришел.

— А где он? — спросил Талиб.

— Он уехал в Чимкент дней на десять, — сказала женщина, накрывая на стол.

Талиб подумал: какой смысл рассказывать о несчастьях человеку, который так хорошо относится к тебе, а помочь не в силах? Зачем огорчать хорошего человека?

— Кажется, хочешь что-то сказать? — спросила женщина, когда он покончил с компотом.

— Я пришел, чтобы узнать о здоровье дяди Федора и о вашем здоровье, — соврал Талиб и покраснел. Получилось глупо: пришел, поел и только потом спросил о здоровье.

Женщина чуть заметно улыбнулась, погладила его по голове и велела заходить чаще.

Домой Талиб возвращался грустный и подавленный.

Дядя Юсуп сидел у холодного сандала и молчал. Потом он достал маленькие счеты, с бусинками вместо костяшек, и долго-долго что-то прикидывал, охал и вздыхал.

— Мы беднее нищих, — сказал он.

— Дядя Юсуп, — нерешительно возразил Талиб, — ведь нам должен Усман-бай... Сто рублей! Пусть отдает!

Через полчаса они уже стояли в большом дворе Усман-бая, перед клумбой с увядшими цветами. В доме раздавались громкие мужские голоса, хохот и треньканье дутара. Работник Усман-бая сказал им, что сейчас в доме уважаемые гости и Усман-бай не может их принять. Пусть они придут завтра, но не домой, а на базар, в дунганскую чайхану.

На другой день они пришли в любимую байскую чайхану. Чайханщик, сухопарый, желтолицый человек с длинной черной косой, удивился. Здесь бывали только постоянные посетители — богатые люди. Чайхана славилась вкусной, но дорогой едой. Появление здесь Юсупа-неудачника с плохо одетым мальчиком было странным.

— Неизвестно, придет ли почтенный Усман-бай, — сказал дунга-

нин-чайханщик.— Почему бы вам не пойти к нему домой? Каждый знает, где живет Усман-бай...

Дядя Юсуп ничего не ответил чайханщику. Они ждали час и два, и три, и уже собрались уходить, когда, наконец, пришел Усман-бай с друзьями и своими старшими приказчиками. Усман-бай прошел мимо Юсупа, сделав вид, что не заметил его робкого поклона.

Именитым гостям подали лагман,— дунганское блюдо из мяса, теста и множества острых специй,— и они принялись есть. Теперь подойти к ним было и вовсе неудобно. Усман-бай громко что-то говорил, а его друзья поддакивали и угодливо смеялись.

Наконец Усман-бай соизволил заметить Юсупа. Не здороваясь, сразу приступил к делу. Он знал, что Юсупа-неудачника обокрали — такие вести распространяются быстро,— а об остальном хитрому человеку, каким был Усман-бай, догадаться было нетрудно.

— Вот, Юсуп, как бывает в жизни,— сказал Усман-бай.— Еще недавно ты приходил обижать меня в моем доме... Ну, пусть не ты, а твой племянник, которому ты не запретил меня обижать. Теперь ты хочешь, чтобы я помог тебе... Пусть твой племянник молчит, если хочешь сделать тебе добро. Сто рублей я должен не ему, а его отцу. Пусть он молчит. И свидетелей нет. Видишь, как бывает в жизни. Велик аллах!.. Ты грамотный, по-узбекски читаешь, по-арабски читаешь, по-русски читаешь. Ты читаешь, а я считаю. В этом разница, а?

Приказчики захохотали. Талиб еле сдерживался, чтобы не заплакать, таким обидным было это издевательство над его бедным дядей.

— Пропал ты совсем,— продолжал Усман-бай.— Кто тебе поверит? Никто тебе не поверит. Ты всегда был Юсуп-неудачник, теперь ты Юсуп-совсем-неудачник. А?

Баю нравились собственные шуточки, но вдруг он перестал шутить и строго взглянул на своих прихлебателей.

— Ты знаешь, торговые люди не любят неудачников. Женщины — на что глупы — и то не любят неудачников. Так что, в Ташкенте твои дела плохи... А я могу помочь! Я дам тебе товара под эти сто рублей, ты дашь мне расписку, что долг за кузнеца Саттара я тебе отдал... С этим товаром ты поедешь в Бухару, повезешь тетрадки, карандаши, перья, грифельные доски... Там сейчас открываются школы. Вернешь мне деньги с процентами, а я еще товар пришлю. Половину выручки — мне. Соглашайся. У тебя другого выхода нет. Во славу аллаха я это все делаю.

Дядя Юсуп согласился. И через несколько дней, продав лавку, расплатившись с самыми неотложными долгами, дядя Юсуп упаковал полученный в кредит писчебумажный товар и пошел на вокзал за билетами для себя и Талиба.

Глава пятая

Чужой город

Поезд шел медленно, останавливался на каждой станции. Была у этого поезда странная манера: он останавливался не постепенно, а рывками — мешки валились с полок, дыни катились по полу, люди стукались головами о стенки. Точно так же поезд трогался с места.

В Самарканде поезд стоял часа три. Они успели бы посмотреть город и поесть горячего, но боялись оставить вещи без присмотра и потому видели только кирпичное здание вокзала, колокол и часы, которые показывали не то время, какое показывали медные, похожие на

инжир, карманные часы дяди Юсупа. Здесь Талиб узнал: не везде время одинаковое!..

Наконец паровоз загудел и дернул состав. Проплыла мимо водопроводная труба, и Талиб увидел большое здание, к которому подходили железнодорожные пути. Ворота здания были распахнуты, и оттуда появился маленький паровозик. И над паровозиком, и над зданием адели флаги.

— Слава аллаху, поехали, — сказал пассажир, севший на поезд в Самарканде — плотный, крепко сбитый, очень смуглый дяденька с крашеными усами и бородой. — Надоели эти красные флаги. В Самарканде, куда ни пойдешь, везде они.

Новый сосед вытащил из-за пояса небольшую тыковку, высыпал на ладонь немного насвай¹ и ловко отправил его под язык. Потом он протянул тыковку дяде Юсупу.

К удивлению Талиба, дядя взял насвай и положил в рот. В Ташкенте дядя никогда не употреблял этот ядовитый порошок. Видимо, догадался Талиб, дядя хочет ближе познакомиться с новым попутчиком. Между ними завязался разговор. Выяснилось, что это Зарифходжа, коренной бухарский житель, торговец каракулем, возвращается он домой после выгодной сделки в Самарканде. Бухарец долго выспрашивал у дяди Юсупа ташкентские новости, ругал большевиков и вообще всех, кто слушает речи русских, почтительно отозвался о ташкентских купцах и, узнав, что дядя Юсуп знаком с Усман-баем, а Талиб даже приходится ему родственником, стал относиться к ним еще дружественнее.

Зарифходжа поговорил о том, что для настоящих узбеков нет ничего дороже Бухары и его величества бухарского эмира Сеида-Алима-хана.

— Наш мудрый эмир был другом белого царя Николая, потому что почитал Николая великим из великих царей, — говорил Зарифходжа, заговорщицки тараща маленькие, неопределенного цвета глазки. — Оказалось, царь Николай весь из ваты... Кто мог подумать? Даже великие мудрецы ошибались! Теперь наш эмир стал полноправным государем, важнее и главнее Николая. Где Николай? Никто не знает. Где наш эмир? Наш эмир на своем месте. Раньше русский консул совал свой короткий нос в наши дела, теперь где консул.

Русские особенно злили Зарифходжу.

— Вот был я в Самарканде, — продолжал он таращить глазки. — До чего русские довели: все болтают, что хотят. В чайхану зайти неприятно. Власть ругают, Николая ругают, Керенского ругают, даже новую власть и то ругают. Никто ничего не боится. Разве это хорошо? Неужели в Ташкенте так?

— Очень похоже на то, что вы, почтенный, видели в Самарканде, — ответил дядя Юсуп.

— Даже новую власть ругают! — не переставал удивляться торговец. — Разве это власть, если она позволяет себя ругать?! Правда, новую власть в Самарканде ругают самые почтенные, богатые люди, но все равно! У нас в Бухаре ни-

¹ Насвай — особым образом приготовленный табак, который закладывают под язык.

кто и ничего против власти не говорит. Не только наш эмир Сеид-Алимхан, даже любой его приближенный не позволит взглянуть на себя искоса. А наш куш-беги — настоящий визирь. Его все боятся. У него обычай: приходит какой-нибудь жалобщик, куш-беги только так делает, — Зарифходжа встал за кончик носа, — и стража уже знает: надо жалобщика хватать!..

Дядя Юсуп решил перебить говорливого собеседника.

— А правду ли говорят, что новый купеческий староста караван-беги Абдуррауф очень хороший и добрый человек?

— Как можно спрашивать, любезный? Как можно спрашивать? Это золотой человек, наш караван-беги Абдуррауф, он первый защитник законов шариата. Золотой человек. Если ему хорошую взятку дашь, он все сделает! Если, конечно, хорошую... Я так скажу. Есть у нас в Бухаре разные торговцы, есть узбеки, чистые узбеки, их караван-беги очень любит, есть таджики, среди них тоже бывают приличные люди, есть всякие индийцы, евреи, цыгане, иранцы. Этих караван-беги не любит.

Когда торговец начал рассказывать, что, по слухам, в Бухаре опять введут старый способ казни, опять будут сбрасывать преступников с минарета, Талиб не выдержал — слез с полки и пошел в конец вагона.

* * *

До самой Бухары поезд не шел. На станции Каган дядя с племянником сгрузили багаж, впервые после Ташкента поели горячей пищи и наняли арбу.

— Вези нас прямо в дом почтенного Джурабека, — сказал арбаке-шу дядя Юсуп.

— Разрешите и мне с вами, — попросился Зарифходжа. — У меня ящик маленький. Я свое заплачу.

Дядя Юсуп согласился.

— Я услышал, что вы едете к почтенному Джурабеку, — тихо сказал Зарифходжа. — Это еще прибавляет уважения к вам. Неужели вы, как и я, ничтожный, как он, почтенный, тоже торгуете каракулем?

Дядя уклонился от прямого ответа. В свою очередь он спросил: — Скажите, что за товар везете вы из Самарканда? Вы так бережно его несете, так тщательно закрываете ящик мешком, что это невольно вызывает интерес.

Бухарец очень испугался, услышав эти слова дяди Юсупа.

— Вы правы... Я стал таким осторожным, что потерял осторожность, — и наклонившись к самому уху собеседника, сказал, что везет из Самарканда коньяк. Этого никто не должен знать, ибо пьянство запрещено законом, могут быть большие неприятности.

Вечер был холодный, но небо ясное, чистое, и солнце играло на куполах мечетей, на порталах медресе.

Они подъезжали к Бухаре.

— Смотри, Талибджан, какая красота! — сказал дядя.

Талиб и так не мог оторваться от удивительного зрелища. Больше всего его привлекал огромный и величественный Минарет Смерти или, как его еще называют, Минар-и-Калян — Великий минарет.

Чем ближе они подъезжали к минарету, тем выше вздымался он в синее небо. Стройный, постепенно сужающийся кверху, к холодно-голубому изразцовому поясу, он затем расширился, фигурные кирпичные пояски образовывали странные и удивительные узоры, и сама макушка, как голова великана, была украшена красивой шапкой.

И вдруг над городом зазвучал призыв на молитву. Он несся и с минарета Калян, и со многих других минаретов Бухары.

Арбакеш остановил лошадь, сезд и расстелил на обочине дороги маленький молитвенный коврик. Пассажиры последовали за ним. Талиб замешкался. А Зарифходжа сказал с гордостью:

— В Бухаре триста шестьдесят улиц и триста шестьдесят четыре мечети.

Путники встали на колени. В этот час все мусульмане города стояли на молитве.

Двор Джурабека, или, как его еще звали, Джурабека-араба, находился недалеко от арки Сарафон. Собственно говоря, в этом дворе жили два родных брата — Джурабек-араб и Ходжимир-араб. Оба были крупными торговцами каракулевыми шкурками и по преданию происходили от первых арабов-каракулеводов в Бухаре.

Так это или иначе — неважно. Сейчас оба брата уже не пасли отары, а сидели в Бухаре в своих складах и оценивали качество товара, привозимого узбеками, таджиками, казахами и каракалпаками. Дело их быстро росло. Во всей Европе и даже в Америке модницы ценили бухарский каракуль: черный, серебристый, черно-серебристый и особенно каракуль сур — золотой.

Имя Усман-бая открыло дяде Юсупу с племянником двери этого дома. Работники устроили приезжих в комнатухе недалеко от кухни, покормили их и дали одеяла. Хозяева не показывались долго, а потом пришли вместе оба брата. Они были смуглые, стройные, с правильными чертами лица, только Ходжимир был чуть шире в плечах и ниже ростом, чем его младший брат Джурабек, который, несмотря на седую бороду, казался юношей.

Ходжимир почти ничего не говорил, только присматривался, Джурабек же был разговорчивее. В ответ на слова дяди Юсупа о том, что Талиб родственник Усман-бая, он заметил, будто про себя:

— Надеюсь, не очень близкий родственник.

Потом братья ушли. На прощанье Джурабек пожелал спокойной ночи, а Ходжимир добавил:

— Сегодня ночуйте, а завтра ищите себе место в караван-сараяе.

* * *

Утром Талибу нетерпелось выйти на улицу посмотреть на Бухару, но пришлось подождать Зарифходжу, который жил неподалеку от дома Джурабека и обещал помочь с устройством.

... Они шли вдвоем по торговой части города мимо многочисленных лавок, магазинчиков, мимо кирпичного двухэтажного здания банка, где у широких ступеней стоял новенький пароконный фаэтон с откинутым верхом и кожаными сиденьями. Возле дверей прохаживался пузатый полицейский. На нем был мундир с блестящими пуговицами, шашка, пистолет в кобуре, а на голове чалма.

Окно первого этажа рядом с дверью было распахнуто, на подоконнике стоял граммофон с трубой, повернутой на улицу. Из трубы неслась музыка и слова на русском языке.

На-а земле-э весь ро-од людской
Чтит один кумир свяще-эзэнный...

Голос у певца был сильный и красивый. Слова он выговаривал четко.

Толпы людей ходили между лавок и торговых рядов, покупали то леденцы, то тубетейки, то материал: ситец, сатин или шелк. Многие же бродили просто так.

— Пойдемте, я покажу вам Арк,— сказал Зарифходжа.— Арк — это цитадель ислама в Бухаре.

Когда они вышли на площадь, Талиб увидел возле водоема странное и очень красивое здание со стройными деревянными колоннами. Деревья, окружающие водоем, облетели, и сквозь прозрачные голые ветви, как сквозь кисею, по другую сторону площади мальчик увидел цитадель. Высокие стены покато уходили ввысь, завершаясь наверху зловещими зубцами.

— Там дворцы нашего эмира,— пояснил Зарифходжа.

Возле Арка ходили солдаты — узбеки и таджики, одетые в русскую форму. Какие-то люди в дорогих парчовых халатах и шелковых чалмах подъехали на тонконогих вороных лошадях к башне с воротами, ведущими в цитадель, спешили и, поклонившись страже, прошли в ворота. Башня была белая и широкая, она походила на огромную странную мечеть с двумя минаретами по бокам. Но на минаретах, вместо муэззинов, стояли солдаты с винтовками.

— Под этой башней есть тюрьма для смутьянов,— с гордостью сказал Зарифходжа.— Говорят, она уходит далеко под землю. Если счастье позволит вам пройти через эти ворота, вы сможете увидеть верхний этаж этой тюрьмы. Я видел.

— А кого пускают в Арк?— спросил Талиб.

— Избранных,— многозначительно произнес Зарифходжа.— Я там был. Но довольно глядеть туда. Это опасно. Мало ли что могут о нас подумать! Пойдемте лучше на базар. Арк — сердце Бухары, базар — желудок.

На краю базара к сапожной мастерской прилепилась глиняная коробочка с распахнутой дверью и крохотным оконцем без стекла. В дверях, облокотясь о косяк, стоял длиннотелый медноволосый человек с полотенцем, перекинутым через плечо,— парикмахер. Нос парикмахера нависал над оттопыренной нижней губой, которая придавала его лицу выражение иронического отношения ко всему на свете. Глаза парикмахера жили как бы отдельно от его лица. Морщинки возле глаз были добрые. Талиб с удивлением отметил, что халат парикмахера подпоясан не платком, как у всех, а пеньковой веревкой, какой обычно завязывают мешки.

— Это очень кстати,— сказал Зарифходжа.— Вам, дорогие, надо побрить головы. Настоящий мусульманин должен чаще брить голову. А этот цирюльник берет дешево.

— Хорошо ли он бреет, если дешево берет?— спросил дядя.

— Очень хорошо. Только тем и держится. Он еврей, а не мусульманин: его прогнали бы сразу, чуть что.

— Почему он подпоясан веревкой?— спросил Талиб.

— Чтобы все видели, что он неверный. В Бухаре закон строг. Евреям запрещено подпоясываться платком, ездить верхом на лошади, входить в мечеть и многое еще...

Парикмахер поклонился клиентам и, взмахнув полотенцем, будто обметая табуретку, стоявшую перед тонким потускневшим и облезлым зеркалом без рамы, привычным жестом пригласил дядю Юсупа сесть. Тот подтолкнул племянника, и Талиб уселся на высокий деревянный табурет о трех ножках.

Потом сел дядя, а Талиб, опустившись на корточки возле двери парикмахерской, грелся на солнышке и глядел на пеструю базарную толпу.

Вдруг на небольшую площадку выбежал человек в халате, состоящем из самых немислимых лоскутков, в остроконечной шапке, отороченной черным, вроде бы собачьим мехом, с посохом в руке и пятью маленькими выдолбленными тыковками у пояса. «Дервиш» — понял

Талиб. Таких дервишей он видел в Ташкенте. Полумонахи, полубродяги, они ходили по городам и селениям, проповедовали, нищенствовали. Некоторые из них считались «дивана», то есть сумасшедшими. Впрочем, Талиб знал, что многие просто притворялись.

Дервиш подпрыгнул на месте и закричал тонким, почти женским голосом. Слова разобрать было невозможно, только изредка в их потоке угадывались имена пророка Мухаммеда и святых халифов. Худоба дервиша бросалась в глаза, лицо его было слегка перекошено, и один глаз казался меньше другого.

На крик собрался народ. Зарифходжа тоже пошел посмотреть и послушать дервиша. Талиб встал на глиняное возвышение возле парикмахерской, чтобы лучше видеть. Дервиш кричал и прыгал на месте. Потом, когда зрителей стало больше, он бросил свой посох на землю, приложил ладони к щекам и, кружась, стал призывать всех правоверных мусульман послушать его.

— Рабы божьи, рабы божьи!— кричал дервиш.— Все, кто хочет попасть в рай, все, кто хочет милости всевышнего, идите сюда!

Когда народу собралось много, дервиш обратился к присутствующим:

— Пусть все правоверные, кто хочет в рай, возденут руки к небу. Не опускайте руки, не опускайте!— предупредил дервиш и стал обходить толпу по кругу. Он подходил к тем, кто был одет побогаче, и говорил, заглядывая в лицо:— Ты богатый человек, опусти руки и дай мне то, чего тебе не жалко. Ты — богатый!

Люди давали деньги. Это были серебряные монеты бухарской чеканки и русские монеты. Собрав деньги, дервиш объявил, что все, кто пожертвовал на молитвы угодного богу дервиша, могут идти по своим делам.

— Эти люди спасутся, они будут в раю!— закричал дервиш, стоя в центре круга.— Но справедливо ли, что одни спасутся, а другие нет?.. Кто на земле богаче, тот и на том свете будет жить лучше?.. Разве это справедливо?!

Талиб подумал, что дервиш прав. Очевидно, так же подумали и собравшиеся вокруг него люди. А дервиш тут же сказал:

— Пусть все бедные, кто хочет попасть в рай, тоже дадут свои деньги. Пусть будет справедливо!— и стал протягивать каждому одну из своих тыквочек. На этот раз деньги сыпались помельче. Но сыпались.

Талиб очень удивился такому быстрому и простому торжеству справедливости. А в это время дядя Юсуп, окончив бритье, расплатился с парикмахером и встал рядом с Талибом.

Дервиш вытащил из-за пазухи кипу сложенных треугольником бумажек — талисманов, туморов, на которых были написаны чудотворные молитвы.

— О, правоверные!— воскликнул дервиш.— На этих святых бумагах написаны самые сильные молитвы, но пусть все мошенники, все воры, все, кто родился не от своего отца, кто опозорил свой род — пусть они отвернутся.

— Эге, какой умный,— послышался тихий голос парикмахера, который стоял в своей обычной позе, облокотясь на косяк.— Кто же знает, что он вор, мошенник и опозорил свой род?

«И правда,— подумал Талиб,— кто же сознается при людях, что он мошенник?..»

А дервиш зорко поглядел вокруг, будто услышав слова парикмахера, крикнул опять:

— Пусть все неверные, все цыгане, индийцы, евреи не смотрят на святые эти молитвы!

Парикмахер сразу же отошел от двери. Юсуп вздохнул и сказал Талибу:

— Надо обязательно купить талисман. В чужом городе среди чужих людей надо быть, как все. Я и так прогневил аллаха...

Продав свои бумажные треугольнички, дервиш деловито зашагал в сторону мечети с четырьмя минаретами. Толпа стала расходиться.

— Я покажу вам караван-сарай, где можно недорого снять комнатушку, — сказал Зарифходжа. — Потом пойдем в мечеть. Но скажите, чем вы торгуете?

— Мы торгуем бумагой и тетрадками, карандашами и перьями, — сказал дядя Юсуп. Скрывать это теперь не было никакой надобности. Из случайного попутчика Зарифходжа превратился вроде бы в старого знакомого.

— Неплохой товар, — искося взглянув на дядю Юсупа, сказал тот. — Я слышал, в Ташкенте закрываются бумажные фабрики. Теперь бумага вздорожает. Только я вам — не помощник. Я не люблю эти новые школы, которые у вас будут покупать бумагу и карандаши. Я их не люблю.

Дядя Юсуп ничего не ответил, и они пошли молча.

* * *

Караван-сарай, куда их привел Зарифходжа, оказался просторным двором, вокруг которого теснились мазанки — побольше и поменьше, пристроенные одна к другой. Дальний угол был занят конюшнями и навесом, где стояли верблюды.

Хозяин караван-сарая молча выслушал Зарифходжу, взял у дяди Юсупа плату вперед и повел их к одной из мазанок. Он открыл ее большим деревянным ключом и, вручив ключ новым постояльцам, молча удалился. Небольшая комната оказалась чистой, на суфе лежал старенький коврик, на полу — камышовые циновки.

Весь этот день ушел на устройство, на перевозку товара и знакомство с обитателями караван-сарая.

Глава шестая

Новая школа

В Бухаре, где в это время особенно много говорили о России, о революции, просвещении и необходимости учить детей новым методом, торговля дяди Юсупа шла очень хорошо.

Стояли холодные, но ясные дни. По утрам бывали сильные заморозки, однако зима с приходом медлила. Но однажды утром Талиб, собиравшийся пойти за водой, распахнул дверь комнаты и увидел, что двор караван-сарая, крыши мазанок и навес для верблюдов покрыты пушистым голубоватым снегом. Небо было уже чистое, облака к утру рассеялись, но низкое солнце не грело. Постояльцы караван-сарая не ходили, а бегали по двору, стараясь поскорей вернуться в комнаты.

Талиб подбежал к хаузу и увидел, что весь он покрылся матовым льдом. Раньше вода замерзала только по краям хауза, теперь она вовсе скрылась под прочным ледяным панцирем. К счастью, почти одновременно с Талибом к хаузу подошел водонос с бурдюками и с топором.

— Подождите, господин, — сказал он Талибу, вежливо поклонившись. Водоносы в Бухаре были самыми бедными людьми из бедных, и все же Талиб очень удивился, поняв, что это его взрослый человек называет господином.

— Вы пойдите погрейтесь, а я достану воду и принесу вам. Я знаю, где живет ваш почтенный дядя. Я принесу.

Талиб не уходил. Стоять на морозе без дела очень холодно, второго топора, чтобы помогать водоносу не было, и мальчик прыгал на месте, сунув руки в рукава халата.

Водонос не дал Талибу набрать воду, сам наполнил кувшин и протянул мальчику.

— Господин, — сказал водонос, — я знаю, что вы и ваш дядя можете мне помочь. Вы дружите с учителем новой школы, которая возле купола Сарафон. Попросите, чтобы моего сына тоже приняли туда.

— Туда принимают всех, — сказал Талиб. — Учитель Насыр-ака говорил. И не зовите меня «господин», пожалуйста. Какой я господин?

— Для меня каждый образованный — господин. Я приду в школу с сыном, если вы замолвите за меня словечко. Меня зовут Анваром, а сына Ибрагимом. Не забудете?

— Хорошо, — ответил Талиб. — Только это необязательно. Насыр-ака говорил, что принимает всех.

* * *

Утром дядя и племянник обычно разносили товары по домам. В эти холодные дни такой порядок всех устраивал. Покупатели, люди в общем состоятельные, старались не выходить из дома в непогоду, а дядя Юсуп с Талибом имели возможность отогреться в богатых домах, посидеть за сандалом, попить чаю.

Среди покупателей встречались мелкие чиновники и особенно много купцов, понимавших, что по новым временам их дети не смогут успешно вести торговлю без знания счета, географии и языков.

В одном из домов Талиб рассказал своему сверстнику, ученику новой школы, про глобус, который изображает земной шар. На глобусе есть все страны, моря, реки и океаны. Глобус Талиб видел в Ташкенте. Мальчик попросил родителей купить ему эту штуку, дядя Юсуп выписал партию глобусов из Ташкента, и теперь во многих домах Бухары на самом видном месте, рядом с праздничными самоварами и посудой стояли маленькие подобия земного шара.

В то холодное утро дядя с племянником зашли в четыре дома, разнесли покупки и выслушали новости. Слухи были тревожные. Будто эмир запросил: сколько в Бухаре новых школ, чему в них учат и чьи дети ходят в новые школы.

Три комнаты в доме учителя Насыра были отведены под классы. Только в одной стояли столы, там под руководством старшего сына учителя, шестнадцатилетнего Хамида, первоклассники, вернее те, кто занимался первый год, учились писать буквы. Талиб заглянул в эту комнату, и так как писать он умел, а здесь этому только учились, заглянул во вторую. Младший сын учителя Камал диктовал условие задачи ребятам, сидевшим на полу. Ребята писали на грифельных досках, привезенных дядей Юсупом.

— В одном караван-сараяе было десять комнат; за каждую в месяц хозяин брал по пять тенег¹, — диктовал Камал. — Сколько всего тенег в месяц получал хозяин караван-сарая?

Урок в третьей комнате вел сам Насыр-ака. Он говорил что-то интересное. Талиб зашел и присел на цинковку. На улице Талиб ходил в шапке, а в комнате надевал свою старенькую ферганскую тюбетейку с белым узором по черному полю.

Насыр-ака улыбнулся Талибу и кивнул. Он любил смышленного паренька и иногда даже называл сынком. Когда Талиб присутствовал

¹ Теньга — монета Бухарского эмирата.

на уроках, Насыр-ака задавал ему трудные вопросы по арифметике и ставил его в пример другим ребятам.

В других классах уроки кончились, и ребята, подхватив сумки, убежали домой, а Насыр-ака все еще занимался. Он был настойчив и раздражителен, ругал ребят за малейшие ошибки и похвалил только сына писаря, хотя тот отвечал не лучше других. Наконец и он отпустил учеников.

— Уф,— выдохнул Насыр-ака, оставшись наедине с Талибом. Он вытер пот со лба и грустно улыбнулся.— Тяжелое дело быть учителем в Бухаре. Понимаешь?

Талиб кивнул. Они вышли во двор. Солнце растопило снег, во дворе на солнцепеке блестели лужи.

Возле калитки стоял тот водонос, который утром просил Талиба замолвить словечко перед учителем.

— Насыр-ака, это к вам. Он хочет, чтобы вы приняли его сына в свою школу.

Настроение у учителя было мрачное. Он подозревал водоноса, выслушал его просьбу и сказал, что у него в начальном классе и так много ребят, пусть, мол, водонос придет на следующий год, осенью.

— О, учитель,— сказал водонос,— мой отец был неграмотным, я сам не могу поставить свою подпись, неужели и мой сын будет несчастным водоносом? Помогите мне! Я хочу, чтобы мой сын стал муллой, чтобы он сидел в мечети в большой белой чалме и люди слушались его. Я буду носить воду в ваш дом из самого лучшего хауза, я буду носить вам дрова всю зиму, я буду молиться за вас пять раз в день...

— Насыр-ака,— робко вставил Талиб, чувствуя себя связанным утренным обещанием,— я сказал, что вы принимаете всех...

— Ваш сын совсем нигде не учился?— спросил учитель.

— Нет, он учился. Он три года учился в старой школе,— поспешил ответить водонос.— Он знает наизусть все главные молитвы, он немножко умеет читать, но не умеет писать. Научите его писать, учитель.

— Сейчас середина года...— неопределенно ответил Насыр-ака.— Если бы кто-нибудь...

Талиб угадал мысль учителя.

— Я буду ему помогать, он догонит.

Насыр-ака поглядел на Талиба и согласился.

— Хорошо, приводите вашего сына.

Водонос очень обрадовался, поклонился учителю и Талибу и произнес слова, которые часто говорили в таких случаях:

— Берите его, пусть он будет вашим рабом. Кости наши — мясо ваше! Дерите его до костей, учите, но пусть будет грамотным!

— Зачем вы так говорите?— возразил учитель.— У нас новая школа. Мы не бьем учеников.

Продолжение следует.

Светлана ЕВСЕЕВА

ТАШ КЕН ТУ

*Меня увел дорожный указатель,
Километраж сманил: вперед, вперед...
Вдоль Немана шагаю на закате,
А тень моя Анхора воду пьет.*

*И у нее — все юные повадки,
Без примеси теперешних, других.
И даже будто выщерблены пятки,
Как дно тех улиц, старогородских.*

*Тень-доченька! Тебя я породила,
Собой апрельским утром оттеня.
И породив, на пыль не обронила,—
Там, на Урде, оставила тебя.*

*Нет, то не я гляжу на старый город,
Уже постигший,— навсегда замри! —
Землетрясенья нелюдимый норов,
Ночлег и сон сметающий с земли.*

*То тень моя. Легко сошла с трамвая.
Дом не нашла, где я жила-была.
Ташкент не спит. Сбит с ног. Не остывает,
Как тело, из какого жизнь ушла.*

*Хрипят карнаи песни одобрений,—
Они всегда с поднятой головой.
Ташкент, Ташкент!
О, сколько поколений
Взрастил и выкормил оазис твой.*

*Перепела и прежде пели грустно,
А ныне — милые! — еще грустней.
Такая у почтамта перегрузка,
Хоть заводи почтовых голубей.*

*От смуты у Анхора воды мутны.
Там сразу всё — и слезы и саман.*

И непривычно тихо, бесприсутно
На берегах разрушенных чайхан.

Осели пылью древние дувалы.
А у людей на полный рост — страда.
И тень моя среди усталых стала
Вся наливаться крепостью стыда.

Скорей бы под ноги подмять разруху,
Схватиться бы за ветви тополей,
Найти и взять протянутую руку,
Чтобы подняться к людям из теней.

Куда ты, глупая?
Не хватит силы.
Земля — магнит извечный для тебя...
Тень от земли вдруг руки отлепила,
Чтобы поднять кричащее дитя.

Не плачь, не плачь!
Еще свернут палатки,
Домов настроят — не потом, теперь...
И ради этого птенца в панамке
Чернорабочей стала даже тень.

Была ей жажда прежде неизвестна:
Жара, вода.
Со льда б сюда воды!
И кирпичи в руках так полновесны,
Как для нее возвращенные плоды.

Сама смугла, как абрикос дозрелый.
Ведь, голову цветным платком покрыв,
Под солнцем целый день она. И смело
В тени местечка ищет в перерыв.

И чай в ее стаканах всё крепчает.
Она поет. И даже видит сны.
И пишет мне:
Я без тебя скучаю...
Так матерям писали с целины.

Мать, приезжай в обещанные сроки.
Довольно там валяться на траве.
Мать, приезжай! С тобой на солнцепеке
Отбросим тень, да не одну, а две.

Нина ТАТАРИНОВА

Ташкент, 26 апреля

Как мужественны
Горожане
Перед жестокостью беды:
Ни слез,
 ни воплей,
 ни рыданий,
Лишь губы твердые —
Белы.

* * *

Я ненавижу
Разрушение,
И мне
Так тягостно ломать
Живым теплом
Согретые строения,
Как будто
В тело
Острие
Вонзать.

Десятое мая

Еще земля дрожит
Под нами,
И, словно выстрелы,
Толчки,
А мы
Чуть нервными руками
Разыскиваем мастерки.

Врачуя третины
И щели,
Мы строже стали
И добрей.
Нет,
Разрушенья не задели
Ни душ,
Ни разума людей.

* * *

Эти стены
Меня оградили,
И от смерти
Уберегли,
Чтобы я
Не забыла могилы,
Где дома,
Как один,
Полегли.

* * *

Стоят дома
На костылях
И смотрят
Исподлобья строго,
Как глиной
Целый день пыля,
Грохочет ЗИЛами дорога,
Как самосвалам
Тяжело
Под солнцем
Белого накала,
И шепчут людям:
«Ничего,
Народу тяжелей
бывало».

Юрта

Не зная прописки и приюта
На улицу явилась юрта.

Как будто мало места за Ташкентом,
Так нет, расселась в самом эпицентре!..

И горя мало ей! Глядит,
Как лихо самосвал бежит,

Как не щадят себя солдаты,
Дом ремонтируя тридцатый.

Ей в степь бы ринуться. Куда там!
Она готовит плов солдатам.

Глядит, преодолев смущенье,
На бойкой улицы движенье.

Троллейбус, покачав боками,
Мигнул ей озорно глазами;

Автобус шутку отпустил
И полетел, хоть и без крыл;

Трамвай — рабочий паренек —
Нажал, оторопев, звонок:

«Откуда, господи прости,
Такой экзотике прийти?!»

Глядит и городской народ,
На юрту разевает рот.

А юрта пробует помочь:
Цивилизованную дочь

Необходимо научить
Казашкой кочевой пожить.

Я. МИХАЙЛИК

Герой Советского Союза

Восемнадцатилетним юношей Яков Михайлик связал свою судьбу с истребительной авиацией.

В годы Великой Отечественной войны он прошел славный боевой путь: сражался в небе Подмосковья и Сталинграда, бил фашистских стервятников на Курской дуге и над Берлином.

17 сбитых в воздушных боях фашистских самолетов лично и 9 — в группе — таков боевой счет Якова Михайлика. Он награжден семнадцатью боевыми орденами и медалями, удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Недавно Я. Д. Михайлик закончил работу над книгой мемуаров «Я — «Сокол», иду в атаку!», которую готовит к печати издательство «Еш гвардия».

Публикуем фрагменты из этой книги.

Я — „СОКОЛ“, ИДУ В АТАКУ!

1. В небе Подмосковья

Снег. Снег. Лютует непогода. На душе тоскливо, мрачно...

Скрипнула дверь. В белых космах стужи выросла фигура посыльного.

— Товарищ старший лейтенант, вас вызывает командир полка.

Командир эскадрильи старший лейтенант Андреев отправился на КП полка. Вернулся он минут через пятнадцать. Оживленный.

— Погода вроде бы улучшается. Эскадрилье поставлена задача — прикрыть наземные войска с воздуха. Вылетаем шестеркой.

В числе других командир назвал и мою фамилию.

Погода и в самом деле улучшилась, но в районе прикрытия все небо заволгло облаками. Противника не видно. Делая круг за кругом, расширяем радиус виражей. Потом перестроились во фронт: слева — пара Андреева, справа от нее — командир звена, еще правее — мой «як»...

Внизу замельтешили желтые языки. Нас обстреливают из зениток

Спокойно, сержант!.. Огонь усиливается... Откуда появился сноп пламени здесь, в воздухе? Не успев как следует все осмыслить, я увидел взрыв... Обломки самолета командира звена беспорядочно падают вниз.

Острая боль утраты сдавила сердце. Погиб мой командир, товарищ, друг! Холодная бездна поглотила его. Даже могилы со скромным деревянным обелиском не будет. Ничего не будет.

На аэродром вернулись впятером. Расстегнув привязные ремни, я долго сидел в кабине. Усталый. Опустошенный. Бессмысленно тикают часы, вмонтированные в приборную доску. Остывает разгоряченный мотор, и в мареве, поднимающемся от него, чудится падающий факел.

Подошел механик погибшего самолета, невысокий, щуплый узбекский паренек. Усман Рустамов.

— А мой командир?..

Что ему сказать?

Смахнув со скуластой щеки слезу, он повернулся и медленно побрел на стоянку. Теперь она выглядела пустой глазницей. Страшной. Пугающей.

С трудом я выбрался из кабины. Попросил у молчаливого техника Шаповалова закурить. Неумело свернул толстенную самокрутку и впервые в жизни затыкнулся табачным дымом.

А вечером, тоже впервые в жизни, выпил наркомовскую порцию водки. Выпил, чтобы заглушить боль утраты. Но боль не проходила. Не прошла она и тогда, когда Андреев, выходя из столовой, попытался утешить:

— Война, Яша,— суровая штука. Без потерь не обходится. Мы за него рассчитаемся...

Ночью снились всплески огня, шевелящиеся клубки разрывов. И снился командир звена. Его глаза призывали: «Отомсти, сержант...»

В ходе контрнаступления Советской Армии под Москвой для нас, авиаторов, обстановка становилась все сложнее. Дело в том, что аэродромы слишком далеко отстояли от войск, и мы все чаще убеждались, что из-за дальности расстояния эффективность авиационного обеспечения наступающих полков и дивизий становится все меньше. Когда полностью были освобождены Московская и Тульская области, командование решило перебросить наш полк на другой аэродром, что километров сорок пять западнее Малоярославца.

Батальон аэродромного обслуживания подготовил для нас все необходимое: взлетно-посадочную полосу, штабное помещение, жилые землянки.

Летчики повеселели. Командир полка Лесков, высокий плотный майор с продолговатым обветренным лицом, говорил, что вот теперь будем и разведку вести, и на свободную охоту летать, и бомбардировщиков сопровождать, и блокировать чужие аэродромы.

— В общем, без работы сидеть не придется. Враг рядом, запасайтесь злостью,— закончил он.

Шли дни. Продвинувшись на восемьдесят-сто километров на Гжатском и Юхновском направлениях, войска Западного фронта предпринимали попытки соединиться с группировкой, действовавшей в тылу противника, чтобы в дальнейшем уничтожить врага в районе Рыляки-Милиатино-Вязьма. Не неприятель прочно закрепился на занимаемых рубежах и преодолеть его оборону наступающим соединениям не удавалось.

Был обычный, будничный день войны, о которых в сообщениях Совинформбюро говорилось: «На фронте ничего существенного не произошло». Дежурные летчики сидели в кабинах, остальные томились в ожидании «настоящего дела».

Майор Лесков, разгоняя рукой клубы табачного дыма, появился в землянке внезапно:

— Андреев! Враг бомбит соседний аэродром. Поднимай пару «яков». За ними — звено.

Бежим к машинам, застегивая на ходу шлемы. Минут через пять-шесть после взлета увидели пять «юнкерсов». Фашистские бомбардировщики, видимо, делали второй заход. На аэродромном пятачке зияли воронки с рваными краями.

Заметив нас, Ю-88 потянули вверх, поближе к спасительным облакам. Вражеских истребителей не видно. Обнаглели бомбардировщики, ходят на разбой без прикрытия.

— «Ну теперь-то отведу душу!» — дрожа от нетерпения, подумал я и снял предохранители с гашеток.

Туши «юнкерсов» распыляются в облачном молоке. Вслед за ведущим ныряю в белесый омут. Облачность оказалась не очень толстой, и через минуту я снова увидел бомбардировщиков.

Раздумывать некогда. Враг передо мной. Моторы Ю-88 оставляют полосы несгоревшей смеси. Значит, работают на пределе. Даю максимальный газ и занимаю выгодное положение для атаки. Фашисты отстреливаются. Вижу точечные вспышки. Нет, не выйдет! Небольшое скольжение, и очередь вражеского стрелка прочертила небо в стороне от меня. Маневр удался. Теперь буду бить я. Выравниваю самолет и самому себе команду: «Огоны!».

Снаряды зажгли переднюю часть фюзеляжа. Бомбардировщик заметно сбавляет скорость. Чтобы не столкнуться с ним, резко ухожу вниз. Сбил или нет? Смотрю: летит, гад... Повторяю атаку. Теперь уже с набором высоты. Но скорость потеряна. Огненная трасса прошла где-то впереди «юнкерса». Левый боевой разворот, и бомбардировщик снова в прицеле. Стрелок молчит. Видно, получил свое. Надеюсь спастись, летчик крутым пикированием пытается уйти в облачность под нами. Поздно! Длинная очередь прошивает правое крыло и мотор. Из под капота выбивается пламя. Еще удар! Фашистский бомбардировщик рухнул вниз.

Вокруг меня грязные шапки взрывов. Это бьют вражеские зенитчики. Бьют сквозь облачную пелену на звук мотора. Ложусь на обратный курс. Смотрю на часы. Ого, сорок с лишним минут в воздухе. Наверно, далеко забрался в погоне за «юнкерсом». Радость победы переполняет душу. Личный боевой счет открыт!

И тут же тревожная мысль: «Как попасть на свой аэродром?» Облака. Облака. Снизу и сверху. Что делать? Набрать высоту и выброситься с парашютом? За это никто не осудит. Но совесть не позволяет бросить самолет. В полку каждая машина на счету. Бросишь — останешься «безлошадником». Но жизнь? Разве она дешевле машины?

Решаю снижаться. Вот уже пятьсот метров, двести пятьдесят. А кругом все так же клубится непроглядная муть. Едва видны плоскости «яка». Стрелка высотомера подходит к цифре «200». Где же земля? В голову лезут тоскливые мысли. К дьяволу их! Надо бороться! Угол планирования сокращаю до минимального. Прибор еле показывает потерю высоты. Еще немного, и... в кабину врывается свет. Свет, отраженный от снега. Стало легко, будто с плеч сброшена многослойная тяжесть облаков. Впрочем, ощущение легкости оказалось недолгим. Где я? Ни одного знакомого ориентира. Снега да лесные массивы. И облака. Они прижали меня почти вплотную к земле. Где-то поблизости должна быть железная дорога Брянск—Москва. Мой курс перпендикулярен к ней. Лечу. Каждая минута кажется вечностью. А их прошло семь, этих минут, пока, наконец, подо мной показалось железнодорож-

ное полотно. Теперь-то я найду своих... Дымящие трубы. Город. Знакомое шоссе. Но что за наваждение? Не узнаю города. Делаю круг, второй, третий... Смотрю на карту. Ничего не понимаю! Зло отшвыриваю планшет и снова до боли в глазах всматриваюсь в очертания города. Ба, да это же Малоярославец! Разворачиваюсь и иду на аэродром.

Наконец-то свой аэродром. Из кабины вылез совершенно обессиленный.

К утру Шаповалов залатал плоскость машины, развороченную снарядом. Я поблагодарил уставшего, озябшего на морозе техника. Он стеснительно улыбнулся:

— За что меня-то? Это вы сбили фрица, а я...

До войны, после окончания Казалинского железнодорожного фабрично-заводского училища, мне пришлось работать слесарем-паровозником в депо. Я любил технику и с уважением относился к людям, знающим ее. Что же касается Шаповалова и его товарищей, то я всегда считал, что они делают не менее важное дело, чем другие войны. На неисправном, неподготовленном самолете не вылетишь. Каждая мелочь, зависящая от них, влияла на исход боя в воздухе, на результат выполнения полетного задания.

— Спасибо, Шаповалыч,— еще раз поблагодарил я хозяина самолета.— Моя удача — это и твой успех. Враг у нас общий, и боремся мы против него вместе. Вот так-то, дорогой мой друг. А теперь иди отдыхать. Кто знает, сколько придется тебе работать над нашим «яшкой» после очередного полета.

Техник улыбнулся шутке: меня ведь тоже зовут Яковом, Яшкой. «Яшка полетел на яшке»,— балагурили порой ребята.

Солнце разогнало мгlistую хмарь, поубавило ярость все еще не сдавшегося мороза и золотило заниндевшие малахан деревья. В такую погоду хорошо поохотиться на зайчишек с ружьем... Тишина. Поскрипывает под лыжами снег. Петляют узорчатые следы, ведут в нехитрый тайничок — овражек, ложбинку, выемку.

А ныне люди охотятся на двуногих зверей. И нет в этой охоте ни прелести, ни романтики. Только злость, только священная ненависть.

Вот опять идет озабоченный Андреев.

— Вылетаем двумя парами,— коротко сообщил он.— Ты со мной, Ефтеев — с Выдриганом.

Пять с половиной тысяч метров. На этой высоте Як-1 развивает максимальную скорость. Идем в заданный район для прикрытия наших войск от бомбардировочной авиации противника. Беспредельная даль, не омраченная ни разрывами зенитных снарядов, ни росчерками пулеметных трасс.

Постепенно углубляемся на вражескую территорию, чтобы встретить «юнкерсы» на дальних подступах. Солнце осталось сзади, и мы периодически делаем отвороты то вправо, то влево, просматривая воздушное пространство.

Командир эскадрильи резко развернулся в мою сторону, словно заметил атакующего врага. Пристроившись к нему, тотчас почувствовал, как трянуло машину. Тяга мотора прекратилась. Фонарь кабины покрылся темно-желтой пленкой, сквозь которую почти ничего нельзя рассмотреть.

«Снаряд! — обожгла мысль. — Но откуда? Кто стрелял? Ни «месеров», ни «юнкерсов»... Неужели зенитки?» Открываю фонарь кабины, залитый маслом. Значит, пробита маслосистема. Иду со снижением. Ребята остались где-то вверх. Внизу — враг!.. Надо развернуться в свою сторону. Сквозь козырек кабины в глаза ударили лучи солнца.

Плохо, но все же на мгновение успел увидеть бешеную карусель. Это старший лейтенант Андреев с хлопцами кинулся в бой против Ме-110, пытающихся нанести штурмовой удар по нашим войскам. Убеждаюсь: погони за мной нет. Надо выбирать площадку для посадки.

Впереди, между двумя лесными массивами, снежная поляна. Прямо под крылом мелькают траншеи, окопы. Свои? Чужие? По мне не стреляют. Вероятно, свои.

Жалко сажать «як» на фюзеляж: погнутся винт, щитки, обшивка. И я решаю выпустить шасси и приземлиться на лыжи. Будь что будет... Самолет плавно коснулся снежного наста у самой опушки леса.

В лес. Немедленно в лес! А как быть с «яком»? Вдруг — немцы?! Вон уже бегут. Еще минута, и будет поздно. Загоняю патрон в ствол пистолета.

— Хлопцы, сюда! — зычно гаркнул какой-то детина по-украински. — Тут наш литаек сив.

Свои! Да еще украинцы. Земляки. На душе отлегло.

Держа перед собой автоматы, поспешно приблизились красноармейцы в шапках-ушанках, в стеганках и валенках. Расспросы. Соболезнования. Но сейчас не до этого. Осматриваю самолет. Сквозь распоротый капот вижу пробойну в моторе. Вот оттуда масло-то и било...

Красноармейцы, столпившись вокруг, с любопытством осматривали «яковлева», пробовали на ощупь, восхищались плавностью линий, всем его ладным, стремительным корпусом. Тот самый детина, что обладал зычным голосом, с наивным простодушием спросил:

— А дэ щэ людэ сыдятъ?

В другой раз я, наверно, посмеялся бы, но теперь было не до шуток.

— Это истребитель, хлопцы, — ответил я, — и летает на нем один человек.

— За сколькох же вин чоловік вправляється?

— Считайте: за летчика — раз, за штурмана — два, за стрелка — три...

— От це голова! — восхищались мои земляки. — Нэ голова, а цила рада.

Разговор прервал подошедший командир роты.

— Васильев! — козырнул он первым, полагая, что летчик должен иметь большое воинское звание.

— Михайлик. Сержант Михайлик, — уточнил я.

— Как же это вы так? — кивнул Васильев на беспомощную машину.

Пришлось рассказать все по порядку.

— Тогда пошли на командный пункт, оттуда дозвонитесь до своей части.

...Шаповалов, должно быть, сейчас, запрокинув голову, напряженно вглядывается в небо и с тревогой ждет моего возвращения.

Пышет жаром раскаленная докрасна «буржуйка». По справедливости эту печку надо бы называть не «буржуйкой», а «фронтовичкой»: столько уюта приносит она неприхотливым в быту солдатам.

Мы сидим на грубо сколоченных топчанах и табуретках. Слева от меня примостился Виктор Ефтеев. Теперь он мой ведущий. Поодаль от Виктора — лейтенант Поселянов. Каждый думает о чем-то своем, глядя на потрескивающие поленья в приоткрытой «фронтовичке». Должно быть, сама обстановка навеивает грустно лирический мотив «Землянки».

Вьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,—

тихо запекает Ефтеев. Поправив растрепавшуюся прядку льняных волос, продолжает:

И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Эта песня пришла к нам солдатскими тропами, прижилась в полку как добрая знакомая.

До тебя мне дойти не легко,
А до смерти четыре шага...

«До тебя» — это до любимой. А у всех ли они есть, любимые? Многие, как и я, ушли в армию восемнадцатилетними пареньками.

— Так, чего доброго, и слезу не долго пустить, — встрепенулся Поселянов, потирая ладонью синевато-бурые пятна на лице — следы от ожогов. — Может, баланду потравим?

— Давай, Витек! Ты не против? — спросил Ефтеева сержант Выдриган.

— Что ж... Тогда послушайте, как мой дед на тетеревов охотился без ружья.

— Как это — без ружья?

— Очень просто. Они ведь любопытные, тетерева, да, как видно, глупые. Заметит этакий расфуфыренный космач деда и глядит на него, как на чудо: охотник, мол, а без ружья. А дедок-то мой шустрый. Бегаёт вокруг деревца — тетерев за ним поворачивается. Накружится до одури и шмяк деду под ноги. Тот его в мешок и к следующему дереву. А там уже другой красавец ожидает дедовых фокусов...

— И помногу приносил? — подмигивают ребята шутнику.

— На эскадрилью, пожалуй, хватило бы... Все были бы довольны, кроме Михайлика, — продолжает балагур.

— Почему «кроме»?

— Так вин же хохол. Для него сама лучша в свите птица — ковабаса, — закончил Поселянов.

Ребята смеются, лишь Виктор по-прежнему задумчив. Он трогает меня за рукав и показывает на часы: пора на дежурство.

С сожалением покидаем свой подземный «салон», жарко пылающую печурку, разбитного, неунывающего Поселянова. Надо идти. За два часа дежурные летчики промерзли в кабинах и теперь, пожалуй, нетерпеливо поглядывают на белый горб землянки...

Прогрели моторы, чтобы в случае сигнала на взлет немедленно запустить их. Не прошло и двадцати минут, как над аэродромом появилось два Мессершмитта-109. Ясно — прилетели блокировать, не дать нам возможности взлететь. А тем временем бомбардировщики, наверно, сбрасывают свой разрушительный груз на соседний аэродром.

Из реденького леска затрещали было пулеметные очереди, но тут же смолкли. Там были установлены две пулеметные спарки, которые почему-то вечно заклинивало. Прямо скажем, оборона аэродрома налажена из рук вон плохо.

Разворачиваясь для повторного захода на наших соседей, «юнкеры» попутно высыпали несколько кассет «лягушек» — мелких прыгающих бомб — на нас. Надо было немедленно взлетать, но проклятые «мессеры» висят буквально над нами. И тем не менее чья-то безрассудная рука на командном пункте посылает в воздух зеленую ракету. Это приказ, и хочешь не хочешь, а выполнять его надо.

Взлетаем в паре с Ефтеевым. Слева от меня проносится «мессер». Я знаю, что сейчас произойдет, и от бессильной ярости стискиваю зубы до боли. Но зубами фашиста не проймешь: пытаюсь повернуть нос «яка» в сторону вражеского самолета, чтобы ударить по нему хоть не

прицельным, так заградительным огнем. Машина почти не слушается, слишком мала скорость после отрыва от земли. А времени нет...

«Мессершмитт» коршуном кидается на Виктора, и его самолет, вспыхнув, сваливается на левое крыло. Эх, Витя, Витя... Ни за что пропал человек.

Кто-то невидимый подбросил мой «як», словно щепку, сорвал ноги с педалей, остановил мотор. Кабина наполняется острым запахом гари. В жуткой тишине слышу треск пушечных и пулеметных очередей. Это меня расстреливает второй фашист.

Ноги заливает липкая жидкость. Кровь? Шевелю ногами. Не перебиты. Это главное. А ранение не так уж страшно. Надо садиться, пока не взорвались бензобаки. Иначе — конец. Инстинктивно отдаю ручку управления вперед. Из-за дыма ничего не вижу. Толчок. Вспарываю фюзеляжем сугробы, самолет ползет по поляне. Меня охватывает тревога. Сейчас налетит Ме-109 и добьет. Надо выбираться из кабины. Отстегиваю привязные ремни и переваливаюсь через борт, слева и справа поднимаются мелкие снежные фонтаны. Поднимаю голову — прямо на меня пикирует гитлеровец. Бежать в лес! Но противная вялость, ставшие вдруг невероятно тяжелыми комбинезон и унты приковывают, вдавливают в рыхлый снег.

Немец повторяет заход. В бессильной ярости ругаюсь, потрясаю кулаками. Снаряды и пули бороздят снежную целину.

Третье пикирование. Зарываюсь в снег. Голову прикрываю парашютом. Слышу, как на моем самолете рвутся снаряды.

...Взрыв «яка» швыряет меня в сторону. Немец, наконец, уходит.

— Яша, жив?

Это Шаповалов. Сколько времени прошло? Не знаю. Для меня оно остановилось с того момента, когда сгорел Виктор Ефтеев. На миг вспомнил: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага...».

Трясущимися руками сворачиваю самокрутку и судорожно глотаю дым.

— Яш! — тормозит за воротник комбинезона техник.

Что Яш? Без друга. Без самолета. Без желания жить. Что Яш?!

— Пойдем, — Шаповалов показывает в сторону деревни, где догорают окраинный дом.

В горячке рванулся из сугроба, встал. Но острая боль подкосила колени, и я снова упал. Техник берет меня под мышки, поднимает и молча тащит, проваливаясь по пояс в снег. Он что-то говорит. В памяти застревает единственная фраза: «Горящий самолет Виктора врезался в дом...»

...Доктор насчитал тридцать восемь осколочных ранений от разрыва авиационного снаряда. Тридцать восемь? Почему не сто? Почему я остался жив, а Ефтеев погиб?

— В госпиталь отправлять не будем...

А мне все равно.

— Отлежишься в полку.

А Ефтеев никогда не отлежится.

— Ранения не тяжелы...

А Виктора нет.

— Скоро будешь летать.

А моему ведущему теперь все равно — буду ли я летать или нет.

— Ты еще счастливо отделался.

— Доктор, идите к черту!

Ноги распухли, как бревна. Возле кровати лежат посеченные осколками унты. Если бы не меховая обувь, ранения могли быть намного опасней. Остаться без ног... Ползун. Культяпка. А сердце — в небе. Какое счастье иметь ноги. Обыкновенные ноги, необходимые не для

Т ходьбы, нет,— чтобы управлять педалями, чтобы слушался тебя руль поворота.

В землянке никого нет. Лежу один. На тумбочке газета. Что делается в мире? Читаю сводку с фронтов. Общая обстановка: «...ничего существенного не произошло». Знакомая формулировка. А что пишут об авиации? «Позавчера уничтожено 25 самолетов. Наши потери — 6. Вчера под Москвой сбито 5 самолетов противника». Все еще лезут к сердцу нашему, сволочи!

Входит военврач. Осмотрел мои распухшие ноги. Смазал, перевязал.

— Эге! Да ты, Яков, хандришь. Смотри у меня — в госпиталь отправлю.

И ушел. Его слова действуют отрезвляюще. В самом деле, отправит — болтайся там, в тылу. А попадешь ли снова в свой полк — бабушка надвое сказала.

Принесла обед Вера, наша официантка.

— Кушай, Яшенька. Поправляйся.

Поставила тарелки на тумбочку, а сама присела на койку, тербит белый передничек.

— Больно?

Мотаю головой: нет.

— Что нового?

Вера всплеснула руками:

— Надо же! Забыла сказать... Наши только-только пришли с задания. Коля и Ваня двух «мессершмиттов» сбили. Наливай-ка, говорят, Верочка, побольше, погуще и пожирней. Налила, конечно. Разве жалко... А ты ешь, ешь: моими словами сыт не будешь.

Вера, Верочка, милая говорунья. Если бы ты знала, как мне нужны вот эти твои слова — «двух «мессершмиттов» сбили». Это за Виктора Ефеева, за меня! А сколько еще таких, как мы! За всех надо свести счеты. За всех!

На дворе уже апрель. Снеготаяние. Ледолом. Скоро взбурлят реки от напора студенной воды, взопреет земля, пробьются первые уски зелени. А там тепдынь, солнце.

В дверь постучали. Показался объемистый ящик. Потом сияющее лицо механика Усмана Рустамова.

— Вам, товарищ сержант. Подарок! Ташкент, вай, как далеко, а сердце его совсем близко.

Механик поддел отверткой крышку посылки. Перчатки, носки, кистет, носовые платки. Розовые гранаты... не те, что рвут в клочья человека, а гладкие... разные сласти, бутылка портвейна... И, наконец, письмо. Читаю по слогам: «Кизил Армия азиз жангчиси!»..

— Дорогой боец Красной Армии... — переводит Усман. С особым старанием, с любовью произносит он каждое слово. Видно, соскучился парень по родной речи.

Я молча слушаю и мысленно переносюсь в далекую среднеазиатскую республику, которую никогда в жизни не видел. Узбекистан в моем понятии — буйство садовых красок, море солнца, неоглядные поля «белого золота». Экзотика. Мирная жизнь.

А Усман читает: родина его приютила сотни тысяч эвакуированных стариков и детей, разместила на своих землях десятки заводов, составляющих фронту боевую технику и оружие, и люди теперь день и ночь работают с думой о нас, бойцах Красной Армии, с думой о победе над немецко-фашистскими захватчиками.

И блекнет экзотика, растворяется в гуле заводских и фабричных цехов, в неустанных хлопотах земледельцев. В Узбекистане тоже фронт. Трудовой фронт.

Осколки снаряда оставили на моих ногах шрамы, а некоторые «прижились» под кожей.

— Прощай, доктор! Спасибо за все...

Полковой эскулап Цицория рад за меня, будто он сам, а не я выздоровел.

— Будь здоров, сержант. Воюй позлее!

...Утро выдалось ясным и тихим. До того тихим, что с окраины аэродрома, где начинался нечастый лесок, слышен беззаботный птичий пересвист. Радуются пичуги теплу и свету.

Вместе с техником Шаповаловым лежим под крылом самолета, на траве. Слушаем птичью звень, дышим свежим травяным настоем, перемешанным с запахами бензина и масла. На желтую шляпку одуванчика сел шмель. Отощал зимой. Сонный еще, вялый. Лапками раздвинул тычинки цветка и уткнулся хоботком. Лакомится, шельмец. Что ж, лакомься.

Метрах в десяти от машины сквозь малахит еще непрямой травы растет черный бугорок земли. Это что еще за землерой?

— Крот,— говорит Шаповалов.— Портит аэродром. Может, бензинчику плеснуть в нору?

— Не надо. Разровняешь бугорок, и делу конец. Верно?

— Угу,— соглашается техник. Он улыбается: крота пожалел.

У соседнего «яка» заливается телефонная трель. Это самолет командира эскадрильи. Андреев поднимает трубку. До нас долетает его голос:

— Есть, подняться четверкой!

Позабыты птицы, мотыльки и прочая живность. Покой весеннего утра нарушает неистовый рев «яков».

Мы идем на разведку в район железнодорожной станции Угра. По предположению, там сосредотачиваются вражеские эшелоны с танками, горючим и боеприпасами. Обычно на разведку высылаются пара, но майор Лесков предупредил Андреева, что над станцией непрерывно барражируют истребители противника. Поэтому в воздух взмыла четверка. Так надежнее.

Над нами плывут кучевые облака. Они, возможно, пригодятся нам. Андреев всегда напоминает о необходимости умело использовать их. Облака могут быть отличной маскировкой и даже укрытием.

Заходим на Угру со стороны солнца и, пикируя, осматриваем подъездные пути. На линиях стоят восемь эшелонов. На открытых платформах — орудия, танки. Вперемежку с ними — круглые цистерны. А чем набиты закрытые вагоны?

Вражеские зенитчики всполошились, но — поздно. На бреющем полете уходим в сторону своего аэродрома. Снаряды рвутся где-то за хвостами наших самолетов. А «мессершмитты» почему-то кружатся в стороне. Скорее всего, они ожидали налета бомбардировщиков или штурмовиков.

Мы доложили о результатах разведки и вскоре получили приказ сопровождать «ильюшинных» на штурмовку. Об этих самолетах слава ходила по всем фронтам. Знаменитые «горбачи» были грозой для фашистов, которые называли их «черной смертью». А у нас о крылатых танках с уважением говорили: «Советские «илы» роют фрицам могилы». Точная, меткая поговорка.

Строй «илов», сопровождаемый истребителями, показался над

хотел аэродромом. Штурмовики шли очень низко, едва не задевая макушки по деревьям. На зеленом фоне лесного массива сверху обнаружить их почти невозможно, а снизу они неуязвимы, разве только зенитка сада-ет не в упор.

Андреев и я заняли свои места в общем боевом порядке, чуть выше «лаггов». Внизу мелькают строения, железнодорожное полотно и несколько составов. «Ильюшины» делают заход и обрушивают на станцию Угра ливень огня. Станция окутывается дымом. Сквозь его густые клубы вздымаются багровые смерчи. Это взрываются цистерны с горючим.

Штурмовики делают новый заход. Немного выше «илов» идет четверка истребителей, ведомая капитаном Кузнецовым. Я знаю только фамилию командира сопровождающей группы. Встречаться с ним не приходилось, хотя и живем по-соседству.

Добавив еще огня, «горбатые» разворотом выходят из атаки и устремляются в сторону линии фронта. «Лагги» перестраиваются. Кузнецов спешит прикрыть «ильюшиных» справа и натывается на зенитный снаряд. Его машина перевернулась вниз кабиной...

Что с капитаном? Кидаюсь к нему. Из левого крыла его машины струей бьет бензин, но Кузнецов выравнивал «лагг», упорно тянет за своими, к линии фронта. Он, кажется, увидел меня и теперь чувствует защиту. Дружеская поддержка — великое дело в бою. Это утраивает силы, удешевляет надежду.

Основная группа самолетов уже скрылась за горизонтом. Оглядываюсь. Станция Угра полыхает вовсю. Хорошо поработали «ильюшины»! И вдруг замечаю двух Ме-109. Идут за нами. Будь я один... Но со мной капитан Кузнецов на покалеченной машине. Не теряя времени, набираю высоту и прижимаюсь к самой кромке тех кучевых облаков, о которых еще в прошлый вылет думал, что они, возможно, пригодятся. Выходит, не ошибся.

Гитлеровские летчики ведут себя так, словно в воздухе, кроме беспомощного Кузнецова, никого нет. Предвидя легкую добычу, они устремляются к машине капитана. Не рановато ли торжествуете? Бросаюсь в атаку. Удар, хотя и с дальней дистанции, был настолько ошеломляющим, что ведущий «мессер» не успел увернуться: волоча за собой длинный хвост дыма, он бросился восвояси. Его напарник — тоже.

Радостно забило сердце. Меня, сержанта, молодого советского летчика, фашисты стали бояться! Вдвоем испугались одного. Кузнецов уже перетянул линию фронта. Теперь он вне опасности.

Под нами запасный аэродром. Капитан идет на посадку. Делаю круг и тоже сажусь. Винт «яка» еще вращается, а Кузнецов уже карабкается ко мне на плоскость. Перевалившись через борт кабины, обнимает меня по-братски. Целует.

— Спасибо, друг!

— А разве вы поступили бы иначе?

Капитан широко улыбается.

— Все равно спасибо.

Вместе с техниками залатали пробойны в крыле «лагга», заменили бензобак и к вечеру — в путь.

Ребята встретили нас так, будто мы вернулись с того света.

Фронтная чарка обошла застолье.

2. В боях за Сталинград

«На Вол-гу, на Вол-гу, на Вол-гу», — ритмично выстукивают колеса поезда. Вагон набит битком. Люди, чемоданы, мешки. Духота. Смех и перебранка. Нехитрый мотивчик гармоники. Пение вполголоса:

«Дан приказ ему — на запад, ей — в другую сторону»... Перед глазами, в едком махорочном дыму, — фуражки, пилотки и кепки, гимнастерки и пиджаки. На столиках, чемоданах, а то и прямо на коленях — хлеб, сухари, консервы. Кто пьет самогон, желтый, как квас, кто — кипяток без заварки.

За окнами лето. Торопливо бегут, кружась, поля и перелески, разьезды и полустанки. На крупных станциях невообразимый содом: охрипшие проводники, военные коменданты и их вконец задерганный наряд не в силах справиться с огромными толпами людей — военных и гражданских, здоровых и раненых. Безбилетники штурмом берут крыши вагонов. Похоже, что вся Россия в движении.

Мы едем в тыл на перестроирование. В ту самую деревню, откуда я попал на фронт, где научился летать на истребителе Як-1, где осталось столько юношеских впечатлений и надежд. Но мысли сейчас не об этом. Душой я все еще в Подмоскowie, где принял боевое крещение, пережил гибель друзей.

И еще — думы мои о Подмоскowie потому... Впрочем, об этом нельзя рассказать в двух словах.

Комиссар полка Косников все чаще стал заходить в наше звено, приглядываться к ребятам, беседовать. То о настроении спросит, то о вестях из дому. Бывал в землянке, на стоянке самолетов. И в этом ничего особенного я не видел: летаем много, напряжение большое — почему комиссару и не потолковать с нами.

— Ну как, сержант, пообвык в полку? — спросил он меня однажды..

Ответил ему, как и положено подчиненному:

— Так точно, товарищ батальонный комиссар!

Косников улыбнулся:

— Зачем же так официально? — Он предложил закурить. — Все гибель друга переживаешь? Я и сам, Яша, не меньше твоего переживаю. Да что там... порой казнюсь... Жалко Витю Ефтеева. Ведь это я тогда пальнул ракету. Помнишь, «мессеры» блокировали наш аэродром? Так вот... Не подумай чего плохого... Я ведь хотел... Сам понимаешь: фашисты бомбят соседей — значит, надо выручать из беды. Думал, что вам удастся взлететь и отогнать «мессершмиттов». Почувствовав опасность, за ними, мол, ринутся «юнкеры», наспех высыпав бомбы куда-нибудь в лес или в поле. Но, как знаешь, ошибся. Расчеты не оправдались. Виктор погиб, а тебя изрешетили...

Комиссар умолк. Ему тяжело было говорить, исповедоваться перед сержантом, рядовым летчиком. Я не поддержал разговора, узнав, наконец, что той «недоброй душой», которая отдала неразумный приказ на вылет пары «яков», был он, батальонный комиссар.

Долго и мучительно думал я о комиссаре. Как к нему теперь относиться? Но... если обо всем рассказал мне, сбитому врагом летчику, честно, если казнится душой, если не ищет оправдания? Значит, есть у человека совесть.

И затаившаяся обида, неприязнь к комиссару как-то сгладилась. Да, комиссар, как я узнал потом, ничего не утаил и перед теми, кому он подчинялся по службе, все рассказал, как было, и они оставили комиссара в партии, не отстранили его от политического руководства полком.

Спустя несколько дней, когда вместе с Андреевым я возвратился с очередного задания, комиссар спросил: не думаю ли я о том, чтобы вступить в партию...

И добавил, что и сам, в числе других, мог бы дать мне рекомендацию.

...Партсобрание проходило в перерывах между боевыми вылетами,

на самолетной стоянке. Коммунисты говорили коротко: «Обстрелян. Открыл личный счет сбитых фрицев. Спас жизнь капитану Кузнецову. Принять!».

На перестроение я еду кандидатом в члены Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Колеса стучат и стучат. Все ближе к Волге, к небольшому городку, к аэродрому.

...Мы получили задание сопровождать группу «ильюшиных» на штурмовку войск и техники противника, сосредоточившихся в Яблоне-вой балке.

Прикрывать «илы» для нас — обычное дело, но для Максименко, летевшего впервые на выполнение такого задания, оно было далеко не простым. К тому же Максименко находится в ударной группе, задача которой — сковывать действия вражеских истребителей. Группа эта летит не рядом со штурмовиками, а несколько выше и в стороне от них. Ее возглавляет командир эскадрильи. В группе непосредственного прикрытия — Бенделиани, Лимаренко, Чумбарев и я.

Погода стояла тихая, почти ясная, лишь кое-где плавали небольшие клочки облаков и разрывов артиллерийских снарядов. В воздухе пока спокойно. Изредка попадались группы наших самолетов, возвращавшихся с боевого задания. Они наносили удар по тем же целям, что предстоит штурмовать и нашим «илам». Так что в заданном районе можно ожидать истребителей противника, наверняка вызванных после первого налета.

Вот и Яблоневая балка. «Горбатые» начали пикирование. Загрохотали бомбы, пушки, пулеметы. Огонь и дым. В балке паника. Горят машины, рвутся боеприпасы, а «ильюшины» снова заходят и бьют, бьют, не обращая внимания на ощерившиеся, плюющие огнем пасти зенитных батарей.

Вверху показались «мессершмитты». Балюк и его ведомый Максименко завязывают бой с парой «сто девярых». Затем еще появляются два фашиста. Надо бы ребятам помочь: им двоим жарковато. Но мы не имеем права бросить штурмовиков. Впрочем, к нам тоже пожаловали два «мессера». Они явно нацеливаются на замыкающий Ил-2.

Развернув самолет почти на сто сорок градусов, делаю попытку отбить атаку. Немцы не реагируют. Видно, решили достичь цели — сбить «ильюшина». Появляется еще одна пара. Она пикирует на меня. Резко отвернувшись, Илья Чумбарев дает по ней длинную очередь.

Я продолжаю хитрить. Кто — кого? Разворот с набором высоты. Переход в преследование. Сближение с противником. «Мессер» метнулся вправо и вверх. Второй немец атакует Илью, но Чумбарев успел увернуться. «Поживы, гад, захотел?» — подумал я о гитлеровце, что распростер крылья прямо перед моим прицелом. Дистанция метров двести пятьдесят. Нажимаю на гашетку. Длинная очередь. «Мессер», перевернувшись вокруг продольной оси, загорелся и врезался в землю.

А ведущий попал в прицел Чичико Бенделиани.

Балюк и Максименко тоже успешно справились со своей задачей. Без потерь мы возвращаемся домой.

...Горит земля сталинградская. Нет на ней неопаленного, неискоруженного металлом клочка. Бьют по ней фашисты. Бьют из автоматов и пулеметов, грохают из орудий, сбрасывают бомбы. И мы бьем по земле сталинградской. Бьем потому, что на ней враг. Лютый, жестокий, беспощадный. Горит все на земле — живое и мертвое.

И Волга пылает. Свинцовая октябрьская Волга. Факелами падают в нее подбитые самолеты. Вражеские и наши. Дымящими островками плывут подожженные плоты и баржи. А на берегу полыхают разбитые резервуары нефтехранилища.

Летая над округой сталинградской, я видел, как идут к городу полки. Идут с востока и с севера. По дорогам движутся колонны танков, артиллерия. Паровозы тянут железнодорожные составы с оружием и боевой техникой. Вниз по Волге спешат суда.

Вчера Усман Рустамов показывал мне обращение узбекского народа к своим сынам-воинам: «Каждый орудийный залп, разящий врага под Сталинградом и на других фронтах, отдается радостью в нашем сердце... Сражайтесь, не щадя жизни, за нашу Родину! За нашу свободу! Не забывайте, за вами, как непоколебимый утес, стоим мы — весь узбекский народ, стар и млад, мужчины и женщины».

Это письмо не только ему, узбекскому механику. Оно и мне, и моему командиру эскадрильи, старшему лейтенанту Балюку, и командиру дивизии полковнику Утину, и всем, кто бьется с гитлеровскими ордами за землю родную...

— О чем думаешь, Яков? — тронул меня за рукав мехового комбинезона комэск.

Я показал рукой на буйствующий огонь. Иван Федорович вздохнул.

— Все об этом думают... Зови летный состав на командный пункт. Подведем итоги вылета и передадим разведанные в штаб.

Теперь я — заместитель комэска. Часто приходится оставаться за Ивана Федоровича на земле и в воздухе, а также выполнять различные поручения. Прибавилось хлопот.

Ребята собрались быстро. Собственно, они никуда и не расходятся после очередного вылета. Всегда вместе — на стоянке самолетов или на командном пункте. Балюк подробно рассказал о встрече с противником, о результатах воздушного боя. Бой как бой. Таких каждый день по нескольку. Но Петр Ганзеев, заместитель начальника штаба полка, записывал своим стремительным почерком все подробности, все детали — от взлета до посадки. Он опросил, как всегда, всех летчиков, участвовавших в вылете.

— А теперь поговорим об ошибках, — снова начал Балюк.

Однако разобраться в ошибках не удалось.

Командира эскадрильи прервал телефонный звонок.

— Да... Так. Понятно. Есть, товарищ майор!

Шепоток умолк. Летчики посмотрели на Балюка. Командир поднялся из-за стола и потянулся к шлемофону.

— Идем на прикрытия наших войск в районе станции Котлубань. По самолетам!

Стоянка рядом. Взревели моторы, мы в воздухе. С нами летит штурман полка майор Бенделиани.

Сталинград все еще затянут дымной пеленой. Просматриваем воздушное пространство. Кажется, все спокойно. Но вот со стороны солнца показались три точки. Они приближаются, растут. И вот уже на фоне светло-голубого неба четко вырисовываются длиннохвостые «мессеры». Вероятно, они замыслили неожиданно атаковать нас со стороны солнца. Но тактика врага разгадана.

Чичико Бенделиани со своим ведомым рванулсЯ ввысь и в сторону. Отличный маневр. Сейчас штурман атакует врага. Так и есть. Приблизившись к «сто девятым», он ударил по ведущему и сбил его первой же очередью. «Получай, гад, сталинградскую землю!» — ликует во мне все, хотя гитлеровца сбил не я.

Чуть левее и впереди показались вражеские бомбардировщики.

Наша группа тотчас же ринулась в атаку. Истребителей связал боем Ба-люк.

Целью для себя выбираю ведущего. Если его сбить, задача бомбардировщиков будет наполовину сорвана. Иду на сближение. Открываю огонь. Трасса чиркнула впереди врага. Фашист разворачивается влево. Положение для атаки ухудшается. Досадно, но

делать нечего — надо повторить заход.

Осмотревшись, увидел, что хвост моего «яка» осаждают пара Ме-109. Выполняя разворот на сто восемьдесят градусов, чтобы принять лобовую атаку, но немцы, как бы опередив мой замысел, уходят в сторону с набором высоты. Струсил, не принял вызова.

Два соседних «яковлевых», зажав с обеих сторон Хе-111, поджигают его. Самолет пошел книзу, оставляя за собой длинный шлейф черного дыма. Это сделали ребята из группы прикрытия, но кто именно, разобрать невозможно.

Бой в самом разгаре. Все носятся на предельных скоростях. «Мессершмитты» развернулись и легли на обратный курс. От общего строя бомбардировщиков отстает один, атакованный ранее мною. Надо его добить. Перевожу самолет в пикирование и догоняю... За мной снова увязались два «мессера», но чей-то «як» кинулся на них, как бы подсаживая: «Давай, жги его!».

Пора открывать огонь. Немец конвульсивно рванулся, пытается уйти. Поздно! Очередь пронизала левый мотор и часть кабины. Но почему самолет не горит? Почему продолжает лететь? Вот уже вражеская территория. Фашист прижимается к оврагу, надеется удрать. Нет, этого допустить нельзя! Выбираю удобный момент и даю еще прицельную очередь, почти по самой кабине. Самолет резко кренится, цепляется за землю. Взрыв. Конец воздушному разбойнику.

А что там, за хвостом моего «яка»? Кто прикрывает меня? Следав боевой разворот, увидел на стабилизаторе цифру «двадцать девять». Илюша. Илья Чумбарев. Спасибо, друг!

Неприятельских самолетов над станцией нет. Пройдя над нашими войсками, мы еще раз убедились, что теперь никто не угрожает. Можно возвращаться домой.

Половина солнечного шара уже спряталась за дымный горизонт, когда мы на последних каплях горючего пришли на свой аэродром. Красное солнце на закате — предвестник ветреной погоды.

Ужин привезли на стоянку. После напряженного дня люди вспоминали подробности боя. Громких слов не было. Пожалуй, больше вспоминали о промахах, чем об удачах. На ошибках учатся.

Беседа затянулась, поэтому никто не поехал в деревню. Все разместились в скирде соломы, рядом с самолетами и командным пунктом полка.

Техники и механики, успевшие подготовить машины к завтрашнему дню, лежали или сидели тут же, на соломе. Рядом со мною — Шаповалов и Усман Рустамов. Я прислушался, о чем они говорят.

— А еще сообщали, — рассказывал Шаповалов, — что ихний ефрейтор сдался в плен. Я, говорит, никогда в жизни не забуду, как в

один день в роте убило шестьдесят пять человек... А потом остатки роты подняли на рассвете, погнали вперед и приказали стрелять. Сзади шел обер-лейтенант и подгонял отстающих.

— Чем?— спросил Усман.

— Не знаю. Наверно, пистолетом или автоматом грозил. Чем же еще? Ну вот, русские, говорит тот ефрейтор, встретили нас огнем. Офицера убили, а его помощники разбежались. Глядя на начальство, солдаты тоже — кто куда. Этот ефрейтор с каким-то унтером забились в траншею. А когда, рассказывает, появились русские, мы сдались в плен. Я, говорит, сдался потому, что не верю в победу германской армии, считаю эту войну несправедливой, безнадежной.

— А если бы надежной, так не сдался бы?— поинтересовался Рустамов.

— Наверно, не сдался бы, сукин сын,— выругался Шаповалов.

— Ай, все они такие,— махнул рукой Усман.— Учить их надо мало-мало, тогда поймут: не твоя земля — не ходи, шайтан тебя возьми!

Шаповалов рассмеялся. Немного погодя он спросил:

— Дома-то как?

— Отец на войне, два брата тоже ушли. Мать и три сестры в колхозе. Пишут, что работают много, но это ничего. Скорей бы фашиста побить под Сталинградом. Вот о чем пишут. А ты получаешь письма?

— Нет, Усман. Мои под немцем, и писем получать, стало быть, неоткуда,— вздохнул техник.

С запада слышался гул моторов...

На рассвете 14 октября в районе тракторного завода немцы начали усиленную авиационную и артиллерийскую подготовку, а затем перешли в наступление.

Нам, как и прежде, командир поставил задачу сопровождать «ильюшинных». В паре со мной шел Илья Чумбаров. Балюк летел с Максименко. Такая же задача была и перед многими другими летчиками, а некоторые — прикрывали общий район боевых действий от бомбардировщиков противника.

Самолеты поднимались со всех соседних аэродромов, собирались в боевой

порядок и шли широким фронтом, на различной высоте. Радостно на душе, когда видишь такую силу!

Погода безоблачная. Солнце как бы радуется вместе с нами: такая мощь летит на врага! Авиация противника тоже начала сосредотачиваться. Вначале появились истребители, а затем и бомбардировщики.

В воздухе — кутерьма, трудно разобраться, где свои, где чужие самолеты. На всех высотах кружатся истребители, штурмовики, бомбардировщики. Машины носятся в разных направлениях группами и в одиночку, то здесь, то там падают вниз, оставляя за собой черный хвост. «Ильюшины» бьют по войскам и танкам противника смело, решительно, будто выполняют учебное задание на полигоне.

Но вот к «горбатым» начали подкрадываться фашистские истребители. Они решили использовать излюбленную тактику — атаковать штурмовиков во время пикирования и на выходе из него.

...Выйдя из атаки и сделав отворот, один из «мессеров» снова кинулся на замыкающего Ил-2. Вместе с Чумбаревым я разворачиваюсь влево, чтобы не дать «мессеру» атаковать замыкающего. Переложив самолет почти в полупереворот, даю заградительный огонь, чтобы сорвать атаку. Сектор газа отдан полностью вперед. Самолет, набирая скорость, идет со снижением. Вот уже четыреста метров... двести... семьдесят... Почувствовав опасность, истребитель противника хотел отвернуть влево, почти перед самым носом моей машины. «Не уйдешь, сволочь!» — выкрикиваю и почти в упор стреляю из всех огневых точек.

Никогда мне больше не приходилось видеть такую картину: вражеский самолет, словно разрезанный пополам, развалился. Из кабины выпал при взрыве летчик...

Возвратившись на аэродром, мы тут же вылетели на выполнение нового задания. Потом летали в третий и четвертый раз. Может быть, впервые за многие дни войны наши летчики испытывали такое моральное удовлетворение. Командир дивизии, полковник Утин, потирая руки, рассказывал:

— Видел пехотинцев, был у артиллеристов и танкистов. Все довольны нашей работой. Когда, говорят, увидели над собой столько своих самолетов, такие воздушные карусели, радости не было конца. Забыв про опасность, подымались и с возгласами: «Ура! За Родину! Вперед!» — шли на врага. Спасибо, друзья! — тепло поблагодарил нас командир. — Отличившиеся представлены к награде.

...Я иду вдоль стоянки самолетов. Просто так, разминаюсь, отдыхаю, заодно ищу Бенделиани. На случай вылета я назначен к нему ведомым. Смотрю, кто-то машет рукой из-под крыла истребителя. Это и есть Чичико Кайсарович. На его загорелом лице, словно отлитом из меди, лучится приветливая улыбка.

— Заходи, Яков, угощайся, — он показывает огромный камышинский арбуз.

Присаживаюсь на траву, по-восточному скрестив ноги. Чичико большим складным ножом сначала разваливает арбуз на две части, потом одну из них рассекает на доли. Брызжет сок. Вливаюсь зубами в сахарную алую мякоть и от удовольствия жмурю глаза.

— Ну как, хорошо?

— Угу! — мычу в ответ.

— Механик принес. Умеет выбирать. Ах, какая красота! — восторгается Бенделиани, протягивая руку за вторым ломтем. — Если бы в жизни не было ничего, кроме арбузов, и то стоило бы жить...

Чичико сказал это так, в порыве восторга. На самом деле жизнь привлекает его далеко не одними арбузами. Он любит людей, любит их улыбки. А когда человек улыбается, значит, он чувствует себя хозяином на земле. Думалось мне, что Бенделиани и фашистов бил с каким-

то особым упоением ради того, чтобы завоевать для людей право на радостную улыбку.

Покончить с арбузом не удалось. Сигнал на вылет. Быстро садимся в самолеты и поднимаемся в воздух. Противник, как нам сообщили, находится в северном направлении. Значит, идет бомбить железнодорожную станцию. К нам присоединяется пара истребителей из соседнего полка.

Вскоре в стороне заходящего солнца показывается девять черных точек. Минута, другая, и мы уже различаем пятерку бомбардировщиков и четыре «мессершмитта». Одна пара истребителей вырвалась вперед, ближе к нам, вторая жметя к «юнкерсам». У нас преимущество в высоте. Начинаем атаку на передних «мессеров», давая возможность второй нашей паре подойти к бомбардировщикам. Фашисты резко сворачивают к своей группе, подставляя нам хвосты. Остается лишь сократить дистанцию и открыть огонь по противнику. Но вот задняя пара фашистов, спасая своих, устремляется на нас в лобовую атаку.

Кажется, Бенделиани этого только и ожидал. Сейчас он продемонстрирует свой излюбленный прием. Чичико устремляет истребитель навстречу врагу. В подобных случаях гитлеровцы открывают огонь издалека и первыми. Ведущий «мессер» так поступает и на этот раз. Но Бенделиани мчится навстречу. Что это? Отчаянная храбрость, безрассудство? Нет. Я знаю, чем берет мой боевой товарищ. Это уверенность в моральном превосходстве над врагом; это высокое мастерство, испытанная тактика, вера в возможности своей машины. Чичико, обманывая врага, ведет самолет с легким отклонением вправо... Трассы фашиста пролетают мимо... Но вот, как и следовало ожидать, «мессер» резко уходит влево, и в то же мгновение в него врезаются очереди Чичико. Самолет врага, дымя, еще продолжает левый разворот, затем вспыхивает.

Бенделиани бросает свой истребитель в атаку на бомбардировщиков, строй которых уже рассыпался под натиском второй нашей пары. Один из «юнкерсов» горит. Чичико Кайсаровича пытается атаковать вернувшаяся пара «мессеров», но я разворачиваюсь на них в лобовую, и вражеские истребители сразу же отваливают в сторону. Под впечатлением бесстрашной атаки Бенделиани они уже боятся лобовых.

Майор атакует ведущего «юнкерса». Я тоже, идя выше, очередью прошиваю левый бок фашистского самолета. Однако ведущий фриц еще держится, не горит. Развернувшись, Бенделиани снова устремляется к нему. Но второй атаки не понадобилось. Бомбардировщик проваливается, и вот — раскрываются парашюты выпрыгнувших летчиков.

На земле рвутся бомбы. Это уцелевшие «юнкерсы» освобождаются от груза за несколько километров от железнодорожной станции. Гитлеровцы спешат уйти на свою территорию. Мы пытаемся вновь атаковать их, но откуда-то появляются четыре свежих «мессера». Принимать новый бой нет никакого расчета. Разворачиваемся и уходим домой.

— Вот так, Яков! — говорит мне Чичико, уже шагая по пути на командный пункт. — Так их, гадов, и надо бить. Я видел, как шарахнулась от твоей лобовой вторая пара «мессеров». Пусть дрожат от страха при встрече с нами и впредь!

Я иду и влюбленными глазами смотрю на Чичико. Смотрю и думаю: «Не я их напугал, а ты. Ты, дорогой Чичико!».

Ожесточенные бои шли на земле и в воздухе. С каждым днем грандиозная битва разгоралась все сильнее и сильнее. Вылетать приходилось по несколько раз в сутки — обстановка на земле требовала еже-

часной поддержки с воздуха. И мы летали, летали, летали. Воздушные бои начинались от взлета и заканчивались с заходом на посадку. Такого еще не было никогда.

Почти после каждого полета мы недосчитывались товарищей. Гибли люди, гибли самолеты. Было время, когда эскадрильи и полки теряли большую часть личного состава и материальной части. Особенно редели ряды пополнения, прибывающего из запасных подразделений и школ. В строю оставались только ветераны, испытанные в десятках и сотнях схваток с врагом. Но были случаи, когда гибли и опытные бойцы. В один из таких дней наш полк лишился командира — майора Исаева. Это была тяжелая потеря, и летчики жестоко отомстили за своего вожака.

Родина высоко оценила нашу боевую работу. Полк представили к присвоению гвардейского звания, летчиков и техников наградили орденами и медалями. Мне вручили сразу три награды, в том числе орден Красного Знамени. Молодые воздушные бойцы подавали заявления о приеме их в члены Ленинского комсомола, а товарищи годом-двумя старше становились кандидатами и членами партии. Люди как бы обретали удвоенную, утроенную силу и дрались с врагом насмерть.

В ноябрьские дни 1942 года я стал членом ВКП(б). Звание члена великой партии большевиков стало моим вторым, сильнейшим оружием. На собрании сказал: «Буду бить фашистов до тех пор, пока мои руки держат штурвал боевого самолета, пока глаза мои видят ненавистного врага, пока в груди моей бьется сердце. Буду бить их до тех пор, пока священная земля наша не станет свободной от гитлеровской нечисти, пока братья наши, изнывающие под игом фашизма, не скажут нам: «Спасибо, воины-освободители!»

Сразу же после собрания предстояло идти в бой. Меня поздравили друзья, новый командир полка майор Мельников. От их сердечных слов пропала усталость. «Иду в бой коммунистом», — радостно думал я.

Машины были готовы к ночному вылету. Разведчики доложили, что на ближайшем аэродроме противника сосредоточилось большое количество самолетов.

Штурмовой удар в сумерках — дело сложное. Раньше истребители нашего полка, да и не только нашего, не летали вечером. Такие задания выполняла легко-бомбардировочная авиация, вооруженная, на первый взгляд, несовершенной техникой — самолетами У-2. «Кукурузники», однако, отлично справлялись со своим делом. Теперь, видно, обстоятельства требовали, чтобы летели мы.

Командир уточнил, кто за кем будет подниматься с аэродрома, где место каждого летчика в общем строю самолетов.

— Учтите, — предупредил майор Мельников, — в воздухе каждому действовать придется самостоятельно.

...Один за другим истребители взмывают в воздух. Как отыскать аэродром противника в сумерках, никто не задумывался, потому что характерный изгиб Волги и сам Сталинград были видны с далекого расстояния. К тому же, первым идет сам Мельников, имеющий богатый боевой опыт.

За лидером летит Чичико Бенделиани, потом Иван Балук, я, Ткаченко и Лимаренко. На высоте две с половиной тысячи метров выходим из окутывающей мглы. Выше — чистое небо, в котором виднеются огненные зарницы.

Вот и Сталинград. От него разворачиваемся вправо. Я думаю о том, что в темноте зенитный огонь может ослепить. Надобно подготовиться к нему. Жду. Внизу взметнулось пламя. Это командир полка поджег самолет на вражеском аэродроме. Почти одновременно, но

несколько в стороне, загорелся второй. Это сработало Бенделиани. Пламя осветило другие цели. Теперь они очень хорошо видны.

Подойдя вплотную к аэродрому и осмотревшись, я тоже выбрал один из самолетов и перешел в атаку. Открываю огонь. Мне кажется, что я весь в пламени. На какое-то мгновение почти слепну, и машину вывожу из атаки инстинктивно. Знаю лишь одно: лечу вверх, с набором высоты. Но вот несколько прояснилось в глазах, и я перевожу «як» в повторное пикирование — загорелся еще один вражеский самолет.

Взяв курс строго на север, ухожу. Немецкий аэродром в дыму и огне. Славно поработали ребята! По пути домой замечаю цепочку огней внизу, на дороге. Это фашистская колонна автомашин. Выпускаю по ней длинную очередь. Два взрыва. Двух автомашин нет. Теперь — домой.

Прощай, старый аэродром, где пережито столько горьких утрат в первые дни сражения, где изведена радость многих побед в воздушных боях с врагом. Нашему полку приказано перелететь на Богучарское направление.

Саша Денисов и я получили задание произвести воздушную разведку. Под нами какой-то населенный пункт. На окраине — церковь с зеленым куполом, рядом — нечто вроде длинного сарая или навеса. Ничего примечательного. Делаем второй, третий заходы. В рощице возле церкви вижу огоньки. Мелькают догадки: наверное, походные кухни. Если так, значит, поблизости должны находиться и те, для кого готовится обед.

Четвертый заход. Ни одной живой души. Где же противник?... А что, если попробовать заглянуть под навес? Возможно, он там прячется?

Снижаюсь до бреющего полета и прохожу вдоль навеса на высоте двух метров от земли. Вижу шевелящиеся хвосты, испуганные морды... Лошади! Много лошадей. Вероятно, кавалерийское подразделение. Так оно и есть. Вижу одного... второго... третьего офицера, перебегающих из церкви под навес.

Делаю еще заход и даю очередь из всех огневых точек. Саша Денисов тоже стреляет. Ага, расшевелили муравейник! Фашисты высыпают из церкви, будто их ошпарили кипятком. У двери образуется свалка. Огонь по ней, огонь по серо-зеленой толпе! Многие солдаты бросаются к лошадям, садятся на них и сломя голову мчатся в разные стороны. Крыша навеса вспыхивает. Даем по последней очереди и летим дальше, по намеченному маршруту.

При подходе к другому населенному пункту обнаруживаем в небольшом лесном массиве фишистские танки. Но гитлеровцы открывают такой огонь, что мы, как говорят, едва уносим ноги. Да, это не конница. Вырвавшись из зоны обстрела, ложимся на обратный курс.

Задание выполнено. Настроение отличное. Но что за оказия? В просвете между облаками показывается четверка странных самолетов. Точ-в-точь наши И-15. Но ведь они сняты с вооружения еще в начале войны! Надо посмотреть поближе, что это за птицы.

Самолеты вражеские!..

Произвожу маневр с набором высоты. Саша летит следом. Пользуясь преимуществом в скорости, начинаю заходить в хвост вражеской четверки. «Ну и денек выдался. Сплошной юмор. Там — лошади, а тут — музейные экспонаты».

Вываливаюсь из облака и вижу: самолеты вовсе не похожи ни на И-15, ни на «чайку». Однако это тоже полуторапланы. Закамуфлированы в песочный цвет с желтыми пятнами... Дистанция около ста пяти-

десяти метров. Расстояние мгновенно уменьшается, и я почти в упор вгоняю очередь в ведущего. Тот вспыхивает и камнем падает на окраину города Богучар. Остальные кидаются врассыпную. Я даже не успеваю наметить новую жертву. Преследовать некогда. Необходимо срочно возвращаться: в полку ждут разведданные.

На аэродроме уже было известно, что Як-I с хвостовым номером «7» сбил самолет противника Макки-200. Больше я этих «макки» нигде не встречал до самого окончания войны.

Буквально через несколько минут после посадки снова поднимаемся в воздух — сопровождать «ильюшиных». Я и Денисов летим впереди и выше группы штурмовиков. Наша задача вывести «илы» на обнаруженные нами танки. Вот и лесная посадка, за которой прячутся фашистские танки. Переводим самолеты в пикирование и даем несколько пушечных очередей — указываем цель. Девятка «илов», идущая правым пеленгом, обрушивается на врага. Загорается несколько машин. После третьего захода гитлеровцы открывают сильный зенитный огонь, но штурмовикам хоть бы что.

На аэродром возвратились в полном составе.

— Хорошо повоевали, — снимая парашют, сказал улыбающийся Саша.

Денисов мне нравится: молодой, сообразительный, умелый летчик. Такой не подведет, не бросит в бою, выручит из беды.

— Повоевали, Сашок, и еще повоеюм, — отвечаю я.

Вскоре наш полк с Богучарского направления снова передислоцировался под Сталинград.

— А мы-то думали, что не увидим больше деревню, — явно обрадованный возвращением на аэродром, находящийся в непосредственной близости от большого сражения, произнес Денисов. — Ну, что же, повоеюм?

— Повоеюм, Сашок.

С рассветом послышался гул артиллерийских орудий. Мощный, непрерывный. Казалось, залпам не будет конца. А вслед за восходом солнца стали прослушиваться и бомбардировочные удары, выделявшиеся своей мощью на общем фоне канонады.

Получив приказ из дивизии, майор Мельников поставил полку задачу:

— Вылетаем на прикрытие своих войск. Первую группу поведет штурман полка.

Я вылетел в паре с Иваном Балюком. Общую группу возглавил Чичико Бенделиани. С ним шел Лимаренко, а Максименко — с Оскретковым.

Взлетев шестеркой, поднимаемся все выше и выше. Это был один из тактических приемов Чичико. Где-то ниже нас остались облака, а вверх простиралось чистое, светло-голубое небо. Вот уже три с половиной тысячи метров.

Спустя несколько минут на фоне облаков промелькнули силуэты каких-то самолетов. Штурман полка вывел группу из разворота, стал со стороны солнца и перевел свой «як» в пикирование. Чичико стремительно шел к облакам, откуда бомбардировщики вот-вот могли нанести удар по нашим войскам, действовавшим на переднем крае.

Несколько в стороне и выше появились три пары Ме-109. Два фашистских истребителя, намереваясь сорвать атаку Бенделиани, ринулись на него. Иван Балюк и я отогнали их и вновь последовали за старшим группы.

Максименко и Оскретков вступили в бой с замыкающей парой

шестерки истребителей, давая нам возможность справиться с основной ударной силой противника — бомбардировщиками.

Бомбометание немцы производили обычно с высоты тысяча пятьсот — две тысячи пятисот метров, с горизонтального полета или с пикирования. Сегодня гитлеровцы несколько изменили тактику. Они стали в круг, чтобы прицельно сбрасывать одну бомбу за другой.

Молниеносным ударом Бенделиани и Лимаренко зажгли ведущий «юнкерс». Снизу бросился «мессершмитт», но Иван Балюк отбил атаку. Не успев я проскочить мимо Балюка, чтобы прикрыть его, как мой ведущий выпустил трассу по фашисту. Меткий глаз у командира эскадрильи! Еще одним врагом меньше.

Из атаки выходим правым боевым разворотом, чтобы помочь Чичико. Идем на сближение с «юнкерсами». Нас преследуют «мессеры». Ничего, ребята не подпустят их... Передо мной появился Фокке-Вульф-189. Этот самолет мы называем «рамой». Передаю ведущему: «Атакуй!» Но Балюк не успевает открыть огонь и разрешает сделать это мне.

— Понял. Прикрой хвост. За нами идут два «мессера», — отвечаю и бью по «раме». Правая плоскость врага занялась огнем. Перевернувшись, корректировщик пошел к земле.

Едва успев выскользнуть из-под горящего врага, я почувствовал, как вздрогнула кабина моего самолета от прямого попадания снаряда «Эх, Иван, Иван, — мелькнула мысль, — неужели вместо разворота влево ты круто отвернул вправо и не успел отбить фашиста?» Позже выяснилось, что так оно и случилось. Воспользовавшись ошибкой Балюка, «мессершмитт» пристроился мне в хвост — Балюк уже ничего не успел сделать, даже предупредить меня.

...Все приборы вышли из строя. «Як» сваливается на плоскость. Раненая машина плохо подчиняется управлению. Послушен только руль высоты. Это и помогает мне выйти из боя. Хорошо, комэск не дает врагу добить меня, прикрывает от наседающих «мессеров».

Элероны заклинило, и я могу лететь только по прямой вдоль линии фронта. С трудом разворачиваюсь в сторону своего аэродрома. Я рад и этому: без приборов, без руля поворота и элеронов, с перебитым левым тросом, но все равно дойду, спасу машину. Без нее мне делать нечего. Самолеты сейчас на вес золота. Там, на аэродроме, Шаповалов, Усман Рустамов. Они отремонтируют, подлечат «семерочку».

От напряжения выступает пот на лбу, заливает глаза. Вытираю глаза ладонью. Нет, это не пот. Кровь. Значит, ранен. Почему же не ощущаю боли? Ладно, на земле разберусь.

Начинает греться мотор. Температура воды растет все быстрее, хотя шторки радиатора полностью открыты. Надо что-то предпринимать. Степь ровная, почти везде можно приземлиться... Впереди показался полевой аэродром. Все-таки это лучше, чем чистое поле.

Пытаюсь выпустить шасси, но, кажется, вышла из строя воздушная система. Срываю шасси с замка красным аварийным рычагом. Но в аварийной системе не хватило воздуха — вышло только одно колесо... Как можно ниже подвожу самолет к земле. Медленно гаснет скорость. Плавное приземление, и «як» бежит ровно по заданному направлению. С потерей скорости он постепенно опускается на правую плоскость, затем медленно разворачивается вправо. Отстегнув привязные ремни, вылезаю из кабины. Осматриваю машину. Кажется, ничего серьезного. Техники восстановят.

Из-под шлемофона струится кровь. К самолету подъехала санитарная машина. Местные эскулапы сбросили с меня одежду, осмотрели, сделали противостолбнячный укол, остригли голову и... вытащили из раны небольшой болт с гайкой. Вероятно, он был сбит снарядом Me-109 и, рикошетируя, ударил меня по голове. Рана не очень тяжелая.

Счастье сопутствовало мне второй раз. Под Москвой разорвавшийся снаряд не задел кости ног, под Сталинградом — болт залез под кожу, но череп уцелел.

Сдав самолет под охрану, вышел на дорогу, сел на попутную фронтową машину и вскоре был уже в части.

Полковой врач Цицория, заботливый друг летчиков, еще раз осмотрел рану, забинтовал голову и, удивленно разведя руки, сказал:

— Не кости, а броня. Фашистская сталь не берет. Ну и ну! Хоть сейчас в полет!

— Можно?! — обрадованно произнес я.

Он погрозил пальцем:

— Я тебе такое «можно» пропишу, что быстро где-нибудь в Уральске или Ташкенте окажешься.

Я знал, что доктор шутит, о госпитале не могло быть и речи, тем более, о тыловом. Но мне действительно очень хотелось снова лететь с друзьями на боевое задание. «А не пойти ли к майору Мельникову? — подумал я. — Может быть, он разрешит лететь? Какой-нибудь да найдется самолет»...

Командир полка посмотрел на мою повязку и предложил:

— А ну, надень шлемофон.

Шлемофон не налезал на голову.

— Вот видишь, — улыбнулся он, — не моя вина, что придется тебе отдохнуть денька три-четыре.

Пришлось смириться. Первые два дня как мог подсоблял Шаповалову. Потом, когда машина была готова, от безделья не знал, куда себя девать. Радио и газеты словно сговорились: «В течение девятнадцатого ноября наши войска вели бои с противником в районе Сталинграда и северо-восточнее Туапсе. На других фронтах никаких изменений не произошло». То же — и на следующий день. А детали боев под Сталинградом я и так знал — по собственному опыту, из рассказов однополчан.

Порадовало сообщение Совинформбюро вечером двадцать первого ноября — «В последний час». Наши войска начали наступление северо-западнее и южнее Сталинграда. За три дня враг отброшен на 60—70 километров. Здорово! Значит, города Калач, Абганерово и станция Кривомузгинская наши! Значит, утром того дня, когда я слышал мощную артиллерийскую канонаду, и началось наступление. Значит, тот день, когда меня ранило, был очень жарким днем не только в воздухе, но и на земле, и я могу считать себя участником прорыва немецко-фашистской обороны.

В заключение передачи говорилось о трофеях и войсках, отличившихся в наступлении.

Обиды на Балюка как не бывало. А ведь сначала подумалось нехорошее — спасаясь от преследующего «мессера», бросил меня, оставил незащищенным хвост моей машины... Потом эти страшные обвинения уступили место трезвым, реальным рассуждениям, основанным на многократно проверенных фактах. Каким ты, Яков, знаешь Ивана Федоровича Балюка? Чудесным парнем, смелым воздушным бойцом, талантливым командиром. Как же ты мог подумать плохо об этом человеке? Слава о нем гремит по всей дивизии. Не ты ли под его началом стал заместителем комэска? Не тебе ли вместе с ним приходилось летать в пекло, и он, не считаясь с опасностью, прикрывал тебя от вражеского огня? Да, так было. Было и так, когда во всей дивизии оставалось всего шесть самолетов, и полковник Утин тебе и Ивану Балюку говорил: «На вас, ребята, последняя надежда...» Говорил со слезами на глазах, потому что, если бы мы не оправдали этой надежды, не было бы утинской, гвардейской дивизии.

Нет, Иван просто не рассчитал одного мгновения. А в таком сумасшедшем бою, какой был девятнадцатого ноября, небо кишело самолетами. Тогда в одну секунду выпускались сотни огненных трасс, тысячи снарядов и пуль. За что же осуждать Балюка? Он и без того был чрезвычайно удручен своим промахом. «Прости, Иван, что нехорошо подумал о тебе. Прости!»

Ивану Балюку и мне приказали отыскать и отметить на карте места скопления фашистских войск.

...Высота тысяча триста метров. Кое-где еще стоит туман, попадают пленки облачности, но в основном земля открыта. Линия фронта. Пространство, насколько хватает глаз, почти сплошь в разрывах снарядов. Внизу идет гигантская артиллерийская дуэль. В нас никто не стреляет. Видимо, враг не ожидал появления советских самолетов в такую рань.

Тщательно просматриваем дороги во всех направлениях, балки, складки местности. Подходим к аэродрому. Здесь сосредоточено немало транспортных самолетов, доставляющих из тыла горючее для танков.

Мне приходит в голову мысль проверить, как у немцев организовано несение боевого дежурства... К тому же, у меня особый счет с фашистскими истребителями — никогда не забыть мне гибели Ефтева на взлете...

На окраине аэродрома поднялся вихрь снежной пыли. Это, видимо, запустил мотор дежурный истребитель. Даю знак ведущему: прикрой, мол, в случае чего. Разворачиваюсь в сторону снежного вихря. Так и есть: два Ме-109. Один уже выруливает, пилот второго впопыхах, наверное, никак не может запустить мотор. Внутри у меня все задрожало от ненависти. Атаковать? Но ведь наша задача — разведка. Отвлекаться нельзя. С другой стороны, фашистские самолеты хотят подняться именно для того, чтобы вступить с нами в бой. Так или иначе, от схватки не уйти. Если уж бить, так только на взлете. Бить, как били они по Ефтеву и по мне.

Пока размышлял, мой «як» настолько сблизился с идущим на взлет «мессером», что пришлось почти пикировать для захвата вражеской машины в прицел. Проверяю еще раз — все ли готово. Даю ручку чуть от себя. «Мессер» отрывается от земли. Жму на гашетки. Очередь врывается в кабину врага и прошивает вдоль весь фюзеляж. «Мессершмитт» дергается, будто в судороге, и валится вниз.

Вывожу «як» из пикирования. На земле пылает огромный костер, выбрасывающий клубы черного дыма. Закончив разворот, не стал искать своего ведущего, ибо уверен в нем, как в самом себе. И хотя вокруг густо рвутся зенитные снаряды, немедленно атакую второго «мессера», идущего на взлет. Снежный смерч поднимается к небу. Но это не мешает видеть вражескую машину. Она рассекает белое поле, словно глиссер воду. Пикирую на полном газу. Даю короткую очередь, и фашистский самолет, ковыляя, выкатывается за пределы аэродрома, разворачивается влево и становится на нос. Капут фрицу. Ка-апут!

Балюк, барражировавший неподалеку, дает знать, что пора уходить. Оглядываюсь на клубы дыма позади, на стоящий торчком «мессер». Очень хочется вернуться, зайти вдоль стоянки и изрешетить, исковеркать все, что там осталось, погонять по открытому полю гитлеровцев, как гоняли меня прошлой зимой. Но впереди более важное дело.

...Передо мной всплывает образ погибшего друга. У него задумчивое лицо, такое, каким оно было, когда мы пели «Землянку». Если

бы он мог видеть вот эту расправу над врагом! Этих минут я ждал долго, почти целый год. И все-таки справил тризну по другу.

Отомстил за тебя, Витя!

Мы обнаружили танки противника в одной из ложин. По всей вероятности, фашисты подтягивали их для удара. Но этим танкам не пришлось даже приблизиться к фронту. Сразу после нашего возвращения на аэродром, к ложине ринулось несколько групп «ильюшиных». Они устроили там такое, что немцы потом растаскивали искалеченные и обгоревшие машины целую неделю.

После очередного вылета мы, по привычке, собрались неподалеку от командного пункта. Штурман полка подошел последним. Он положил на снег планшет, сел на охапку соломы и обвел всех горячим, любящим взглядом. Бенделиани был доволен летчиками, их боевыми делами. Иван Балуок опустился рядом с ним на корточки и обнял Чичико.

— Улыбаешься, генацвале? Слава богу, поработали отлично. Все живы. И впредь, назло фашистам, останемся живыми и здоровыми.

— А ты знаешь, что говорили о действиях наших истребителей?.. — тоже улыбается Чичико.

— Кто говорил? Когда?

— Кое-кто из больших начальников. Давно, в самом начале битвы.

— Что говорили?

— Что мы не соколы, а детский сад... Видели вы когда-нибудь на прогулке малышей из детского сада? Первый держится за руку воспитательницы, второй — за пальтишко первого, третий — за пальтишко второго и так далее... Вот так, точь-в точь, выглядели и мы в воздухе...

— Ну, это ты брось!.. — улыбнулся Иван.

— Не может быть! — густым басом отозвался Вася Лимаренко, поворачиваясь к штурману всем своим могучим телом.

— Неужели так и говорили?! — ужаснулись сержанты.

Чичико, как бы вспоминая, ответил:

— Не совсем, конечно, так!.. Но воевали мы как-то пассивно, больше придерживались оборонительной тактики, позволяя фашистам навязывать нам условия боя...

Да, так было когда-то. Увидишь, бывало, противника, сразу становишься в круг... А «мессерам» раздолье. Они свободно маневрируют, выбирают более выгодные позиции для атаки. После каждого вылета кого-либо из ребят недосчитывались. И я, и другие летчики горестно думали тогда: вроде мы и не хозяева в своем небе... Истребители, а обороняемся...

Никто другой, а именно Бенделиани говорил тогда:

— Надо с этим кончать! Пара — вот самостоятельная боевая единица!

Сейчас, когда мы уже научились бить фашистских стервятников, штурман напоминал молодым однополчанам, что несколько пар, идущих широким фронтом, контролируют большее воздушное пространство, чем группа. Одновременная атака всей группой хороша, конечно, в момент, когда надо расчленил плотный строй бомбардировщиков. А в бою с мелкими группами и одиночками хороша только пара. Надо шире использовать радиосвязь. В район боя над нашей территорией не зря посылают авиационного представителя. Он с земли по радио дает информацию о воздушной обстановке, наводит своих истребителей на самолеты противника, если надо, вызывает подкрепление.

Слова Чичико Кайсаровича будоражили воображение молодежи, приоткрывали еще неизвестные ей новые горизонты, рождали ощущение собственной крылатости.

В разгар беседы, запыхавшись, прибежал связной командира полка. Четырех летчиков, в том числе и меня, вызывали на командный пункт.

... И вот наша четверка в воздухе. Возглавить ее поручено мне. Задача не новая — прикрыть участок фронта и уничтожить вражеский самолет, корректирующий артиллерийский огонь. В группе одни сержанты. Ведущий первой пары — я, второй — Илья Чумбарев.

При подходе к намеченному району нас встречают четыре Ме-109. Они пытаются навязать воздушный бой. Что ж, принимаем! Но только мы начали атаку, как «мессеры» почему-то ушли. Неужели трусят? Пожалуй, нет. Они стремятся увлечь нас в сторону от заданного маршрута.

Над облаками, над нашей территорией, кружит Фокке-Вульф-189. Он корректирует артиллерийский огонь. Не многим летчикам удавалось сбивать «рамы». Увертлива она очень. Два фюзеляжа и два мотора позволяли «старшине фронта», как ее еще именовали, выразить, что называется, на одном колесе.

С ходу, не обращая внимания на вражеские истребители прикрытия, идем в атаку. Корректировщик немедленно входит в крутой вираж. Никак не удается «вцепиться» ему в хвост. Еще атака. Он появляется в прицеле буквально на секунду. Очередь успевает зацепить хвостовое оперение. Корректировщик скрывается в облачности, а на нас наседают «мессеры». Они показываются то сверху, то слева, то справа и увертываются от наших атак.

Неожиданно в стороне появляется новый самолет под прикрытием группы истребителей. Я сначала принял его за удравшего корректировщика, но через полминуты распознал в нем Хейнкеля-111. Это мощный двухмоторный бомбардировщик. На его борту три пулемета и до двух тысяч килограммов бомб. Такая туша весит более одиннадцати тонн.

Как по уговору, вся наша четверка берет курс на новую вражескую группу. Илья Чумбарев со своим ведомым устремляется в атаку на бомбардировщика, я иду на ведущего «мессера» в лоб. Сближаемся. Фашист не сворачивает. Открываю огонь. Противник ныряет вниз, разматывая за собой длинную пряжу дыма. Подбит? Оглядываюсь. Мой ведомый почти в упор расстреливает поврежденный истребитель, а ко мне в хвост пристраивается другой Ме-109.

Каскадом полувертикальных фигур ухожу от него и спешу к Чумбареву. Илья взяли в «клещи» два фашиста, а вторая пара напала на его ведомого. Блестящим маневром Чумбарев вырывается и снова атакует «хейнкеля», заходит огрызающемуся фашисту в хвост. От «яка» тянется огненная трасса и прошивает фюзеляж бомбардировщика. Ответный огонь прекращается. «Хейнкель» уже не маневрирует, он лишь пытается уйти по прямой. Чумбарев буквально висит у него на хвосте. Вот сейчас вырвется смертоносная трасса, и «хейнкель» будет уничтожен.

Секунда, вторая. Но трассы нет. Значит, ящики боеприпасов пусты. Об этом догадались и мы и немцы. Справа на самолет Ильи ринулась пара «мессеров». Иду им наперерез, а мой ведомый разворачивается и устремляется ведущему «мессеру» в лоб. «Як» Ильи прибавил скорость. От его винта до хвостового оперения «хейнкеля» не более пяти метров. Что задумал Чумбарев? Неужели таран!..

«Як» подходит к врагу вплотную и неожиданно взмывает вверх. Брызжут обломки. «Хейнкелю» будто дали хорошего пинка. Он клюет носом и падает. Видно, как выбрасываются с парашютами летчики. А Чумбарев выходит из горки правым разворотом со снижением и начинает планировать. Его пытается атаковать один из истребителей противника, но мы не даем в обиду безоружного товарища. Фашист, встре-

тив мощный огонь, тотчас же сворачивает с курса и убирается восвояси. Исчезают и остальные вражеские самолеты.

«Як» сержанта Чумбарова выпускает шасси и приземляется. Илья вылезает из самолета, машет нам рукой: все в порядке! Делаем над ним круг почета и спешим на свой аэродром. Горючего-то у нас не на век запасено...

Едва успев прибыть в полк, сержант Чумбаров оказался в объятиях Мельникова.

— Соколик! Молодчина!—радостно тискал его майор.— Пехотинцы восхищены. Передают спасибо.

Спустя несколько минут Илью поздравлял сам командир дивизии, полковник Утин.

— Герой!— хвалил он летчика за самоотверженный подвиг.— Евгений Петрович, представляй парня к награде.

Как потом выяснилось, сбитый Чумбаревым «хейнкель» выполнял функцию разведчика. Он возвращался с нашей территории после выполнения задания. За уничтожение вражеского лазутчика Илья был награжден орденом Красного Знамени. Ему присвоили звание лейтенанта.

Это был первый таран в битве над Волгой. Илья осуществил его с удивительным хладнокровием, расчетливостью и мастерством. На «яке» Чумбарова лишь сменили винт, и самолет был готов к новым боям.

Недалеко от линии фронта мы увидели встречный истребитель. Устремляюсь к нему. Несколько глубоких виражей ни к чему не привели. Решаю втянуть противника в бой на вертикали. Это дало мне возможность зайти в хвост немцу. И вдруг «мессершмитт» сорвался в штопор. Умышленно, чтобы избежать расстрела, или ошибся? Теперь у меня более удобный случай для расправы с Ме-109. Однако летчик быстро вывернул самолет, и мы полетели друг другу навстречу вверх-колесами.

В таком положении мне еще не приходилось встречаться с противником. Летя вниз головой, очень трудно вести прицельный огонь.

... Сколько мы ни повторяли атак, результатов никаких. Я взмок от напряжения, во рту пересохло. Ну и положеньице, черт возьми!

Но вот, кажется, последняя атака. В перекрестье прицела показался «мессершмитт». Длинная очередь попала в цель. Вздрогнул и мой самолет. Я потянул ручку управления на себя и, пикируя, увидел, как длинная струя черного дыма стелется за Ме-109. Через несколько секунд он взорвался.

Еще не верилось, что бой окончен. Но вот голос Ивана Балюка:

— Молодец, Яша! Лобовой с перевернутого положения, рассчитался с фрицем. Молодец!

Я настолько вымотался, что в ответ ничего не мог сказать. Двадцать три минуты огромного напряжения. Достал из кармана кусок сахара, откусил и почувствовал облегчение. Затем пристроился к ведущему и сказал:

— Наверное, с опытом фриц. Столько времени пришлось потратить...

Это был единственный случай в моей практике, когда я атаковал вверх колесами. Такого боя мне больше не приходилось вести.

Уже на аэродроме увидел, что на моем «яке» нет нижнего капота. Он был сорван очередью «мессершмитта» в момент последней лобовой атаки, которая чуть не стала последней и для меня.

Нас собрали в просторной избе. Приехал лектор из политотдела воздушной армии. Что он скажет нового, обнадеживающего? Сидим. Ждем.

Лектор Минаев вошел вместе с полковым начальством. Быстро взглянув на часы,— вероятно, его ждали в других полках,— снял шапку, сбросил на стул полушубок.

— Как вы уже знаете, товарищи,— без предисловия начал политработник,— с девятнадцатого ноября Красная Армия силами Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов перешла в наступление и нанесла мощный удар по врагу. Ход сражений показал, что стратегический план немецко-фашистского командования был построен на песке, потому что гитлеровцы не учли своих реальных сил, не учли и не могли учесть наших возможностей, наших резервов. А план врага заключался в том, чтобы захватить Сталинград, отрезать центральную европейскую часть Советского Союза от волжского и уральского тылов, окружить и взять Москву.

Лектор показал на карте хищные синие стрелы — направления вражеских ударов.

— Полной противоположностью плану неприятеля,— продолжал Минаев,— был стратегический план окружения и разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом. Этот план осуществлен нашими войсками, в том числе и вами, дорогие друзья, в течение последних шести недель.

В первых рядах кто-то хлопнул в ладоши. Его поддержали. Изба взорвалась аплодисментами. Выступающий поднял руку. Установилась тишина.

— Давайте рассмотрим три этапа ожесточенных боев с врагом: первый — наступление наших войск северо-западнее и юго-западнее Сталинграда, второй — в районе среднего Дона и третий — южнее Сталинграда...

На первом этапе Красная Армия продвинулась вперед на 70—150 километров и освободила 213 населенных пунктов. Разгромлены фланговые группировки врага и окружена основная масса его войск под Сталинградом. На втором этапе мы сделали рывок на 150—200 километров и освободили 1246 сел и городов. Вражеские части и соединения окружены под Сталинградом. С двенадцатого декабря немецко-фашистское командование предприняло отчаянную попытку освободить окруженную у берегов Волги группировку. Наши войска сорвали эту попытку, разбили ударный кулак врага, отбросили гитлеровцев на юг и лишили их последней надежды пробить путь к попавшим в «котел» дивизиям. Мы продвинулись вперед на 100—150 километров. В 130 населенных пунктах снова подняты флаги свободы.

— Сколько в «котле»? — шепотом переспросил Саша Денисов Шаповалова.

— Двадцать две. Не мешай слушать...

— Сила! Расколошматили тридцать шесть дивизий,— покачал локматой головой инженер Дрига.

— Тс-с! — цыкнули на него.

Лектор продолжал говорить:

— За это время нашими войсками захвачено 542 и уничтожено 1249 вражеских самолетов...

Снова разразилась овация.

— Успеху советских войск под Сталинградом способствовали соединения генерал-лейтенанта Красовского, генерал-майора авиации Хрюкина,— лектор чуть улыбнулся и, бросив на нас взгляд, особо подчеркнул: — Генерал-майора Руденко.

Ребята встали. Это был наш генерал. Вася Лимаренко во все горло крикнул:

— Ура-а-а!

— Стекла, стекла полетят, черти! — шутливо грозил кулаком майор Мельников.

Дьявол с ними, со стеклами. Мы орали насколько хватало духу. Минаев улыбался...

Вскоре наш полк перелетел на новый аэродром к юго-западу от Сталинграда. Враг пытался с помощью транспортной авиации наладить снабжение своей группировки, окруженной нашими войсками. Мы летали на перехват, барражировали в воздухе, вели свободную охоту.

Однажды я с Павлом Оскретковым и еще шестью однополчанами поднялся с аэродрома. Над землей висела многослойная облачность. Разойдясь в разных направлениях по двое, стали искать противника. Я и мой ведомый взяли курс в юго-западном направлении, откуда, как мне казалось, наверняка можно было ожидать вражеские самолеты. Надо сказать, что пара наша уже окрепла как боевая единица.

Немного погодя мы вышли за облака. Неприятельских самолетов не было. Снова нырнули вниз и развернулись на юг.

Вскоре справа от нас промелькнул силуэт самолета. Мы вошли в нижнюю кромку облаков, чтобы не обнаружить себя, выждать удобный момент и внезапно атаковать врага. Однако вступить в бой с гитлеровцем не пришлось: его обнаружила другая наша пара.

— Нам делать здесь нечего, ребята сами расправятся, — сказал я своему ведомому и пошел прежним курсом.

В этом районе должны быть интенсивные перелеты немецких самолетов. Это я знал точно. И, действительно, вскоре мы обнаружили Юнкерс-88, который, по-видимому, уходил с территории окруженной группировки.

Маскируясь облаками, мы почти вплотную приблизились к «юнкерсу». Заметив нас, фашист попытался спрятаться в облака, но маневр не удался. Оскретков и я зажали его в «клещи». «А что если не расстреливать врага, а посадить на нашей территории?» — мелькнула мысль. Подумал я об этом вот почему: на самолетах из окруженной группировки нередко улетали офицеры и генералы.

Давая предупредительные очереди слева и справа, мы как бы показывали «юнкерсу» дорогу: иди туда, куда ведем! Но экипаж, видимо, решил отбиться.

Ответным огнем ударили по стрелку. Пулемет умолк. А «юнкерс» упорно не хотел идти на снижение. Очередной атакой Павлик поджигает правый мотор. Пытаясь сбить пламя скольжением, летчик начал снижаться. Вот так-то лучше, топай на посадку!

Самолет противника подвернул на несколько градусов влево, выбирая площадку для посадки. Вот он стал приземляться на фюзеляж, но площадка оказалась с большими неровностями. Машина резко развернулась вправо и окуталась дымом. Какая досада. Ведь могли живыми взять в плен и пассажиров и экипаж...

Сделав несколько кругов, мы убедились, что из горящего самолета никто не вышел.

Павлик Оскретков был очень рад своей победе. Еще бы! Это первый вражеский бомбардировщик, сбитый им в сталинградском небе. Парня поздравляли все — от командира звена до командира полка. Тут же, на стоянке самолетов, Евгений Петрович Мельников отозвал Ваню Литвинюка в сторонку и сказал:

— Вот что, комсорг, посоветуйся с комиссаром и пиши представление на Оскреткова.

— Какое представление?

О награждении Павла Грамотой ЦК ВЛКСМ. Заслужил парень. Как ты думаешь?

— Заслужил, товарищ командир,— подтвердил Иван Литвинюк.— Мне Михайлик рассказывал, что когда «юнкерс» загорелся, пехотинцы шапки подбрасывали вверх. Я сейчас напишу представление.

— Вот и добро, Ваня. Комсомольцы воюют здорово, надо их поощрять,— посоветовал командир полка.

Газеты и радио сообщали, что окруженные немецко-фашистские войска оказались в исключительно тяжелом положении. Их обстреливала наша артиллерия, атаковала пехота, по ним били советские бомбардировщики, штурмовики и истребители. Душить врага помогали декабрьские и январские холода.

Чтобы хоть чем-нибудь помочь своим войскам, попавшим в «котел», гитлеровское командование бросило значительные силы транспортной авиации. Но воздушная блокада лишила врага возможности доставлять окруженным оружие и продовольствие, эвакуировать личный состав из «котла». Наши истребители перехватывали транспортные самолеты Ю-52, заставляли их сбрасывать груз на нашей территории, уничтожали.

Спротивление гитлеровцев было безнадежным. Учитывая это, представители советского командования 8 января 1943 года предложили Паулюсу, всем окруженным войскам капитулировать. Ультиматум был отклонен. Через два дня войска генерала Рокоссовского после мощного артиллерийского и авиационного удара перешли в наступление.

Полмесяца шли жестокие бои, и только 26 января в районе Мамаева Кургана окруженная группировка была расчленена на две части — южную и северную. С запада в Сталинград вклинились части 21-й армии, с востока сделала рывок 62-я армия. 31 января капитулировала южная группировка, 2 февраля — северная.

О том, какую помощь оказали наземным войскам наши летчики во время величайшей битвы второй мировой войны, видно из высказывания генерала Чуйкова, командовавшего тогда 62-й армией.

«... Празднуя победу,— говорил он,— мы никоим образом не забываем, что в ее завоевании большая ваша заслуга, товарищи летчики, штурманы, стрелки и младшие авиационные специалисты... Вы заслужили право и можете смело вместе с нами разделять радость победителей... С самых первых дней борьбы за Сталинград мы днем и ночью непрерывно чувствовали вашу помощь с воздуха... Сейчас нет возможности перечислять все заслуги летчиков и примеры их самоотверженной борьбы на Сталинградском фронте. Они дрались смело и решительно, и за это от имени всех бойцов и командиров армии я выношу им глубокую благодарность».

3. На Орловско-Курской дуге

Среднерусское лето. Я и мои товарищи сидим на аэродроме в готовности номер один. На ярком солнце раскалилась кабина. Капельки пота выступают на лице и плавно скатываются по щекам. На губы стекает солоноватая влага.

Душно. Скорее бы подняться в небо или, сменившись с дежурства, вылезть из кабины, размяться, закурить крепкой махорочки, завернутой в газетную бумагу. Я смотрю на часы, монотонно тикающие на при-

борной доске, потом поворачиваю голову влево, вправо. Рядом, тоже в самолетах, сидят летчики, ждут боевого приказа. По сигналу мы поднимаемся в воздух вчетвером. А потом уж на помощь нам взлетят остальные друзья по эскадрилье. А если надо — весь полк взмоет в небо.

Рядом с плоскостью сидит, поджав по-восточному ноги, мой новый механик. Это Усман Рустамов. Где-то теперь Шаповалов, чей самолет обслуживают его золотые руки? Из-под Сталинграда его перевели в другую часть. С повышением перевели. Теперь он техник звена, а может быть, и Дригу догнал — в эскадрилье хозяйничает.

Словно угадав мои думы, Усман вскинул на меня жгучий взгляд черных глаз.

— Ай, Якубджан?

Рустамов зовет меня Яковджаном, но частенько величает чисто по-узбекски — Якубджан.

— Ничего, Усманджан. Мало-мало посидим и закончим дежурство. Чай будем пить?

— О, — довольно улыбается он. — Чой — бальзам, чой лучше вина, — и он показал термос.

— Что ты там читаешь? — спросил я механика, увидев на коленях у него книжку.

— Уйгун, «Гнев и любовь». Стихи. Хорошие стихи, — улыбнулся Усман, обнажив ровные белые зубы. — Гнев — фашисту, любовь — нашим людям, нашей земле.

Рустамов начал было читать вслух, но над нами взлетели зеленые ракеты. В небо!

Засуетились механики и техники. Несколько секунд, и от впереди стоящего «леса» не осталось и ветки. Все маскированные посадки — в сторону. Загудели моторы. Один за другим «яки» стали выруливать. Посмотрев, готовы ли мои ведомые, пошел на взлет. Вскоре в наушниках услышал знакомый басистый голос командира:

— «Тридцать третий!» Набирайте высоту в стороне от точки. К нам подходит шестерка «фоккеров». Будьте внимательны!

Этот голос я мог различить из тысячи. Вот уже почти два года вместе с Евгением Петровичем Мельниковым хожу по земле, летаю в воздухе. Шаг в шаг, крыло в крыло.

— Понял, — ответил я командиру полка.

Гляжу по сторонам — нет ли где вражеских истребителей, которые могут на взлете перебить все мое звено. Кажется, не видать. Пройдя несколько километров на бреющем полете, набираем высоту в направлении солнца — потом будет удобнее атаковать «фокке-вульфов», намеревающихся блокировать наш аэродром.

На мой запрос — на какой высоте противник — Мельников ответил:

— «Фоккеры» ходят парами по большому кругу на высоте трех-четырёх тысяч метров. Подходи сюда скрытно!

Истребители противника, по-видимому, основное внимание обращали на соседей, плохо замаскированный аэродром, и почему-то не штурмовали наши самолеты. Вероятно, упорно ожидали, когда те будут взлетать. Это нам и дало возможность подойти к аэродрому скрытно, со стороны солнца. Одну пару «яков» на всякий случай я оставил значительно выше «фоккеров», а сам с ведомым перешел в пике, набирая скорость.

Самолеты противника — пара выше, а четверка несколько ниже — спокойно выжили правым пеленгом, растянувшись друг от друга на большой дистанции. Расстояние между нами сокращалось с чудовищной быстротой. Вот уже верхняя пара «фоккеров» зажата в клещи с двух сторон. Когда мы сблизилась на дистанцию огня, ведущий начал

резко разворачиваться влево со снижением, то есть, как бы прятался под четверку своих истребителей. Однако, энергичный разворот не спас его.

— Я — «Сокол», иду в атаку! — бросил я в эфир.

Перекрестье моего прицела лежало точно на «фоккере». Огненная струя достигла цели. Ведущий «фокке-вульф» загорелся.

— «Тридцать третий», — услышал я одобряющий голос подполковника Мельникова, — молодец.

Отвечать некогда. Вedomый сбитого поспешил выйти из боя, опасаясь разделить судьбу своего незадачливого напарника. Что ж, топай, дьявол с тобой. Есть кого бить кроме тебя. Выйдя из атаки боевым разворотом, мы снова ринулись на врага. Вторая наша пара отлично прикрывала меня и ведомого, в любую минуту была готова кинуться нам на выручку.

Очередной противник выскользнул из-под прицельного огня. Еще атака — и снова безрезультатно. Переходим на вертикальные фигуры, чтобы неожиданно зайти в хвост. Но, видимо, враги опытные, хорошо подготовленные. Не так-то просто их сбить. Вниз-вверх, вниз-вверх. Дико режут моторы, от напряжения дрожит обшивка «яков», мечутся стрелки приборов, в глазах начинает темнеть от страшных перегрузок. Мы гоняемся за гитлеровцами то у самой земли, то высоко над нею. Они хотят обмануть, поймать нас на оплошности, мы — их.

Схватка продолжается вот уже более десяти минут, а удобного момента для удара все еще нет, хотя преимущество по высоте и скорости все время оставалось за нами. Но вот один из «фоккеров» решил оторваться от меня, изменить направление полета на восходящей вертикали. Сначала он пошел на левый боевой разворот, но во второй его половине вдруг начал переключать самолет в правый. Вот когда он ошибся! Как только его машина как бы задержалась на месте, я открыл огонь. «Фоккер» мгновенно охватило пламенем. Он взорвался в воздухе.

— Спасибо, сокол! — послышалось в наушниках. Это голос Мельникова.

Я рванул мокрый ворот комбинезона. Пот градом катился по всему телу. Осмотревшись, увидел, что немцы, не выдержав боя, стали уходить пикированием.

Это было одним из их преимуществ. «Фоккеры» пикировали отлично, они почти камнем летели к земле. Что ж, пусть улететь пытаются. Задачу-то они свою не выполнили, да еще и с потерями уходят от нас.

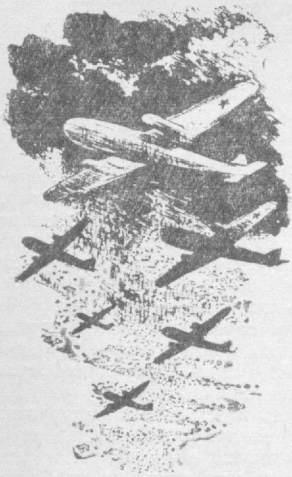
На земле с нетерпением ждали нашего возвращения. Наш успех придавал силу не только нам, но и всем однополчанам, которые, не отрывая глаз, наблюдали за каждым маневром. Особенно ликовала молодежь, прибывшая к нам на пополнение.

К возвратившимся с задания летчикам подходили заместитель начальника штаба полка Ганзеев со своей неизменной записной книжкой, куда он заносил результаты полета и боя, парторг Шувалов, секретарь комсомольской организации Иван Литвинюк. На щите фанеры, прибитом к стволу ольхи, уже висела «молния» — среди других там была и моя фотография — и где только достали! — с подписью внизу: «Слава гвардии младшему лейтенанту Михайлику, сбившему сегодня, 2-го июня, два Фокке-Вульфа-190! Товарищи летчики, бейте врага, как Яша Михайлик!»

Свободные от боевой работы люди толпились возле щита, обменивались мнениями.

Едва сержант Рустамов успел осмотреть самолет и заправить его, как поступил приказ на повторный боевой вылет.

— Счастливо, Якубджан! — преданно посмотрел на меня механик.

— Спасибо, Усманджан,— помахал я ему рукой из кабины и пошел на взлет.

Вслед за вторым вылетом последовал третий, а затем и четвертый. Время шло к исходу дня, когда я возвратился из очередного вылета на разведку. Сняв парашют и шлемофон, помог Рустамову замаскировать самолет.

— Больше не будет вылета?— спросил механик.— Если не будет, надо готовить машину на завтра.

— Подожди, Усман, может быть, еще придется лететь. Давай покурим.

Механик не курил, но всегда со мной соглашался.

— Покурим.

Мы отошли от машины.

— Жарко было?— полюбопытствовал сержант.

— Как в Узбекистане в разгар июля,— затыгиваясь дымком, ответил я шутливо.

Рустамов понимающе улыбнулся.

В ночь на пятое июля подполковник Мельников собрал на командный пункт командиров эскадрилий и их заместителей.

— Командир авиадивизии приказал: завтра с рассвета всем полком прикрывать боевые порядки наших войск в районе Понырей. Все ли готовы к выполнению боевого задания?— спросил он, обводя присутствующих взглядом.— Первая эскадрилья?

— Готова!

— Вторая?

— Так точно!

— Третья?

— Да.

— Прощу подойти сюда,— пригласил Евгений Петрович и разложил на столе карту, разрисованную красным и синим карандашами.

Станция Поныри находилась километрах в шестидесяти пяти от Фатежа, на железной дороге Орел—Курск. Передний край в этом районе обороняли части 13-й армии, имеющей во втором эшелоне 2-ю танковую армию, а за ней — полки 16-й воздушной армии. Здесь завтра загудит фронт, загорятся земля и небо.

— Туда полетите вот этим маршрутом,— указка Мельникова скользнула на северо-восток,— обратно — вот этим. Ясно? Хорошо. Дополнительные указания получите завтра. С рассвета быть готовым к вылету. А теперь — отдыхать.

По эскадрильям расходились не торопясь. Командиры вели разговор о предстоящем сражении, которого столько месяцев ожидали, об Орле и Курске — старинных русских городах, на плечи которых навалилась такая тяжесть.

... В два часа двадцать минут предрассветную тишину разорвал гром орудий.

— Началось, товарищ командир?— тревожно посмотрел на меня сержант Рустамов.

— Как видно, началось,— ответил я, прислушиваясь к нарастающему гулу канонады.

Орудия и минометы били непрерывно в течение получаса. Мы зна-

ли, что это артиллерия 13-й армии вела контрподготовку к наступлению. И тем не менее удивлялись. Как же так? Вроде бы первым должен начинать артподготовку противник. Ведь он же готовился к наступлению. Выходит, наши опередили?

Так оно и было. Наши открыли предупредительный огонь за десять минут до начала предполагавшейся артиллерийской подготовки врага. Значит, немецко-фашистское командование оказалось застигнутым врасплох. Вражеская артподготовка началась лишь спустя два часа десять минут. Немного погодя мощь нашего огня усилилась. Это армии начали повторную контрподготовку.

Мы стояли у самолетов и ожидали возвращения из разведки заместителя командира второй авиаэскадрильи Васи Лимаренко с одним из летчиков. Едва солнце успело бросить первую позолоту на аэродром, как из-за леса показалась пара «Яковлевых».

— Они!— с облегчением крикнули ребята и кинулись к командному пункту.

Василий, сняв шлемофон и приглаживая волосы, быстро подошел к Мельникову:

— Что там?— спросил командир.

— Дуэль. Наши стреляют, немцы стреляют. Дым и огонь. Над позициями 13-й армии тучи бомбардировщиков.

В это время из землянки выбежал начальник штаба и передал приказ комдива на вылет.

— По самолетам!— крикнул Евгений Петрович.

Звено за звеном, эскадрилья за эскадрилей поднимались в воздух и шли туда, где разгорелась грандиозная битва, где полыхала окутанная гарью земля, в зло гудящее небо, где волны бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей захлестывали солнце.

Дрался наш полк и соседние части дивизии, дрались другие соединения 16-й воздушной армии. На смену одной группе вылетала другая, на смену второй — третья. Волна за волной, поток за потоком.

— Справа «юнкеры», — подсказывала наземная станция наведения «Приклад». — Атакуйте.

И спустя несколько минут снова:

— «Соколы», я — «Приклад». Слева «хейнкели».

Откуда-то доносился голос «Пули»:

— «Мессеры», «мессеры» сзади...

— Я «Сокол», иду в атаку! — неслось в ответ.

Сверкают пушечные и пулеметные трассы, бешено носятся «яки», «фокеры», «мессеры». То вспыхнет наш самолет, то взорвется фашистская машина. Огненные факелы прочеркивают небо сверху вниз вдоль и поперек.

...Мы вылетели уже после третьей заправки, но конца боя не видно. Деремся на высотах от бреющего полета

до четырех-пяти тысяч метров. А впереди еще несколько часов светлого времени...

К концу жаркого июльского дня командира полка вызвали в штаб дивизии. Возвратился Мельников через час-полтора, и снова, как вчера вечером, собрал руководящий состав.

— Завтра чуть свет в воздух, — сказал он. — Задача та же. — И, слегка опустив лобастую голову, добавил негромко: — Сегодня дивизия сбила тридцать один самолет, подбила десять. Своих потеряли пять летчиков и десять самолетов... Вопросы?

Все молчали, вопросов не было.

— Первая эскадрилья готова в бой? — вскинул голову командир.

— Готова!

— Вторая?

— Так точно!

— Третья?

— Да.

И на второй, и на третий, и на восьмой день стонала земля от великого ратного напряжения. Немецко-фашистское командование бросало в режущее пекло все новые и новые войска — живую силу и технику, но какого-либо значительного успеха добиться не смогло. В восьмидневных непрерывных боях войска Центрального фронта измотали врага и остановили его натиск. Противник перешел к обороне.

Командира дивизии полковника Утина назначили командиром корпуса. Вместо него прибыл полковник Сухорябов. Он собрал летный состав полков и зачитал Обращение Военного Совета 13-й армии Центрального фронта к летчикам нашей воздушной армии. В нем говорилось: «Бомбардировщики и штурмовики своими ударами наносили противнику чувствительные потери в живой силе и боевой технике, расстраивали его боевые порядки, содействовали нашим контратакам, сдерживали наступление немцев. Истребители, прикрывая боевые порядки, противодействовали бомбардировщикам врага, заставляли их сбрасывать бомбы вне цели. Военный Совет 13-й армии просит передать летному составу горячую благодарность наших наземных войск за активную поддержку с воздуха в отпоре врагу».

Обращение взволновало нас. Каждому хотелось еще больше летать и бить, бить врага беспощадно.

На южном флесе Курского выступа сражение началось на сутки раньше, чем на северном. Там тоже на земле и в воздухе с ожесточенной яростью сталкивались стальные армады. Нас особенно интересовали действия наших братьев по оружию — летчиков. Оказывается, в первый же день наши истребители сбили в воздушных боях 173 вражеских самолета. Бомбардировщики и штурмовики успешно наносили бомбовые и штурмовые удары по вражеским танкам и мотопехоте.

С первого же дня битва на подступах к Обояни приобрела характер грандиозного танкового сражения. Немцы ставили на карту все и не считались ни с какими потерями: в случае успешного прорыва линии советской обороны и овладения Курском любые жертвы будут оправданы. В этих условиях нашей авиации придавалось особое значение. Пехотинцы, танкисты и артиллеристы ежечасно просили авиационное командование: «Дайте самолетов!» И самолеты шли эшелон за эшелон, с раннего утра и до позднего вечера.

О том, как дрались наши летчики с врагом в этом районе, мы знали на примере героического подвига гвардии старшего лейтенанта Александра Горовца. Встретив группу фашистских самолетов, состоявшую из двадцати бомбардировщиков Ю-87, Александр смело вступил в не-

равный бой. Гитлеровцы шли плотным строем. Сомнений не было: они собирались бомбить наши позиции. Горовец бесстрашно врезался в самую гущу самолетов противника. Это было настолько дерзко, что враг растерялся от неожиданности. Молниеносные атаки Александра следовали одна за другой. И каждая атака — сбитый «юнкерс». Горовец уничтожил в этом беспрецедентном в истории бою девять фашистских самолетов. Остальные, не сбросив бомбы, поспешно обратились в бегство.

Слава об отважном летчике коммунисте Горовце Александре Константиновиче в тот же день облетела все фронты.

Двенадцатого июля мы снова вылетели в район Прохоровки для прикрытия своих войск с воздуха. Бомбардировщики врага на этот раз не появились, но зато на земле творилось что-то невообразимое. Лоб в лоб сошлись лавины танков и самоходных орудий. Как потом стало известно, их было до полутора тысяч с обеих сторон. Машины расстреливали друг друга в упор, сталкивались в таране. Одни, крутанувшись на месте, замирали с подбитыми гусеницами, другие вспыхивали кострами, третьи, охваченные пламенем, металась в ярости. А на черный дым схватки шли все новые и новые стальные лавины, поднимая тучи пыли...

Летчики потом называли это место у Прохоровки «танковым кладбищем».

Наш полк обычно вылетал всем составом. Так было и за несколько дней до великого танкового сражения, когда совершил свой подвиг мой товарищ Виктор Поляков.

... Мы барражировали на высоте две с половиной тысячи метров. Время дежурства подходило к концу. Скоро нас должен был сменить соседний полк. Однако вместо «яковлевых» над Прохоровкой появилось восемнадцать «фокке-вульфов». Это означало, что вот-вот пожаруют и бомбардировщики. Без них «фоккерам» делать тут нечего.

В надежде рассеять нашу группу или хотя бы связать боем, фашистские истребители начали атаку. Что ж, драться не впервой. Часть «яков» приняла бой, а другая приготовилась к встрече бомбардировщиков. Ребята дерутся отважно. Вот один «фоккер» врезается в землю. Вслед за ним вспыхивает и падает другой. Натиск гитлеровцев ослабевает: «яки» им не по зубам.

Спустя несколько минут показались фашистские бомбардировщики. Три группы. Идут под прикрытием истребителей. Атака нашей ударной группы во главе с Чичико Бенделиани молниеносна. Ведя огонь, «яковлевы» отсекают «хейнкелей» от истребителей и насаждают на них. Лишенные прикрытия бомбардировщики разворачиваются в обратный путь.

В разгар боя Виктор Поляков со своим ведомым Слесаревым неожиданно устремились в сторону. Оглядываясь и вижу — подходит еще одна группа фашистских самолетов. Умница, Поляков, вовремя заметил! Но в какой переплет попал он сам!.. На него и Слесарева хищно набрасываются пять или шесть «фоккеров». Виктор словно не видит их. Он, открывая огонь по ведущему, стремительно врезается в строй бомбардировщиков. «Хейнкель» окутывается черным дымом. На выручку Полякову спешит Лимаренко. Ему своевременно удастся прикрыть Полякова сверху, но одна из вражеских очередей со стороны достигает цели. Самолет Виктора загорается...

Стискиваю зубы и мысленно прощаюсь с другом.

Передо мной удирающий бомбардировщик. Завершить атаку не удается, на меня насаждают два «фоккера». Увертываюсь от них и мель-

ком замечаю — горящий самолет Полякова не падает. Больше того, Виктор, кажется, атакует врага. Так и есть. Поляков направляет свой горящий истребитель на Хейнкель-III. Вот он сближается с хвостовым оперением вражеского бомбардировщика и резко взмывает вверх. Во все стороны разлетаются обломки. «Хейнкель» переходит в пике, летит к земле. Самолет Виктора, видимо, потеряв управление, срывается в штопор. Но вот в воздухе расцветает белый купол парашюта. Уцелел, жив Виктор!

Фашисты уходят. Преследовать их нет возможности, горячего еле хватит на обратный путь. Наблюдаем, как Поляков опускается прямо на руки наших солдат, выбежавших из укрытий. Его обнимают, целуют. Весь воздушный бой проходил на глазах пехотинцев; они были свидетелями мастерства и отваги летчиков нашего полка, сбивших за несколько минут пять бомбардировщиков и четыре истребителя противника. Правда, нашу победу омрачила потеря одного летчика и двух самолетов, но все-таки это была большая победа.

В шесть часов утра 15 июля советские войска, измотав врага в оборонительных боях, перешли в наступление. С этого часа мы уже не отбиваемся от фашистских армад, а охотимся за их истребителями, обеспечиваем действия своих бомбардировщиков и штурмовиков, наносящих сокрушительные удары по боевым порядкам и резервам противника.

Виктор Поляков участвовал в этих боях уже Героем Советского Союза.

4. От Березины до Шпрее

Пара, возглавляемая Бенделиани, вылетела с первой группой «ильюшиных». Недалеко от объекта их встретила шестерка Фокке-Вульф-190. Вражеская группа сразу же разделилась. Два «фоккера» пошли вниз, намереваясь, по-видимому, подстеречь штурмовики на выходе из атаки, а четыре остались на высоте тысяча семьсот метров и начали разворачиваться в сторону солнца. Маневр был не очень хитрым, но и не простым: он оставлял за фашистами инициативу предстоящего боя и выгодные условия для атаки. Немцы решили пропустить «илы» и атаковать сзади истребителей прикрытия. Для Бенделиани раскусить этот «железный» маневр все равно, что умножить два на два. Да и обороняться Чичико не привык. Он привык нападать.

Майор и его ведомый на полной скорости ринулись в лобовую атаку. Фашисты то ли не знали, с кем имеют дело, то ли решили завершить начатый маневр — он давал возможность зайти в хвост штурмовикам. Но враги просчитались, они сами оказались под прицельным огнем пары советских истребителей.

Несколько коротких очередей Бенделиани, и ведущий «фоккер» рухнул вниз. Второй фашист едва успел увернуться от заградительной очереди ведомого Чичико. Уцелевшая тройка смешалась. Этого и добивался штурман полка. Не медля, он перешел в пикирование, а затем — атаковал двух «фоккеров», которые были на малой высоте. Самолеты нижней пары шарахнулись в разные стороны. Один «фоккер» очередь Бенделиани был поврежден, но добивать его не было времени: сверху надела опомнившаяся тройка; к ее атакам присоединился и еще один самолет, затем подошла еще пара.

А штурмовики уже пошли на второй заход, расстреливая пехоту и технику противника на окраине леса.

Видя свое преимущество в количестве, фашисты наседали со всех сторон. Но Чичико Кайсарович успевал и отбивать вражеские наскоки от штурмовиков, и защищать себя, и бросаться на выручку ведомому.

После третьего захода «илы» легли на обратный курс. Замыкающий штурмовик несколько приотстал. Пока Бенделиани отбивал от него нападающих «фоккеров», фашистам удалось отсечь не совсем еще опытного напарника майора и связать его боем. Летчик яростно сражался с двумя фашистскими истребителями, а Чичико — с четверкой. «Ильюшины», между тем, прижимаясь к земле, пошли на свой аэродром.

С запада появилась еще одна пара «фокке-вульфов». На максимальной скорости они бросились вдогонку штурмовикам. Бенделиани заметил это, и сердце его сжалось от предчувствия беды: «ильюшины» остались без прикрытия! Каких-то полминуты, и на них обрушится огонь двух истребителей врага. Но нет, еще никогда не позволял Чичико фашистским истребителям безнаказанно бить его подопечных. Не обращая внимания на яростные атаки четверки «фоккеров», Чичико перевел самолет в резкое пикирование и ринулся вслед новой вражеской паре. Да, майор знал, что на хвосте его «аэрокобры» висят четыре «фоккера», что его машина в зоне их огня, что через несколько секунд фашисты нажмут гашетки и расстреляют его в спину, но иначе поступить не мог.

Замыкающий фашист, увидев стремительно несущийся на него краснозвездный истребитель, трусливо шарахнулся в сторону. Он знал, чем кончаются такие атаки советских летчиков, а спустя две-три секунды еще раз убедился в этом: его ведущий, увлекшийся преследованием штурмовиков, вспыхнул факелом и врезался в холм.

Майор мгновенно перевел «аэрокобру» в боевой разворот. Но преследовавшие «фоккеры» были слишком близко. Раскаленные трассы рвали хвостовое оперение, фюзеляж, секли крылья, чиркали по фонарю кабины. Четверо против одного. Бьют сзади...

Самолет Бенделиани начал беспорядочно падать. Вероятно, у него перебиты рули управления. В таких случаях летчики покидают машину. Но Чичико не мог этого сделать — до земли оставалось всего несколько метров. Еще один бешеный шквал огня. От «аэрокобры» отвалилась часть левого крыла. Самолет упал вблизи польского города Хелм за рекою Западный Буг...

Тело Чичико привезли в полк на следующий день. А спустя сутки его хоронили в селе Бытень Ковельского района. Проводить прославленного летчика в последний путь собрались не только однополчане, но и жители окружающих деревень. Чичико не был изуродован. Покрытое июльским загаром лицо Бенделиани выглядело спокойным, будто прилег штурман отдохнуть на часок-другой. Легкий ветерок шевелил его черные густые волосы. Казалось, сейчас откроются веки, озорно сверкнут горячие черные глаза, дрогнут губы, обнажая белозубый рот. Но Чичико Кайсарович был мертв.

Траурный митинг. Я смотрел на дорогое лицо боевого друга и старался представить, о чем мог думать Чичико в последние секунды жизни. Может быть, вспомнил он свой первый бой в начале войны, о котором говорят сейчас над его могилой ветераны воздушных схваток Шишкин, Мельников и Борисов...

Двадцать «юнкерсов» направлялись тогда бомбить Киев. Навстречу им поднялась четверка советских истребителей. Машины вели Шишкин, Мельников, Борисов и он, лейтенант Бенделиани. Грозный вид фашистской армады не смутил их. Жгучая ненависть к врагу кипела в сердцах летчиков. Четверка истребителей на полном газу врезалась в строй армады. Строй рассыпался. Несколько бомбардировщиков загорелось.

Советские истребители разделились и повели стремительные атаки. За считанные минуты они сбили шесть вражеских бомбардировщиков. Остальные, поспешно освободившись от бомб, в панике повернули обратно.

А может, Чичико вспомнил бой 21 мая 1942 года, как вспоминает сейчас его боевой друг майор Кобылецкий...

Тогда Кобылецкий, Костин, Бугаев и он, Бенделиани, командир группы, прикрывали действия наших наземных войск. Гитлеровцы решили нанести по одному из участков фронта мощный бомбовый удар. Когда появились фашистские самолеты, Бенделиани насчитал двадцать четыре бомбардировщика и истребителя. Двадцать четыре против четверых. Но Чичико такое соотношение не испугало. Дерзкая, ошеломляющая атака. Фашистам не до цели. Лишь бы как-нибудь отбиться от смелых, цепких атак русских истребителей. Гитлеровцы побросали бомбы на головы своих солдат.

К этому времени опомнились истребители сопровождения. В течение двадцати шести минут они пытались хотя бы отогнать отважную советскую четверку от своих удиравших подопечных, но сами получали удар за ударом. Задымил, снижаясь, один из «хейнкелей». Взорвался в воздухе «мессер». Второй, распоротый меткой очередью, врезался в расположение своих войск.

Рассеянная армада врага позорно удирала на глазах тысяч людей, наблюдавших с земли. За этот бой Бенделиани, Костин, Кобылецкий и Бугаев были награждены орденами Ленина.

Может, вспомнил Чичико все свои триста восемьдесят боевых вылетов и все семьдесят два воздушных боя, в которых лично сбил девять гитлеровских стервятников и шестнадцать — вместе с однополчанами. Говорят, в секунды смертельной опасности память человеческая настолько обостряется, что за какие-то мгновения воскрешает тысячи событий...

Обо всем мог вспомнить Чичико Кайсарович Бенделиани, когда его самолет лишился управления в нескольких метрах от земли, — о солнечной Грузии, о прозрачной горной речке и родном селении Чохатаури на ее берегу, о матери и отце, старом революционере Кайсаре Бенделиани.

Но, вероятнее всего, в последние секунды жизни он думал лишь о том, как сделать раненый истребитель послушным, как уберечь «ильюшиных» от атак вражеских истребителей, как выполнить боевую задачу до конца.

Он ее выполнил. Штурмовики вернулись домой невредимыми, нанеся большой урон ненавистному врагу. Если бы хоть один «ил» был сбит, а Бенделиани остался жив, он бы не находил себе места от укоров совести. И лежит он в гробу удивительно спокойный не потому, что мертв, а потому, что до последнего удара сердца не погрешил против самого себя. Я знаю Чичико...

Окончились выступления. Весь полк стоит в немой скорби, прощаясь с боевым другом. Закаленные в жестоких боях герои-летчики, коммунисты, сжав побледневшие губы, мысленно произносят испепеляющие слова о мщении. И я поклялся над могилой Чичико Бенделиани: буду бить врага до последней капли крови, буду мстить за гибель друга, замечательного летчика, человека, коммуниста.

Меня вызвали к заместителю начальника штаба.

— Давай-ка запишу новый орден в личное дело, — сказал Петр Ганзеев и посмотрел на меня как-то хитро, с веселым прищуром, будто видел впервые.

— Что так смотришь, шрамы, что ли, считаешь на лбу?— спросил я своего приятеля.

— Шрамы давно, Яша, изучены. Смотрю, как ты преобразишься, прочитав вот эту бумагу,— и Ганзеев подал мне какой-то документ.— Только никому ни слова. По-дружески сообщаю секрет, чтобы веселее воевалось.

Я начал читать:

«Гвардии лейтенант Михайлик Яков Данилович является подлинным мастером воздушного боя. Во всех проведенных им схватках с истребителями и бомбардировщиками противника проявил исключительную отвагу, героизм, присущие русскому солдату, сражающемуся за Родину...»

Высокие слова смутили меня. Скользнул взглядом на концовку документа: «...достоин присвоения звания Героя Советского Союза», — и совсем уж растерялся.

— Ну-ну,— засмеялся Ганзеев.— Долетался, а?.. Ладно уж, иди, воюй дальше.

Через час мы вылетели на свободную охоту за вражескими самолетами.

Как-то после вылета на разведку зашел разговор о вероятности встречи с воздушным противником. Одни говорили, что встреча с фашистскими самолетами в нынешнее время — почти событие. Другие доказывали, что это зависит от самих летчиков, от активности поиска.

— Да ведь за примером далеко не надо идти,— сказал Иван Балюк.— Если вы жаждете встречи с недобитыми фрицами, летите с Яковом. Он везучий.

Ребята спорили, горячились. Особенно Александр Талов. Он вообще утверждал, что теперь можно спокойно летать: фашистских истребителей на Щецинском направлении нет.

Командир полка молча слушал летчиков, давая им возможность высказать свои мнения. Затем, как бы подводя итог разговору, сказал:

— Первый вылет завтра. Разрешаю всем желающим встретиться с противником. Михайлик, соберай группу.

Охотников набралось несколько человек. Все опытные, искусные воздушные бойцы. С ними не страшен никакой враг. Кроме того, я брал с собой надежную тройку, с которой провел не один десяток боев. Это Николай Крючков, Илья Чумбарев и Александр Денисов.

Я взял себе за правило не ожидать, когда противник появится в заданном районе, а искать его. Активно искать и навязывать ему бой. Эту тактику перенял у своих командиров — Андреева, Лескова и Мельникова. Андреев еще под Москвой говорил:

— Ищи противника и диктуй ему свои условия. Не надо ждать, когда на тебя набросится фашистский истребитель. Пассивных всегда бьют.

Некоторые летчики были согласны с такой тактикой, но оговаривались, что она приемлема только во время свободной охоты или выполнения задания по прикрытию заданного района.

— А как быть, когда ты сопровождаешь бомбардировщиков и штурмовиков или идешь на разведку?— спросил Василий Лимаренко и тут же ответил самому себе:— В таких случаях невольно будешь вести только оборонительный бой. Нельзя же отвлекаться от выполнения основной задачи.

— Оборона тоже должна быть активной,— заметил Евгений Петрович Мельников.

... Утром наша группа, сформированная из всех эскадрилий, по-

лучила задание сопровождать Пе-2 к порту Щецин на Одере. В воздухе были кучевые облака. Бомбардировщики шли на высоте двух тысяч семисот метров, а моя ударная группа — несколько выше. При подходе к Щецину увидели пожар. На земле шел бой. В небе было спокойно.

Вот и Одер, мост возле Щецина, железная дорога. «Не может быть, — подумал я, — чтобы здесь не было зенитной артиллерии и истребителей противовоздушной обороны». И действительно, тотчас же несколько «фокке-вульфов», летевших с запада, нырнуло в облачность, поднимавшуюся слева от нас отвесной стеной и как бы разделявшую одну сторону Одера от другой. Маневр противника я разгадал: обойти облачность и подкрасться к нам сзади.

Иду на сближение с «фоккерами». Будьте внимательны! — сказал я друзьям.

Мне почему-то никто не ответил. А вскоре я услышал голос Лимаренко. Василий скороговоркой предупредил летчиков об опасности. Я повел ребят в набор высоты. Надо было перебраться на другую сторону облачности и атаковать гитлеровцев с тыла.

Облака остались внизу. Вражеские истребители шли над их верхней кромкой. Еще минута, и они догонят группу наших бомбардировщиков.

Медлить с атакой нельзя. Выжимаю из «кобры» все, на что она способна. Все внимание прицелу. Вот он, ведущий «фоккер». Огонь! Самолет со свастикой сбит. Охваченный пламенем, он падает.

— Один горит, — сказал кто-то из летчиков с Пе-2.

Следить за падением неприятельской машины некогда. Пытаясь отомстить за своего напарника, на меня набросился один из «фоккеров», который оказался позади. Однако Николай Крючков сбил его.

Схватка разгоралась. Фашисты стремились прорваться к нашим бомбардировщикам. Илья Чумбарев отправил на землю еще одного гитлеровца. Из восьми «фокке-вульфов» осталось пять.

Бомбардировщики уже успели нанести удар по железнодорожной станции, развернуться и лечь на обратный курс. Сейчас будут идти мимо нас.

— Будьте внимательны! — предупредил бомберов. — Веду воздушный бой впереди и выше вас.

— Видим тебя. Держись! — отозвался Талов из группы непосредственного прикрытия.

«Кажется, все идет хорошо», — подумал я, но тут же увидел новую четверку «фоккеров». Теперь их девять. Два из них кинулись на Илью Чумбарева. Спасая друга, мы с Николаем Крючковым отбили атаку. Воспользовавшись этой потасовкой, четыре хищника ринулись за «пешками». Отогнав крутившихся около нас «фоккеров», передал ребятам по радио:

— Идем на помощь группе непосредственного прикрытия!

Догоняя своих, мы увидели, как два Фокке-Вульфа-190 пристраиваются справа к одной из «азрокобр».

— Соколы! Вас преследуют «фоккеры», скоро перейдут в атаку, — поспешил я предупредить ребят об опасности.

Не знаю, почему, но снова на мой голос никто не отозвался. Вероятно, в суматохе боя ребятам некогда было отвечать. Даю сектор газа вперед до упора. Нет, все равно не успеть... Противник вот-вот ударит из всех огневых точек по нашим.

— Кто идет справа группы? Берегитесь! — еще раз предостерег я летчиков.

Ведущий гитлеровец открыл огонь.

Только теперь летчик забеспокоился. «Растяпа, не мог посмотреть, что делается в собственном хвосте». Беру небольшое упреждение, чтобы

отпугнуть «фокке-вульфов», но очередь ложится точно по фашисту. Проскакиваю с набором высоты вверх.

— Коля, добавь! — попросил я Крючкова.

Крючков добавил так, что «фоккер» горячей головешкой полетел к земле.

А кто же этот, справа в группе непосредственного прикрытия? По номеру машины определяю — Талов. Тот самый Талов, что до хрипоты утверждал, будто в воздухе противника нет и можно летать совершенно спокойно. Теперь, кажется, он лично убедился в своей ошибке. И не только он, но и все его сторонники.

Домой возвратились без потерь. Талов едва довел машину — после посадки на аэродроме заклинило поврежденный мотор.

Продвигаясь за наступающими войсками, мы едва успевали перелетать с аэродрома на аэродром. Наконец, перебазировались на тот, с которого сопровождали бомбардировщиков до Берлина.

— Берлин, — глядяваясь в карту, на разные лады произносил Саша Денисов. — Слово-то какое-то рычащее. То ли дело — Москва. Песенное, мягкое.

— Слово мягкое, — подтвердил Иван Балюк, — а фашисты полома-ли об него зубы.

Ребята вспоминали бои под Москвой и Сталинградом, под Курском и Орлом, в Белоруссии и Польше. Теперь мы на земле врага, и красные стрелы на тактических и оперативных картах нацелены на разбойничье гнездо, где вынашивались планы порабощения нашей страны, всего мира.

— Даже не верится, — ероша рукой густую шевелюру, мечтательно произнес Василий Лимаренко.

— Чему не верится? — спросил Николай Крючков.

— Скоро будет четыре года, как мотаемся по фронтам, — закончил свою мысль лейтенант.

— Ничего, гвардия! — воскликнул парторг полка Шувалов. — Еще один удар, и капут фашистской Германии. Пошли, ребята, на партсобрание. Вопрос один — «Задачи коммунистов в связи с предстоящим наступлением на Берлин».

— Вот это я понимаю — повесточка! — улыбнулся Саша Денисов. — Пошли, хлопцы.

Январско-мартовские боевые операции Советской Армии явились как бы подготовкой для последнего, самого решительного удара по немецко-фашистским войскам, по гитлеровской Германии, зажатой с востока 1-м Украинским, 1-м и 2-м Белорусскими фронтами, а с запада вышедшими к Рейну частями союзников.

Гитлеровское командование мобилизовало все силы и средства для оборонительного сражения. Берлину придавалось, разумеется, особо важное значение, и потому вокруг него были сооружены три мощных оборонительных кольца. На расстоянии двадцати пяти — сорока километров от центра фашистской столицы по берегам рек, озер и каналов, по опушкам рощ и лесов проходила граница внешнего оборонительного пояса. На его территории села, небольшие города, поселки — все жилые пункты приспособлены к круговой обороне. Чтобы создать препятствие на случай прорыва наших танков, противник сооружал эскарпы, надолбы, рвы, делал лесные завалы.

Ближе к вражескому логову располагался второй укрепленный обвод, включающий пригороды Берлина — мощные узлы сопротивления, ощерившиеся всеми видами оружия. По окружной железной дороге шла граница третьего оборонительного кольца. Само паучье гнездо

было разбито на девять секторов обороны и сплошь застроено железобетонными сооружениями.

Берлин обороняли около миллиона солдат и офицеров, десять тысяч четыреста орудий и минометов, полторы тысячи танков и самоходных орудий, три тысячи триста боевых самолетов.

Пятнадцатого апреля командир полка собрал весь руководящий состав. Мельникову только что звонил комдив Сухорябов, и теперь Евгений Петрович хотел еще раз проверить готовность своей части к решительной схватке с врагом. Он спросил инженер-капитана Кобера:

— Все ли самолеты готовы к вылету?

— До единого,— кратко ответил инженер.

— Капитан Балюк,— обратился подполковник к командиру первой эскадрильи,— все летчики в строю?

— Так точно!

— Во второй эскадрилье!

— Все.

— В третьей?

— Как один.

— Предстоит жаркое дело,— продолжал Евгений Петрович.— Если кто думает, что теперь противника можно шапками закидать, тот жестоко ошибается. Враг смертельно ранен, но еще не уничтожен. Не хочу преувеличивать его силу, но бои будут жестокими. Может быть, самыми жестокими за всю войну. Не забывайте об этом, друзья.

...Сражение за Берлин началось за два часа до рассвета шестнадцатого апреля. От артиллерийского гула, а затем и грома бомбежки дрожали земля и небо. Мы не раз были свидетелями наступления наших войск, но такой концентрации огня видеть не приходилось.

— На Берлин! На Берлин!— скандировали мы, ожидая команды на вылет.

Наконец-то зеленая ракета. Полк ведет Евгений Петрович Мельников. В воздухе темно от бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей. Одни идут на задание, другие с задания. «Илы», «петляковы», «яки», «лавоочкины», «аэрокобры». Туго приходится «мессершмиттам» и «фокке-вульфам». Туго Берлину: у нас авиации на этом направлении в три раза больше, чем у немцев.

За день летчики 16-й воздушной армии совершили более пяти тысяч вылетов, успешно провели сто сорок воздушных боев. Фашисты не досчитались ста шестидесяти пяти самолетов. Ожесточенные схватки были и на второй, и на третий день. 18 апреля истребители нашего соединения уничтожили сто семьдесят пять самолетов. Подполковник Мельников зачитал нам телеграмму командира бомбардировочного корпуса: «Летный состав частей отмечает отличную работу ваших истребителей прикрытия. Прошу объявить благодарность всем летчикам, принимавшим участие в боях 16 и 18 апреля».

— «Горбыли» и «пешки» довольны,— подмигнул Саша Денисов друзьям, обсуждающим приятную весть.

— Посмотрим, будут ли они довольны тобой завтра,— заметил Николай Крючков.— Погода портится. Видишь, какой поднимается туман...

— «Петляковы» пробьются к объектам и вслепую,— сказал Василий Лимаренко,— а нам трудновато будет маневрировать вокруг них.

Речь шла о завтрашнем вылете на сопровождение «петляковых».

— Туман туманом,— обронил кто-то фразу,— а зенитная артиллерия у них кусается.

К летчикам подошла оружейница Соня.

— Почта!— весело крикнула она.— Тебе тоже треугольничек, Яша. Радуйся — от Усмана Рустамова.

Я вскрыл конверт. Усман писал из авиашколы. Очень беспокоился, что не успеет полетать вместе со мной до конца войны. Ах, Усманджан, Усманджан, дорогой мой человек. Рвется на фронт, к своим боевым друзьям. Скоро он тоже будет летчиком, но вряд ли успеет к штурму Берлина. Что ж, ничего. Крылья нужны всегда. Мы еще встретимся с тобой, мой чудесный узбекский товарищ. Встретимся в одном боевом строю.

— Чему улыбаешься?— спросил Василий Лимаренко.

— От Усмана весточку получил. Рвется к нам.

— Уже закончил учебу?

— Нет еще, осталось немного. Потому и беспокоится — не опоздать бы.

— Настойчивый парень,— тепло проговорил Лимаренко.— Был механиком — стал летчиком. Напиши ему, что на его век хватит полетов. А фашистов мы за него добьем. Привет передавай.

— Передам,— пообещал я.

В тот же вечер отправил Рустамову последнее письмо с фронта.

Утром «аэрокобры» поднялись сопровождать «пешек». Туман не позволял идти полком и даже эскадрилей. Только в одиночку или максимум двумя-тремя самолетами.

Под крылом извилистая черная лента Шпрее, узкие, словно расчерченные по линейке, берлинские улицы, напичканные зенитными батареями. Сопровождаемый мною бомбардировщик ринулся вниз. Навстречу ему — бешеный огонь. Но Пе-2 не отворачивает в сторону. Я пристально смотрю за своим подопечным, за обстановкой в воздухе. Нет, вражеских истребителей не видно. Вероятно, противник понадеялся на плохую погоду.

Сбросив груз, «пешка» пошла на второй заход, а тем временем на зенитные батареи устремился очередной самолет. За ним — третий, четвертый, десятый... Молодцы «петляковы», дают жару гитлеровцам! Так и надо. Это им за Москву и Сталинград, за Орел и Курск, за все наши города, которые бомбили когда-то воздушные пираты.

Выполнив задачу, мы развернулись на обратный курс. Спустя две-три минуты мимо нашей группы, буквально в нескольких метрах, пронеслись встречные самолеты. «Так недолго и столкнуться»,— подумал я и предупредил своих летчиков по радио:

— Соколы, будьте внимательны: туман усиливается.

На аэродром прибыли без потерь, однако от напряжения ребята устали больше обычного. Но что усталость в сравнении с чувством выполненного долга — во имя Родины, во имя своего народа. Нам зачитали приказ Верховного Главнокомандующего. В нем говорилось, что войска 1-го Белорусского фронта прорвали сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону немцев, прикрывающую Берлин с востока, и ворвались в столицу Германии. Наряду с другими отличившимися соединениями, отмечалась и наша гвардейская авиадивизия.

В этот день Москва салютовала в честь воинов, сокрушающих цитадель фашизма.

... Удар за ударом. Полыхает, горит Берлин, агонизирует гитлеровская Германия. Мы прикрываем бомбардировщиков, обрушивающих смертоносный груз на головы врага.

А потом, когда начались уличные бои, крылатые гвардейцы били по фашистам, отходившим на запад.

Весть о великой Победе пришла ночью. Ребята обнимались, стреляли из пистолетов, ракетниц и автоматов, ошалело кричали «ура»,

подбрасывали пилотки, фуражки и шлемофоны. Это была незабываемая ночь.

Утром весь личный состав полка собрался в столовой. Тосты, тосты, тосты. И разговоры, шутки, воспоминания.

— Орденов-то — как звезд на небе, — сказала Соня, сидевшая рядом с Василием Лимаренко.

— А улыбок, Сонечка, как цветов на лугу, — тихо ответил лейтенант.

— Что, Иван, призадумался? — спросил начальник штаба полка Верещагин капитана Балюка.

— Жаль с эскадрильей расставаться, товарищ подполковник. Всю войну вместе, а теперь...

— И теперь вместе, — вступил в разговор Илья Чумбарев. — Хоть и на повышение пошел, но в своем же полку.

— Улыбочки, улыбочки, — предупредил парень из полковой фотолаборатории. — Исторический момент! Так. Подняли бокалы. Внимание. Готово, карточки получите к вечеру.

Девчата притащили патефон.

— Какую пластинку завести?

— «Прощание славянки», — попросил командир полка.

Воцарилась тишина. Гвардейцы слушали знаменитый русский марш. Величественный и трогательный...

Спустя месяц с первым эшелонам победителей ехал я домой. Ехал по мирной земле, тихой и радостной после отгремевшей бури.

— До-мой, до-мой, — радостно перестукивали колеса поезда.

— До-мой, до-мой, — ликовало сердце.

— До-мо-ой! — заливисто пел паровозный гудок.

— На Родину, старший лейтенант! — удовлетворенно сказал сосед в погонах подполковника.

— На Родину!

Песни пели и в соседних купе, и в соседних вагонах.

Эшелон полный песен летел на восток.

Литературная обработка Н. Борискина.

СТИХИ САРЫ КИРШ

Сара Кирш — одна из талантливейших поэтесс Германской Демократической Республики. Вряд ли найдется в Германии любитель поэзии, которому неизвестны ее стихи.

После средней школы С. Кирш (род. в 1935 году) проработала некоторое время на сахарном заводе, затем окончила биологический факультет в Галле. Здесь она познакомилась со своим будущим мужем Райнером Киршем, тоже поэтом. С 1961 года оба становятся профессиональными литераторами, а в 1965-м выходит их первый совместный сборник стихов. Стихи С. Кирш, вошедшие в этот сборник, проникнуты животрепещущей актуальностью и глубоким лиризмом; они интересны и по форме. Одно из лучших лирических стихотворений поэтессы «Знакомство» было включено в антологию немецкой любовной поэзии наряду со стихами Гете, Шиллера, Гейне.

Сара Кирш известна также как талантливый переводчик современной советской поэзии. Ее перу принадлежат переводы таких разных поэтов, как Новелла Матвеева и Виктор Соснора, Юнна Мориц и Александр Кушнер.

Советский читатель еще не знаком с творчеством С. Кирш. Настоящая подборка — первая попытка в этом направлении.

ТАТЬЯНА ДУРУС.

Знакомство

Здравствуй, гребень!
Не желаешь
оставаться ты со мною?
Я хочу красивой быть.

Здравствуй, кошка!
Не желаешь
оставаться ты со мною?
Ты умеешь
танцевать и рожи стронть.

Здравствуй, милый!
Не желаешь
оставаться ты со мною?
Я красива,
понимаешь.

Утро ясное

Утром,
когда тени пёстро
на мои ложатся шторы
из глазниц гаснут звезды,
я бегу к тебе, который
приласкает,
имя даст мне, приравняет
к деве красной;
грудь мою возьмет в ладони
(а ее лишь месяц трогал),
ну а там — все остальное
пе-ре-тро-га-ет.

Как щекочешь ты задорно,
душ холодный,
прогоняя с недотроги
сон.

Огонь

Не суди меня ты строго:
я твои сжигаю письма.
Семь коней бумажноногих
вместе с дымом рвутся ввысь.

Мало, видно, коням крыши —
мчатся к звездам серебристым.
Скачут кони дальше, выше
в стратосферу, что ли, в космос.

Поедает письма пламень,
и смеются в небе кони:
вот опять пришло посланье
и, конечно, от тебя.

Я дождь

Я дождь, я проливной —
в зеленых иду сапогах
по этой зеленой земле.

Сквозь ширь полосатых полей
усатые вижу колосья
и вижу, как травы растут,
как смачно корова жуёт:
шершавые губы в соку!

Здесь с птицами вместе пою,
настоям сосновым дышу,
собой наполняю здесь реки,
здесь слышу людские я речи
и города праздничный шум.

Я дождь, я проливной —
в дырявых иду сапогах,
в болотные ямы иду.

Здесь слезы промою и пот,
и рыхлую глину с лопат.
Здесь слышен еще автомат!
Кровь липнет к подошвам моим:

всё мою, смываю, но нет
конца этой стирке моей.
Я дождь, я проливной —
никак не промою сапог.

И дети мне смотрят в глаза,
и треплет
волосы женские ветер.

Когда месяц

1. А эту игру ты знаешь:
все живы они,
и не было вовсе войны?
Ты можешь купить
с утра хлеб у них
или на улице встретить
любого из них;
с любимым говорить
на темы разные,
или кто-то из них
возьмется тебе показывать
собор в старой Праге...
2. Смотри эти книги,
которых читать не умеем,
так как земля
объелась костями, фосфором, пеплом.
 Это смерть над гробами
 склонилась —
 всех жизни лишила.
Посмотри на эти полотна —
золотистая тяжесть переспелых хлебов.
Мадонно-синий шарф —
натюрморт...
 Кума-война и смерть-кума:
 От этих пушек без ума
 Война сама.
Как много их убито,
недолюбленных ближних.
3. Когда месяц свет свой шлет
мне в окно зимой,
Когда месяц свет свой шлет
летом мне в окно,
я играю в ту игру: все живы они,
и, конечно, никогда не было войны!
Я играю не одна.
Золоти, луна!
Золоти игру мою,
о луна!

На свете

На свете
живут мураши
и страстно
доказывают каждому,
что только шесть ног
прилично иметь и нормально,
и даже желательно,
так как точно с таким же числом
живут тараканы.

— Другого мнения держусь я, —
ответила муха-ворчунья,
в зеленый одетая лиф. —
Летать! — вот веленье прогресса,
Мракобесие — лифт.

На это червяк дождевой
покачал головой:

— К прогрессу вы, твари, все глухи!
Лишь одно движение возможно:
брюшком понемножку
и только на брюхе.

Все рыбы
голосуют за плаванье.
А улитки, конечно,
полагают беспечно,
что ползаньем только
добьешься толку.

Я ж, тысяченожка,
скажу осторожно,
что очень людей я жалею:
ходить весьма сложно,
две ноги имея.

Перевел с немецкого Гиви Орагвелидзе.

1.

День клонился к вечеру. Огромный бордово-огнистый шар катился за темно-рыжие горбы дальних барханов. Но зной не спадал. Раскаленная земля по-прежнему источала жар. Горячий воздух жег, сохло, горчило во рту. Мокрая от пота рубаха липла к лопаткам. Остро били в глаза низкие лучи. Юрка припал к баранке и натянул козырек замасленной полинялой кепчки на самые брови.

Машина неслась по ровному и крепкому настилу такыров. Фыркал, клокотал радиатор, и горячие брызги, словно белые осы, бились о смотровое стекло.

Слева долго горбились желтые пески, потом они исчезли, появились серые подтеки голых солончаков; островки обнаженной серовато-желтой сухой земли, покрытой редкими кустиками полыни.

Однообразие дикой равнины утомляло, Юрку одолевала сонливость и гнетущая тоска. Утирая рукавом рубахи стекающие по скулам капельки пота, он мысленно чертыхался, кланя опостылевшую каракумскую глухомань и чертово пекло, и суетную свою шоферскую жизнь; а больше всего — начальника экспедиции Толмачева, по милости которого он, Юрка, вот уже третьи сутки кряду носится в газике как очумелый, от отряда к отряду по всей пустыне. Спасибо, сегодня утром Толмачева срочно вызвали в штаб экспедиции по рации, а то, как пить дать, пришлось бы загорать в песках еще неделю, не меньше.

Камил ФАЙЗУЛИН

Камил Искандерович Файзулин родился в Самарканде, многие годы работал корреспондентом «Правды Востока», «Литературной газеты» по Узбекистану. Он участник Великой Отечественной войны, удостоен правительственных наград. С 1951 года член Союза писателей СССР.

К. Файзулин писал новеллы, повести, киносценарии и публицистические статьи. В Москве и в Ташкенте вышли его книги: «Сын», «Повесть о сердце», «Сердечные люди», «Тигровый хвост».

Смерть безвременно унесла от нас талантливого писателя, душевного человека, доброго друга.

В ДВУХ ШАГАХ ОТ ГОРИЗОНТА

Рассказ

О чем говорил начальник со штабом, Юрка не слышал. Но вышел Толмачев из палатки радиста злой и, как показалось Юрке, даже немного смущенный и растерянный, что случалось с ним крайне редко. Закончив наспех дела в отряде, Толмачев тяжело плюхнулся на сиденье газика и приказал по возможности быстрее гнать домой.

Синева неба с позолоченными облаками придавила огненный шар к самой земле. Солнце растеклось по всему горизонту.

Юрка понимал, что засветло до штаба им не добраться. По его расчетам, до ближайшего селения оставалось километров двести-двести пятьдесят. А это значило, — как ни крути, — ночевать в песках. Но судя по всему, начальник и не помышлял об отдыхе.

Юрка незаметно скосил глаза на Толмачева. Тот сидел рядом в серой мешковатой куртке, сгорбившись и крепко ухватившись длинными костистыми пальцами за металлические поручни. Глубоко спрятанные в глазницах внимательные глаза его были полуприкрыты красными, воспаленными от постоянных недосыпаний веками. Непомерно худой, со впалой узкой грудью, сутулый и горбоносый, Толмачев чем-то напоминал сейчас Юрке хищную птицу: не то грифа, не то ястреба. Даже пальцы его, длинные, цепкие, жилистые, походили на ястребиные когти.

С виду Толмачев производил впечатление человека слабого, изнеженного, поглядишь — неизвестно, в чем только и душа держится. Но Юрка знал, что, несмотря на худобу, Толмачев весь скручен из крепких, как моченые ремни, мускулов и способен в шестидесятиградусную жару прошагать за день по барханам два, а то и три десятка километров. Тот, кому доводилось путешествовать в пустыне, хорошо знает, что подобные прогулки в раскаленных песках по плечу далеко не всякому.

Необыкновенная выносливость Толмачева восхищала Юрку, возбуждала в нем чувство хорошей мужской зависти. Питал он к начальнику особую симпатию и еще по одной причине. Из всех сотрудников экспедиции Толмачев один неизменно обращался к нему по имени и отчеству — Юрий Алексеевич. Это звучало непривычно и вначале смущало Юрку, но вместе с тем как-то приятно ласкало самолюбие и возвышало его в собственных глазах. Одним словом, Юрка, хоть и ворчал иной раз на Толмачева, но относился к нему всегда с должным почтением и вообще считал человеком особенным.

Старожилы прибрежного городка на Амударье помнили Толмачева еще молодым, когда, лет двадцать назад, он приехал работать в эти края. Была у него, рассказывают, в те годы молодая красавица жена. Но однажды случайно выяснилось, что жена вовсе не тот человек, за которого себя выдавала, и что долго скрывала от мужа какую-то свою личную тайну. Толмачев простить ей этого не смог, и они расстались.

Всякие были по этому поводу пересуды. Одни говорили, будто ушла она от мужа, чтобы тайну свою сберечь; другие считали, что Толмачев ее сам выгнал; третьи болтали, будто приглянулся ей капитан с Муйнакского промысла, и бежала она с ним в низовья реки или на Аральские острова.

Как бы там ни было, но только заскучал с той поры Толмачев, пообмяк весь, как-то посерел и вскоре уехал. А два года назад снова появился в этих местах, уже начальником большой комплексной экспедиции.

Юрка не очень доверял этим легендам и все собирался при удобном случае самолично выведать у Толмачева историю с его женой.

Дальние облака запылали багряными отсветами. Быстро сгустились тени. В небе, ставшем вдруг низким, замерцали первые бледные звезды.

Юрка хотел было включить фары, но Толмачев тронул его за плечо. — Утомился, Юрий Алексеевич? — участливо спросил он.

— Есть маленько.

— Тогда выключай свою таратайку. Здесь заночуем.

Юрка заглушил мотор, вылез из машины и по-хозяйски оглядел облюбованное Толмачевым место для ночлега. Он не любил ночные стоянки в песках, однако, как всякий каракумский шофер, всегда имел про запас все необходимое для ночлега в пустыне. Он выволок из кузова рулон широкой ворсистой кошмы и разостлал ее на еще неостывшем песке, достал две толстых саксаулины, которые несколько раз в труднопроходимых местах использовал в качестве шалманов, кидая коряги под колеса, разодрал крученые сучья и запалил костер. Пока Толмачев доставал и нарезал хлеб, сыр, вскрывал охотничьим ножом банку тушенки, Юрка успел вскипятить в котелке воду, заварил чай и до краев наполнил две алюминиевые кружки.

Поужинав, Толмачев удовлетворенно отвалился от костра, кряхтя, стянул с ног пыльные брезентовые сапоги и, чувствуя, как по всему телу разливается приятная гудящая теплота, с наслаждением растянулся на кошме.

Луна еще не всходила. Густые тени плотно накрыли пустыню и только в западной части неба еще мерцали оранжевые отблески. Облака, потеряв белизну и пышность, громоздились в поднебесье фиолетовыми, голубыми и черными скалами.

Толмачев любил эти тихие послезакатные минуты и понимал толк в нежной акварели каракумских закатов. Но сейчас его не интересовали ни фантастические скалы, ни переливы угасающих красок. Прикрыв веки, он думал о Варе. Когда сегодня из штаба сообщили о том, что приехала жена, он даже не сразу понял, о ком идет речь. Ведь жены-то у него нет! Но ему назвали имя Вари, и он не поверил своим ушам. При мысли, что это действительно может быть Варя, его охватила тревога. Он почувствовал, как предательски задрожали пальцы, и это его почему-то разозлило. Растерявшись, он не успел даже спросить, зачем приехала Варя. Неужели она решила на старости лет все-таки вернуться к нему?

Мысль об этом обожгла, подняла со дна души все, что было предано забвению. С тех пор, как Варя, не пожелав ничего объяснять, двадцать лет назад ушла из дома, он ничего о ней не слышал. И вот на тебе! И уж, конечно, коль она решила приехать к нему сюда, на край земли, для этого у нее, вероятно, есть очень и очень веские причины. Быть может, она нуждается в его помощи, и он, наконец, сможет искупить перед ней свою вину. Как хотелось, чтоб это было именно так! Все еще не верилось, что завтра, самое позднее в полдень, всего через какой-нибудь десяток часов он снова увидит Варю...

Толмачев приподнялся на локоть, поглядел задумчиво на Юрку, встряхивающего спальный мешок, и сказал:

— Ко мне, Юрий Алексеевич, жена приехала. По радию сегодня сообщили. В штабе ждет.

Юрка от изумления даже присел.

— Жена?— недоверчиво переспросил он.

— Жена. А чему ты удивляешься?

— Да так...— смущенно пожал плечами Юрка и подумал про себя, что сейчас, пожалуй, самый подходящий момент выпытать у Толмачева тайну про жену.

— Что-то ты, братец, крутишь,— подозрительно глянул на Юрку Толмачев.— А ну, давай, выкладывай, что знаешь.

— Только вы, Фаддей Фомич, не сердитесь, если что не так скажу. Ладно?

— Валяй. Не рассержусь.

— В поселке болтают, будто в этих местах у вас жинка сбежала.

Но только я лично не верю этим балаболкам — хлебом их не корми, дай только лясы поточить.

Толмачев ничего не ответил. Юрка видел, как сузились вдруг его глаза и сухо заблестели. Острые скулы обтянулись. Он взял в руки шоферский ломик, растормошил им костер, подгреб обгоревшие саксаулины к огню.

— А еще болтают, будто была у нее тайна,— осторожно продолжал Юрка,— потому и сбежала она с каким-то капитаном...

Толмачев скривил губы в ехидной ухмылке и покачал головой. — Вот ведь люди! — отрывисто и раздраженно произнес он. — Такое наплетут — слушать тошно! Чепуха все это! Понял? Чепуха!

— Вот и я говорю: чепуха,— охотно согласился Юрка.

— Ладно, хватит! Давай спать,— неожиданно оборвал разговор Толмачев.

Юрка не заставил себя упрашивать. Он давно клевал носом и, едва забравшись в спальный мешок, заснул.

Толмачев, залезая в спальный мешок, досадовал на себя за то, что затеял этот разговор. Поежившись, он укрылся с головой и крепко сомкнул веки. Но сон не шел. Вздурораженная память отчетливо восстанавливала подробности того, что произошло между ним и Варей в те далекие дни.

2.

Когда-то у Дарвазы над широкой амударьинской протокой стоял крепкий деревянный мост. Сюда подходила древняя караванная дорога. Но своенравная река, изменив русло, ушла в сторону. Протока высохла, и от моста остались два толстых и почерневших от времени бревна. Они были переброшены через мертвое, наполовину засыпанное песком русло протоки, и, случалось, каракумские шофера, сокращая путь, проезжали по этим бревнам на тот берег.

Однажды в полдень, когда от жары дрожал над песками сухой и пыльный воздух, сюда подкатила старенькая полупортка. Шофер, худощавый загорелый паренек в тельняшке, вылез из машины, внимательно оглядел бревна, постучал по ним носком сапога и задумчиво поскреб затылок.

— Не пройдет,— сказал он не то самому себе, не то двум стоявшим в кузове пассажирам, которых он подрядился за трешку доставить в поселок речного порта.

Девушка в белой, натянутой на самые глаза шелковой косынке, легко выпрыгнула из кузова. Толмачев,— вторым пассажиром был он,— последовал ее примеру. Радуюсь случаю размять ноги, он тоже подошел к бревнам и стал вымерять расстояние между ними.

— По-моему, пройдет,— авторитетно заключил он.

— Конечно, пройдет! — поддержала девушка. — Из топографической трехтонка с грузом проходила, а наша порожняком и давно пройдет.

Шофер только махнул рукой, дескать, что ты понимаешь в нашем шоферском деле, и зашагал по песчаному берегу, высматривая удобное место для объезда. Когда полосатая тельняшка скрылась за барханами, девушка, видимо, что-то затеяв, залезла в кабину автомобиля и, заняв место шофера, включила стартер. Толмачев же, услышав шум мотора, в два прыжка оказался возле полупортки, вскочил на подножку и цепко ухватил незнакомку за локоть.

— Перестаньте дурачиться! — строго сказал он. — Так не шутят.

Девушка недовольно сдвинула брови, и большие ее глаза опалили Толмачева рыжим пламенем.

— Отпустите руку. Мне больно,— спокойно сказала она.

Но Толмачев крепче сдвинул пальцами ее локоть.

— Повторяю: с автомобилем шутки плохи. Или захотелось голову свернуть?

— С этим нерешительным парнем,— кивнув в сторону шофера, спокойно произнесла девушка,— мы проканителемся здесь до самого вечера. Будьте же хоть вы мужчиной. Если хотите, садитесь. Покатим вместе. Сохранность вашей головы гарантирую.

Предложение было столь неожиданно, что Толмачев на мгновение растерялся.

— Ну, что же вы?!— озорно спросила девушка.— Боитесь, что ли?

В голосе девушки звучал откровенный вызов, пожалуй, даже насмешка, и это разозлило Толмачева. Он молча обошел машину и забрался в кабину.

Девушка улыбнулась, переключила скорость и мягко отпустила педаль сцепления. Толмачев уголком глаза следил за ее движениями и удивлялся, как ловко и сноровисто все это она проделывала.

Грузовик осторожно проплыл по бревнам и благополучно выкатился на противоположный берег.

Девушка заглушила мотор. Повернувшись к Толмачеву, она дружески улыбнулась, и в глазах ее снова взметнулись озорные рыжие бесенята.

— Вы как думаете, достанется нам теперь от шофера?— спросила она.

— Обойдется,— успокоил Толмачев.— В случае чего, будем отбиваться вместе.

— Спасибо,— поблагодарила девушка и, кокетливо стрельнув на Толмачева веселыми глазами, добавила:— А я, между прочим, таким вас и представляла.

— Каким же?— удивился он.

— Дон Кихотом,— засмеялась девушка.— Ведь так вас, кажется, в порту называют?

За высокий рост и худобу Толмачева, действительно, прозвали Дон Кихотом. Он знал об этом и не обижался. Но откуда известно о прозвище этой девушке?

— Я действительно Дон Кихот, только не ламанчский, а каракумский,— шутливо сказал Толмачев.— А вот кто вы такая и откуда, для меня загадка. Вы ведь нездешняя?

— Угадали.

— Недавно приехали?

— Опять угадали.

— Откуда?

— О! Вы сразу все хотите узнать,— засмеялась девушка и, увидев балансирующего на бревне шофера, выпрыгнула из кабины, предоставив Толмачеву объясняться с ним.

О себе она говорила неохотно и скупно. Однако Толмачеву все-таки удалось выяснить, что зовут ее Варей и живет она в порту на барже у своей тетки. Это было негусто, но вполне достаточно, чтобы ее разыскать. А желание снова увидеть Варю охватило Толмачева тотчас, как только он простился с ней возле пристани. Весь остаток дня его преследовала мысль о странной девушке. Он снова и снова вспоминал подробности их разговора, ее улыбку, озорной блеск серых веселых глаз. Такое с ним случилось впервые, и Толмачева пугала острота и новизна охватившего его вдруг незнакомого волнения.

На следующий день он отправился в порт разыскивать Варю. Еще издали у шумного причала увидел «Светлану»— брюхастую наливную баржу с просторной двухэтажной, только-только выкрашенной в оранжевый цвет скиперской будкой на корме. Вплотную к барже пришвар-

товался для заправки буксирный пароход. С палубы баржи доносились громкие возбужденные голоса. Толмачев подошел ближе. Теперь он мог отчетливо видеть разговаривающих — полную скуластую, с добродушным открытым лицом шкипершу и механика парохода в замасленной матросской робе.

— Пять тонн забираем, — говорил механик, — ступай проверять замеры, чтоб потом разговора не было.

— Иди, коль надо. А мне незачем, — посматривая хитровато, отказалась шкиперша.

— Это почему?

— Тебя жалеючи. Грех обижать такого молодца.

— Ты мне голову не дури! Иди проверять, не задерживай.

— Эх, голова! Веры, гляжу, у тебя даже самому себе нет.

— Ты мне агитацию не разводи! Иди, говорю, проверять. Рейс задерживаешь.

— Сказала не пойду — и точка. Совесть твоя пусть тебя проверяет.

— Совесть, совесть! Тоже мне воспитатель сознательности выискался, — проворчал механик и пошел включать насосы.

Толмачев прыгнул с причала на стальную палубу баржи.

— Что же это вы, мамаша, отказываетесь проверять замеры? — с шутилой строгостью сказал он. — Непорядок это.

Шкиперша, воинственно заложив руки в бока, смирила Толмачева с ног до головы острым насмешливым взглядом.

— Смотрите, какой начальничек нашелся!.. Сама знаю, где порядок, где беспорядок! И вообще, гражданин, посторонним на барже находиться строго воспрещается.

— Я хотел только посмотреть, как заправляется пароход, — смутился Толмачев. — Но если нельзя, я уйду.

— Да нет, смотрите на здоровье, — подобрела шкиперша. — Но какой тут может быть интерес? Шланг подвели — и всего дела.

В это время скрипнула дверь шкиперской будки и на пороге появилась Варя. В легком цветастом сарафанчике, с перекинутой на грудь золотистой косой, она показалась сейчас Толмачеву еще более статной и привлекательной.

Увидев Толмачева, Варя радостно удивилась и поспешила объяснить тетке, что это тот самый ее попутчик, о котором она рассказывала.

Тетка, хитро сощурив узкие глаза, расплылась в добродушной улыбке, отерла ладонь о фартук, поздоровалась с Толмачевым за руку и пригласила его в шкиперскую. Это было массивное двухэтажное деревянное сооружение. Шкиперы обычно поселялись в плавучих домах семьями и жили в них постоянно, по нескольку лет.

Войдя в шкиперскую, Толмачев с интересом огляделся. Сквозь густо замазанные белилами оконные стекла в комнату сочился спокойный матовый свет. Деревянный пол, видимо, был недавно вымыт. Железная койка, застланная байковым одеялом, комод, этажерка, стол посреди комнаты. Трудно было даже представить, что за тонкой дощатой стеной этой комнаты пенится Аму-Дарья.

Толмачева гостеприимно усадили за стол. Сначала по-восточному обычаю Варя предложила ему душистый зеленый чай, разломала лепешку, поставила тарелку с виноградом. Затем появились водка, большие куски жирной вареной баранины и копченый аральский лещ.

— Никогда бы не подумал, что вы такая отчаянная, — вспоминая переезд по бревнам, говорил Толмачев.

— Что вы, я страшная трусиха.

— Ну-ну, зачем на себя наговаривать?

— Правда-правда. Включила мотор, а у самой поджилки трясутся.

У меня всегда так: сделаю что-нибудь, а потом сама удивляюсь, как это меня угораздило...

От выпитой водки у шкиперши еще больше сузились глаза.

— Вот вы давеча говорили касательно проверки, — припомнила она Толмачеву. — Ведь подумали, наверно, мол, поленилась баба. Так я вам скажу: не поленилась. Это ведь самое последнее дело — человеку не доверять... Я так считаю. Что за жизнь будет, если друг дружке не верить...

— А вдруг кто-нибудь обманет? — спросил Толмачев. — Перекачает больше, чем положено. А каждый килограмм у вас на счету. Каждый килограмм денег стоит.

— Не обманет! — убежденно сказала шкиперша. — Если человеку доверяешь, никогда не обманет. Известно это. Сколько лет плаваю на барже — ни один не обманул...

С этого дня Толмачев стал частым гостем на барже. Он не умел да и не пытался скрывать своих чувств к Варе. Девушка принимала его ухаживание с озорным лукавством, словно забавляясь, и трудно было понять, когда она говорила серьезно и когда шутила. О себе она по-прежнему ничего не рассказывала, и все попытки Толмачева вызвать ее на откровенность ни к чему не приводили.

— Кто ты такая? — однажды, не выдержав, в упор спросил он. — Я ничего о тебе не знаю. Ты водишь автомобиль, как заправский шофер. Приехала бог весть откуда. И вообще загадочная личность. Расскажи мне хоть что-нибудь о себе.

— Это неинтересно, — сухо ответила Варя, — и не надо об этом...

Горбоносый, непомерно высокий, худой и весь какой-то нескладный, Толмачев никогда не пользовался успехом у женщин. Но Варе он понравился. Она искренне к нему привязалась, и теперь почти все вечера они проводили вместе. Когда в портовом клубе показывали новый фильм, они шли в кино, но чаще отправлялись просто побродить по берегу реки. Варя любила эти вечерние прогулки. Любила шагать, не разбирая дороги, смотреть, как лучится красноватым светом мутная амударьинская вода, как склоняют над ней свои седые кудри прибрежные кусты жиды, как густеют в сумерках, покачивая метелками, туганные камыши.

Во время прогулок Толмачев, как мог, развлекал Варю. Он много читал, много знал. От него Варя впервые узнала множество удивительных вещей. Теперь она знала, например, что в Млечном пути насчитывается около ста миллиардов звезд, что сердце взрослого кита весит 700 килограммов, температура в центре солнца достигает 30 миллионов градусов.

Иногда Толмачев рассказывал о себе. На фронте он не был — в армию его не взяли из-за плоскостопия. Сюда, в этот глухой пустынный поселок, он приехал после окончания горного института по собственному желанию, а вернее, по убеждению. Он считал, что путь в большую науку следует начинать вот так, с черновой, практической работы рядового лаборанта. Он не скрывал от Вари своих честолюбивых замыслов. Да, пусть он сегодня незаметный работник. Да, он копошится в камералке, описывая породы, которые ищут и находят другие. Но придет время, и он свое возьмет сполна, сумеет стать в жизни выше многих других. Так обязательно будет, чего бы это ему ни стоило.

Целеустремленность Толмачева нравилась Варе, хотя в его словах и проскальзывало что-то неприятное. Но что именно, она еще определить не могла, да и не пыталась. С ним ей было интересно. А вскоре произошел случай, прояснивший их отношения.

Увлечшись как-то разговором, они забрели в камышовую пойму, и надо было с трудом выбираться по вязкой трясине к песчаному

берегу. Перед небольшим заливом Варя, пытаясь обойти его краем, замешкалась, и тут внезапно Толмачев, вечно испытывавший в присутствии девушки чувство стесненности и робости, отважился на поступок, которого Варя от него никак не ожидала. Он вдруг подхватил ее под коленки, легко вскинул на руки и шагнул в воду.

Варя доверчиво прильнула к нему. От ощущения внезапной близости, от ее горячего и прерывистого дыхания, Толмачев ошалел. Задышав, он нес Варю через залив, словно пьяный, не разбирая дороги, рассекая сапогами воду. Уже давно позади был залив, уже хрустели под сапогами Толмачева толстые и скользкие корневища камышей, а он все шагал и шагал.

Потом он опустил Варю на прибрежный песчаный холм и, обхватив ладонями ее ноги, стал согревать их своим дыханием, жадно осыпая поцелуями.

Варя не противилась — сидела притихшая и взволнованная. Толмачев совсем потерял голову: его ласки становились смелее, требовательнее. Но когда горячая дрожащая ладонь его нетерпеливо скользнула к ее бедру, Варя спокойно отвела руку и вскочила на ноги.

Пытаясь удержать девушку, Толмачев обхватил ее колени.

— Не уходи! — захлебываясь, скороговоркой шептал он. — Я не могу без тебя. Слышишь? Ты должна стать моей. Навсегда! На всю жизнь! Слышишь? На всю жизнь!

Варя заставила Толмачева подняться на ноги, успокаивая, провела теплой ладонью по его щеке.

— Хорошо, Фаддей, — тихо сказала она. — Если ты хочешь, я стану твоей женой.

Толмачев непослушными руками обнял Варю за плечи.

3.

В семейной жизни Толмачев оказался человеком покладистым, внимательным. Варя была им вполне довольна и полагала, что изучила характер мужа досконально. Однако иной раз даже близкие люди вдруг становятся такой загадкой, что только диву даешься. Несколько месяцев назад, когда Варя, собрав в шкиперской свои скромные пожитки, перебралась в маленькую комнату Толмачева, она и не подозревала, какие неожиданные грани в натуре своего супруга ей еще предстоит открыть.

Как-то под вечер, когда Толмачева не было дома, на пороге его комнатухи появился кряжистый рыжеволосый мужчина лет сорока пяти с помятым, заплывшим лицом. Он вошел без стука, быстро опустился наглыми глазами комнату, плотно прикрыл за собой дверь и молча устался на Варю.

— Кто вы? — спросила Варя. — Что вам надо?

— Не узнаешь? — скривился рыжий и укоризненно почмокал губами. — А я тебя сразу признал. Как давеча на пристани увидел, так сразу и признал. Вот где, оказывается, наша знаменитая фрейлейн Лиза пришвартовалась. Ловко!

— Я вас первый раз вижу, — сказала Варя, стараясь ничем не выдать охватившее ее волнение. — Вы меня с кем-то спутали.

— Коротка у тебя память, как погляжу. Придется подсобить. Город Слуцк припоминаешь? Офицерское казино тоже? Может, и барона припомнишь? Ну, того, что все вокруг твоей юбки вертелся. Не припоминаешь?

— Повторяю, вы меня с кем-то спутали.

— Халды-балды разводишь, дорогая. Думаешь, продам? Не бойся, не из таковых. И не затем пожаловал. Язык будет на замке. Это я

тебе обещаю. Все шито-крыто. Но за это надо тебе немного потрясти кошельком. Я, видишь ли, только что по амнистии освобожден, испытываю некоторые материальные затруднения..

— Вы шантажист и подлец!— смело шагнула к нему Варя.

В это время в комнату вошел Толмачев, слышавший почти весь их разговор.

— Что здесь происходит, Варя?— спросил он.— Кто этот человек!

— Гестаповский холуй. Полицей из слущкой охранки,— отрывисто произнесла Варя.

— Ага! Все-таки признала,— не то обрадовался, не то обозлился рыжий.— Правильно, полицей. Зато никогда не был фашистской подстилкой, немецкой овчаркой, вроде тебя...

Рыжий хотел еще что-то сказать обидное, но не успел. Варя неожиданно сильно, наотмашь ударила его ладонью в лицо.

— Сука!— выругался прищелец, потирая обожженную щеку и пятась к двери.— Хотел по-хорошему... Теперь гляди!

Рыжий поспешно скрылся за дверью.

Бледная, но внешне подчеркнута спокойная, Варя принялась накрывать на стол. Толмачев же раздраженно отодвинул на край стола пустые тарелки, закурил папиросу и уставился на Варю. Варя молчала.

— Быть может, ты все-таки объяснишь мне, что все это значит?— резко задал вопрос Толмачев.— Откуда ты знаешь этого типа? И о каком это офицерском казино и немецком бароне он здесь болтал? Ты что, действительно служила у немцев?

— Служила.

— И носила имя фрейлейн Лизы?

— Носила.

Толмачев отер ладонью лоб.

— Приятная новость, ничего не скажешь!

— Приятного во всем этом было мало. Когда ты узнаешь подробности...

— Интимные подробности твоего романа с немецким бароном?.. Так, что ли?!— с издевкой перебил Толмачев.— Меня это мало интересует!

— Почему ты так со мной разговариваешь?— с обидой спросила Варя.

— А как ты прикажешь теперь с тобой разговаривать? Как?!— истерично возвысил голос Толмачев.

— Послушай, Фаддей. Ты сошел с ума!

— Конечно! Конечно, я сумасшедший!— все более распаляясь, хрипло кричал Толмачев— от волнения у него пересохло в горле.— А вот кто, интересно, ты?

Варя смотрела на него и не узнавала. Таким она видела Толмачева впервые. Он был взбешен, испуган и растерян. Багровый, с дрожащими губами, он выкрикивал слова грубо и зло. Варя попыталась было лаской привести его в чувство.

— Опомнись, Фаддей,— мягко сказала она, беря его за руку.— Что с тобой происходит? Ну-ка, посмотри на меня...

Она повернула Толмачева к себе лицом и заглянула в глаза. Что-то недоброе, чужое, незнакомое насторожило и вдруг оттолкнуло Варю. Было больно смотреть в эти глаза. Страх, затаенный в них, вызывал жалость и отвращение. Варя уже не хотелось ни объясняться, ни говорить, ни слушать.

Толмачев пытался еще о чем-то расспрашивать, но Варя не слушала его. Она прошла в угол комнаты и с отрешенным лицом села на свою кровать.

Толмачев, хлопнув дверью, выскочил из комнаты. Голова его го-

рела. Он судорожно тер ладонями виски, пытаясь успокоиться и справиться с мыслями. Новость ошеломила его, лишила обычной рассудительной сдержанности. А сторяча можно было накуролесить. Теперь-то стало понятно, почему она так упорно избегала разговоров о своем прошлом. Кому, скажите, приятно афишировать свои шашни с фашистом! А главное, попробуй кому-нибудь доказать, что об этом он даже не подозревал. На смех поднимут. Теперь навсегда запятнана его безупречная анкета, и любой может бросить ему обвинение в том, что он преднамеренно скрывал темное прошлое своей жены...

При этой мысли Толмачеву стало не по себе. Он подумал, что следует себя как-то обезопасить. Лучше всего, не дожидаясь скандальной огласки этой истории, самому сообщить о ней куда следует. «Да, конечно, это будет разумно...» — решил он.

Домой Толмачев вернулся к полуночи. Варя лежала в постели, читала книгу. Толмачев умылся, налил из кастрюли тарелку холодного борща, поел. Кончив ужинать, закурил папиросу и пересел со стула на край Вариной кровати. У него были растерянные, виноватые глаза.

— Я был сейчас в райцентре и все рассказывал кому следует, — глухо произнес он, поглаживая длинными пальцами свои острые коленки.

— Вот как? — Варя отложила книгу и приподнялась на локоть. — И что же ты рассказал?

— В основном, о твоей работе у немцев. О казино. О бароне. В общем, обо всем, что здесь сегодня болтал рыжий.

— Не кажется ли тебе, что ты немного поспешил?

Он почувствовал на себе ее упорный, тяжелый взгляд.

— Я не мог поступить иначе...

— Понимаю.

— В твоих глазах я выгляжу, конечно, свиньей?

— Разве я тебе это сказала?

— Я чувствую это по твоему тону. По тому даже, как ты сейчас смотришь на меня.

— В таком случае, мне остается только удивляться твоей проницательности.

Толмачев скрипнул зубами.

— Только без иронии. Ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь...

Он наклонился к жене, пытаясь обнять ее, но Варя холодно отвела его руку.

— Уже первый час. Пора спать, — сухо сказала она. — Я тебе постелила на террасе.

— Значит, мужу дается отставка? — криво усмехнулся Толмачев.

— Мне так удобнее. Спокойной ночи.

Варя натянула на себя простыню и повернулась к нему спиной.

Назавтра, вернувшись с работы, он не застал Варю дома. Он растерянно шарил глазами по комнате и не находил ее вещей. Сознание, что Варя уже никогда не будет с ним рядом, в первый момент обожгло Толмачева острой болью. Соседка рассказала, что видела, как Варя в полдень ушла с каким-то портовым матросом, который взялся помочь ей донести вещи до пристани. Позже этот факт и болтовня рыжего и послужили поселковым кумушкам основанием для сплетен о Вариной тайне с моряком, который якобы увез ее, к себе на Арал.

Толмачев никогда не придавал значения этим разговорам. Он искренне переживал разрыв. Однако в тот момент он почему-то не кинулся на поиски жены. Больше того, несмотря на горечь, где-то в глубине души он был даже благодарен Варе за этот поступок, ибо она избавляла его от возможных неприятностей. Но признаться честно

самому себе в том, что он доволен таким исходом дела, у него не хватило духа.

То, что пытался скрыть от самого себя Толмачев, почувствовала и поняла Варя. Кто-то сказал, что настоящая любовь — это когда смотрят не друг на друга, а вместе в одном направлении. Варя и Толмачев смотрели в разные стороны. Но поняла Варя это, к сожалению, слишком поздно.

Почти всю войну Варя провела за линией фронта, в глубоком вражеском тылу. Родители ее погибли в блокадном Ленинграде, поэтому, кончив войну, она разыскала на глухой амударьинской пристани свою единственную родственницу, тетку-шкипершу, и поселилась у нее. Вместе с теткой Варя обдумала план своей дальнейшей жизни. Месяца два она отдыхает, бездельничает, затем усаживается за учебники и к осени, подготовившись, едет сдавать экзамены в институт. Все просто и ясно. Но судьба распорядилась по-своему — взяла да столкнула Варю у заброшенного Дарвазинского моста с долговязым геологом Толмачевым.

Варя преднамеренно не рассказывала Толмачеву о своей работе в немецком тылу. Во-первых, потому что деятельность особой разведывательной группы, в состав которой она входила, была пока засекречена. А во-вторых, она не была уверена, что Толмачев, не задавая лишних вопросов, сумеет правильно ее понять. Но кое-что она бы рассказать все-таки могла. Рассказать, хотя бы для того, чтобы успокоить его и одним своим словом все поставить на свои места. И она бы сделала это, если бы Толмачев спокойно, с достаточной долей доверия и уважения к ней попытался разобраться в этой истории. Но он так перетрусил, что перестал даже владеть собой. Он будто весь вывернулся наизнанку. А когда она узнала, что он бегал доносить на нее, она внутренне содрогнулась. Это было так чудовищно и горько!

Работая в немецком тылу, Варя научилась ценить особой мерой человеческую дружбу, верность, взаимовыручку. Поэтому не могла без отвращения думать о поступке Толмачева. Как легко и просто предал он ее чувства, ее дружбу! И она была рада, что промолчала, не разбила сразу его нелепые подозрения, дала ему возможность с таким откровенным бесстыдством обнажить свою сущность.

4.

Покидая портовый поселок на краю пустыни, Варя, разумеется, и не подозревала, что двадцать лет спустя судьба снова забросит ее в эти глухие степные места и опять столкнет с человеком, которого она давно и навсегда вычеркнула из своей жизни.

Произошло это так. Три года назад получив новое партийное задание и новое необычное назначение по службе, Варя приехала на высокий и крутокопый берег Волги в трудовую исправительную колонию несовершеннолетних.

Колонисты встретили нового начальника не очень приветливо, долго молча разглядывали с настороженной подозрительностью и плохо скрытой нагловатой усмешкой в глазах. По-военному подтянутая, в строгом офицерском кителе с майорскими погонами, Варя стояла перед неровной шеренгой бритоголовых пацанов и с затаенной тревогой читала на их лицах откровенную неприязнь к себе. И под этими недобрыми колючими взглядами она, быть может, впервые в жизни по-настоящему оробела. Нет, она не считала себя трусихой. Случалось попадать в переделки и похлеще. Но даже в самые трудные и опасные минуты не теряла присутствия духа и умела держаться молодцом. В дни войны 19-летняя ленинградская комсомолка, выполняя риско-

ваннейшие задания в глубоком вражеском тылу, поражала своих товарищей выдержкой. Отличное знание немецкого языка, находчивость, внешняя привлекательность и редкое самообладание помогли юной разведчице, работая в офицерском казино, быстро завязать знакомство с офицерами армейской штаб-квартиры, а вскоре начать опасную игру с очень влиятельным гестаповцем, прибывшим из ставки Гитлера. Первое же тайное свидание с фрейлейн Лизой закончилось для барона плачевно: с кляпом во рту он совершил воздушное путешествие с лесного партизанского аэродрома в Москву.

А вот теперь, глядя в хмурые лица бритоголовых мальчишек, вдруг оробела. Оставшись с глазу на глаз с колонистами, она только теперь со всей остротой почувствовала, какое трудное ей поручили дело. Сумеет ли она найти тропинку к сердцам этих подростков? Хватит ли мудрости, терпения, душевной щедрости?

В первый же вечер Варя пригласила к себе в контору колониста Володю Маслова, одного из самых отчаянных и непокорных бузотеров.

— Перевоспитывать позвали? — усмешливо спросил Маслов, исподлобья глядя на Варю.

Она окинула паренька с ног до головы внимательным спокойным взглядом и промолчала. Володя ей понравился. Она не могла бы сказать, чем именно, но во всем облике этого паренька, в его кряжистой, не по годам крепко сбитой фигуре и в раскосых татарских глазах с диковым взглядом, и в угловатых, но уверенных движениях было что-то привлекательное, вызывающее уважение.

Она понимала, что, пока не узнает о каждом колонисте все, — характер, склонности, строй мышления, — успеха ей не достичь.

Много усилий воли, нервов, выдержки и душевного такта пришлось затратить Варе, прежде чем удалось создать в колонии атмосферу взаимного доверия. И по-настоящему счастливым для нее был день, когда под вековыми красавцами-дубами колонисты торжественно, с музыкой провожали домой Володю Маслова, которого за образцовое поведение досрочно освободили из колонии.

Прощаясь с Володей, Варя радовалась, но в глубине души ее жила затаенная тревога. И опасения оказались не напрасными. Месяц спустя пришел первое письмо от Володи.

«Дорогая Варвара Ивановна! — писал он. — На автобазу, где я прежде был учеником, меня не взяли. В райисполкоме и в милиции тоже смотрят, как на волка. А мне это очень не нравится. Что я, дикарь, что ли? Но я, как вы советовали, носа не вешаю. Устроюсь где-нибудь в другом месте».

Прочитав письмо, Варя не на шутку переполошилась. Зная горячий, круговатый Володин нрав, его душевную уязвимость, она больше всего опасалась сейчас, что, столкнувшись с недоверием к себе, парень может снова сорваться.

Вскоре пришло другое письмо, уже из далекого каракалпакского городка Ходжейли, куда Володя перебрался из Рязани по приглашению своего старого друга. Но и здесь мытарства его продолжались.

«Нет нам, колонистам, никакой веры, — с горечью писал он, — хотя вы, Варвара Ивановна, говорили нам совсем другое. Что вы старались для меня и писали начальству — все попусту. Здесь тоже сначала обещали взять на работу, а потом начальник, как узнал, что я из колонии, так сразу — на попятную. Мне, говорит, уголовников не надо. Вот у меня и возникло дикое желание дать ему в морду... Даже напился с горя. Возьмите меня, Варвара Ивановна, обратно к себе в зону хотя бы вольнонаемным. Пожалуйста! Очень прошу в моей просьбе не отказать. А то, видно, опять завьюсь...»

Это была мольба, зов о помощи. Варя понимала: медлить нельзя

ни минуты. Понимала, что никакими официальными письмами и даже телефонными переговорами делу не поможешь. Ей необходимо было лично повидаться с Володей. Варя собрала вещи и вылетела в Каракалпакию.

5.

В эту ночь Толмачев не сомкнул глаз. Никогда еще спальный мешок не казался ему таким чертовски тесным и неудобным. Чтобы втиснуть в него все свое длинное костистое тело, он поджимал ноги, отчего икры все время сводила судорога. Ожесточенно растирая ладонями деревенеющие ноги, он ворочался с боку на бок, кричал, в конце концов, поняв, что заснуть не удастся, вылез из мешка, подбросил в тлеющий костер несколько саксаулин, раздул огонь.

Почувствовав тепло разгоревшегося костра, проснулся и Юрка, посмотрел очумелыми глазами на Толмачева, почмокал губами, пробормотал сквозь сон что-то несвязное.

Толмачев отвернулся от огня и закурил. В голове шумело, на душе было нехорошо. Человек старается вычеркнуть из памяти события и факты, неприятные ему. И Толмачев все эти годы пытался не думать о своем разрыве с женой. Он понимал, что тогда сподличал. И ощущение содеянного им чего-то мелкого, грязного и злого не покидало его. Он пытался сторговаться с собственной совестью, выискивал духовные лазейки, чтобы хоть как-то обелить, оправдать себя в собственных глазах. Одно время это удавалось. Теперь же боль, накопленная за долгие годы, поднялась в нем с новой силой. Он мысленно, словно со стороны, стал придирчиво разглядывать самого себя, впервые не пытаясь оправдаться, увильнуть от прямого ответа.

Конечно, жаловаться на судьбу ему грешно. Всего, к чему в жизни стремился, достиг. Есть теперь и свои научные труды, и власть в руках немалая. И все-таки, черт побери, нет ощущения полноты жизни. Гложет, гложет, словно ржавчина, разъедает душу шемящая тоска. И не может он понять, отчего она, эта тоска: то ли от одиночества, оттого, что после Вари не сумел устроить свою личную жизнь, то ли еще отчего-то.

О многом передумал в эту ночь Толмачев. С нетерпением дожидаясь рассвета, он курил папиросу за папиросой. Остывшая за ночь пустыня дышала острым холодком, костер, превратившись в кучу теплого серого пепла, уже не грел.

Зябко поеживаясь, Толмачев снова забрался в спальный мешок и попытался заставить себя вздремнуть хоть несколько минут. Он сомкнул веки и прислушался к тягучим глухим ударам своего сердца. До считал до трехсот и бросил — сон не шел.

Когда снова открыл глаза, то в небе уже растекалась влажная сероватая мгла с едва приметными розоватыми подтеками на востоке.

Толмачев разбудил Юрку и велел собираться в дорогу.

В эти предутренние часы, когда еще дышится легко и в глаза не хлещет солнце, да к тому же если под колесами стелется ровная, как стол, спрессованная глина такыров, езда в пустыне — одно удовольствие. Юрка отыскал знакомую караванную тропу и погнал машину на предельной скорости.

К полудню они вкатили на широкий, заставленный грузовиками и пропахший бензином двор штаба экспедиции.

Узнав, где остановилась Варя, Толмачев, не мешкая, отправился в гостиницу. В прохладном узком коридоре он отыскал нужную дверь, но сразу открыть не решился. Потоптался, закурил, но, сделав несколько глубоких затяжек, швырнул папиросу в окно и только после этого робко постучал.

Дверь распахнулась, и он увидел на пороге Варю. В белой просторной кофте, строгой юбке, с волосами, по-домашнему поднятыми к затылку, Варя выглядела так молодо, что ему на какое-то мгновение даже показалось, будто они и не расставались вовсе, и не пролегла между ними пропасть, глубиной в двадцать лет.

Он смотрел на нее и с радостью узнавал знакомые черты лица и немного задумчивую и такую родную ее улыбку, и золотистых бесенят в веселых глазах.

— Здравствуй, Варя! — сказал Толмачев, и голос его задрожал от волнения.

— Здравствуй, Фаддей.

Она протянула ему руку, и от прикосновения ее теплых шелковистых пальцев его словно ударило током.

— Проходи, садись, — пригласила Варя. — Чай будешь пить?

— Нет, спасибо. Я только из столовой.

— Как знаешь, а то я мигом. Титан в гостинице кипит круглые сутки.

Она пододвинула к нему стул, сама села напротив, по другую сторону стола и, подперев ладонями подбородок, с интересом стала рассматривать Толмачева. Он заерзал на стуле.

— Я закурю. Не возражаешь?

— Кури, — разрешила она.

Толмачев достал папиросу, долго разминал ее пальцами, потом закурил и, стараясь не глядеть в ее сторону, стал с подчеркнутым любопытством оглядывать небольшую, с низким потолком комнату гостиничного номера.

— Так вот, значит, каким ты стал, — после небольшой паузы сказала Варя.

— Каким? Старым, что ли?

— Молодым тебя не назовешь, это правда. Но я не об этом.

— О чем же?

— О твоих успехах. Ты ведь, слыхала, зря времени не терял. Добился всего, к чему стремился. Не так ли? И положение и власть — все, как говорится, блага жизни.

Толмачев впервые посмотрел прямо Варе в глаза, желая прочесть в них истинный смысл ее слов. Она смело встретила его взгляд, с привычной, чуть насмешливой улыбкой, и он отвернулся.

— Все это суета сует, — со вздохом произнес он, — и положение и власть. Как сказал бы старик Бальзак, товар в наше время очень невыгодный — стоит дорого, а сохраняется плохо.

— Вот как? — Варя с наигранным удивлением вскинула брови. — Помнишь, двадцать лет назад ты рассуждал по-иному.

— Это же было двадцать лет назад. Все течет, все изменяется. Но поговорим лучше о тебе. Ты замужем?

— Я думаю, эта тема для нас не очень интересна...

— Нет, почему же? Мне это интересно. Если хочешь знать, совсем не безразлично.

— Собираешься вторично сделать мне предложение? — улыбнулась Варя.

— Не нахожу в этом ничего смешного, — исподлобья глянул на нее Толмачев. — Кстати, если говорить откровенно... Конечно, я был во многом неправ. Но вспомни: ведь ты даже не пожелала со мной тогда разговаривать!..

— Не надо ворошить старое, — попросила Варя, — ни к чему хорошему это не приведет.

— А я полагаю, что мы все-таки обязаны, пусть с опозданием, но обязаны объясниться начистоту.

— Поздно, Фаддей. Слишком поздно. Да и ни к чему.

— И все-таки ты должна выслушать меня!

— Зачем?

— Затем хотя бы, чтобы понять, как жестоко я уже наказан тобою за все. Да-да, не удивляйся. Именно наказан. Когда ты это поймешь, возможно, многое простишь мне.

— Извини за резкость, но я не из породы людей, которые умеют прощать предательство.

— Я тебя не понимаю...— он проглотил слюну, и бугристый кадык на его загорелой шее шевельнулся.

— Да, тебе это понять трудно. Ты тоже из породы людей особых. Но не будем об этом. Я ведь, собственно, к тебе по делу.

Узнав в штабе, что начальник экспедиции, которого она разыскивает, Толмачев, Варя от неожиданности немного растерялась. Геолог, знавший Варю еще по тому времени, когда она жила у тетки, на барже, расценил ее замешательство по-своему. Он отыскал по рации Толмачева в одном из полевых отрядов и сообщил о приезде жены. Варе не очень-то хотелось встречи с Толмачевым, но речь шла о деле, ради которого она сюда приехала.

Она достала из сумочки конверт с письмом Володи Маслова и протянула Толмачеву.

— Что это? — насторожился он.

— Прочти и все поймешь.

Толмачев неторопливо развернул письмо. Кончив читать, сунул листок в конверт и, положив его на стол, прикрыл ладонью.

— Ну и что? — вопросительно посмотрел он на Варю.

— Тебе не ясно?

— Нет, почему же? Бандит хотел, как он сам пишет, дать мне в морду. По-моему, все вполне ясно. Только не пойму, причем тут ты?

— А почему ты решил, что автор письма непременно бандит? — не отвечая на вопрос, сухо спросила Варя.

— Потому что я отлично помню этого молодца. Он пришел ко мне наниматься на работу прямо из тюрьмы.

— Не из тюрьмы, а из трудовой колонии, — резко поправила Варя.

— Не вижу большой разницы.

— И только потому, что он из колонии, ты отказался принять его на работу?

— А по-твоему, я должен был встретить его с оркестром? С фанфарами?

— Нет, ему не надо фанфар, — сдерживая себя, сказала Варя. — Но доверия, хоть капельку обыкновенного человеческого внимания и доверия ему надо было, как воздуха. А что получилось? Люди в колонии долгие месяцы внушали подростку веру в справедливость, в доброту. А он, поверив в это, вдруг наталкивается на человека черствого, подозрительного, трусливого...

— То есть на меня? Это ты хочешь сказать?

Варя промолчала.

— По-моему, ты придаешь всему этому слишком большое значение. Если говорить серьезно, то вопрос о доверии — это прежде всего вопрос разумной осмотрительности.

— А по-моему, вопрос о доверии одного человека к другому всегда, в конце концов, сводится к вопросу о ценности самого человека, — твердо сказала Варя.

— Нам, вижу, лучше оставить эту тему. Мы заходим, кажется, слишком далеко, — подавляя в себе обиду, спокойно произнес Толма-

чев.— Я готов, чтобы поставить точку, даже взять ради тебя этого парня на работу. Тебя это устраивает?

— Вот-вот! В этом весь ты как на ладони. Ради меня. А почему не ради самого этого парня? Нет уж, покорно благодарю, но я постараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы парень этот никогда больше не встретился с тобой... И тебе подобными.

— Ты напрасно сердишься, Варя. Я ведь хотел, как лучше.

— Я не сержусь,— холодно сказала Варя и нетерпеливо поглядела на ручные часы.

— Спешешь? — спросил Толмачев.

— Да, ты меня извини, но в три часа у меня свидание с секретарем вашего райкома партии. И, представь себе, по делу все того же парня.

Толмачев понимающе ухмыльнулся.

— Насколько я понимаю, меня вежливо выпроваживают? Да, не такой я представлял себе нашу встречу. Разговор, как говорится, не получился. Жалко. Очень жалко.

— Мне тоже,— сухо сказала Варя.

— Когда уезжаешь?

— Сегодня вечером.

— Могу тебя проводить?

— Думаю, это ни к чему.

— Тогда я пошел. Рад был тебя повидать.

— Прощай.

Варя простилась, не подав руки. Но когда за Толмачевым затворилась дверь, она подошла к окну и стала глядеть ему вслед. В ее взгляде были сожаление и боль.

Яростное каракумское солнце пекло рыхлую землю. Улица, пропитанная насквозь горячей пылью, была тиха и пустынна. Тяжело переставляя ноги, задыхаясь от зноя, Толмачев, сторбившись, шел по мостовой и, вспоминая обидные Варины слова, кривил губы. На душе было скверно и пусто.

Неожиданно внимание его привлек рыжий пушистый комок на тротуаре. То был маленький длинноухий и криволапый щенок. Заметив Толмачева, мохнатый проказник, виляя коротким хвостиком, побежал ему навстречу с явным намерением поразвлечься и затеять веселую возню. Но Толмачеву было не до развлечений. Пинком он отшвырнул щенка с дороги. Получив неожиданный удар в бок, тот взвизгнул и, жалобно заскулив, метнулся прочь. Перебежав на другую сторону улицы, щенок обернулся, примолк и долго с грустным удивлением глядел на человека.

Карши

Нет, забыть тебя невозможно,
Хоть садись и стихи пиши...
Ты всегда мое сердце тревожишь,
Город-сад буйнолистый — Карши.

Здесь, на южной далекой границе,
Где хребты и раздолье степей,
Я нашел — и могу похвалиться —
Самых искренних, верных друзей.

Белорусов они угощали
Братским хлебом в военные дни,
Под одною мы крышею спали,
Нас поили арыки одни.

Не забудут и сами узбеки,
Как суровый и трудный час
Крепкой дружбой связал навеки,
Слил в могучую силу нас.

Тюбетейку с цветастым разводом
И сегодня люблю надевать.
И узбекский напев народный
Продолжает меня волновать.

Я сроднился с обычаем брата,
Пил кок-чай, отдыхая в пути.
Что стихов написал маловато
О тебе, то за это прости.

В сердце есть золотая жила, —
Докопайся, она не видна.
В стих вольется отстойная сила,
И душа всколыхнется до дна.

Ты поймешь мои мысли, как
прежде,
Собирайся, дела верши,
Город радостной, светлой надежды,
Незабвенный товарищ Карши!

Перевёл с белорусского С. Лиходзиевский.

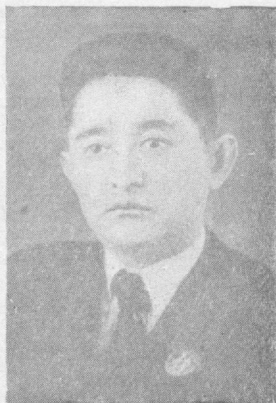

Одной из главных своих задач «Звезда Востока» считает популяризацию культуры узбекского народа и других народов Средней Азии среди читателей нашей многонациональной страны. Это испытанный путь расширения и укрепления связей между братскими народами, взаимообогащения их культур.

В минувшем году в нашем журнале под рубрикой «Классики Востока» были напечатаны статьи о жизни и творчестве Алишера Навои, Рудаки, Насира Хусроу, Низами и других корифеев восточной поэзии. Эти материалы нашли живой отклик у читателей, особенно у тех, которые стали друзьями «Звезды Востока» совсем недавно — после выхода ее на всесоюзный книжный рынок. В письмах, полученных редакцией из России и Украины, Прибалтики и Белоруссии, содержится просьба рассказать также о современных выдающихся деятелях литературы и искусства нашего края. Поэтому, начиная с этого номера, мы будем систематически публиковать материалы популяризаторского характера о писателях и композиторах, художниках и артистах Советского Узбекистана.

ПЕВЕЦ БРАТСТВА, СВОБОДЫ, СЧАСТЬЯ

*О творчестве
Хамида Алимджана*

Хамид Алимджан — один из тех видных узбекских писателей, кто внес особенно весомый вклад в становление и развитие узбекской советской литературы. Он стоит в ряду таких ее корифеев, как Хамза Хаким-заде Ниязи, Садриддин Айни, Айбек, Гафур Гулям.

Страстная убежденность коммуниста, активность общественного деятеля, окрыленность творца новой, социалистической культуры — все это слилось воедино в творчестве этого замечательного поэта, прозаика, драматурга, критика и литературоведа, организатора литературного процесса. Будь то сти-

хотворения или публицистическая статья, философская драма или устное выступление на писательском собрании, художественная проза или статья в газете — они всегда находили горячий отклик в сердце читателя или слушателя, потому что Хамид Алимджан всегда говорил о самом главном, о том, чем жил в это время народ. И нередко случалось так, что именно в его произведении впервые звучало то слово, которое затем переходило из уст в уста, становилось крылатым, ибо выражало сокровенные мысли и чувства всего народа.

Знаменито и знаменательно сти-

хотворение Хамида Алимджана «Россия», написанное в годы тяжелых военных испытаний, в годы, когда под угрозой была жизнь многонациональной страны Советов. Не было, пожалуй, в ту пору ни одного народа земли, который бы не сочувствовал советским людям в их поединке с гитлеровским фашизмом. И каждый отдавал должное выдающейся роли великого русского народа, сплотившего вокруг себя братские народы нашей страны, возглавившего в этой борьбе все прогрессивное человечество. Чувство любви к России, к русским людям, героически вставшим вместе со своими братьями разных национальностей на пути смертоносных орд поработителей, жило в сердцах миллионов. И когда узбекский поэт Хамид Алимджан ярко и душевно выразил это чувство в стихах — произведение его стало достоянием всех народов нашей страны. Узбек и украинец, туркмен и белорус, казах и азербайджанец, таджик и армянин — все, кто на фронте и в тылу, не покладая рук, ковал победу над ненавистным врагом, благодарно повторяли слова Хамида Алимджана, обращенные к России:

О Россия! Россия! Твой сын, а не гость я.
Ты — родная земля моя, отчий мой кров.
Я твой сын, плоть от плоти твоей,
кость от кости,
И пролить свою кровь за тебя я готов.

Поэт с юных лет чувствовал родство с народом Пушкина, Горького, с народом великого Ленина, открывшего для всех трудящихся путь счастья, разгадавшего, наконец, эту «мучившую тысячелетия загадку». Хамид Алимджан восторженно говорит о Москве — средоточии великой Советской Отчизны, о солнце, сияющем в окружении «счастливых звезд».

Эти мысли, эти художественные образы были подсказаны Хамиду Алимджану всей его жизнью, начиная с безрадостного, сиротливого детства. Нелегкая судьба бедняка

сдала его, не случись Октябрьской революции, грозные раскаты которой обнадеживающе докатились до узбекской земли в 1917 году. Хамиду было тогда восемь лет. Оставшись без отца четырех лет, мальчик испытал на себе и голод, и холод. Жизнь скрашивалась только добрым словом матери Камилы-апа, приучавшей его к книге, да забавными сказочными историями, которые в изобилии рассказывал дедушка Мулла Азим. Уже тогда Хамид начал постигать русский язык.

Совсем по-новому, как-то по-всеннему бурляще пошла жизнь Хамида, когда в родном Джизаке открылась школа. Это произошло уже при Советской власти, в 1918 году. А в 1923 году он, уже выпускник неполной средней школы, едет в славный своими памятниками и медресе Самарканд. Но не богословием, не зубрежкой изречений из священных книг собирается заняться любознательный юноша. Он весь устремлен к настоящим знаниям, его окрылила советская новь, и он хочет своими руками ее растить, утверждать, нести в сердца людей, в их жизнь и быт.

С 1923 по 1928 год Хамид Алимджан учится в Самаркандском педагогическом училище, а по окончании его — вплоть до 1931 года — в Узбекской педагогической академии.

Чувство благодарности за обретенное счастье, жажда полезной деятельности на благо людей не позволяют Хамиду замкнуться в кругу своих студенческих забот. Он сотрудничает в областной газете, ездит по родной земле в качестве журналиста, сочетая боевую корреспондентскую работу с кропотливым, вдохновенным трудом поэта. Уже тогда наметились два основных, то и дело сливающихся воедино, потока в деятельности Хамида Алимджана — поэзия и общественная деятельность. Нередко поездка в кишлак или на стройку у него заканчивалась деловой статьей в газете и стихами, которые он припасал для сборника.

Так было в юности, так продол-

жалось и в зрелые годы. Общеизвестно, например, что замечательное произведение Хамида Алимджана — поэма «Зайнаб и Аман» — вошедшее в золотой фонд узбекской советской поэзии, создано на том же самом жизненном материале, что и его очерк «Зайнаб». Героиня и поэмы, и очерка, Зайнаб, — не вымышленное лицо, это — известная в свое время мастерица высоких урожаев хлопка, в судьбе которой поэт увидел типичные черты светлых судеб советских женщин-узбечек. И в своей поэме Хамид Алимджан как раз и приходит к обобщению частностей, к созданию художественно-философского образа свободной женщины-труженицы, счастливой своей ролью творца нового мира и новых, высоко нравственных отношений между людьми.

Поэма «Зайнаб и Аман» — одно из самых замечательных произведений узбекской поэзии, посвященных теме освобождения женщины-узбечки от векового гнета.

В 1929 году был издан первый сборник стихов Хамида Алимджана. Он назывался «Весна». И составляли его произведения, поведенные радостные, солнечные, рассказывающие о победном шествии нового в жизнь узбекского народа. Стихи этого сборника окрашены романтической Октябрьской очистительной грозой, герои его — комсомольцы, молодые хозяева жизни, вдохновленные идеями великого Ленина.

В начале тридцатых годов вышли новые сборники стихов Хамида Алимджана — «Огненные волосы», «Пойга» и «Смерть врагам». В каждом из них запечатлены исторические вехи развития молодой Советской страны, живет дыхание незабываемого времени, когда возмужали первые гиганты индустрии, организовывались колхозы.

После окончания педагогической академии Хамид Алимджан с еще большей активностью участвует в общественной работе, он считает своим гражданским долгом трудиться с полной отдачей, чтобы его

знания, полученные за годы учебы, принесли пользу народу.

Тридцатые годы — поистине «золотые годы» в творческой биографии Хамида Алимджана. Несмотря на большую воспитательную, организаторскую, корреспондентскую и редакторскую работу, отнимавшую у него ежедневно немало часов, он создает не только стихи, но и большие поэмы — «Айгуль и Бахтияр», «Зайнаб и Аман», «Семург». В 1939 году был издан сборник стихов «Родина», а в 1940 — «Счастье».

Хамид Алимджан, можно без преувеличения сказать, жил в темпе страны, а гигантский размах и величие всенародной стройки придавали соответствующую масштабность его творческой мысли, учили организаторскому умению в общественных делах.

В стихах и особенно в крупных поэтических произведениях поэт ставит и решает важные нравственные проблемы. Он словно бы исследует то новое в духовной жизни советских людей, что пришло в их жизнь, вместе со свободой, народовластием, материальной обеспеченностью.

И если в очерках о современной ему действительности, таких, как «Вахш» или «Файзулла-ата Юнусов», «Река жизни» или «Истинная слава», Хамид Алимджан рассказывает о героях Вахшстроя, хлопковых полей языком фактов и цифр, рассказывает со страстью публициста, видящего за сегодняшними фактами и цифрами солнце грядущего коммунизма, то в стихотворных произведениях он выступает как поэт-философ. В поэмах им широко используются богатства устного народного творчества, язык достигает афористической емкости, художественные образы отличаются глубиной подтекста.

За внешним рисунком сюжета поэм Хамида Алимджана встают зрелые и стройные мысли поэта об истинном человеческом счастье, которое невозможно без свободы, без чувства достоинства, без права на творческий труд. И когда поэт соз-

дает, например, образ мужественной Айгуль в поэме «Айгуль и Бахтияр», он всей логикой действия утверждает мысль о необходимости борьбы за счастье, о том, что оно — в руках человека.

Глубок замысел поэмы «Семург». В ней поэт воспевает высокую нравственную силу, свойственную людям труда, народу. Он словно бы говорит: никакое материальное богатство не в состоянии заменить такие бесценные сокровища души человеческой, как честность, верность, готовность на подвиг.

Это произведение Хамида Алимджана особенно актуально звучит в наши дни, когда вопросы коммунистической морали и этики стали достоянием всего советского общества.

Идеи и мысли, воплощенные поэтом в художественных произведениях, неоднократно высказывались им и в статьях, и в речах. Он руководствовался ими и в своей организаторской деятельности. С 1939 года до конца своей жизни Хамид Алимджан возглавлял Союз писателей Узбекистана.

И словом председателя творческой организации, и пером писателя Хамид Алимджан всегда задавал тон в работе талантливого коллектива узбекских поэтов, прозаиков, драматургов и критиков. В те годы были созданы замечательные произведения, прославившие имена многих, ныне широко известных писателей — Гафура Гуляма, Айбека, Камиля Яшена, Зульфии, Уйгуна и многих других.

Действительность, захватывающие дух факты современности были той благодатной почвой, на которой поднялись дружные всходы узбекской советской поэзии. Достаточно полистать поэтические сборники Хамида Алимджана тех лет, чтобы понять, чем он вдохновлялся, что волновало его, кто был его героем. Это — хлопкороб и строитель оросительного канала, первая узбечка-парашютистка и герой-комсомолец. Каждый факт культурной и общественной жизни — будь то столетие со дня смерти великого

русского поэта Пушкина или постановка на узбекской сцене пьесы Шекспира, юбилейная дата, связанная с именем великого сына узбекского народа Алишера Навои или антифашистский митинг интеллигенции — становился поводом для глубоких раздумий Хамида Алимджана — поэта и гражданина.

Многие узбекские читатели тех лет, только-только приобщающиеся к грамоте на родном языке, впервые узнавали о великих созданиях русских классиков из статей Хамида Алимджана. В них поэт выступает как подлинный просветитель. О Горьком он пишет статьи «Ознакомление с Горьким», «Великий художник», о Маяковском — статью «Создатель нового русского стиха», о Серафимовиче — «Творческий путь Серафимовича».

Этим же целям Хамид Алимджан подчиняет и свой талант поэта-переводчика. Узбекский читатель в его переводе узнал шедевры русской литературы — «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Платон Кречет» Александра Корнейчука, а также русские классические произведения — «Кавказский пленник» Пушкина, «Бэлу» Лермонтова.

Хамид Алимджан выступал с докладами и специальными статьями, которые сыграли огромную роль в развитии узбекской советской литературы, формировали литературный процесс, утверждали его коммунистические основы, воспитывали молодых писателей. Среди них, в частности, статьи «Первый период узбекской литературы», «В период крутого подъема нашей литературы», «О трудностях учебы и обучения» и другие.

И еще одна важная область деятельности Хамида Алимджана — его исследовательские и популяризаторские статьи об узбекской литературе и отдельных ее представителях. И узбекскому и русскому читателю особенно памятливы его работы — «Об Алишере Навои», «Навои и современность», «Навои — создатель узбекского литературного языка».

ж. Писал Хамид Алимджан и о за-
ве мечательном узбекском поэте Му-
но кими, и о великом украинском
да кобзаре Тарасе Шевченко, о слав-
во ном казахском акыне Джамбуле.
ск Изучая большое творческое насле-
то дие Хамида Алимджана, много-
ле кратно убеждаешься, что сердцу
ро поэта одним из самых дорогих было
не чувство интернационализма и со-
ст ветского патриотизма.

Хамид Алимджан был вдохно-
со венным певцом Советского Узбеки-
ко стана, который вставал перед его
ты глазами по-весеннему юным, по-
ш юношески сильным, по-человечески
ми счастливым. Именно поэтому Ха-
к мид Алимджан — в отличие от
ни поэтов минувших веков — мог во
об весь голос, гордо сказать:

И счастья мне большего нет,
со Чем петь человеку о счастье.

Любовь к родной стране, к хо-
из зяину ее — трудящемуся человеку —
де сообщала многим стихам Хамида
ты Алимджана тонкий лиризм, про-
у зникновенную задушевность. Этим
особенно отличаются его широко
сб известные стихотворения «О сча-
на стье», «То, что вдохновило меня»,
се «Когда цветет урюк».

В последнем он рисует очарова-
ж тельную картину весенней земли:

Выйду в сад, по дорожкам пройду, —
ст Лунной ночью, солнечным днем, —
о Все мне радо в белом саду,
ге Все мне тайно поет об одном:
мо «Мир цветов пред тобою возник,
зд Унеси его в спальню весь,
л Но обилён счастья цветник, —
Не снесешь — оставайся здесь!..»

Мирная, спокойная картина... Но,
то создавая ее, поэт далек от пре-
А красноречия, он не безвольный со-
Г зерцатель и хорошо знает, что
са мирное, добытое титаническим тру-
и дом счастье надо зорко оберегать,
те а если понадобится — то и жизнь
о отдать за него. И понятен тот ве-
ликий гнев, с каким Хамид Алим-
о джан заговорил в своих стихах и
и статьях после коварного вторжения
ик в нашу страну гитлеровских пол-
ю чищ!.. Он свято верит, что враг
об будет повержен, ибо сердца совет-
в ских людей, сердца всех народов-

братьев бьются в унисон. В первые
же дни Великой Отечественной вой-
ны поэт создает свою «Песню побе-
ды». От имени узбекского народа
он славит нерушимую дружбу наро-
дов, заявляет о решимости совет-
ских людей отдать все силы во имя
скорейшей победы над врагом.

Вся деятельность Хамида Алим-
джана военных лет целиком под-
чинена главной цели — победе над
ненавистным фашизмом. В 1942—43
годах вышли его сборники «Мать
и сын», «Возьми оружие в руки»,
«Вера». Поэт участвует в создании
поэтического послания узбекского
народа воинам-фронтовикам. В
1943 году он едет в составе узбек-
ской делегации в Действующую ар-
мию. В том же, 1943 году им была
закончена стихотворная драма «Му-
канна» — одно из лучших произведе-
ний узбекской драматургии.

Пьеса эта создана на историче-
ском материале. Но за войском
арабского халифата, вторгшимся на
земли Средней Азии с грабитель-
скими целями, легко угадывался
гитлеровский вермахт, а за героя-
ми-патриотами, объединившимися
вокруг Муканны и, наконец, вос-
ставшими против поработителей —
наш героический народ. Конечно,
сюжетная символика эта — чисто
внешняя, но дух патриотизма и са-
моотверженности, дух свободоло-
бия и справедливости, отличающий
повстанцев древнего Маверан-
нахра, имел прямое воспитательное
и мобилизующее действие и на
читателя пьесы, и на зрителя. Пье-
са эта была поставлена театром
имени Хамзы в 1943 году.

Незадолго до смерти, — Хамид
Алимджан трагически погиб в 1944
году, — им были написаны пьеса
«Преступление» и баллада «Слезы
Роксаны».

Певцом братства, свободы и
счастья, певцом духовной красоты
советского человека — таким живет
и всегда будет жить в сердцах мил-
лионов читателей замечательный
узбекский поэт, публицист, общест-
венный деятель Хамид Алимджан.

Вячеслав КОСТЫРЯ.

Назир САФАРОВ

СЛЕД ЧЕЛОВЕКА

Назир РАДЖАПОВ

— ИДЕМ на посадку.

До этой минуты можно было думать еще о чем-то постороннем, не связанном с полетом. Например, о горячем солнце, которое нас провожало, о садах, налитых плодами, наконец о делах — у каждого из нас были дела и даже неотложные, они беспокоили, напоминали о себе. Кстати, о солнце — мы потеряли его в прохладных широтах, за тучами, за плотной сеткой дождя, и снова обрели здесь, над молдавской землей. Оно плескалось на крыльях самолета, билось в иллюминаторы. Но все это было посторонним сейчас, не главным, во всяком случае.

Когда глаза второй раз обращаются к предмету, в них еще живо первое впечатление. Оно как бы накладывается на увиденное, сверяет его. Мне знакома другая картина здешних мест — без ярких красок, без густой зелени и малиновых пятен. Невольно я ищу ее, ту картину.

С ней связана мысль о человеке, во имя которого совершен этот полет в далекий край. Как быстро преодолеваются расстояния! Время, время торопит. А как долго, как мучительно трудно шли мы сюда в ту суровую годину. Как мокли под бесконечными дождями, как месили ужасную грязь сапогами. Дни и ночи месили. Лежали на ней, пережидая огонь врага, и снова шли. К тебе, молдавская земля.

И пришли на серое, мокрое, истерзанное гусеницами танков поле. Пришли не сразу. Долго надо было шагать с боями от Кавказа. От того места, где армия наша остановила врага, задержала лавину, что катилась на восток. Тесня немца назад, сгоняя с родной земли, советские воины везде встречали это истерзанное поле, когда-то плодоносившее, радовавшее человека. Где бы поле ни лежало, у Дона или Днепра, у Волги или Дуная, оно казалось мертвым. И села были такими, и города. Горе, слезы, голод — вот что оставлял враг после себя.

Помню, на пути нашем встал Ростов. Обгоревший, разрушенный, полумертвый.

Было холодно. Холодно от всего, что мы видели, холодно от человеческого горя. Холодно от сырого ветра.

На мне шинелишка, на ногах легкие сапоги. И как назло, сапог левый «запросил каши», подолва держалась на нескольких гвоздиках. Пальцев я почти не чувствовал. Они стыли в морозной жиже, которую зачерпывал сапог при каждом движении.

Вошел в одинокую, чудом уцелевшую при бомбежках хибарку. Увидел

старика. Белый, худой, со впавшими глазами, угасшими до времени, милой стариковской улыбкой, он говорит:

— Входи, милоч, входи... Только дверь прикрой получше. Как бы холод из моей хаты не застудил улицу.

Забавный старик, перенес столько горя, а не сник. Шутит еще. Молодец. И главное, оказался сапожником!

Я сказал о своем несчастье, показал на сапог.

— Эге, дело сурьезное. На таком колесе за немцем не утонишься. Давай-ка сюда, милоч.

Хозяин с любопытством смотрел на меня.

— Послушай, а сам ты откуда будешь-то? Выговор у тебя не кавказский.

— Узбек я. Слыхали про Ташкент?

— А как же! Перед самым приходом немцев невестка вместе с внуками подалась на восток, в Узбекию самую. Сын на фронте — и ни оттуда, ни отсюда вестей нет. Мы со старухой извелись заботами.

— Теперь уже скоро вести поступят. А где ваша старуха-то? — спросил я.

— Старуха...

Лучше бы я не спрашивал. Лицо хозяина перекошилось от какой-то внутренней боли.

— Старуха, милоч...

Трудные мужские слезы скатились на худые щеки, на бороду.

— Нет старухи более...

Что-то страшное произошло, иначе не охватила бы такая боль человека при воспоминании.

— Сгорела старуха...

В последний день своего хозяйничанья в Ростове гитлеровцы жгли дома, грабили и убивали людей. Подожгли они и дом старика. Старуха бросилась защищать родной кров и тут же была прибита прикладом и брошена в огонь. Он нашел ее мертвую на пепелище...

Расставались мы с дедом друзьями. Я надел сапог и почувствовал впервые за два дня сухое тепло, приносящее солдату покой и радость в походе. Ни о какой плате и разговора не могло быть — старик предупредил мою попытку заговорить о деньгах негодующим:

— Рядиться вздумал! Да кто же в собственном доме рядится? Ежели с моего сына деньги кто спросит за постой или кружку воды, пусть лучше сгинет прежде. Твоя мать, может, Оксану да внучат моих пригрела, а я с тобой — деньги... Не смей!

Павлыч, так звали старика, проводил меня на крыльцо и, ежась на знобком осеннем ветре, постоял, пока твердые шаги моих новеньких (теперь они были как новенькие) сапог не стихли за углом...

САМОЛЕТ снижался, гудя моторами и кренясь на левое крыло. В иллюминаторы уже не лилось солнце, а хлынули зеленые краски. Целый водопад красок — добрых, щедрых, богатых. Некогда орошенная кровью земля буйно плодоносила. Видно, ради этого праздника осеннего изобилия, ради этого цветения красок и лилась кровь людская и шли невероятно трудным ратным путем люди.

Об одном из них, моем земляке, мне предстояло здесь узнать. Ради этого я и летел двадцать лет спустя в знакомые молдавские места.

Кишинев. Тот же Кишинев и — совсем другой. В аэропорту нас встречают. С цветами. Рукопожатия, приветственные слова. В радостном окружении мы идем к машинам.

Осень. Нежный, ласковый ветерок. Деревья, усталые от долгого лета, в

какой-то дреме стоят вдоль улиц и, кажется, вот-вот начнут ронять изумрудные, чуть прихваченные желтизной листья.

— С какой стороны мы въезжаем в город?

— Со стороны вокзала. Только нового вокзала. Старый был сожжен немцами при отступлении. А в город въедем по бульвару Гагарина...

Да, да, именно так мы входили в ночной Кишинев сорок четвертого года. Двести девяносто пятая стрелковая дивизия окунулась в пламя, охватившее город. До этого я увидел Кишинев из села Мерени, вернее не Кишинев, а огромное зарево, чуть ли не вполнеба. Село было взято после кровопролитных боев с немцами, расположивших здесь штаб пятьдесят второго корпуса. Через Мерени лежал наш путь на Кишинев. Наступление, предпринятое советскими войсками со стороны Шерпен, натолкнулось на отчаянное сопротивление противника. Сломив немцев в Мерени, мы ночью подошли к Кишиневу.

Другим стал вокзал. Потому-то и не узнать его. Не узнать и бульвар Негруци. Тогда — просто узкая ломаная улица, с низкими полуразрушенными домами. Помню случай, который произошел ночью 24 августа. В городе шел бой. Пробегаю недалеко от вокзала в сторону центра, я услышал в одном из дворов женский крик. Неожиданный, хватающий за душу. Распахнул калитку — во дворе никого. Только у крыльца какая-то тень. Шагнул к ней — и снова крик. Женщина. Лицо прикрыто ладонями, плечи трясутся от страха.

— Не бойтесь, — сказал я. — В город вошли советские войска.

Она не поверила сразу, осторожно отстранила руки от лица, глянула на меня. В неровном свете огня, что бушевал над Кишиневом, увидела звездочку на моей фуражке. И женщина ожила, осмелела, хотела что-то сказать, но пережитый испуг все еще властвовал над ней, и она только заплакала. Приблизилась, еще раз глянула на звездочку.

— Да, да, — подтвердил я, — советский командир. Не надо бояться... Свои.

Женщина взяла меня за руку и повела в дом. Слезы продолжали литься из ее глаз, светлые слезы радости и успокоения. Слов я не понимал, а может быть, их и не было, лишь неясные возгласы рождались на вздрагивающих губах женщины.

В комнате, такой же пустынной, как и двор, она стала звать кого-то по имени.

Через несколько минут из-под кровати выглянуло другое испуганное лицо. Бледное, измученное, как у мертвеца.

Это была тоже женщина. Она показалась мне старухой. Только позже я узнал, что ей, как и сестре, встретившей меня во дворе, чуть больше тридцати. «Старушка» выползла с моей помощью из укрытия. Она плакала...

Мне хотелось увидеть тот двор, тот дом у вокзала, где довелось мне сказать людям — вы снова свободны. Не было того дома, было много домов похожих, но который из них открыл мне тогда свои двери?

К бульвару Негруци примыкает площадь Котовского с памятником этому легендарному герою гражданской войны. В этом районе и памятник комсомольцам, героям Великой Отечественной войны. Я думаю об этих двух памятниках. Нет, не забыли люди героев великих битв за свободу народа. И не забудут. А среди этих героев — и узбекского юношу Нарзи Раджапова.

...Я у Павла Петровича Боцу, заместителя редактора газеты «Молдова Сочналистэ». Журналист легко поймет журналиста, ему и объяснять не надо, как дорога мне любая весточка от людей, знавших Героя Советского Союза Нарзи Раджапова.

Я как можно обстоятельнее рассказываю Боцу о своем замечательном соотечественнике. До приезда в Кишинев мне довелось побывать в родных местах героя.

Родился Нарзи в кишлаке Хумин, недалеко от Бухары. Земляки им гордятся, о нем поют песни. Но никто из них никогда не видел его с Золотой Звездой на груди. Дорога войны не всегда ведет в родной дом. После победы не все матери смогли обнять своих сыновей. Далеко не все.

— Если в Кишиневе, найдем...

Павел Петрович принял мою заботу как свою: побежала эстафета от сердца к сердцу. Многие слышали о Нарзи Раджапове, но указать мне тропу, которая привела бы к нему, не могли. Добежала эстафета до Григория Федоровича Тарасевича, работника молдавского радиовещания.

— Кажется, я утешу вас, — сказал он обнадеживающе. — Вернее, не я, а Иван Константинович Свиридов, председатель городского ДОСААФа. Он знает всех освободителей Кишинева, всех, кто совершил подвиг у стен нашего города.

Свиридов... Очень знакомая фамилия. Пытаюсь вспомнить. Видимо, все-таки осталась она у меня с войны. Но где слышал, где встречал человека с такой фамилией — убей, не знаю.

И вот мы у него.

— Эх, жаль, не по моей части, как говорится, вопрос, — сокрушался Свиридов, узнав, в чем дело. — У меня материалы только Кишиневской битвы. Однако отчаиваться рано... Есть еще дверь, в которую можно постучаться, как выражается Григорий Федорович...

Снова звонок. Из ДОСААФа цепочка перекинулась к офицеру Красовскому. И, кажется, удачно. Узнав, в чем дело, Красовский пригласил нас всех к себе домой.

Это была радостная встреча. Мы оказались знакомыми, и опять-таки это знакомство было связано с войной, с освобождением Молдавии от фашистов. Тут, между прочим, я вспомнил и Свиридова. Мне часто приходилось наезжать в двести девяносто пятую дивизию, где И. К. Свиридов был начальником штаба. Не раз он помогал корреспонденту армейской газеты находить проявивших себя героически в боях солдат и командиров, переправлял в расположение нужной части, подбрасывал к огневому краю. Довелось мне крепко обжечься в боях за местечко Спя и село Шерпены на левобережье Днестра. Особенно горячими были дни, пришедшиеся на середину августа. Тот, кто остался в живых в боях за Шерпены, никогда не забудет их. Такое не забывается.

Село Шерпены в Яссы-Кишиневской операции играло особую роль. Его надо было взять во что бы то ни стало. 295-я и 60-я дивизии, находившиеся по соседству, перешли в наступление по правому флангу, стремясь овладеть пунктом, именуемым «Малой землей», и расширить плацдарм. Заговорили дальнобойные орудия, прикрывая пехоту. Понеслись танки. Все устремилось вперед. Я находился на наблюдательном пункте и следил за ходом боя. Мне нужно было дать очерк о наших бойцах, героически ломавших вражескую оборону. Оборона оказалась крепкой. Немцы встретили пехоту и танки огнем всех своих орудий. «Малая земля» превратилась в огромное пожарище, где пылала, казалось, сама почва, сам воздух. Взрывы снарядов, горящие танки. Густой дым заволок дали.

А наши шли. Шли, несмотря на шквальный огонь. Падали, вставали, — не все — и снова шли. Я назвал их в своем очерке бесстрашными львами. Да простит мне придирчивый критик это высокопарное сравнение. Но именно поэмы-дастаны, воспевающие подвиг народа, подвиг богатырей в прошлом, ввели в наш образный мир понятие о львиной силе и смелости, о бесстрашии. На Востоке даже детям, будущее которых хотят видеть в подвиге, дают имена с частицей «шер», что значит лев.

Наши бойцы шли против огненного смерча. Шли в самый огонь. Невозможно было разобрать, где начинается и где кончается линия боя. Все сдвинулось, перемешалось. Враг пытался контратаковать, он даже на отдельных участках вырывался вперед и на какие-то минуты, может, десятки минут, сводил на нет достигнутый нами успех. Но ненадолго. Снова волна накатывалась на немцев и сбивала их. Восемнадцатое августа 1944 года. Я ясно помню этот день. И этот страшный бой. И людей, чья жизнь оборвалась в атаке. Шерпены были взяты. Живые пошли дальше.

В числе героев, отличившихся в сражении, упоминалась фамилия узбекского юноши-солдата Расулова. О нем писала наша фронтовая газета. Прямой наводкой Расулов поразиł «фердинанда»...

Воспоминания заняли весь вечер. Мы побывали в нашем прошлом и многое, многое увидели иначе, чем тогда, в сорок четвертом. События, отдаленные временем, стали понятнее, дороже, значительнее. Люди, с которыми мы когда-то расстались, точно живые, сидели сейчас рядом с нами. Разведчики Щербаков, Ковальчук, Клоков, Флейт. Сапер Ябсунцев, разминировавший поле перед самым носом противника и открывший путь к наступлению наших ударных частей. Командир хозяйственного взвода Деланов, в критический момент поднявший бойцов в атаку. Негромкие имена. Но какая сила человеческого духа кроется за ними!

Евгений Иванович неожиданно умолкает, делает странный жест рукой, словно бы наткнувшись мыслью на что-то необычайно важное.

— Знаете что...

Я вопросительно смотрел на хозяина.

— Минуточку...

Евгений Иванович поднялся, подошел к книжному шкафу и стал священнодействовать у своих бесчисленных папок.

— Есть одно письмо, способное... кажется, помочь вам в поисках Нарзи Раджапова. Что-то похожее на след этого человека.

Он достал конверт с прикрепленным к нему листком, заполненным тонкими, густыми строчками, и подал мне. На конверте стоял адрес: «Кишинев. Директору Мелькомбината тов. Кучмаеву». Внизу адрес отправителя: тоже Кишинев, улица Измайловская, 54, кв. 3. Зубова Любовь.

Чужое письмо, не хозяину дома предназначенное, но коль скоро оно попало к Красовскому, значит, имело какое-то отношение к войне. Короткое, беглое знакомство с текстом подтвердило это предположение. Любовь Зубова рассказывала о впечатлении, которое произвело на нее выступление Кучмаева по радио. Участник битвы за освобождение молдавской земли от немецко-фашистских захватчиков, Кучмаев поведал радиослушателям о подвигах товарищей по оружию, солдатах и офицерах — грузинах, узбеках, сибиряках, москвичах, принесших Молдавии долгожданную свободу.

Зубову взволновало выступление. Она написала Кучмаеву о том, как еще девочкой была спасена от смерти воинами-узбеками, сражавшимися с врагом на ее родной земле. В письме она упомянула о каком-то молодом солдате-герое, особенно запавшем ей в память. Вспомнив об этой строчке, Евгений Иванович подумал о моем земляке...

Со шляпой в одной руке, с пальто в другой я вошел в дом. Сразу же вынул ее письмо к Кучмаеву, показал. Нужна была какая-то рекомендация, пароль, что ли.

— Откуда у вас это письмо? — спросила она растерянно.

— ВОЙНА иногда кажется мне сном, — говорила Люба. — Страшным сном, от которого нельзя избавиться, нельзя проснуться. Бывает так — хочешь закричать, а голоса нет, стонешь, мучаешься, и все безуспешно. Кошмар не проходит...

Люба смотрела в одну точку, будто искала там что-то. Или пыталась вспомнить главное. Усталость легла на ее лицо.

— Мама у меня была очень добрая. И отец отличался тихим нравом, никого не обижал. Оттого, наверное, в доме нашем царили тишина и покой. Утром отец с матерью уходили в поле, а мы, детишки, хозяйничали в селе... Двор наш стоял на Днестре, в самом красивом месте. Сохранился ли он, не знаю. И дерево сохранилось ли, под которым мы с подружками играли?

Она помолчала.

— ...В тот день мы, как всегда, резвились под своим деревом. Вдруг взрыв. Страшный такой взрыв. За ним второй, третий. Нам показалось,

это — раскаты грома. Задрав головы, мы стали смотреть на небо. Оно было чистым и синим-синим. Я это запомнила — гром, а небо ясное. И в этом ясном небе летели самолеты. Много самолетов. Обычно ребятишки встречали их криками восторга, просьбой посадить на крыло. Но в этот раз мы молчали. Как-то грозно гудели моторы. От самолетов отделялись незнакомые предметы, похожие на кувшины, и падали вниз. Там, где они падали, раздавался взрыв и поднимался столб земли.

Село огласилось криками. Кричали все — и взрослые, и дети. Прибежали мать с отцом, бледные, испуганные. «Гитлер!... Гитлер проклятый!...» — повторял отец. Все произошло так неожиданно. Минуты, а может, часы прошли в этом страхе и ужасе. Отец куда-то выбежал, возвращался, что-то говорил матери, потом взял меня на руки, стал целовать быстро-быстро и исчез за калиткой. До самого конца войны ждала его. Думала, вернется. Ведь возвращались другие отцы моих сверстниц. Но мой не вернулся. Спустя десять лет стало известно о его гибели.

Рядом со мной осталась мать. Она спрятала меня в погреб, как это сделали и другие женщины Шерпен. С той минуты, как в село вошли немцы, мы жили под землей. Все дома заняли солдаты и офицеры. Взрослым приказано было каждое утро выходить на работу без детей. Если на улице появлялся мальчик или девочка, их ловили полиция и отправляли в соседнее село, а оттуда на запад, в Германию. Матери запирали двери погребов, чтобы кто-нибудь из нас ненароком не выскочил и не попался на глаза немцам.

А жить под землей — ой как трудно! Без солнца, без воздуха. Лишь ночью мы, словно мышата, выползали наверх и тихо сидели под присмотром матерей. Старушки говорили, что когда Гитлер сгинет, мы снова увидим солнце. Да, для нас свобода была солнцем в прямом смысле, а неволя — ночью, бесконечной ночью.

Чем жили мы, дети, той страшной долгой ночью? Воспоминаниями об утерянном прошлом, о счастье, что оборвалось, о наших отцах. Они всегда приходили к нам во сне. И сны эти мы пересказывали друг другу, радовались, плакали. И еще жили надеждой. «Вернутся наши, — говорила мать, — еще вернется к нам счастье». Три года ожиданий. Вы можете себе представить три года длящуюся ночь, погреб, слезы? Нет, это нельзя представить, это надо пережить.

Последнее лето перед освобождением оказалось самым трудным. Оккупанты чувствовали конец и неистовствовали как никогда. Каждый день облавы, расстрелы, истязания. Солдаты шарили по погребам, выскивая хлеб, кукурузу. Дети кричали от страха, крик раздражал немцев, и они не скупились на пощечины и подзатыльники.

Как-то соседка сказала матери:

— Озверели немцы, словно волки в западне. Взвоят скоро.

Мы не знали, что делается на фронте, до Шерпен не доходили вести, но матери наши кое-что слышали все же или догадывались, может.

— Конец, видно, приходит проклятому отродью, — шептала мать. — Скорее бы уж. Моченьки нет.

Однажды на рассвете мы услышали шум наверху и голоса немцев. Потом резкий стук в дверь и какую-то команду.

Я не поняла, что означают слова команды, но женщины сразу поднялись с нар, на которых мы все лежали. Спустился офицер, засветил фонарик и стал тыкать лучиком в наши лица. Ему, должно быть, показалось, что не все поднялись, он принялся скидывать с нар одеяла и тряпки, которыми мы прикрывались. Самые маленькие из нас заплакали.

— Гераус! — гаркнул немец и показал рукой на дверь.

Женщины нехотя двинулись наверх, одевались на ходу, подвязывали платки, оглядывались на нас. Мне вспомнилось расставание с отцом, и я закричала:

— Мама!

— Швайген!

Без перевода я поняла, что должна молчать. Но молча плакать мне никто не мог запретить. Уткнувшись в свои тряпки, мы глотали слезы.

Во дворе женщин построили и повели. Куда — ни они, ни мы не знали. Нам казалось, к станции. Там, по рассказам, формировались эшелоны для отправки в Германию. Ужас охватил нас. Потерять самое дорогое в этом мире — мать, что может быть страшнее для ребенка! Забыв обо всем, мы поднялись по ступенькам к двери. Нам надо было вернуть своих родных, отнять у немцев. Но мы увидели пустынный двор, банки из-под консервов. Изгородь сломана, выставлена калитка...

По дороге шло небольшое стадо коров, подгоняемое немцами. Фашисты торопились, кричали, били животных. Ни стадо, ни солдаты не вызвали у нас удивления. Но женщина, бегущая навстречу стаду, поразила всех. Руки подняты, волосы распущены, губы выкрикивают что-то неясное.

Женщина хотела остановить солдат, отобрать свою кормилицу. Она вцепилась в ошейник коровы, повисла на нем. Тут же раздалась автоматная очередь. Женщина упала в пыль.

Крик, а может быть, выстрелы спугнули нас. Мы покатались по ступенькам вниз, в свой погреб, и замерли там...

Люба смолкла. Глаза ее смотрели куда-то за окно. Будто пережитое, давно ушедшее, возвращалось к ней именно через темный квадрат рамы, будто там видела она то, что не было доступно мне.

Было уже за полночь. Далеко от своего дома, на земле молдавской слушал я исповедь чужого сердца. Чужого и в то же время близкого, понятного. Горе маленькой девочки Любы — сейчас уже взрослой женщины, — трогало, отзывалось сочувствием и болью. Я понял еще раз — пронзительно, четко — почему так упорно, торопясь, невзирая на потери, шли мы тогда на запад, на дым пожарниц. Мы шли спасать девочку Любу, спасти юность, спасти только-только начавшуюся жизнь.

— В те дни, — глотая слезы, продолжала Люба, — на душе у меня было темно, как в том погребе. Вокруг страдание и страх. Лица черны, глаза погасшие... И вдруг все озарилось светом. Вернулись наши матери. Они еще не сказали нам ни слова о себе, о том, как вырвались, а в глазах у них мы уже читали: идет избавление!..

С востока то и дело долетали звуки боя. Мама плакала надо мной, шептала что-то радостное, обнимала, целовала. Я не знала, что это последние слезы ее и последние поцелуи.

В тот страшный день, избранный фашистами для мести (им стало известно, что Шерпены помогали партизанам), все жители села были загнаны в погреб и закрыты. Под страхом смерти было запрещено появляться на улице. Часов пять-шесть мы сидели, притаившись, ждали приказа коменданта. Над селом установилась гнетущая тишина.

«Немцы ушли!» — догадался кто-то.

Сразу погреба загудели, захлопали двери. Все рвались наверх и, освободившись, бежали к своим домам. Никто не знал, что радость наша будет короткой.

Соседка крикнула:

— Ой, осторожнее, а вдруг там мины...

Но ее не услышали. Слишком велико было счастье. Разве остановишь бегущих из неволи!

И я вдруг погрузилась в какой-то страшный сон... Прервался он неожиданно. Надо мной стоял человек и говорил кому-то: «Скорее, она, кажется, живой»... Говорил с акцентом, но я сразу поняла: он — не немец, он — наш, только не русский.

Человек поднял меня с земли, точнее сказать — извлек из-под земли, ведь я была погребена заживо во время взрыва. Неожиданно страх, сделавшийся за эти годы нашим спутником, вновь вспыхнул во мне. Я закричала. И тут

человек сказал ласково: «Не бойся, доченька, это я»... И тут он произнес странное, непонятное имя. Такого я не слышала никогда. На пилотке у него алела звездочка.

— Нарзи?! — быстро спросил я Любу. Мне не терпелось услышать, что имя человека, спасшего ее, было именно Нарзи. Ведь сюда, в Шерпены, он ворвался в числе первых, вытаскивал из горевших строений женщин, стариков, детей.

— Возможно, Нарзи, — ответила не совсем уверенно Люба. — Возможно... — повторила она. — Он отнес меня в сторону, напоил водой, накрыл шинелью. Я звала маму. Спрашивала, где она. Он молчал. Потом подошли еще двое, такие же темные, с такими же глазами и что-то сказали первому. Непонятное мне. Боец вздохнул и отвернулся.

Я догадалась — мама умерла. И снова закричала. Потом опять был сон. Долгий сон. С чудовищами, с огнем, с немymi столами.

Позже мне сказали — солдат на руках донес меня до санбата и там ждал, пока врачи не осмотрели, не подтвердили, что я буду жить, а тогда только ушел. Он же написал письмо кому-то, чтобы меня поместили в интернат.

Утром мы отправились в путь — Люба, Иван Константинович Свиридов, Григорий Федорович Тарасевич, армянский писатель Грунц Караханович, оператор Молдавского телевидения Вячеслав Петрович Кулябин. Уселись в «Латвию». Она помчала нас по солнечным дорогам Молдавии к Шерпенам.

Солдат всегда смотрит на знакомую дорогу через прошлое. Через пережитое. Я вынул свою фронтовую тетрадь. Корреспондентские записи возвратили меня в 1944 год. Село Мирида занято было тогда 320 немецкой дивизией. Отсюда гитлеровцы били из полевых орудий по нашим частям, наступавшим на Шерпены. Немецкая артиллерия создала такую завесу огня, пробиться сквозь которую казалось просто невозможным. Но бойцы нашей прославленной 295 дивизии все же прорвались в село. Оно оказалось разрушенным дотла. Один пепел.

Не скрою, приближался я сейчас к Мириде не без волнения. Память цепко держала ту страшную, незабываемую картину разрушенного человеческого жилья — невозможно было заменить ее иной картиной. Однако прошлое сразу отступило, как только машина нырнула в густые сады. За садами — новое, опрятное, богатое село.

В сорок четвертом нас встретило тут несколько уцелевших жителей. Помню, впереди шла по выжженной земле босая женщина. Шла с хлебом-солью. Она сказала: «Наши... Кончилась беда. Спасибо вам, родные!».

Едем по улице. Нашу «Латвию» встречают звонким веселым гомоном ребятки.

Председатель колхоза Павел Дьяченко и другой председатель — сельсовет — Алексей Самсонович Жосон торопятся рассказать нам о людях села, их делах. Люди замечательные, трудолюбивые. Три школы в Мириде, амбулатория. Есть свой хлебозавод. Вкусен здешний хлеб — румяная корка хрустит на зубах, пышет ароматом мякушка. Что может сравниться с этим немудреным крестьянским угощением — свежий пшеничный каравай и виноград, прекрасный виноград Молдавии, так живо напомнивший мне родной Узбекистан!

Мы ничего не узнали здесь о Нарзи. Но разве эти цветущие сады — не Нарзи? Улыбки людей, счастье, довольство в каждом доме, детский смех, цветущая Мирида — разве это не он? Разве это — не его друзья, навеки оставшиеся лежать в этой земле? Разве это не след их в нашем сегодняшнем дне?

Снова дорога. На Шерпены. Люба взволнована. Глаза ее ловят все, что пролетает в открытых окнах машины. Она называет неведомые нам поляны, рои, холмы. Она узнает родное. Узнает через двадцать лет. Оператор Кулябин старается как можно незаметней запечатлеть это возвращение Любы в прошлое с помощью своей кинокамеры. Потом на экранах телевизоров люди

увидят встревоженное лицо девушки, вздрагивающие губы и иногда улыбку — светлую или грустную.

— Стойте!.. Стойте! — вырывается у Любы. — Наш двор!

Шерпены. Выпрыгнув из машины, Люба бежит к чему-то темному, возвышающемуся над землей. Мы догадываемся: погреб. Тот самый.

Мы не мешали Любе смотреть, вспоминать.

Недоуменно смотрела на неожиданных гостей хозяйка двора, пожилая женщина: зачем мы приехали?

Люба объяснила ей.

— Да, да, — закивала хозяйка. — Здесь было почти голо. Уцелели только погреб да часть стены... А когда ищешь пристанища, то и один кирпичик кажется защитой. Вот мы и поселились на чужом дворе...

— Это все ваше, ваше, — заторопилась успокоить женщину Люба. — Мы только так приехали... Детство вспомнить... И войну.

Стоит теперь село красавцем у людной широкой дороги, стоит, будто никогда не трогал его ураган войны. Больше стали Шерпены, чем до войны, богаче.

Шерпенцы собрались на школьном дворе. Перед ними выступил полковник Свиридов. Он повел своих слушателей по страницам недавней истории, вспомнил Яссы-Кишиневскую операцию, назвал имена тех, кто героически бился с врагом, кто пронес освободительное знамя Родины по молдавской земле. Вслед за Иваном Константиновичем говорил я. В числе других героев в моем рассказе был и Нарзи Раджапов.

О нем можно говорить и много и мало. При жизни он не вел дневников, и те, кто знали его близко, естественно, не заносили в летопись каждый его шаг. О простом кишлачном парне, о мирной довоенной страничке из биографии Нарзи можно составить представление по тем скудным фактам, что мне удалось узнать в его родном кишлаке Хумин. Нарзи родился в ту пору, когда только-только отгремели бои в древней Бухаре и под натиском красногвардейских отрядов бежал через пустыню, спасая свою шкуру, последний эмир Алимхан. О прошлом своего края, о страданиях угнетенного народа Нарзи узнавал из рассказов старших, из книг, самыми любимыми из которых были «Палачи Бухары», «Одина» и «Рабы» Садриддина Айни. Эти рассказы — печатные и устные — воспитали в мальчишке ненависть ко всему, что несет человеку страдание и боль, что унижает его человеческое достоинство. Он рос врагом всякой несправедливости.

День нападения фашистской Германии на нашу Родину Нарзи встретил учеником средней школы. Но сердце его уже созрело для подвига.

А мать думала, что у нее растет просто добрый и ласковый сын. Как и всякая мать, она меньше всего размышляла о том, будет ли когда-нибудь сын героем или нет. Она хотела только, чтобы он был счастлив. Провожая поутру Нарзи, она долго смотрела вслед мальчику, бегущему по дороге среди садов и полей Хумина.

В последнюю предвоенную весну, особенно радостную и светлую, когда кишлак утопал в белой и розовой пене цветущих яблонь и абрикосов, счастье матери казалось неизбывным. «Ты выглядишь слишком радостной», — говорили ей соседи. «Потому что я действительно чувствую радость», — отвечала тихая, приветливая Туксонбуви. — Вырос сын, из тополя превратился в мужественный вяз. Вот-вот зашагает своим путем по жизни». На душе у матери было легко и светло, как у птицы, которая видит первый полет своего птенца.

Птенец тетушки Туксонбуви был неробкого десятка. В школе его считали первым заводилой, вожаком мальчишек. Умел Нарзи объединить ребят, затеять полезное дело. Мог и постоять за себя и за друга.

Был в школе парень — старше одноклассников. Учился плохо, зато требовал от окружающих особого к себе внимания. Кулаков его побанвалили и по-

тому нередко подчинялись самым вздорным его требованиям. Один Нарзи не подчинялся. «Этот гушна», — говорил он, — вроде бая, о котором я читал в одной книге: добывается почета не по заслугам». (На нашем языке слово «гушна» равноценно понятию «насильник»). Он действовал как насильник — отбирал у мальчишек книги, избивал слабых. Кто пытался сопротивляться, тому «гушна» угрожал ножом. Опасно было связываться с хулиганом.

В ту весну Нарзи полюбил. Любовь пришла к нему вместе с голубым небом апреля, с цветением тюльпанов. Все вокруг него пело, улыбалось, говорило о счастье, о любимой. Даже звезды казались теперь не такими высокими, иногда Нарзи чувствовал: захоти он — звезды можно достать руками.

И вот эту его любовь решил осквернить «гушна». Видимо, так уж он был создан, что не мог не напакостить, когда видел красоту: в вещах ли, в людском чувстве ли — ему было все равно — он должен был сломать это красивое. Он ломал чужие голубятни, срывал со стен плакаты. Когда ребята что-нибудь мастерили, крал у них сделанное и с наслаждением сжигал на костре.

Много раз Нарзи предлагал товарищам проучить «гушну». Они несмело соглашались, а потом отступали: стоит ли связываться с таким? Да и битым можешь уйти — он в злобе так отмутузит, что ой-ой-ой. Робость мальчишек поощряла «гушну». Он наглед все больше и больше. А когда узнал о любви своего самого главного недруга — Нарзи, у него созрел дьявольский план. «Гушна» решил опозорить этого чересчур смелого джигита на виду у всего кишлака.

— Попрощайся со своей пери, — сказал он Нарзи, встретив как-то влюбленных на улице. — Она пойдет со мной.

— Разве ты получил на это согласие? — сдерживая себя, спросил Нарзи.

— Ее согласие не требуется. Женщина подчиняется джигиту согласно шариаду.

— Спрячь свой шариад в сундук бабушки! — Нарзи сделал шаг вперед. — И о каком джигите ты говоришь? Уж не о себе ли?

«Гушна» побелел от злости.

— Что?! — крикнул он. — Я заставляю тебя стирать мордой пыль с моего сапога!

Их обступили одноклассники. Они стали уговаривать «гушну» не горячиться, кончить дело миром.

— Да кого вы просите! — возмутился Нарзи. — Он же никого из вас за человека не считает! Отойдите все! Пусть он попробует выполнить свою угрозу.

— Уйдем, Нарзи! — умоляла девушка. — Уйдем. Он же тебя искалечит...

— А-а, испугался! — злорадствовал «гушна», он схватил Нарзи за грудь. — Она, — он ткнул пальцем в девушку, — уйдет со мной, а ты останешься... Ясно?

(Почему я так подробно рассказываю об этом, казалось бы, ничтожном случае? Да потому, что он не кажется мне ничтожным).

Удар был неожиданным и сильным. Нарзи вложил в него все свое негодование, всю ненависть. «Гушна» повалился носом в дорожную пыль. Он тут же вскочил на ноги, зарычал, как собака, выхватил нож, кинулся на Нарзи — и снова был сбит на землю встречным ударом. На него навалились ребята, вырвали из его рук нож. Посрамленный «гушна» на четвереньках уполз в ближайший двор.

...Началась война. Юноши кишлака стали готовиться к вступлению в армию. Создали у себя в школе военный кружок, изучали стрелковое оружие, совершали воензированные походы. Инициатором всех этих дел был по-прежнему Нарзи. И по-прежнему противником являлся «гушна». Уж таким он вырос. И ждал его бесславный, но логичный конец. В трудные дни Великой Отечественной войны, когда юноши из кишлака Хумин, и в числе их Нарзи Раджапов, сражались на фронте, «гушна» предстал перед судом за убийство односельчанина и был приговорен к расстрелу. А ведь этот парень, как и

Нарзи, тоже ступал по земле отцов, он уже мог оставить после себя на ней добрый след, а в людях — добрую память. А оставил только проклятье над собственной могилой.

Действительно, почему я вспомнил в тот день, выступая перед молодежью села Шерпены, этот, казалось бы, малозначительный эпизод из биографии Нарзи? Почему заговорил об этом «гушне»? Видимо, в назидание тем, кто не задумывается над целью жизни, не дорожит именем человека и гражданина. Простая мысль, но не лишне ее повторить: сорная трава погибает от острия мотыги, расчищающей поле жизни.

Впрочем, мы не стали тогда продолжать этот невеселый разговор о сорной траве. Мы говорили с молодежью о светлом и чистом. О Нарзи Раджапове и его товарищах, прошедших по земле с мечом, карающим врага, неся высоко над головой яркий факел свободы. Мы говорили о лучших сынах наших, что жили здесь, у молдавского села Шерпены, у сотен и тысяч других городов и сел родной земли.

Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, Николай Гастелло. Слушавшие меня юноши и девушки хорошо знали имена этих героев, знали о подвигах, ими совершенных. Но я подумал тогда, что многие из них просто не представляют себе, как много подобных имен и подвигов еще ждут своих открывателей!.. Против фашистов стояла не просто живая человеческая стена. Она — из миллионов сердец, и каждое билось по-своему. То было великое многообразие чувств, характеров, надежд и мечтаний, объединенных одним — ненавистью к врагу.

Мало мы знаем еще, какими путями шел тот или иной воин-герой в бессмертие. Еще не научились полковые писари, ведущие летопись сражений, находить точные слова для каждой истории воинского подвига. «Проявил мужество, находчивость, выполнил долг перед Родиной. В неравном поединке с врагом вышел победителем». Лаконичная запись, применявшаяся тогда в командирских рапортах на награждение. Что возьмешь из нее для будущего портрета героя? Для Нарзи, например? Разве только общее представление. Вот потому-то и дорог пусть даже небольшой штришок из школьного дневника, или такой же крохотный фрагмент из воспоминаний товарища.

Люба Зубова выступала вместе со мной перед сельчанами. И немудреный ее рассказ заставил парней и девчат Шерпен увидеть воочию солдата, несущего на руках девочку среди руин, огня и пепла. Увидеть Нарзи.

Новые штрихи, детали к портрету юноши из узбекского кишлака Хумин... И вот он, наконец, драгоценный для меня документ — наградной лист Нарзи Раджапова! Я увидел его не в тот незабвенный день, проведенный среди колхозников Шерпен, а позже, в Кишиневе. Добыл его для меня Евгений Иванович Красовский, неутомимый следопыт войны.

Волнуясь, разворачиваю папку со знакомым именем — «Нарзи Раджапов». Как долго искали мы эти пожелтевшие листки, с которых, казалось, смотрела на нас сама война. Какой-то дотошный штабист, честно делавший свое скучноватое дело, занес их в летопись полка и сохранил для потомков. Мы склонны подшучивать над педантами, ставящими бережно букву и цифру на листе бумаги рядом с фамилией человека. А ведь как нужна бывает зачистую эта буква и эта цифра! В ней, хоть и слабый, след человека. А память наша неточна, капризна. И такие листки-документы для нее — очень нужная штука!

Внес безымянный полковой летописец и поправку в официальную биографию Героя. Дома я много слышал об участии Раджапова в комсомольских делах, его называли даже членом бюро комсомольской организации. Оказалось, что Нарзи вступил в комсомол на фронте, в 1943 году, в феврале, за много месяцев до знаменитого боя у села Негурени-Веки, после которого ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Оставил для нас

штабист и номер его комсомольского билета. Товарищи Нарзи, учителя, пионеры кишлака Хумин! Запомните этот номер: 17691655.

А эта запись могла бы украсить стены школьного класса, где учился юный Нарзи. Вот она, привожу ее целиком, как она звучит в наградном листе:

«За стойкость и мужество в бою, за уничтожение немецких оккупантов товарищ Раджапов достоин высокого звания Героя Советского Союза.

Командир 818-го стрелкового полка,
Капитан Ментюков
9 апреля 1944 г.

Заключение старших начальников:

Достойн присвоения звания: Герой Советского Союза.

Командир 31-й стрелковой Сталинградской ордена

Богдана Хмельницкого II степени дивизии

Гвардии полковник Ильичевский.

17 апреля 1944 года.

Достойн высшей правительственной награды — присвоения звания Герой Советского Союза.

Командующий войсками 52-й армии Генерал-лейтенант Коротеев.

Члены военного Совета армии:

Генерал-майор Бобров.

Генерал-майор Кабичкин.

26 апреля 1944 года.

Присвоено звание Герой Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 года».

Сам я прошел дорогой войны по тем же местам, что и Нарзи Раджапов, и видел ребят его возраста, дравшихся до последнего дыхания.

Пожалуй, самыми ожесточенными и кровопролитными были бои в районе Корсунь-Шевченковского. Немецкое командование стянуло сюда большие силы, готовясь контратаковать наступавшие советские части. Однако замысел гитлеровцев был разгадан. Мы не только отбросили врага, но удачным маневром обошли и окружили немецкие части. Командованию немецкой группировки было предложено сдаться. Ответа на ультиматум не последовало. Фашисты решили прорвать кольцо и отойти на запад.

Они бросали на прорыв свои танки. Это была отчаянная попытка обреченных разорвать стальную затягивающуюся петлю. За танками шла пехота, готовая расширить брешь на тот случай, если бы машинам удалось ее пробить. Танковые атаки захлебывались. Бронированные чудовища вспыхивали на подступах к нашим линиям обороны, а пехота, потеряв прикрытие, отступала. Грохот и дым стояли над равниной. Поля и перелески тонули в густом смрадном тумане. Казалось, не только танки, все горит вокруг.

На нашем участке новая попытка немцев прорваться была предпринята в том месте, где мы меньше всего ее ожидали. Танки шли и шли. Рокот моторов, лязг гусениц, грохот выстрелов сотрясали воздух, земля билась, словно в ознобе.

Командир батальона, контролировавшего участок, срочно запросил подкрепление. Оно, конечно бы, подошло, но на передвижение требуется время, а его не осталось: немцы уже сломили первую линию обороны и шли в просвет, горюясь развить успех.

И вот тут-то заговорил пулемет. Слева, из-за холма. Заговорил дерзко, уверенно, сразу уложив группу немцев, шедшую под прикрытием головной машины. Это было неожиданным и для немцев, и для нас. Бронированная машина проползла еще метров сто, и тут ее подорвали наши бойцы, укрывшиеся в окопчике.

Такая же участь постигла и вторую группу. Пулемет отсек ее, положи, а машина поспешно повернула назад.

Третий танк, находившийся на сравнительно далеком расстоянии, решил подавить нашу огневую точку. Он покатил к холму, ударил из орудия. Фонтан земли взвился вверх. Еще и еще раз грохнули снаряды, срезая макушку у возвышенности, а когда место стало почти ровным, танк снова двинулся вперед на прорыв.

Мысленно мы простились с нашим смелым пулеметчиком. После такого уцелеть невозможно. Каково же было наше удивление и наша радость, когда уже из-за соседнего с тем холма снова заговорил пулемет и опять его очереди отсекали немецкую пехоту. Сумел все же солдат перебраться заранее на новое место, понял, что нельзя оставаться на прежнем — нацупают гитлеровцы.

Но и за вторым холмом тоже не долго повоюешь против танка. Вражеская машина развернулась, пошла на полной скорости прямо на смельчака. Бежать — было единственным спасением пулеметчика. Бросить пулемет и отойти к своим. Так подсказывала обстановка.

Однако боец остался на месте: пулемет вступил в единоборство с танком. В подобных случаях исход, как правило, предопределен.

Короткий бой отвлек машину, и мы, воспользовавшись паузой, вынудили гитлеровцев отступить и заняли новые позиции. Попытка прорыва вновь сорвалась.

А поединок у холма, между тем, продолжался. Танк, прежде чем ретироваться вслед за пехотой, предпринял все-таки попытку раздавить пулеметчика. С ревом и лязгом он приближался к холму. Пули шелкали по броне, словно горох осыпая машину. Около смотровой щели роились горячие жала, тщетно пытаясь проникнуть сквозь металл. Не просто слал очереди пулеметчик, не одно лишь отчаяние владело им. Он на что-то надеялся. Огонь был яростным и прицельным. Знал: за смотровой щелью глаза немца. Глаза врага. И их надо закрыть. Если слишком хочешь, и броня не заслонит цель.

Поединок окончился внезапно. Танк, перевалив через бугор, преграждавший путь к укрытию, спускался в ложбинку — последние сорок-пятьдесят метров разделяли его и пулеметчика. И тут машина вдруг дернулась и остановилась. Мотор еще работал, гудел, сотрясая стальную машину, но мозг ее угас. Водитель был убит. Прорвалась все же в щель одна из пуль смельчака! Пока вражеский танк топтался на месте, его прямой наводкой расстреляли подоспевшие к тому времени артиллеристы.

Имя того пулеметчика — Нарзи. Это он вступил в поединок с танком. И одержал победу.

А вот еще одна схватка — у села Рыжановка.

Со своим пулеметом Нарзи Раджапов обошел с фланга немцев, а когда наши части пошли в наступление, ударил по врагу с тыла. Гитлеровцы решили, что их окружают. Стали перестраивать оборону. В это время наша пехота атаковала первую линию укреплений и, сломив ее, ворвалась в Рыжановку. Немцы с большими потерями отступили.

Скуп на слова полковой летописец. Нам, прожившим много лет после той трудной весны, хотелось бы узнать как можно больше о подвиге солдата. А тут на описание целой солдатской жизни — два коротеньких листка. Даты, цифры, имена городов и селений.

Жаль, но перо штабного биографа не обязано испытывать вдохновение, от труженика-писаря не требуется передать на бумаге чувства и мысли героя. А ведь Нарзи чувствовал. Думал. Мечтал, конечно. Шла весна, а с ней шли и спутники юности — мечты. Он любил. Мы знаем, что в далеком Хумине осталась девушка, имя которой Нарзи нес с собой. Не будем его называть. Теперь уже нет нужды ставить их имена рядом. Каждое существует само по себе. Не все в мире рождается, чтобы дойти до конца.

И все-таки он любил. Шел тяжелой, порой невыносимо тяжелой дорогой

войны, умирал под огнем и снова воскресал, падал и вставал, боролся, побеждал. И любил. Удивительно человеческое сердце! Слава ему!

Тропа моих поисков иссякает. Последнее молдавское село, оказавшееся на пути Нарзи Раджапова, последний бой. Его последний бой. Война еще не кончилась. словно ветер, неслась она на запад, к Берлину. А Нарзи остался здесь.

Негурени-Беки. Тихое, удивительно красивое молдавское село. В него входишь с чувством покоя и радости. Светлые дома и темные сады дремлют под полуденным солнцем. Не знаю, каким оно было, когда входил в него Нарзи. А может, он так и не успел ступить на эти улицы. Ведь бой начался на подступах к селу. Был он долгим и жестоким. Не одна жизнь оборвалась здесь, прежде чем удалось сломить врага.

Пал в этом бою и пулеметчик Нарзи. Пулемет его замолчал. Когда именно и как это произошло, не знает никто. Ничего об этом не сказано и в его личном деле. Просто в списках полка не значился больше Нарзи Раджапов, молодой боец родом из узбекского кишлака Хумин.

Мы обошли село. В каждом доме нас встречали как братьев. Мне казалось: я у себя на родине, в Узбекистане. Мягкая, теплая осень, сады, тяжелые от плодов, мирные дома.

Без суеты, но и не дремотно живут тут люди. Трудятся с любовью, ценя каждый предпринятый час. И как прекрасны, как велики результаты этого труда! Горы яблок и винограда. Тяжелые возы, переполненные машины. Они идут и идут через Негурени-Беки.

Есть могила на местном сельском кладбище. Могила неизвестного солдата. Тут захоронили жители Негурени-Беки безымянного воина, своего освободителя. На могиле всегда свежие цветы. Сегодня к ним прибавились наши астры.

Я слушал над этой могилой речь колхозника Александра Усенко. Речь, обращенную к нам, гостям, к жителям Негурени-Беки, ко всем людям, населяющим землю.

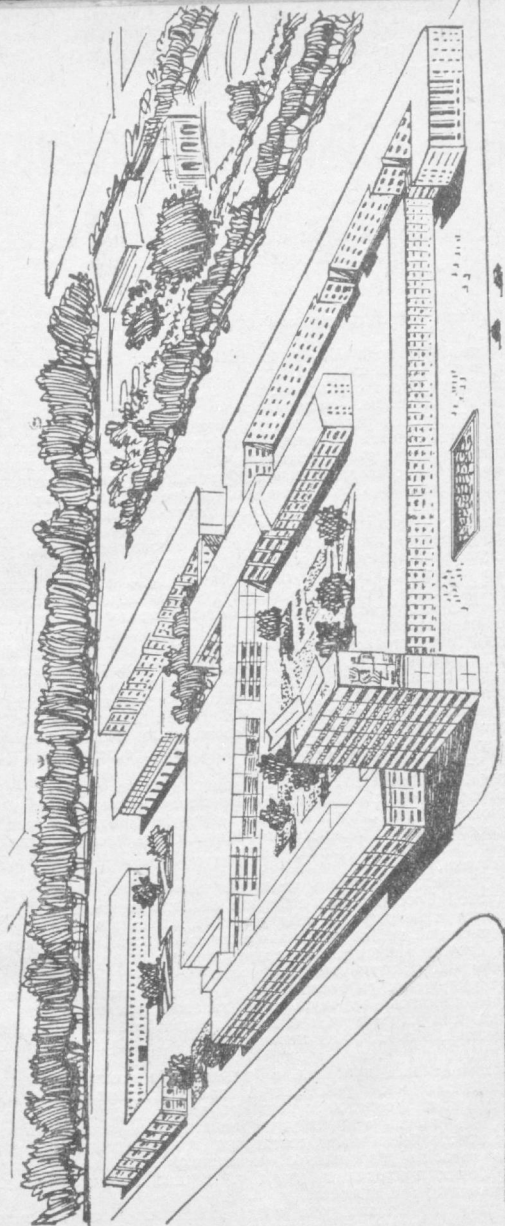
— Здесь пролита священная кровь. Может быть, это кровь брата и сына нашего — Нарзи Раджапова. Ради нас, ради детей наших, ради счастья человеческого обогрела она эти камни. Ради цветущей нашей Молдавии, ради жизни на земле.

След человека не может стереть время. Этот след — на века, — думал я, слушая речь простого молдавского крестьянина. И было мне грустно и светло. Мой земляк, наш Нарзи стал навеки сыном этой земли. Родные его не только в Бухаре, но и здесь, в Негурени-Беки. Есть у него и вторая мать — Молдавия. И он дорог ей так же, как для матери в далеком кишлаке Хумин.

Живи в сердцах людей, Нарзи!

Авторизованный перевод с узбекского А. Бендера.

Таким будет Объединенное издательство ЦК Компартии Узбекистана.

ФЛАГМАН ПОЛИГРАФИИ УЗБЕКИСТАНА

*Вчера, сегодня, завтра Объединенного издательства
ЦК Компартии Узбекистана*

Мощная развитая полиграфическая промышленность страны — детище Советской власти.

Уже в марте 1920 года IX съезд РКП(б) счел необходимым включить специальный пункт «Бумажное и типографское дело» в резолюцию об очередных задачах хозяйственного строительства.

«Принимая во внимание, — говорилось в этой резолюции, — что первым условием успеха Советской республики во всех областях, и в том числе в хозяйственной, является систематическая агитация, в которой пресса призвана играть руководящую роль, съезд обращает внимание Советской власти на совершенно недопустимое состояние нашей бумажной и типографской промышленности. Газета во все меньшем числе доходит не только до крестьянина, но и до рабочего, а ужасающая типографская техника делает чтение газет все менее доступным для тружеников. Съезд настойчиво призывает ВСНХ, соответственные профессиональные союзы и другие заинтересованные учреждения приложить все усилия к тому, чтобы повысить количество производимой бумаги, улучшить ее качество, внести в типографское дело порядок и тем обеспечить рабоче-крестьянскую Россию социалистическим печатным словом».

Особое значение молодая республика Советов придает развитию полиграфического дела на национальных окраинах. Пролетариат России по-братски выделял из скудного своего запаса станки и машины для типографий далекого Севера, Сибири, Средней Азии. Помощь эта находилась под неослабным вниманием Владимира Ильича Ленина. Известна его записка от 4 июня 1920 года, адресованная руководителю Государственного издательства В. В. Воровскому и заместителю председателя ВСНХ В. П. Милютину: «Киргизские товарищи просят помощи, чтобы добыть словолитню, типографию и бумагу.

Очень прошу их принять и оказать им всяческое содействие.» (В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 51, стр. 208).

Именно тогда, в тяжелые двадцатые годы, и была создана в Ташкенте небольшая типография, ставшая основой нынешнего Объединенного издательства. Ее производственную базу составило оборудование армейских типографий Туркестанского фронта. Комиссары воинских соединений были первыми наставниками местных полиграфистов, первыми журналистами молодой печати советского Туркестана.

В нелегких условиях рождалась узбекская полиграфия. Как известно, промышленность царской России не производила полиграфических машин. До первой мировой войны типографское оборудование ввозилось из-за границы. В годы империалистической войны такой завод прекратился. Печатникам приходилось обходиться старым, изношенным оборудованием, наполовину и более потерявшим свою первоначальную производительность.

На таком оборудовании работала тогда и типография в Ташкенте. Почти все процессы выполнялись вручную. Не хватало электрической энергии. Нередко трудились при керосиновых лампах, в плохо отапливаемых, непроветриваемых помещениях. Печатали на некачественной бумаге, очень плохой краской.

Особенно сложной была проблема с кадрами. Те немногочисленные ташкентские полиграфисты, что работали в полукустарных типографиях до революции, либо ушли на фронт, либо подались терпя нужду, в другие отрасли промышленности. Трудность задачи усугублялась тем, что среди местного населения не так просто было найти достаточно грамотных людей, из которых можно было бы готовить наборщиков, печатников и т. д. Зачисленных в штат молодых рабочих приходилось учить не только профессиональному мастерству, но и элементарной грамоте.

Работалось тяжело. Однако уже тогда коллектив молодой типографии оперативно выпускал республиканские газеты «Правда Востока» и «Кизил

Узбекистон», тираж которых к тому времени составлял десятки тысяч экземпляров, печатали журналы, брошюры, листовки.

Большим событием в жизни типографии было получение первой газетно-ротационной машины «Альберт» и первых линотипов, позволивших приступить к механизированному набору. Старейшие наши полиграфисты и по сей день вспоминают, каким большим праздником в типографских цехах явились эти казавшиеся сегодня допотопными машины.

Шли годы. Крепла, набиралась сил республика Советов. Мужала наша социалистическая индустрия. Росла и совершенствовалась полиграфия страны.

Типография в узбекской столице пополнялась добротным оборудованием отечественного производства. В различных городах страны, в самом Ташкенте в специальных учебных заведениях готовились высококвалифицированные кадры рабочих. Машина под типографскими сводами все более и более теснила малопродуктивный нелегкий ручной труд.

Великая Отечественная война несколько задержала развитие Объединенного издательства. Ушли на фронт многие ведущие рабочие. Сократилось поступление машин и запасных частей к ним.

После войны снова наметился рост производства. В 1951 году комбинат был подвергнут коренной реконструкции. По решению партийных и советских органов республики были построены новые цехи, типография оснастилась новейшими машинами и механизмами. Были перестроены и расширены административные здания. К 1964 году полиграфический комбинат принял тот вид, который он имеет сейчас. А сотни единиц нового оборудования, в том числе единственная в Средней Азии ротационная машина «ГА» мощностью 360 тысяч экземпляров газет в час, многокрасочные офсетные машины, современные линотипы сделали типографию одним из наиболее крупных полиграфических предприятий нашей страны.

Мощность комбината возросла с 360 тысяч газет и 99 тысяч журналов единовременного тиража до 2 800 тысяч экземпляров газет и более миллиона экземпляров журналов.

Явилась реальная возможность, помимо местных изданий, увеличить выпуск газет, издающихся в Москве. Если до реконструкции типография Объединенного издательства печатала с матриц только две центральные газеты — «Правду» и «Известия», то после реконструкции это количество возросло до девяти.

Что представляет собой полиграфический комбинат сегодня? Ташкентцам и гостям столицы, очевидно, знаком комплекс многоэтажных зданий возле Театральной площади. Здесь, на улице «Правды Востока», 26, расположены основные корпуса типографии, редакции крупнейших газет — здесь главный полиграфический квартал города.

Зайдите в любой типографский цех, и вы очутитесь в светлом просторном помещении с установками для кондиционирования воздуха, новейшим оборудованием, позволяющим механизировать и автоматизировать все процессы производства печатных изданий, увидите многое другое, что присуще современному крупному предприятию.

Одно из самых красивых помещений типографии — линотипный цех. Сейчас машинами осуществляется не только набор текста, но и некоторые виды заголовков. Всего лишь несколько часов требуется теперь для набора и правки огромного числа газет, которое печатается ежедневно в типографии Объединенного издательства.

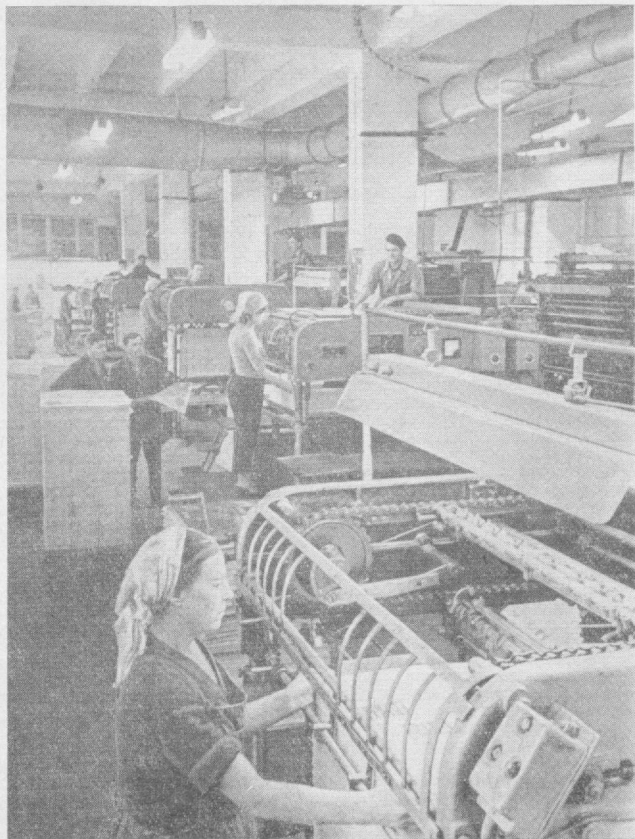
Отличные печатные машины установлены в газетном цехе. Их общая мощность — 400 тысяч экземпляров газет в час.

Крупнейшим в республике является цех цинкографии. Его оборудование позволяет в самый короткий срок изготовлять практически все виды клише высокого качества.

Особой гордостью типографии является цех офсетной печати, где осуществляется многокрасочная печать художественно-политических журналов и плакатов, цветных обложек, вкладок и т. д. Хотя это сравнительно новый цех, здесь уже в нынешнем году произойдут большие изменения в связи с получением десятикрасочной офсетной машины.

Нельзя не сказать об экспериментальном цехе издательства, где изготавливаются из пластмасс, древопластика и других химических материалов запасные части для полиграфических машин, обложки и т. д. Сейчас продукция этого цеха пользуется большим спросом не только среди предприятий типографии Узбекистана, но и в Казахстане, Армении, Азербайджане, в других республиках.

Мощность комбината позволяет в настоящее время печатать в общей сложности около трех миллионов экземпляров газет в течение 7—8 часов. Кроме республиканских, областных и многотиражных, среди которых такие

Коллектив офсетно-печатного цеха работает на новейших высокопроизводительных машинах.

крупнотиражные, как «Совет Узбекистана», «Правда Востока», «Еш ленинчи», «Ленин учкуни», выпускается большое количество центральных газет. Сейчас мы печатаем с матриц, доставляемых из Москвы, «Правду», «Известия», «Комсомольскую правду», «Сельскую жизнь», «Труд», «Учительскую газету», «Спорт», «Футбол», разовый тираж которых — около одного миллиона экземпляров.

Известно, какую огромную роль для распространения периодической печати имеет высокий уровень полиграфического исполнения и художественного оформления газет и журналов. И тут ташкентские полиграфисты добились определенных успехов. Из 36 периферийных типографий страны, печатающих газеты «Правда» и «Известия», комбинат неизменно занимает одно из первых мест по качеству продукции. Главным управлением газетно-журнальных издательств Комитета по печати при Совете Министров СССР признано также хорошим качеством оформления и печати республиканских газет «Правда Востока» и «Совет Узбекистана».

Особенно заметные изменения произошли в производстве такой сложной печатной продукции, как журналы. Сейчас типография выпускает 32 наимено-

вания республиканских и центральных журналов, спрос на которые растет из года в год.

Современное высокопроизводительное оборудование для набора и многокрасочной печати, возросший профессиональный уровень полиграфистов позволяют выпускать журналы не только быстро, но и из года в год улучшать их внешний вид, полиграфическое оформление. Это играет не последнюю роль в росте их тиража. Возьмите, к примеру, узбекский сатирический журнал «Муштум». Только за последние пять лет его тираж вырос до 335 тысяч экземпляров. Немного увеличились тиражи таких многокрасочных журналов, как «Саодат», «Гунча», «Гулхан», многих других.

Объединенное издательство — это не только миллионы экземпляров печатающихся газет и журналов. Это и учебники для высших учебных заведений и школ республики, это различные книги и брошюры, многокрасочные плакаты, много иной печатной продукции, идущей далеко за пределы узбекской столицы.

Высокий уровень производства, все возрастающий объем валовой продукции (в минувшем году ее стоимость составила около 3,5 миллиона рублей) поставили комбинат в ряд крупнейших полиграфических предприятий страны. Сейчас по своей мощности и значимости, по полиграфическому оформлению печатной продукции Объединенное издательство заняло такое же положение, как одно из крупнейших и передовых издательств — «Радянська Украина». Типография переведена из второй группы в первую.

Весь коллектив занят сейчас тем, чтобы провести экономическую реформу на высоком уровне, с первых дней нового года поднять на новую ступень производственную и экономическую деятельность предприятия.

Рост комбината, его успехи — это большая заслуга многочисленного отряда ташкентских полиграфистов.

Живой историей издательства являются его ветераны: Д. А. Коновалов, В. К. Чемадов, Н. Муноваров, С. Адылов, А. В. Мазор, Б. Камбаров, бывший директор издательства, ныне первый заместитель председателя Госкомитета по печати Совета Министров Узбекской ССР В. Ф. Архангельский, многие другие замечательные труженики. У каждого из них за плечами 30—40-летний трудовой стаж, вся их жизнь безраздельно отдана любимому делу.

Трудовым подвигом отмечена биография первого ротационного печатника-узбека Хайдара Азимова. Полуграмотным юношей пришел он в типографию. За короткое время с помощью русских друзей освоил новинку тех далеких лет — ротационную машину, научился грамоте. Став высококвалифицированным мастером, Азимов внес немало новшеств в практику типографской работы. Десятки его воспитанников, переняв опыт и знания своего учителя, работают ныне в издательстве.

Коллектив типографии свято чтит память одного из первых начальников ротационного цеха Георгия Корнеевича Гринева. В самые трудные годы становления типографии возглавил он новый в то время цех, сумел в короткий срок сплотить дружный, боевой коллектив. Это был отличный специалист, умелый руководитель, человек крепкой рабочей закалки.

И поныне вспоминают у нас такой случай. Пошел Георгий Корнеевич с женой в кино на вечерний сеанс. Кинотеатр тогда располагался рядом с типографией. Только начался сеанс, забеспокоился.

— Ты чего? — спросила жена.

— Ротационная машина барахлит!

— Какая там машина! — зашептала в темноте зала жена. — Мерещится тебе.

— Нет, машина разладилась. Пойду я.

Действительно, когда Георгий Корнеевич пришел в цех, оказалось, что машина в самом деле «барахлит». Только благодаря его вмешательству была предотвращена авария дорогостоящего оборудования.

Гринев с первых дней войны ушел на фронт. Он погиб смертью героя. Но остались в типографии его ученики, такие же влюбленные в свое дело, такие же преданные производству, как их учитель.

Стал начальником цеха бывший линотипист Туляш Музафаров. Его большой опыт, глубокое знание производства снискали ему уважение у коллектива наборного цеха.

Линотипистом работал когда-то и нынешний инженер по оборудованию Юнус Якубов. Много сделал он для реконструкции цеха, повышения производительности наборных машин.

Еще до войны пришел в линотипный цех Билал Муминов. Вернувшись сюда с фронта, — в те годы типография испытывала большой недостаток в кад-

ах, — он по собственной инициативе организовал школу линотипистов, стал первым ее преподавателем. Сейчас Муминов мастер цеха.

Подсобным рабочим начал свой путь полиграфиста в первые дни организации типографии Василий Поликарпович Светульников. Владел фотоцинкографским делом и с 1928 года до последнего времени возглавлял цех цинкографии. Уходя на пенсию, оставил немало замечательных учеников, один из которых — С. Юлдашев — заменил Светульнова на посту начальника цеха.

Наши ветераны часто встречаются с молодежью, рассказывают ей о первых трудных годах типографии, о том, как в то нелегкое, но славное время, в невероятных условиях труда, при примитивном оборудовании первые полиграфисты добивались хорошего качества печатной продукции, как не жалея ни свободных часов своих, ни сил, приближали они сегодняшний день флага Узбекистана.

В надежные, крепкие руки передали дело своей юности ветераны комбината. Трудовую эстафету отцов подхватили и понесли дальше дети и внуки первых печатников — линотиписты А. Мирзаджанов, Р. Минулина, С. Шакирова, М. Норматова; наборщики А. Ибрагимов, Х. Хазыева; печатники Н. Хоменко, Х. Юнусов, И. Меснянкин, К. Рамазанов, Р. Мухамедов, И. Мушинский; офсетчики Т. Алибаев, В. Полиферов; цинкографы З. Бадалов, И. Швед, Х. Захидов, верстальщица М. Вязкова и многие, многие другие, кого по праву называют ныне маяками многотысячного коллектива полиграфистов.

Выросли на комбинате замечательные командиры производства, мастера цехов А. Мухамедов, И. Теслюк, В. Азиков, Х. Арипджанов, З. Б. Ишмухамедов, Н. Коченев, А. Аверкиев, Р. Борисов, Т. Абдурахманов, А. Бектемиров, технологи В. Ф. Дерновой и Я. А. Шурп, руководители отделов Н. М. Соломин, С. Л. Могилевский, Х. Юнусов. Они умело организуют работу, передают свой большой опыт молодым рабочим.

Наши рационализаторы только в минувшем году предложили 50 технических новшеств. 40 из них внедрено в производство и уже дают большой экономический эффект.

Сложная, высокопроизводительная техника, современный технологический процесс требуют от полиграфистов высоких знаний, постоянного совершенствования своего мастерства. На комбинате сейчас трудятся десятки инженеров. Большинство из них получило высшее образование без отрыва от производства. Более ста работников комбината окончили Ташкентское отделение Московского полиграфического техникума. Ежегодно 5—6 молодых рабочих со средним образованием направляются издательством в Московский полиграфический институт с целевым назначением. В вузах и техникумах страны обучается более ста рабочих Объединенного издательства.

Ташкентские полиграфисты не раз выходили победителями соревнования среди родственных предприятий страны. По итогам работы за третий квартал минувшего года решением Комитета по печати при Совете Министров СССР и ЦК профсоюза работников культуры Ташкентскому комбинату присуждено переходящее Красное знамя и первая денежная премия. Третье место он занял также во Всесоюзном соревновании за высокое качество печати газеты «Правда».

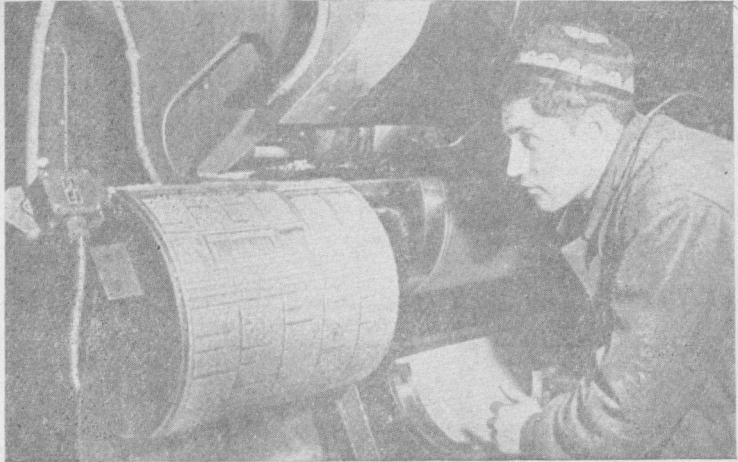
С прошлого года у наших полиграфистов завязалась крепкая дружба с литовскими строителями, участвующими в восстановлении Ташкента. Частыми гостями строителей бывает агитбригада «Голос полиграфиста». А друзья из Литвы оказывают большую помощь в восстановлении разрушенных землетрясением участков производства.

Одна из ближайших задач, которую поставил перед собой коллектив комбината — в нынешнем году завоевать звание предприятия коммунистического труда. Решение этой задачи потребует много труда и сил. Но она реальна и выполнима.

Готовность типографии, ее многочисленного коллектива к решению любых сложных задач особенно ярко проявилось в первые дни и месяцы после землетрясения.

Ничто не предвещало беды в тот предрассветный час трагического утра 26 апреля. Как всегда, спокойно работала ночная смена. Шелестели по каналам магазинов матрицы, выстраиваясь в строчки. Гудели барабаны ротационных машин, быстро и ровно текла газетная река. Шло к концу печатание центральных и республиканских газет, линотиписты подгоняли запас для следующих номеров. Озаренные светом люминесцентных ламп, по-домашнему уютно выглядели цехи.

И вдруг грозный гул, непонятный толчок, от которого вздрогнуло, пошатнулось здание. Змейками поползли по стенам трещины, посыпалась с потолка штукатурка. Резко заскрежетали барабаны ротационных машин, снопы искр брызнули на оборвавшуюся ленту бумаги. Фонтаном брызнул из линотипов

Стереотипер А. Хайдаров перевыполняет производственные задания и активно участвует в общественной жизни.

расплавленный металл. А через несколько минут еще один грохот — рухнула одна из новых пристроек. К счастью, здесь не было людей.

Даже в первые секунды землетрясения, когда никто не знал, что случилось, не было паники среди рабочих. Почти никто не покинул рабочего места. А уже через несколько минут все бросились к машинам, организовав быструю их наладку.

В то грозное утро газеты, как всегда, вышли по графику, своевременно были доставлены подписчикам и в киоски «Союзпечати».

Раньше, чем обычно, пришла на работу утренняя смена. Людям не терпелось узнать, что наделала беда с их родным производством, оказать необходимую помощь. Благодаря общим усилиям вовремя вышли все печатные издания и на следующее утро. Не нарушили график выпуска и в последующие дни.

Большой ущерб нанесло производству землетрясение. Были разрушены или пришли в аварийное состояние отдельные цехи. Положение усложнялось еще и тем, что около трехсот семей рабочих типографии и редакций остались без крова. Многие высококвалифицированные специалисты вынуждены были переселиться в другие города республики и страны.

От оставшихся потребовались героические усилия, чтобы не нарушить ритм работы, не задерживать выпуска газет и журналов. И воля людей оказалась сильнее стихии.

В первый же день после землетрясения был создан штаб по ликвидации его последствий. С помощью большого актива рабочих, инженеров, служащих члены штаба проверили все помещения типографии и издательства, жилые дома сотрудников, выяснили, что необходимо сделать в первую очередь, чтобы производство работало нормально, чтобы создать людям максимально возможные при сложившихся обстоятельствах жилищные условия.

Часть зданий пришлось полностью разрушить. По решению бытовой комиссии завкома строительные материалы были распределены между пострадавшими для восстановления жилья. Началось восстановление зданий типографии и редакций, строительство новых производственных помещений.

Особенно активное участие в ликвидации последствий землетрясения принял начальник отдела капитального строительства Объединенного издательства М. А. Аюлов и вся группа отдела, начальники цехов Т. Музафаров, Н. А. Богданов, В. Я. Кузнецов, Г. М. Чиркин, М. Нурутдинов, Т. И. Козлова, Н. А. Викнянский, заместители главного механика Г. А. Скоморохов и Б. Ф. Батурина, главный энергетик В. А. Баранов и многие другие.

Не считаясь ни с трудностями, ни со временем, они сумели мобилизовать коллектив на то, чтобы буквально в считанные дни отремонтировать и нала-

дить оборудование, произвести капитально-восстановительный ремонт ряда зданий, в то же время так организовать работу всех участков производства, чтобы ни на один час не прекращалась основная его деятельность.

С помощью Центрального Комитета Компартии Узбекистана было ускорено строительство жилых домов для работников издательства и редакций. Были приняты экстренные меры по восстановлению зданий детских учреждений.

Сложность нашей работы заключалась еще и в том, что уже через два месяца после стихийного бедствия мы должны были организовать выпуск еще четырех печатных изданий: газет «Вечерний Ташкент» и «Тошкент окшоми», «Строитель Ташкента» и «Тошкент бинокори».

Рождение новых изданий требовало значительного увеличения мощности существующего оборудования, установки нового, коренной перестройки в организации работы ряда цехов. Необходимо было в самые короткие сроки решить вопрос о дополнительных кадрах полиграфистов. Для обеспечения газетных цехов квалифицированными рабочими, особенно линотипистами и верстальщиками, была организована профтехническая школа.

Большую помощь нашему коллективу оказали полиграфисты страны. Сразу же после землетрясения ленинградцы послали Ташкенту шесть новых линотипов, много другого оборудования. Всесоюзный комитет по профтехобразованию направил в Ташкент учащихся третьих курсов профтехучилищ для прохождения годичной практики в нашей типографии. Более 50 человек прислали нам училища Минска, Уфы, Калинин и других городов страны.

Работы по ликвидации последствий землетрясения продолжают еще и сегодня.

Творческий труд коллектива, щедрая помощь Родины дали нам возможность справиться с возникшими трудностями, не только успешно решать задачи сегодняшнего дня, но и тщательно готовиться к решению проблем будущего, перспективы которого по-настоящему грандиозны.

К 1970 году тираж республиканских и областных газет, выпускаемых Объединенным издательством, возрастет на 57 процентов, а тираж журналов — на 45 процентов. Уже с января 1967 года выходит в свет новый массово-политический и литературно-художественный журнал «Гулистон» объемом 5 печатных листов, с многокрасочной обложкой и вкладками. Кроме того, комбинат будет печатать 10 центральных газет и пять журналов.

Рост полиграфической продукции потребует значительного увеличения мощности предприятия, резкого повышения механизации и автоматизации производственных процессов. Пятилетним планом развития комбината намечено строительство новых производственных цехов, оснащение производства современным высокопроизводительным оборудованием.

Уже возведен корпус для ротационного цеха, идет монтаж четырехрольной ротационной машины. Ввод ее в строй позволит все газеты, как центральные, так и республиканские, печатать одновременно, что намного ускорит их выпуск. В недалеком будущем будет установлена еще одна, уже 10-рольная машина.

В настоящее время все матрицы центральных газет доставляются из Москвы самолетом. Своевременность выпуска газет, таким образом, во многом зависит от погоды. Поэтому в осенние и зимние месяцы доставка матриц, а значит и доставка подписчикам центральных изданий, нередко задерживается.

Сейчас в издательстве смонтировано оборудование для скоростного приема полос центральных газет непосредственно из Москвы по телевизионной установке, чем навсегда ликвидируется зависимость от погоды.

Большим событием является строительство первого в Средней Азии цеха глубокой печати. Здесь устанавливается восьмисекционная машина глубокой печати, изготовленная в Германской Демократической Республике, много другого современного оборудования для многокрасочной печати.

С вводом в строй десятикрасочной офсетной машины не только ускорится выпуск многокрасочных изданий, но и значительно улучшится их качество. Снизится и трудоемкость их изготовления. Сейчас, к примеру, выпуском журнала «Муштур» в типографии занято 28 человек. Перевод его печатания на многокрасочную машину позволит сократить обслуживающий персонал до семи человек. Со второй половины 1967 года на многокрасочной машине, кроме «Мушту-ма», будет печататься центральный журнал «Крокодил».

Значительные изменения произойдут и в других цехах, где за годы пятилетки будет установлено более 200 единиц нового оборудования.

Намечается строительство большого количества жилья для работников издательства и редакций, детских дошкольных учреждений, дома отдыха для журналистов и полиграфистов, ряда других культурно-бытовых предприятий и учреждений.

Расширение производства, естественно, потребует подготовки новых кадров

полиграфистов. Достаточно сказать, что только для цеха глубокой печати нужно более ста высококвалифицированных специалистов. Очевидно, назрела необходимость создать в республике специальное учебное заведение для подготовки полиграфистов — и не только для предприятий Ташкента, но и для типографий областных, городских и районных газет. Жизнь настоятельно требует решения этого вопроса.

Керосиновая лампа в тесном помещении, склонившийся над кассой наборщик. Тираж 500 экземпляров. Так начинал флагман узбекской полиграфии — Объединенное издательство ЦК Компартии Узбекистана, ныне одно из ведущих полиграфических предприятий страны.

Оглядываясь в этот юбилейный год на прошлое, думая о будущем, с особой ясностью осознаешь: как это в сущности много — пятьдесят советских славных лет!

Г. ОРАГВЕЛИДЗЕ

ПЕРЕВОДЧИК — НЕ СОПЕРНИК

В начале было иноязычное слово, затем — желание постичь его смысл. Желание перешло в искушение, искушение овладело человеком. И стал человек переводчиком, и стал он толкователем, комментатором и пересказчиком. Вскоре этому «трехликому Янусу» понадобился «лик четвертый», лик критика. Дело в том, что возникла необходимость защитить свое решение от решения собрата, доказать состоятельность своих приемов, утвердить собственное кредо. Жаркие дискуссии все больше и больше обрастали теоретическими выкладками, множились теории и «антитеории», вопросы переходили в проблемы, проблемы в дилеммы, а дилеммы в парадоксы. Наука о переводе родилась из споров вокруг переводческой практики и всегда обуславливалась противоположными точками зрения.

СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!

Их речи я решил перевести так, чтобы все их достоинства были воспроизведены в переводе, т.е. все их мысли как по форме, так и по содержанию и чередованию, слова же лишь постольку, поскольку это дозволяют условия нашего языка.

М. ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН.

Англичанин Теодор Савори издал в 1957 году книгу под названием «Искусство перевода». Книги с подобным названием издаются во многих странах мира, так что дело не в названии, а в том, что автору удалось весьма четко сформулировать те шесть дилемм, к которым фактически сводятся все рассуждения и споры вокруг перевода. Вот они:

1. Перевод должен сохранять слова оригинала.
Перевод должен передавать идеи и образы оригинала.
2. Перевод должен читаться как перевод.
Перевод должен читаться как оригинал.
3. Перевод должен отражать стиль оригинала.
Перевод должен отражать стиль переводчика.
4. Перевод должен читаться как текст, современный оригиналу.
Перевод должен читаться как текст, современный переводчику.

5. Переводчик не имеет права ничего ни прибавить, ни убавить. Переводчик имеет право кое-что прибавить и убавить.
6. Перевод стихов должен быть сделан прозой.

Перевод стихов должен быть сделан стихами.

Могут заметить, что к этим шести дилеммам легко приплюсовать столько же. Согласен. Но зачем и дальше расчленять то, что вполне поддается соединению, зачем создавать дилеммы, исходя из упрощенных или просто плохих переводов, число которых с лихвой превышает количество положительных примеров? На мой взгляд, то, что Савори изложил под видом шести дилемм, можно «отредактировать» следующим образом:

1. Передавая идеи и образы оригинала, переводчик тем самым и передает слова оригинала.
2. Если перевод читается как перевод, то это и есть отражение оригинала. Дело лишь в том, чтобы перевод читался хорошо.
3. Стиль оригинального автора и должен быть стилем переводчика, иначе в чем же роль переводчика?
4. Перевод для того и делается, чтобы оригинал понимали современники переводчика.
5. Переводчик обязан сохранить текст, следовательно — если он кое-что «прибавляет», то он ничего не «добавляет», если же «убавляет», то не за счет оригинального текста, а за счет языковых несоответствий.
6. Перевод стихов не является переводом прозы, так же как и перевод прозы не является переводом стихов.

Такая «редакция» полностью исключает «дилемматичность», так как, на мой взгляд, переводчик не имеет никакого права выбирать ОДИН ИЗ ПУТЕЙ там, где существует лишь ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ. Переводить — значит передавать буквами и словами другого языка как форму, так и содержание оригинала.

В общетеоретическом плане для нас, марксистов, любое произведение искусства раскрывается благодаря единству содержания и формы. Однако общетеоретический тезис никогда не претендовал на решение всех технологических деталей мастерства, тем более переводческого мастерства, обладающего своей особой спецификой. Ведь переводчик получает уже готовое единство содержания и формы, созданное до него на другом языке, на языке, недоступном его, переводчика, читателю. Таким образом, задача переводчика — сделать непонятное ПОНЯТНЫМ. Значит ли это, что он создает НОВОЕ единство содержания и формы в своем переводе, как полагают некоторые теоретики? Конечно же, нет. Нет, потому что сохранение единства содержания и формы при переводе — лишь конечная цель переводчика, а достигается она ПРЕОДОЛЕНИЕМ ФОРМЫ. Содержание оригинала полностью доступно переводчику, оно — понятие неязыковое, оно — понятие «данное», иначе говоря, — не требует от него никаких творческих усилий. В отличие от оригинального писателя, которому предстоит создать сюжет, выдвинуть проблему, подчинить тематику своему идейному замыслу и т. д. — он, переводчик, от всего этого освобожден, мало того, он не имеет никакого права вмешиваться в эту область; он должен полностью подчиниться данному содержанию, добросовестно и честно служить ему. Иначе обстоит дело с формой, которая неразрывно связана со стихией родного языка. Если перевести с точки зрения «голового» содержания знаменитое:

Я волком бы

выгрыз

бюрократизм.

К мандатам

почтения нету.

К любимым
чертам с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...

— то получится: «Я выступаю, товарищи, против бюрократизма с его бесчисленными документами и бумагами. Я бы полностью отменил это явление, оставив в силе лишь советское ведомство по паспортизации». Можно и другими словами, можно и другими выражениями — дело вкуса, но не таланта, так как смысл этих строк ясен всякому, понимающему русский язык. Но далеко не всякому ясна эстетическая природа этих стихов, их образная и ритмическая структура, короче, все то, что входит в понятие формальной обработки в самом широком смысле этого слова. Творчество переводчика направлено таким образом на ПЕРЕПЛАВКУ из одного языка в другой ФОРМАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ, что из-за полного несоответствия даже самых родственных языков создает величайшие трудности. Итак, для переводчика форма — понятие «заданное». Ему предстоит как воссоздать, так и создать ее. Фридрих Энгельс, рецензируя неудачный английский перевод «Капитала», писал: «... Чтобы передать его (т. е. Маркса — Г. О.) равноценным стилем, следует в совершенстве владеть не только немецким, но и английским языком... Сильный немецкий язык следует передавать сильным английским языком; нужно использовать лучшие ресурсы языка; вновь созданные немецкие термины требуют создания соответствующих новых английских терминов... Но как только перед Бродгаузом встают такие затруднения, у него недостает не только ресурсов, но и храбрости. Малейшее расширение его ограниченного запаса слов, малейшее новшество, выходящее за пределы условного повседневного языка английской литературы, его пугает, и скорее, чем рискнуть на такую ересь, он передает трудное немецкое слово более или менее неопределенным термином, который не режет его слуха, но затемняет смысл автора». Как видно из этой известной цитаты, по мнению Энгельса — поражение английского переводчика «Капитала» обусловлено низким уровнем формальной обработки содержания. Бродгауз, понимая «что», не знал «как». Он, конечно, прекрасно представлял себе это «как», но не рискнул творить в единственно доступной переводчику области, в области формы. Форма и есть тот Сезам, за воротами которого сокрыты сокровища. «Сезам, откройся!» — единственная молитва переводчика.

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Полоний. Что читаете, милорд?
Гамлет: Слова, слова, слова...
ШЕКСПИР.

Вернемся к англичанину Савори и сведем его первые три дилеммы к одной. Итак, или:

Перевод должен сохранять слова оригинала, читаться как перевод и сохранять стиль оригинала.

Или же:

Перевод должен передавать идеи и образы оригинала, читаться как оригинал и отражать стиль переводчика.

Я за первое «или». Однако без комментариев здесь не обойтись. Что такое «слова оригинала»? Разве они существуют сами по себе? Разве не оформляются они в понятия, образы, эмоции, идеи? Слова могут быть вздором, клеветой, ложью. Слова могут быть знаменем, символом, бомбой. И вместе с тем, слова являются орудием в руках писателя,

теми «кирпичами», без которых немислимо литературное сооружение. Вот почему они не могут быть нейтральными в процессе перевода с языка на язык. Если бы они несли лишь содержательную (с точки зрения информации) нагрузку, то перевод сводился бы к пересказу своими словами чужих мыслей. Переводчик был бы плохим посредником, неинтересным и скучным болтуном. Нам не интересны ни стиль, ни слова переводчика. Нас интересуют слова и стиль Шекспира, Бальзака, Толстого. Мы не требуем от переводчика пересказа «Гамлета», мы требуем самого «Гамлета», а это значит — функционального (в данном случае аналогичного) воспроизведения как отдельных слов, так и всего стиля Шекспира. Передать содержание легко, передать форму — чрезвычайно трудно. Вот почему переводчик творит в форме и через форму. Плохо, когда скажут, что перевод читается не как «перевод», что Кафка не Кафка, а какой-нибудь ленинградский прозаик. Но отнюдь не лучше, если скажут, что перевод, хотя и содержит русские слова, читается с сильным иностранным акцентом. И в том и в другом случае мы не получим ни «слов», ни стиля переводимого автора. Нужно, чтобы переводная литература читалась как переводная, а это значит, что язык перевода обязан быть полноценным, не растворяющим чужое слово в своем, а подчиняющим свое слово чужому. Подчинение же вытекает из авторского стиля, из оркестровки мыслей и идей, образов и эмоций, из формальной обработки их. Другими словами, — в постижении того, каким образом «что» превращается в «как». Предлагая свою формальную обработку, переводчик исходит не только из особенностей своего языка, но и придерживается специфики психологического и эстетического восприятия своего читателя. Это отнюдь не значит, что он жертвует оригиналом. Он просто отвоевывает эту форму у чужого глагола, делает чужое — своим.

К сожалению, теоретики литературы рассматривают самое понятие формы или слишком схематично, как перечисление разнообразных приемов, или же весьма абстрактно, как нечто отвлеченное и «вторичное» содержанию. Что же касается теоретиков перевода, то для них область формы — сплошная филология. Так А. Федоров сводит работу над формой перевода к лингвистическим сопоставлениям. В своей широко известной книге «Введение в теорию перевода» он ограничивает разговор о формальной обработке рассуждениями о языке и его соответствиях: «Всякая задача, — пишет он, — разрешаемая в переводе (идейно-познавательная — применительно к научной литературе, идейно-эстетическая — применительно к литературе художественной), разрешается только языковыми средствами». Чувствуя, очевидно, некоторую категоричность своего заявления, автор уточняет: «Разумеется, идейно правильное истолкование подлинника, проникновение в его художественное своеобразие, высокая культура переводчика — все это необходимые предпосылки для решения задачи, но средство ее решения (не самоцель, конечно) — это язык». А. Федоров несомненно прав, считая, что любая задача в переводе (кстати, и в оригинальной литературе тоже) разрешается в языке, но разве «языковые средства» исчерпывают собой понятие «язык» в применении к художественному творчеству; ведь средства эти не что иное, как лингвистические категории. К тому же, весь оперативный материал в книге А. Федорова построен на сравнениях грамматических, лексических и даже фонетических категорий. Естественно, что таким путем понятие формы художественного произведения сужается до пределов грамматики и словаря, а в лучшем случае — до границ сравнительного языкознания. Неужели все то, что делает ту или иную мысль, тот или иной образ достойным искусства, то, что мы называем в самом широком плане ФОРМОЙ, — не что иное как наука о языке?! У Федорова есть свое оправдание: он писал о пере-

воде в лингвистическом плане. Но от подобного оправдания нам, грешным, не легче.

Известный советский переводчик Иван Кашкин как-то отметил в одном из своих выступлений: «Переводчику, который в подлиннике сразу же наталкивается на чужой грамматический строй, особенно важно прорваться сквозь этот заслон к первоначальной свежести непосредственного авторского восприятия действительности». Говоря это, маститый переводчик, подаривший нам русского Хемингуэя, отнюдь не имел в виду отрицание языка как основы словесного искусства. Он совершенно справедливо требовал более объемного, более полного и более объективного наполнения самого понятия ФОРМЫ, полагая, что одной филологией здесь не ограничишься. С этим положением полемизировал Е. Эткинд, апеллируя к авторитету классиков марксизма и приводя знаменитую цитату о том, что «язык есть непосредственная действительность мысли». Но что же предложил сам Эткинд? По его мнению: «Перевод — всегда сопоставительная стилистика двух языков». Опять филология. И пусть Эткинд ближе к истине, чем Федоров, так как стиль писателя — понятие вполне индивидуальное, однако стилистика как наука, хоть и изучает синонимические средства языка, исследует и обобщает лишь «коллективный» опыт литературы, выводит лишь общее из бесконечного числа частного, следовательно — стиль как научное понятие еще не охватывает собой понятия индивидуальной формы во всей полноте ее объема. Очевидно, филологам не по плечу определение природы художественной формы. Во всяком случае то, что в этом направлении сделано — чрезвычайно скупо и малоперспективно. И тем не менее, без научного определения всех тех компонентов, которые входят в общее понятие формальной обработки художественного произведения, проблема ФОРМАЛИЗАЦИИ содержания оригинала средствами другого языка так и останется проблемой «заданной», областью сплошной интуиции переводчика, результаты которой всегда будут зависеть от масштаба его таланта.

Нет надобности выискивать классические примеры функциональных несоответствий между оригиналом и переводом. Их великое множество. Остановлюсь на примере из текущей переводческой практики. Передо мной один из номеров журнала «Звезда Востока» (№ 6 за 1966 г.). В журнале несколько образцов узбекской прозы в переводе опытных литераторов, работающих без подстрочника. Так вот, в повести Сарвара Азимова «Звездоклая» один из героев разговаривает в таком стиле:

Калдыргоч, не мучай меня так, хватит... Видеть в твоих сверкающих юностью звездных глазах хоть искорку намена на старость, тронувшую мое лицо,— для меня равносильно повторной смерти. (стр. 37).

А героиня вспоминает в таком духе:

Когда в поисках типажа... когда, разыскивая типаж для работы над портретом раненого бойца, я пришла в госпиталь...— это был голос Калдыргоч, она говорила как человек, который задыхается.— Я сразу натолкнулась на раненого в голову человека, лежавшего без чувств. Брови, разрез вен, строение лица — все было точно с чудесных миниатюр великого Бехзада... Три пересекающиеся черточки над переносьем были свидетельством познанной жизни, воли, горячего ума. Словом, именно то, что я искала. (стр. 37).

Третий же персонаж, который подслушивает этот разговор через открытое окно, острожно подытоживает:

Когда разговор дошел до этого места, терпение мое иссякло. Если бы Калдыргоч была где-нибудь подальше, я бы разорвал на части уважаемого Бекташа Атахановича. «Погодите, я еще докажу, что я — человек. И

Теоретики перевода обычно называют подобные переводы «буквалистическими», мол, перевел товарищ слово в слово, букву в букву, не учитывая при этом полного несовпадения языков не только в структурном, но и в психологическом, если можно так выразиться, разрезе. Но можно ли процитированные места рассматривать под таким теоретическим углом? Конечно же, нет. Ведь немало известных переводчиков исходило из буквализма как из вполне осознанного ими принципа. Так, например, Афанасий Фет в предисловии к своему переводу сатир Ювенала писал: «Счастлив переводчик, которому удалось хоть отчасти достигнуть той общей прелести формы, которая неразлучна с гениальным произведением... Но не в этом главная задача, а в возможной буквальности перевода; как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала». В наши дни американец Виктор Набоков рассматривает буквализм как единственно возможный метод перевода, объясняя это своей декадентской концепцией «обоюдного непонимания», существующего, якобы, между людьми даже тогда, когда они говорят на родном языке, а уж тем более при помощи переводчика. По Набокову, буквальность освобождает переводчика от трактовки подлинника, от «прикосновения второй личности», от творчества. Однако буквальность отнюдь не означает банальности, безграмотности или отсутствия чувства стиля со стороны переводчика. Как раз наоборот: переводчик-буквалист в очень грамотной в языковедческом отношении форме передает предложение за предложением, но за эмоциональную сторону своей работы ответственности не несет. Что же касается функционального соответствия с точки зрения восприятия читателя перевода, то и здесь оно учитывается. Буквалист никогда не скажет: «Будь Калдыргоч ПОДАЛЬШЕ», даже если это «подальше» и имеется в оригинале. Он, очевидно, скажет: «Не будь Калдыргоч здесь». В отличие от переводчика-творца, переводчик-буквалист тоже «творит», но «творчество» его лежит не в пределах ЦЕЛОГО произведения, а в пределах одного слова или одной конструкции. Вот почему работы переводчиков-буквалистов бывают бескрылыми и творчески неинтересными, но зато они всегда безукоризненно грамотны, максимально добросовестны в пределах мелочей. Как часто мы, однако, оправдываем буквализмом (за что, конечно, по головке не гладят) простое нежелание поработать над формой перевода, и нежелание это обязательно оборачивается безвкусицей слова, небрежностью стиля, а в приведенном мною примере — превращением авторского пафоса в пародию на «восточные страсти». А ведь стиль Сарвара Азимова, как и его образная выразительность и красочность, весьма своеобразен, но несколько необычен в условиях русской литературы. Все это требует от русского переводчика большой выдумки, исключительного языкового чутья и, что самое главное, — безукоризненного литературного вкуса. Пока что переводчику Азимова не удалось подобрать точного ключа к передаче авторского стиля, хотя совершенно ясно, что эксперименты в этом направлении должны продолжаться и впредь. Нужно достичь здесь не столько лексической «точности», сколько воспроизведения всей стилистической манеры автора, выраженной, прежде всего, самым пафосом повествователя.

Более спокойный, но не менее лиричный, почерк Абдуллы Каххара легче передать в условиях русской стилистики:

Худенькая, бледная, с большими черными глазами и черными бровями, с волнистыми, до колен, косами, Сабриниса кинулась маме на шею, крепко обняла ее и разрыдалась, а наутро бросилась в ноги папе; она

все плакала и не говорила ни слова; только позднее я узнал, что дядя хочет выдать ее за своего подмастерья Азима-зайку. Возражать было бесполезно, и Сабриниса это понимала: с тех пор как стоит мир, многим ли девушкам удавалось спастись от брака с нелюбимым? (стр. 43).

Это из рассказа Каххара «Гурия», это из узбекского рассказа, и рассказ читается не как «подлинник», а именно как «перевод», как перевод, в котором сквозь новую языковую оболочку естественно и просто передается интонация авторской речи, рациональное зерно его мышления и обаяние созданного им образа. Здесь нет тенденции перевести «красиво» по-русски, здесь — стремление не растерять форму подлинника, сохранить ее в новой языковой оболочке, обеспечить читателю перевода тот же уровень эмоционального восприятия, который свойствен читателю оригинала. Именно в этом творчество переводчика, именно в этом водораздел между ним и тем полиглотом, который все понимает, но бессилён поделить свою радость с другими, непонимающими.

Но часто бывает, что уловив какое-то ОДНО отличительное качество в методе писателя, переводчик, если он при этом еще и литературовед, сводит все элементы и звенья авторского стиля к ОДНОЙ какой-то развернутой стилистической метафоре, долженствующей доказать именно это отличительное качество. Так и получилось с переводом рассказа Аскада Мухтара «Груз» (в том же номере журнала), написанного в совершенно другой манере. Правильно разобравшись в общем направлении творческого метода Мухтара, писателя с ярко выраженной импрессионистической, переводчица, как говорится, перегнула палку, в результате чего Мухтар оказался «сложнее» самого себя.

Переводчикам, работающим на материале среднеазиатской прозы, следует постоянно иметь в виду, что в литературах этих республик стремление сочетать национальные традиции с современными достижениями жанра происходит в весьма специфических условиях. Дело в том, что богатство общекультурных традиций этих народов оттеняется бедностью конкретного опыта в развитии национальной художественной прозы. Отсюда попытки сочетать очень разные, а подчас и далеко неоднородные, приемы при создании реалистических картин действительности своего края, где не в переносном, а в буквальном смысле этого слова от старого к новому всего один шаг. Переводы должны передавать эту специфику. И вот тут-то поиск формальных соответствий, как и вся работа в этом направлении, происходит чуть ли не в пределах каждого абзаца переводимого текста. Примером такой вдумчивой и творчески интересной работы является, на мой взгляд, перевод рассказа Саида Ахмада «Гиацинтовый ручей», выполненный Я. Ильясовым («Звезда Востока», № 8, 1966). Фабулярно рассказ скорее мелодраматичен, однако в условиях узбекского языка мелодраматичность эта отчасти снимается тонко оркестрованным психологическим подтекстом, идущим от лучших образцов современной психологической прозы. Насколько это интересно делает переводчик, свидетельствует хотя бы такой отрывок:

Дней через пятнадцать он получил письмо от дочери.

«Гульсум-апа просит извинить, что не попрощалась с вами — в тот день ей нужно было навестить в горах больного. Женщина она необыкновенная, только жаль — личная жизнь у нее не удалась. Говорит, сама виновата — уступила в чем-то родителям и счастье свое упустила. В первый год войны муж пытался ее убить. Вопреки обычаям сама ушла от него, но здесь осталась. Живет одна, детей нет. С тех пор, как вы здесь побывали, еще больше меня полюбила. Сидит напротив, смотрит в глаза. Обнимет, прижмет к груди, расплачется». (стр. 17).

Как видим, внешне работа переводчика почти незаметна. «Снятие» мелодраматичности происходит у него за счет «сбавления громкости» авторского пафоса, и если в описаниях природы здесь встречаешь пестрые образы («Из-за рощи всплыл похожий на ломоть арбуза по-осеннему багровый полумесяц»), если в описаниях деталей и присутствует эффектная экспрессия («... и выбежит сейчас навстречу Гульсум, взволнованно откидывая на ходу россыпь тонких косичек за плечи»), — то в диалогах, внутренних монологах неизменно присутствует строгость и сдержанность той эпики высокого качества, которая делает честь нашему веку.

Даже беглый взгляд, брошенный в повседневность нашего переводческого процесса, убеждает в мысли, что удачи или срывы в живой практике нашего дела теснейшим образом связаны с формальной обработкой текста в языке перевода. Очевидно, настало время поставить вопрос о ФОРМЕ словесного искусства с большой буквы. Пока что, говоря о единстве содержания и формы, теоретики почему-то «напирают» на первое, предоставляя второму лишь право участвовать в тезисе на положении скорее бедной родственницы, чем полноправного члена семьи.

В СТРАНЕ ПОЭЗИИ

Кто желает понять поэта, должен
отправиться в страну Поэзии...

ГЕТЕ.

У нас стало уже традицией переводить стихи стихами, поэтому своеобразным нонсенсом кажется шестая дилемма Савори. Однако на Западе (и в некоторых странах зарубежного Востока) дилемматичность эта все еще продолжает тяготеть над самой проблемой перевода поэзии. Сторонники «прозаизации» оперируют обычно довольно упрощенными, но, на первый взгляд, достаточно убедительными аргументами. Прежде всего, законы стихосложения и вся совокупность просодии настолько разные в разных языках и в рамках каждой национальной традиции, что как будто бы действительно исключают возможность существования каких-либо точек соприкосновения. Пушкинский четырехстопный ямб, например, совершенно невозможен в условиях французского стиха, а в условиях немецкого — он эквивалентен лишь частично и то на участках, далеко не всегда функционально совпадающих в жанровом отношении. С другой стороны, русское подобие александрийского стиха (шестистопный ямб) только условно передает этот французский размер. Короче говоря, примеров несоответствий между стиховыми системами, во-первых, и частными законами, — шире не только языковых, но и стиховедческих категорий. Выражаясь фигурально, стих сам по себе уже «язык», к тому же «универсальный». Стих — язык эмоций человеческих, индивидуальная гамма которых и значительней и весомей языковых или национальных особенностей и правил. Поэтому-то стих, превращенный в прозу, теряет свою исключительность, мало того, он — в силу особой ограниченности своего «голового» (без воздействия формы) содержания — лишается еще и той художественности, которая свойственна прозе как

искусству. Попад в празнический ряд, стих дает лишь «информацию», да к тому же, как правило, искаженную. Известно ведь, что одно и то же слово в стиховом и в прозаическом рядах приобретает разное не только звучание, но и смысловое значение или оттенок. Кстати, проблема эта достаточно освещена в работах Андрея Белого и Юрия Тынянова, в высказываниях Маяковского, Асеева, Кирсанова. Об этом писали и пишут многие зарубежные теоретики и практики (например, Якобсон).

Очень хорошо, что в нашей переводческой практике перевод стихов стихами — явление само собой разумеющееся. Плохо другое, а именно тенденция к «шаблонизации», если можно так выразиться, размеров и приемов формальной обработки стиха при переводе, боязнь экспериментов в этой области, а зачастую просто стилизация под русский стих или традицию. Вот как, например, звучит французское детское стихотворение такого своеобразного и ищущего поэта, как Робер Деснос:

Муравей, муравей
Ростом выше крыши,
Муравей, муравей
Прогуляться вышел.
Муравей, муравей
По дороге бегал.
Муравья, муравья
Запрягли в телегу.
А в телеге той сидят
Курицы и утки
И кричат, и галдят:
— Это вам не шутки!
Но пока они галдят,
Скажем по секрету,
Что такого муравья
Не было и нету.

(Перевод М. Кудинова).

Что это — Маршак или Барто, а может быть, Михалков? Так мог бы написать, конечно, только русский поэт. К тому же в данном переводе оказалась искаженной не только форма, но и само содержание. Получилось, как говорится, типичное не то. Естественно, словно (или лучше «позвучно») протранскрибировать размер удастся исключительно редко, но найти в ресурсах своего стиха максимально близкие соответствия, конечно, можно. В этом смысле стихотворение Десноса должно звучать примерно так:

Ростом с дом мой муравей,
Носит шляпу набекрень...
Нет, такого не бывает,
не бывает!
За собой телегу тянет,
А в телеге утки, лани...
Нет, такого не бывает,
не бывает!
Говорит он по-французски,
По-японски и по-русски...
Нет, такого не бывает,
не бывает!
Не бывает?!
А кто знает!

Это стихотворение — диалог между поэтом и ребенком-всезнайкой, не верящим в сказки и чудеса, таким бескрылым «практиком». Стихи эти, как видно, не такие уж «гладкие» с точки зрения как ритма, так и размера, а уж на «считалочку» никак не похожи (в первой паре даже нет обычной рифмовки). Всего этого не мог не видеть М. Кудинов, который перевел, и неплохо перевел, очень много французских стихов, но

здесь установка на «детские» стихи привела опытного мастера к обычной переводческой рутине. Примеров подобной шаблонизации можно найти сколько угодно в нашей переводческой практике и не только на материале детской поэзии. Вот четверостишие одного стихотворения в переводе Ф. Губера:

Прекрасна жизнь, поистине прекрасна!
Холодных звезд на небе больше нет,
И на лице зари горячий свет —
То день настал, стремительный и ясный.

Четверостишие воспринимается как катрен из английского сонета. На самом же деле это из узбекского стихотворения Рамза Бабаджана. А ведь сумел же С. Северцев, переводя этого же поэта, воссоздать в правильной тональности не только такие, но и еще более изощренные узбекские размеры. Вот, хотя бы:

То инжир-скороспелку я с веток пугливых срывал,
То, смущенно краснея, черешня встречала меня...
Как по раю земному, по этим садам я блуждал,
У тенистых прибрежий скрываясь от знойного дня.

Итак, шаблонизация — слабость наша. Она и дает веские основания сторонникам «прозаизации» выступать против стихотворного перевода вообще, и когда они оперируют подобными примерами, то бывает трудно с ними не согласиться.

Мы много пишем в теоретических трудах о функциональных соответствиях в переводе, в том числе и о функциональных соответствиях в метрике. Во многом правы теоретики, предостерегая переводчиков от буквализма, от механического (не творческого) перенесения иноязычных элементов. Слов нет. Огорчает другое: за дельными советами, за красноречивыми примерами нет-нет да проскользнет тенденция самоуспокоения достигнутым, а большой разговор о форме опять-таки очень часто сводится к простому приспособлению оригинального содержания к условиям национальной традиции. Беда, конечно, не в национальной традиции, а в том, что традиция эта рассматривается очень узко. Мы забываем, что прогресс в области перевода, особенно в области стихотворного, происходил в России именно за счет освоения стихотворной техники и поэтических приемов, заимствованных из разных литератур. В XVIII веке, например, первым попыткам Кантемира в создании русской стихотворной сатиры предшествовала его же переводческая деятельность в области освоения техники французского александрийского стиха; первые русские оды Тредиаковского также ориентировались на восьми- и десятисложник французов. Освоение самой силлаботоники (а не чистой тоники, что было бы естественней с точки зрения русского фольклора) происходило опять-таки под воздействием огромного количества переводов с французского. Я уже не говорю о новшествах в русском стихосложении, введенных на рубеже XVIII—XIX столетий путем освоения опыта немецкой и английской поэзий. А жаркие схватки вокруг итальянской октавы в тридцатые годы прошлого столетия! Так или иначе, весь богатейший опыт стихотворного перевода в России со всей убедительностью доказывает ту положительную роль, которую сыграли переводческие эксперименты в области ПЕРЕПЛАВКИ тех или иных формальных компонентов стиха из одной поэзии в другую. Другое дело, что победы одерживались не каждый день, что им сопутствовало немало горьких неудач и творческих срывов, но когда они праздновались, то выливались в подлинный триумф русского стиха. Посему теоретики, редакторы и издатели не должны забывать за благими советами о священном праве переводчика на эксперимент, пусть даже сугубо формальный. В этом свете, как показывает опять-таки

многовековая практика, далеко не все, что кажется национальной спецификой, является на самом деле таковой. Смелая экспериментаторская работа вскрыла бы значительно большее количество точек соприкосновения не только в рамках поэтических приемов, но и в самих стиховых системах, какими бы разными они ни представлялись исследователю-аналитику. Сумел же Семен Кирсанов заставить зазвучать не только интонацию, но и самую силлабику Мицкевича:

ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

Пилигрим

Там!.. Не аллах ли вал воздвигнул твердоледый?
Не ангелам ли трон вознес из снежной бури?
Не дивы ль подняли те скалы из лазури,
Чтоб караванам звезд закрыть с Востока входы?
В пожарах Цареград! Сияют неба своды!
Или аллах, лишь ночь плащ распростерла бурый,
Подвесил свой фонарь среди небесной хмури
Мирам, несущимся вдале по морям Природы?

Мирза

Там?.. Там царит зима; там реки и потоки
Пьют — это видел я — в ее морозных гнездах.
Дохнешь — снег изо рта; я шел путем высоким
Неведомым орлам, где бестуманен воздух,
Где в колыбели туч гром дремлет сном глубоким.
И — над моей чалмой остались только звезды!
Там — Чатырдаг!

Пилигрим

Аа!!

Стоит только сравнить эти могучие катрены и терцины с силлабо-тонической стилизацией В. Левика или даже О. Румера, чтобы убедиться в важности эксперимента для дальнейшего движения вперед в области стихотворного перевода. В процитированном сонете очень ярко воспроизведен общий рисунок польской силлабики, которая, как известно, теоретически несвойственна русской метрике. Достигнуто это за счет виртуозного «вкрапления» чисто тонических элементов, которыми так богата русская поэзия и которыми мы так часто пренебрегаем, когда речь заходит о классическом наследии.

Несомненно, самым важным в переводе, особенно в поэтическом, является вскрытие авторской интонации, которая фактически и определяет всю формальную оркестровку произведения. Как это ни парадоксально прозвучит, поэзия, особенно лирика, в большей степени напоминает устную речь, чем проза или драматургия. Чем была бы устная речь без интонации? Ведь добрая половина смысла говорящего неразрывно связана с ней. Интонация — самое индивидуальное, самое субъективное в определении личности. А от поэта мы требуем как раз и ПРЕЖДЕ ВСЕГО именно этих качеств. Никакая трактовка поэтической вещи при переводе не заменит собой живого интонационного дыхания автора, хотя обратное может иметь иногда место в прозе или в театре, так как эпичность есть объективность, следовательно — подвластна в искусстве индивидуальной трактовке извне. Путь к форме поэтического произведения проходит через интонационное единство, так как интонация и есть та нить, которая связывает воедино содержание с формой. При переводе единство это может оказаться разорванным (что и происходит часто), если переводчик не сделает авторскую интонацию своей. В восточной поэзии, например, сама формализация определяется несколькими (самыми общими, правда) интонационными типами, что, конечно, не означает сведения к ним всего индивидуального интонационного богатства каждого поэта в отдельности. Тем не менее, присутствие

такой, хотя и общей формализации интонации в значительной мере облегчает выбор правильного ключа. С. Северцев нашупал такой ключ благодаря концевым повторам, когда переводил рубаи узбекского лирика Рамза Бабаджана:

Любовь не в силах выбирать, любовь слепая, говорят,
Ее постигла с давних пор судьба такая, говорят,
Уже беззуба и слепа, а все горит, а все бурлит,
Ведь ей блаженство на земле дороже рая, говорят.

Значительно труднее обнажить живую интонацию автора в той же форме, но без концевых повторов. Поэт-переводчик Н. Грибачев, оказавшись в таком положении, где-то растерял интонационную неповторимость оригинала:

Камыш внутри пустой, хоть ростом он высок,
Мал полевой цветок, но пьет от солнца сок.
Из камыша сплетут и бросят на пол коврик,
В прическе девичьей сверкнет огнем цветок.

В первом случае было легче добраться до авторской интонации, во втором — труднее. Как видим, форма в некоторых случаях уже сама по себе помогает отыскать авторскую интонацию. Однако чаще происходит обратное, а именно — интонация помогает поэту обеспечить ПЕРЕСАДКУ формы из оригинала в перевод. И вот тут-то и начинается фактически все переводческое творчество, которое и выражается, прежде всего, в умении формализовать чужую интонацию в условиях второго языка.

Как в поэзии, так и в прозе, что бы там ни говорили, областью переводческого творчества остается форма, вот почему столь важно обобщение нашего опыта в этом направлении. Страна Поэзии не только возвышенных помыслов край, не только родина тончайших эмоций и неповторимых образов и ритмов. Страна Поэзии, прежде всего, — мастерская, где вдохновение, умноженное на труд, делает возможным общение поэта с читателем. «Непосвященные» могут и не знать, каким способом забивается та или иная деталь душевной мозаики, но переводчик обязан быть первоклассным подмастерьем в этом цехе, добросовестно и качественно выполнять любой заказ мастера.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Все познается в сравнении. Нам, советским переводчикам и теоретикам перевода, намного легче, чем нашим зарубежным коллегам. Страна наша стала величайшей переводческой державой в мире. Думаю, что это ясно без статистических выкладок. Переводческий процесс в одних лишь рамках многонациональной советской литературы уже представляет собой внушительное явление, а ведь внутри каждой национальной литературы существуют и свои очаги перевода, охватывающие десятки, а то и сотни, не только союзных, но и зарубежных литератур.

Советская школа перевода выдвинула целую многонациональную плеяду видных и интересных теоретиков, в некоторых вузах страны имеются как переводческие отделения, так и научные кафедры перевода. При академиях работают секторы перевода, издаются сборники трудов в этой области, а Союз писателей публикует даже ежегодник «Мастерство перевода». У нас в республике есть и свой (кстати, первый в стране) Совет по координации переводческого процесса.

И вместе с тем, всего этого уже недостаточно, поскольку требования, выдвигаемые масштабностью переводческого дела, столь велики и столь разносторонни, что требуют ежедневных усилий и постоянной

организаторской изобретательности в этом направлении. Взять хотя бы узбекскую литературу. Еще по сей день ряд зарубежных авторов — и каких (Шекспир, Шиллер, Мопассан) — переводят через русский язык, а сколько произведений классиков мировой литературы еще и не появилось вообще на узбекском языке (я уже не говорю о современной зарубежной литературе). Да и в области перевода русской классики и современной советской литературы остается приложить еще немало усилий. Что следовало бы сделать в местных условиях? Мне кажется, что нужно начинать с подготовки кадров, без которых любые организационные начинания окажутся дежурными мероприятиями. Подготовить переводчика художественной литературы — процесс сложный и разносторонний. Вузы здесь фактически беспомощны. К тому же — будущий переводчик должен быть литературно одаренным человеком. В этом плане интересную, хотя и нелегкую работу, могли бы вести писательские организации, Министерство культуры и другие компетентные органы. Первым серьезным вкладом в этом направлении было бы создание мастерских-студий, где молодые литераторы под руководством маститых переводчиков овладевали бы сложной переводческой профессией, изучали языки, издавали экспериментальные сборники.

Что же касается переводческой науки во всесоюзном плане, то и здесь нельзя не видеть существенного ее разрыва с ежедневной практикой. Создалась, на мой взгляд, нежелательная (с точки зрения наших общих задач) тенденция к академизации с нездоровой ориентацией на объемистые диссертации. Тенденция эта не учитывает во всей полноте самой специфики переводческого дела, всегда живого и злободневного. То, что теоретики занимаются «чистой» наукой само по себе и нормально и понятно, но то, что они редко и мало участвуют в повседневном переводческом процессе в качестве практиков или критиков, редакторов или составителей — уже тревожно. Ведь критики перевода в полном смысле этого слова у нас не существует, а то, что делается в этом направлении, носит случайный и поверхностный характер. Нет в стране и своего переводческого экспериментального журнала, где практика встречалась бы с теорией, дополняя друг друга и выступая единым фронтом. Ведь издание ученых записок или даже ежегодника «Мастерство перевода» — мероприятия чисто академические. Ссылка на журналы, печатающие переводную литературу, не может быть веским аргументом, так как речь идет не столько о популяризации литературы (что само собой разумеется), сколько о постоянной разработке переводческих проблем, о поисках, новаторстве, экспериментах.

Наша переводческая школа должна быть самой передовой в мире. Этого требуют интересы нашей многонациональной культуры, интересы прогресса.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Публикуя статью «Переводчик — не соперник», редакция журнала приглашает переводчиков, писателей, литературных критиков, читателей принять участие в обсуждении проблем, поднятых преподавателем ТашГУ, кандидатом филологических наук Г. Орагвелидзе.

ЗАПЕЧАТЛЕТЬ ДВИЖЕНИЕ МЫСЛИ

В интересных, многообещающих завязках, которыми начинается немало произведений современной узбекской литературы, можно обнаружить жизненно реальную коллизию. Но она обретает силу лишь в том случае, если органически сливается с основной идеей, которую писатель разворачивает на протяжении всего произведения.

Вот начало повести «Тропа ведет к счастью» С. Абдукаххара, где автор сразу же сталкивает героиню с серьезными трудностями: «Последнее дуновение ветерка, которое ощутила Матлуба, затерялось где-то за смотровым стеклом. Страшный жар, поднявшийся снизу от песка, мгновенно охватил ее. Она не думала, что с предсмертным всхлипом мотора прекратится и ее жизнь — станет трудно дышать, кровь бросится к лицу, и все тело окунется в раскаленный туман».

Ситуация, как мы видим, действительно трудная. В преодолении этой трудности должен, по мысли автора, раскрыться характер героини. Правильная установка! Но как она реализуется?

Матлуба очутилась в степи, потому что на полпути к пастбищу отказал мотор машины. Может быть, этот факт и имел место в действительности. Но здесь явно чувствуется преднамеренность, предвзятость. И это происходит потому, что логика событий определяется не естественным течением обстоятельств, а случаем.

Легко и быстро убирается с дороги героев эта выдуманная преграда: каким-то чудом в степи появляется мотоциклист с водой и спасает томившихся от жажды Матлубу и шофера.

И появление спасителя и поломка мотора — обстоятельства случайные. В них чувствуется стремление автора осложнить повествование. Но если конфликтные узлы завязываются на основе случайных фактов, они не становятся источником художественного образа, мыслей, переживаний героев, не воссоздают жизненных явлений, обусловленных истинно причинными связями. Неумение проникнуть в суть этих связей и рождает надуманные конфликты, которые дают лишь видимость борьбы характеров, мнений и т. д. Могло ли поэтому преодоление Матлубой мнимых трудностей способствовать возникновению подлинно драматической коллизии?

Автор сталкивает далее героиню с еще большими, на его взгляд, преградами. Это — та же степь и старый чабан, которые противостоят Матлубе, мешая ей осуществить ее сокровенную мечту — сеять в степи траву на корм скоту. Без труда одолевает их Матлуба. Немного покапризничав, природа «уступает» героине. Не происходит серьезного столкновения и со старым чабаном. Налицо лишь информация о том, как Матлуба обвиняет своего противника в консерватизме и отсталости.

Не клеится и конфликт Матлубы с заведующим фермой Дададжановым, который сразу же раскрывает свои карты, выставив напоказ отрицательные черты характера. С молниеносной быстротой побеждает Матлуба Дададжанова.

Так же играючи расправляется с трудностями и героиня романа С. Анарбаева «Аксай» («Серебряный блеск Лысой горы»). Как это происходит? Автор рассказывает о том, что Шербек, герой романа, падает с лошади, которая сбрасывает его, испугавшись выстрела. Заметим мимоходом, что вряд ли Шербек,

с детских лет имевший дело с лошадьми, мог так легко упасть с лошади и получить столь тяжелые травмы. Но как бы то ни было, трудность для героя найдена...

Шербек попадает в больницу, где за ним ухаживает девушка врач; затем она станет его невестой. Теперь намерения писателя ясны: Шербек не мог бы встретить свою любовь, если бы не получил травму, так как девушка, которую он потом полюбит, работает врачом...

Как видим, и здесь решающую роль играет случай. Падение героя с лошади, его встреча с девушкой врачом в данном построении не могут стать компонентами подлинного конфликта, на что они претендуют.

Нарочитость, преднамеренность обстоятельств порождают немало случайного, неверного и в отношениях между героями. Но ведь без исследования отношений между людьми нельзя создать полноценный художественный образ. А для этого надо прежде всего найти и художественно «организовать» диалектическую связь между действующими лицами. Если она будет ложной, то никакие фабульные «столкновения» не помогут выражению жизненного конфликта. И, наоборот, правильное установление отношений между персонажами приведет к тому, что столкновения фабульного характера станут движущей силой, будут активно способствовать достижению автором идейно-художественной цели.

В художественном произведении необходимо уловить и отразить динамику жизненных противоречий, их действующие пружины. Этого не заменит простое представление противоборствующих сторон.

Между тем, некоторые писатели ограничиваются только пересказом. Верно подметив определенные противоречивые жизненные явления, которые составляют ядро конфликта, они не умеют изобразить их как столкновение двух непримиримых, противоположных начал. Упускается из виду и взаимосвязь конфликтов, то есть то, что противоречия, вытекающие из одного действия, становятся основой для других.

В том же романе С. Анарбаева рассказывается о первых годах Советской власти в одном из отдаленных кишлаков Узбекистана. В центре внимания автора два главных действующих лица — Кучкар Закиров, председатель сельсовета, и Разык Курбаши, главарь басмаческой банды. В лице первого автор пытается показать поступательное движение нового, в лице второго — обреченность старого, неизбежность его поражения.

Однако описание борьбы этих двух взаимоисключающих начал носит общий характер. Индивидуальное потонуло в общем, конкретное — в абстрактном. Образы героев лишены индивидуальных свойств, а их столкновения излагаются в логических умозаключениях, которыми подменяется художественное мышление.

Примерно такую же картину можно видеть и в остальных двух частях «Серебряного блеска Лысой горы», где рассказывается о борьбе Шербeka за улучшение качества шерсти и его столкновении с председателем-консервативом.

Говоря о конфликтных узлах романа «Серебряный блеск Лысой горы», нельзя не задаться вопросом: что же связывает все три его части? Имеется ли что-то общее в противоречиях, которые составляют конфликты романа?

Вопрос этот, к сожалению, повисает в воздухе, так как по существу у С. Анарбаева отсутствует основной конфликт, который стал бы направляющей силой развития действия. В произведении трудно найти органическую нить, которая бы соединяла стычку Закирова с ревностными защитниками старого режима и борьбу Шербeka за улучшение качества шерсти, борьбу революционеров со столкновением между зоотехником-новатором и председателем колхоза, противостоящим новому.

Связь здесь чисто внешняя. Она только в том, что Кучкар Закиров — отец Шербeka. Выходит, что конфликты первой части романа и двух других как бы замкнуты в себе, изолированы.

Так же обстоит дело и в упомянутой выше повести «Тропа ведет к счастью» С. Абдукашара. Но в ней произвольность описания борьбы мыслей, чувств и переживаний сочетается с произвольной трактовкой характеров, чего не скажешь о романе «Серебряный блеск Лысой горы». В каждой из трех частей этого произведения встречаются цельные образы второстепенных персонажей, метко подчеркнуты и отдельные черты главных героев. Каждая часть романа представляет определенный интерес. Однако отсутствие пронизывающей всю его художественную ткань конфликтной линии повредило идейно-эстетической целостности произведения.

Согласно широко распространенному определению, художественный конфликт — это образное воспроизведение значительных жизненно реальных противоречий. Определение это верное, но слишком общее. На наш взгляд, следует конкретизировать его хотя бы так: литературный конфликт — это движение мыслей, составивших основу определенной художественной цели, которые, будучи отражением борьбы характеров, мировоззрений, страстей, проявляются в каждом эпизоде, части, детали, порою даже в каждом слове и фразе писателя — в живой художественной ткани произведения.

Характерен в этом отношении один из начальных эпизодов «Анны Карениной».

«В коротком, беглом взгляде Анны Вронский успел заметить сдержанную оживленность, которая играла в ее лице и порхала между блестящими глазами и чуть заметной улыбкой, изгибавшей ее румяные губы. Как будто избыток чего-то так переполнял ее существо, что помимо ее воли выражался то в блеске взгляда, то в улыбке. Она потушила умышленно свет в глазах, но он светился против ее воли в чуть заметной улыбке».

Всего три фразы. Но как ясно, тонко и впечатляюще выражено противоречие между семейным долгом и рождающейся любовью! С помощью авторской речи Л. Н. Толстой создал почти физически ощутимую картину. Не сказано ни одного слова о зародившейся любви Анны Карениной. Тем не менее читатель догадывается: Анна полюбила Вронского и в то же время всеми силами старается подавить возникшее чувство. Это сложное состояние героини передано Л. Н. Толстым словами «оживленность», «свет», «потушила» и т. п. Гамму чувств, сложную, противоречивую и тонкую, пережитую Анной Карениной в один миг, оттеняют эти слова, как бы сосредоточивая в себе мысль писателя. Но все эти художественные средства приобретают такое эмоциональное качество лишь в том случае, когда с их помощью воспроизводится живая драматическая коллизия, возникающая из борьбы мыслей, чувств и характеров.

В изображении подобных коллизий видное место занимает не только авторская речь, как это мы видели на примере Л. Н. Толстого, но и монологи, диалоги и другие элементы художественной ткани произведения. Они организуют единство, через которое проходит авторская идея, «ища» и «находя» соответствующую форму воплощения. Этот процесс начинается с первых же эпизодов каждого подлинно художественного произведения и продолжается до последней точки, когда разрешается конфликт и авторская идея художественно «оформляется».

Этот единственно верный принцип изображения жизненных противоречий успешно используют лучшие узбекские прозаики. Следует ему, в частности, Айбек, чьи романы «Священная кровь» и «Навон» вошли в золотой фонд узбекской литературы.

Нельзя обойти вниманием, к примеру, эпизод в «Священной крови»: Юлчи приходит к старухе, жене бая, с подарком.

«— Вот... Мать передала... Курут...

— Ах, милая, жертвой мне стать за нее! — старуха брезгливо взяла маленький потрепанный мешок кончиками пальцев. — Зачем же ей, бедняжке, было утруждать себя...

Ребята, услышав, что в мешочке курут, окружили старуху.

— Бабушка, мне один!

— Бабушка, дайте мне побольше!

Старуха, насупившись, прикрикнула на внучат, но в конце концов вынуждена была развязать мешочек. Скривив губы, она сердито заворчала:

— Ах, козлята озорные! На курут из цельного молока смотреть не хотите, а из-за этих камешков спорите! Смотрите, какой жесткий, зубы обломаете. Этот курут все кишки вам порвет. Бой-бой, уморят меня эти ребята!»

Каково течение мысли писателя, угадать нетрудно, хотя социальное положение говорящих не названо. Здесь не просто разговаривают, а сталкиваются друг с другом два противника, два мира. Юноша, хотя и неполностью, осознает причину столь презрительного отношения к нему и к его матери со стороны ворчливой старухи. Эта причина — их бедность. Старуха же ведет себя надменно, издевается над юношей как представитель имущего класса.

Столкновение в этом эпизоде налицо. Тут, разумеется, нет открытой борьбы противоположных сторон, однако происходит резкая, если можно так выразиться, закадровая схватка. Особенно усердствует старуха. Вместо того, чтобы по старому узбекскому обычаю почитать любой подарок, она неслестно отзывается о куруте, который принес Юлчи. Делается это «обходным» путем:

старуха вызывает курот камешками, создавая видимость того, что говорит только для детей, сразу же бросившихся на подарок. На самом же деле она поступает по известному принципу: «Говорю дочке, чтобы услышала сноха». Чтобы подчеркнуть отрицательное отношение старухи к Юлчи, автор замечает, что она принимала подарок от юноши с брезгливой гримасой, кончиками пальцев. Все это почувствовал Юлчи, который «сидел, низко опустив голову».

Но если униженный Юлчи вызывает сочувствие, то ворчливая старуха, жена бая — презрение.

Сцена с курутом в «Священной крови» это лишь начальное звено конфликта.

Кажется, что весь роман Айбека состоит из таких вот сцен, в которых разворачивается схватка характеров. Схватка эта запечатлена всей художественной тканью «Священной крови» и воспринимается как главный идейный стержень произведения о пробуждении сознания узбекского народа.

Вряд ли правомерно мнение, что конфликт это всего лишь одно из средств раскрытия характера. Выходит, что можно пользоваться конфликтом, можно обходиться без него, коли он только одно из средств создания образа...

Ведь ясно, что вне художественного конфликта нет воплощенного идейного замысла. Идея художника выражается в столкновении противоположных мнений, мыслей, чувств, рожденных материальным миром: иначе жизненные явления, факты и события, человеческие переживания не приобретают эстетического качества.

Другое дело — форма проявления художественного конфликта. Она многообразна. Однако это многообразие избирательно. Прав Н. Грибачев, отметив в своей книге «Полемика», что «противоречие не обязательно выливается в конфликт, но конфликта без противоречия не может быть».

Жизненное противоречие, раскрывающее человеческий характер, рождающее драматическую коллизию, является основной движущей силой конфликта. Надо не просто подмечать трудности, препятствия и барьеры, составляющие неотъемлемую часть жизненного противоречия, но и раскрывать их суть, избирать, а не только констатировать.

Это хорошо понимал А. Каххар, сталкивая в своем рассказе «Люди с хвостом» простого советского человека, старика пенсионера с иностранным журналистом.

Как могли столкнуться эти диаметрально противоположные стороны?

Допустим, иностранный журналист приехал в Ташкент и случайно встретил старика. Описав их спор и открытый разговор, автор показал бы нравственную победу советского человека.

Такой путь был бы возможен. Но он не удовлетворял писателя, ибо при этом встреча и столкновение героев были бы случайными, не подготовленными.

Не случайность («это могло бы быть, могло и не быть»), а **закономерность** столкновения важна художнику. Изображенное столкновение характеров, мыслей, чувств должно **восприниматься как неминуемое, неотвратимое.**

Абдулла Каххар представляет героя, проработавшего много лет в конторе «Интурист» и выпешшего на пенсию, но мысленно не покидающего свой пост. Так устанавливается опосредствованная связь героя с его будущим противником. Чтобы превратить эту непрямую связь в тесный контакт между двумя основными действующими персонажами, А. Каххар ввел третье лицо — племянника пенсионера, работника «Интуриста». Племянник уговаривает дядю сопровождать иностранного журналиста во время его пребывания в Ташкенте.

Несколькими штрихами писатель рисует радушного, гостеприимного старика. При первой же встрече он ошеломляет иностранного гостя, заговорив на английском языке. Турист, не веря своим глазам, «ощупывает одежду, бороду и волосы старика»: не загримированный ли артист этот старик?

Это «ощупывание» — важная и лаконичная деталь. Она завязывает борьбу характеров, выполняет функцию первой отправной точки в развитии конфликта.

Писатель показывает внутреннее негодование старика, возмущенного бесцеремонным поступком иностранца. Однако старик внешне спокоен, знакомит его с достопримечательностями города. Дальнейшие события приводят к тому, что гость все сильнее и сильнее ненавидит своего подопечного. Это чувство усиливается тем, что иностранный журналист не хочет видеть достижений узбекского народа, ничем, кроме «темных пятен», не интересуется.

Это — вторая точка в эволюции столкновения противоположных начал. Атмосфера накаляется. Драматизм коллизии нарастает, ибо столкновение старика и иностранного туриста принимает действенный характер. Скрытый сарказм пронизывает всю речь старика. И столкновение переходит в последнюю, решающую фазу, достигая кульминационной точки.

Иностранцев ищет... «людей с хвостами», которые якобы обитают в Ташкенте. Он обещает своему провожатому уйму денег, если тот заснимет «хотя бы одного человека с хвостом».

Писатель не вкладывает в уста положительного героя разоблачительных слов. Вместо этого он находит меткую лаконичную деталь, приводящую к остроумной развязке: внук старика незаметно фотографирует иностранного журналиста — вот единственный человек с хвостом. А фотоаппарат, как было условлено, вручает владельцу в тот момент, когда он улетает из Ташкента.

«Кто знает, — говорит пенсионер, — хватит ли у него терпения, чтобы не проявить пленку до приезда в свою страну, или проявит он ее по дороге в Таджикистан, — все равно, вместо людей с хвостом он увидит самого себя». «Я лишь повернул его лицом к зеркалу, откуда смотрит его собственная persona, других предосудительных поступков я не совершил», — прибавляет рассказчик.

Как развязывается конфликтный узел.

Напряженно описана схватка действующих лиц в романе А. Якубова «Трудно быть мужчиной». События происходят в годы Великой Отечественной войны в тылу.

На арену борьбы против карьериста и бюрократа Эркаева, заместителя предрайисполкома, выставляющего напоказ свою верность народу «и делом, и словом», автор выводит Машраба, Кучкара и Акрама, честных, пылких, но неопытных юношей.

А. Якубов показывает, сколько сил понадобилось юношам для того, чтобы разоблачить Эркаева, действующего подло, жестоко и вместе с тем умно, искусно и расчетливо.

Если конфликт верен действительности и отражает ее закономерности, то он во всех проявлениях — борьба противоположностей. Однако это не всегда — столкновение характеров. Сталкиваются не только разные характеры, но и здоровые и нездоровые, активные и пассивные, позитивные и негативные начала в каждой отдельно взятой личности.

Так, в частности, строится конфликт в повестях «Мукаддас», «История одного фельетона» А. Якубова, «Мои сокровища» П. Кадырова и в некоторых других произведениях узбекских прозаиков.

В этих повестях исследуется характер человека, который пересматривает свои взгляды на жизнь. Недаром подобные произведения называют исповедью героя!

Основа конфликтов этих произведений — самоанализ характеров (обычно рассказ ведется в них от имени героев), с помощью которого, например, самовлюбленный и склонный к тщеславию Шариф из «Мукаддас» или подверженный влиянию феодальных пережитков в отношении к женщине молодой журналист Учкун из «Истории одного фельетона» исправляются.

Сплошь и рядом приходится читать произведения, в которых сразу же можно определить: кто из персонажей отрицательный, кто — положительный. Одного узнаешь по тому, как он легко перевыполняет план, без особых усилий разрабатывает рационализаторские предложения, мгновенно преодолевает тысячи преград. Другого — по тому, как он без всякого основания чернит хорошего человека, без всякой маски выступает против добрых начинаний, при первой же встрече раскрывает свои «карты», на глазах действует подло, жестоко. Есть и третья категория героев. Они вначале выступают как самые отрицательные личности, а на последних страницах очищаются от всех грехов и обретают черты положительных.

Подобный схематизм — следствие упрощенного анализа действительных противоречий. Издержки же, связанные с образным воспроизведением жизненных противоречий, не просто препятствуют реализации авторского замысла — они дают неверное представление о самих реальных картинах жизни, искажают диалектическую суть явлений действительности. Такие произведения не спасает никакая значительность темы.

Ш. Ташматов в своей интересной повести «Тень на рассвете» намеревался показать, что современные жизненные принципы несовместимы с религиозными догмами. Во многих местах, особенно там, где описывается приверженность главного героя Саидхана к религиозным обычаям и обрядам, писатель не противоречит правде. Однако трудно сказать, что в повести с достаточной убедительностью раскрыт источник заблуждений и ошибок Саидхана.

Саидхан, говорит писатель, не пьет, не курит, влюблен в свою профессию бухгалтера, отличный работник. Кажется, что он мог бы стать образцом для подражания, если бы не благоговейное отношение к религии.

Встречаются ли противоречивые личности, подобные Саидхану? Да, встречаются, хотя и не часто. Но в данном случае писатель не проникает во внут-

ренный мир героя, довольствуясь его характеристикой извне. Поэтому подлинного противоречия, борьбы противоположных начал в характере Саидхана нет, они не раскрыты художественно.

Когда описываются положительные черты Саидхана, Ш. Ташматов не скупится на исключительно светлые краски, а когда хочет показать в нем отрицательное, то в палитре писателя оказывается сплошь черный цвет. Такая строго разграниченная «пропорция» положительных и отрицательных свойств вряд ли правомерна. Она противоречит писательскому замыслу, который в целом жизнен. К тому же, «облегченный» финал повести — Саидхан без серьезной душевной борьбы отрывается от ислама, — как бы с помощью «волшебного слова» снимает все проблемы, поднятые в произведении.

Подобное решение конфликта свойственно и пьесе «Талуас» каракалпакского драматурга С. Ходжаниязова. Она близка повести «Тень на рассвете» не только по тематике, но и по трактовке. Однако в пьесе «Талуас», в отличие от повести Ш. Ташматова, главный герой выставлен в более отрицательном свете. Таубаем движет корыстная цель — любым путем обогащаться. Он не желает быть рядовым верующим и становится учеником ишана Избаскана. В финале пьесы Таубай исцеляется от всех пороков, перерождаясь в атеиста. Мало того, его примеру следует и Избаскан, его духовный отец.

Убедителен ли такой благополучный конец? Вряд ли. И вот почему. Драматург хочет убедить нас, будто герои (положительные) ведут напряженную борьбу. В действительности же они лишь произносят разоблачительные слова, направленные на то, чтобы сорвать маски с мулл и ишанов.

Читателю важно не сообщение о борьбе героев — а ее показ как движения большой, глубокой художественной мысли, освещающей основные черты характера, типа, образа.

В этом отношении и интересен, в частности, роман А. Мухтара «Время в моей судьбе». В начале своего жизненного пути Ахмаджан хочет жить безоблачной, легкой и безмятежной жизнью, ему кажутся неправыми те люди, которые видят счастье в преодолении трудностей. Но вот Аскад Мухтар ставит Ахмаджана с хозяевами жизни, подлинными создателями народных благ, и этим дает понять своему герою неправильность его взглядов. При этом писатель сумел передать суть жизненно реальных обстоятельств, которые помогают герою осознать свою неправоту.

Динамичность образно воспроизведенных жизненных противоречий обеспечивается изображением не только основных конфликтных узлов, но и правдивым воспроизведением второстепенных. Недостаточное внимание к вспомогательным конфликтам уменьшает силу драматической коллизии, отрицательно влияет на полноту реализации идейного замысла.

В начале повести А. Якубова «История одного фельетона» есть эпизод, рассказывающий о размовке Учкуну, одного из действующих лиц повести, и Матлубы, второстепенного персонажа.

Это, казалось бы, не имеет непосредственного отношения к основному стержню повести — пагубным последствиям появившегося в газете необоснованного фельетона, — но, если приглядеться пристальнее, выясняется, что второстепенный конфликт имеет много общего с главным конфликтом: и там и здесь содержится мысль о пагубности неверия в человека. Конфликты рождены по существу на одной и той же основе. Эстетический анализ прозрения был бы неполным и неубедительным, если бы писатель не выявил источник ошибки героя, что проявляется в отношении его к своей любимой.

К сожалению, порой даже в талантливых произведениях вспомогательные конфликты не дают такого эффекта. Изображение второстепенных конфликтов часто носит описательный характер. Этим грешат отчасти такие повести, как «Мои скровища» П. Кадырова, «Смятение» А. Якубова и даже такой интересный роман, как «Время в моей судьбе» А. Мухтара.

Слабость вспомогательных конфликтов этих произведений объясняется, видно, тем, что их авторы иногда переходят от одного факта к другому, от одного события к другому без психологической мотивировки. А без этого трудно достичь убедительной обрисовки жизненных явлений.

Разумеется, сущность конфликтов определяется характером противоречий. Однако художественный конфликт не фотокопия противоречий действительности. Между тем, именно эта мысль опровергается в работе молодого литературоведа Х. Хакимовой «Послевоенная узбекская комедия (К проблеме конфликта).»

Х. Хакимова пишет, что в узбекской драматургии, главным образом, встречаются два вида художественного конфликта: антагонистический и неан-

тагонистический. Ни словом не обмолвившись об эстетических основах этих конфликтов, исследовательница дает им общую характеристику:

«Конфликты, имеющие антагонистический характер, всегда строятся на столкновениях и борьбе противостоящих друг другу классов и групп. В песнях подобного характера конфликт бывает острым и напряженным, в результате такого конфликта одна из полярных сторон терпит полное поражение и окончательно компрометирует себя».

Неантагонистический конфликт, по мнению Х. Хакимовой, «проявляется, в основном, в столкновениях, противоречиях и расхождениях между людьми, относящимися к одному и тому же классу и социальной группе. В процессе развития жизненных противоречий неантагонистического характера конфликт разрешается не разгромом одной из противоположных сторон и уничтожением ее как классового врага, а разоблачением пережитков прошлого в сознании отдельных советских людей, критикой ошибок и недостатков в их деятельности, отступлений от норм коммунистической морали».

Если сопоставить эти формулировки с определениями, данными в марксистско-ленинской философии противоречиям общественной жизни, станет ясным, что между ними нет существенной разницы. Ведь и диалектический материализм учит, что антагонистические конфликты характерны для классового общества, основаны на враждебных, взаимоисключающих противоречиях, а неантагонистические «выражают противоречия не враждебных противоположностей, а также социальных сил и тенденций, которые наряду с противоречиями имеют общее в главном, коренном».

Слов нет, противоречия, определенные диалектическим материализмом, служат основой литературного творчества. Но художественный образ отражает их по-своему, выявляя в них эстетическую суть. Иначе его роль как своеобразного эстетического способа познания сведется на нет. А эстетическое освоение жизни имеет свои специфические особенности, законы и правила. Если исходить из этого, то вряд ли в литературном творчестве правомерно столь резкое разделение конфликта на антагонистический и неантагонистический.

Следуя рассуждениям Х. Хакимовой об антагонистических и неантагонистических конфликтах в литературе, невозможно определить, к примеру, характер конфликта «Священной крови», поскольку здесь переплетены различные антагонистические и неантагонистические противоречия.

Юлчи, главный герой «Священной крови», противопоставлен Мирзакаримбаю. Они непримиримы, поскольку первый защищает интересы бедных, второй — богатых. Но это противоречие выражает только политическую платформу двух борющихся сил. Для того, чтобы оно обрело художественные формы, Айбек представляет Юлчи и Мирзакаримбая живыми людьми, в чьих жилах течет кровь времени. Сущность времени можно и нужно объяснить антагонистическими или неантагонистическими противоречиями, в зависимости от характера того общества, в котором действуют герои. Однако такое определение-объяснение не адекватно художественному познанию действительности, которое основывается на эстетическом анализе социального типа, личности.

В характере Юлчи, если употребить термины Х. Хакимовой, переплетаются антагонистические и неантагонистические противоречия. Антагонистические потому, что он показан как представитель массы, противостоящей эксплуататорам. Неантагонистические — потому, что в его натуре заложены такие преодолимые, но не безвредные «болезни», как покорность, забитость и «классовая слепота».

С одной стороны, Юлчи сталкивается с баями и помещиками, с другой — со своими слабостями. Победа, одержанная им над своими врагами, одновременно есть победа над своей классовой несознательностью. И конфликт романа «Священная кровь» нельзя свести только к антагонистическому или только к неантагонистическому.

Впрочем, мнение Х. Хакимовой о «видах» художественного конфликта не ново. Оно высказано, в частности, несколько лет тому назад украинским литературоведом И. Киселовым. Однако его мнение было оспорено. Не согласилась с ним, в частности, Е. Горбунова, которая считает, что теория И. Киселова об «антагонистических» и «неантагонистических» конфликтах зиждется на внешнем понимании конфликта, что он фактически ставит «знак равенства между противоречиями действительности, послужившей материалом драматического произведения, и драматическим конфликтом». Жаль только, что и сама Е. Горбунова не всегда последовательно придерживается правильного взгляда. Она, в частности, утверждает, что в драме «противоречие накапливается, проходя последовательные стадии развития от простого различия до непримиримой противоположности, антагонизма». (Выделено мною — Н. Х.).

Правильная трактовка художественного конфликта означает многое, так как он является и средством, и одновременно содержанием идейного замысла.

„Подлинный конфликт всегда носит общечеловеческий характер, он втягивает нас в проблематику, в которой наше существование сначала кажется лишь объектом. Постепенно, в процессе развертывания захватившего нас конфликта, мы поднимаемся над сферой частного сами и выступаем как бы в качестве своего партнера, свободного от всего личного: мы становимся субъектом конфликта как личностью, в которой происходит большая, имеющая общечеловеческое значение внутренняя борьба».

В этих словах И. Бехера заключен глубокий смысл. Действительно, в подлинно реалистических произведениях личность выступает субъектом, но в то же время содержит общечеловеческий, объективный смысл жизни. Этим обусловлена борьба характеров, мыслей и тенденций.

Очень важно, чтобы эта борьба получила эстетическое освещение. Иначе она превращается в декларацию, в риторику.

Романы Айбека «Священная кровь» и «Навои», рассказы А. Каххара «Воры», «Гранаты», «Большая» явились открытием в художественно-литературной жизни Узбекистана потому, что в них и в других полноценных произведениях каждое столкновение героев, их мыслей, тенденций не просто отразило динамику жизни, ее сложность, богатства и противоречия. Они воспринимались как художественно преобразованная коллизия действительности, воспринимались как органически связанные, последовательные сцены из жизни. Без такой наглядной картинности, живости и реальности ни одно противоречие, ни одно осложненное драматическое событие не станет «телом и душой» художественного образа. Этого не хватает многим произведениям узбекских писателей. Кажется, что в иных повестях или романах конфликт развертывается не в художественной ткани произведения, т. е. борьба характеров, мнений и переживаний протекает не в мыслях, действиях и поступках героев, а где-то на стороне.

Если говорить по существу, то приходится признать, что многие «неполадки» в рыхлых, несовершенных произведениях так или иначе связаны со слабым, поверхностным художественным воспроизведением жизненных противоречий. Одни авторы рисуют героев светлыми и черными красками, противопоставляют их, но дальше не идут. Другие правильно подмечают противоречия в человеческих характерах, больших событиях и фактах, однако не подвергают их эстетическому анализу, а третьи умеют найти действительные трудности и жизненные препятствия, которые проявляют характер героя, но не могут соотнести их с определенным идейным замыслом. Во всех случаях не рождается драматическая коллизия, а без нее нет художественного конфликта.

Вредно также и упрощение жизненных противоречий. И в этом случае конфликт теряет свою значимость и перестает быть проводником авторских идей. Упрощение жизненных трудностей создает поверхностное представление о действительной борьбе характеров, мнений и переживаний, порождает иллюзию о том, что нет в жизни серьезных препятствий, все достигается легко, без усилий.

Но жизнь, действительность, как известно, сложна, диалектична, новое побеждает в ожесточенной борьбе с отживающим. И цель литературы — познать ее эстетически, запечатлеть как движение мысли, разглядеть и утвердить главную тенденцию этого движения.

УДАЧА УЗБЕКСКОГО РОМАНИСТА

Новый для русского читателя роман И. Рахима «Судьба»¹ написан рукой наблюдательного художника. У него свой, настойчиво подчеркиваемый «нрав» — способ вести рассказ. Образа рассказчика, который создавался, например, в повести «Хилола», здесь нет. Но автор постоянно и весело вмешивается в события, обращается к читателю, дружески ведет его по вечной и новой Бухаре...

Писатель очень любит особую точку зрения: смотрит герой, удивляющийся обыденному, как бы впервые видящий его. Хил — новичок на газовых промыслах, русские парни-газовики в первый раз видят Бухару и, вообще, Среднюю Азию; Сурханбай — беглец, вернувшийся на родину через полвека, — все они воспринимают окружающее обостренно и дивуются почти так же, как романтическая Оджиза, вообще впервые глядящая на мир, прозревшая и поражающаяся всему в нем как великому чуду...

И кажется нам, что «две точки зрения»: автора, близких ему главных героев и людей исключи-

тельной судьбы, впервые открывающих мир — они то и обусловили главные особенности романа.

Первая дала великолепное очерковое начало в нем, активное и простое изображение действительности, яркие картины работ в пустыне, связанных с разными процессами поисков и добычи бухарского газа, и, самое главное, жизненность и своеобразие центральных характеров романа — героев дела, большой цели. Вторая породила романтическую выпренность. Отсюда же, нам кажется, и неудачное название «Судьба». Ведь на самом деле И. Рахим утверждает: никакой судьбы! Никакого фатума — люди сами создают счастье, как, впрочем, и несчастья свои...

Деление романа на два «сектора» можно заметить без труда: творцы и деятели, соратники Бардаша Дадашевича и Яганы, жены его, и люди «судьбы» — связанные с ишаном, с не очень хитрыми его кознями. Деление это тем более очевидно, что при изображении разных «секторов» И. Рахим как художник выступает неровно.

Надо сказать, что деление это не свидетельствует об искусственности построения романа в целом. Все герои достаточно активно взаимодей-

ствуют и не все противостоят друг другу, как черное — белому...

Отказываясь от скрупулезно-точного изображения всех этапов добычи бухарского газа, автор в одном из лирических отступлений, мягко полемизируя с критикой, бывшей и будущей, утверждает: «Я иду не за газом, как бы он ни был бесценен, а за судьбой, пути же судьбы более прихотливы, чем прямые нити газопроводов. Догоняют свою судьбу мои знакомые, а я кружу за ними».

Итак, автор утверждает: люди прежде всего. Подумаем о них...

БАРДАШ ДАДАШЕВИЧ И ДРУГИЕ.

Начальник конторы бурения, инструктор обкома партии, потом парторг газопровода Бухара — Урал, Бардаш Дадашевич — личность незаурядная. Деловитость, бескомпромиссная принципиальность, активность партийца и большое гражданское достоинство... Черты эти — не анкетные данные, не декларированы, а показаны, проявлены в действиях, в раздумьях героя, в ироничной и живой речи его, в спорах по разным поводам.

Роман начинается с конфликта двух темпера-

1) «Дружба народов», 1966, №№ 1, 2. Авторизованный перевод с узбекского Дм. Холендро.

ментов, двух принципов, двух методов хозяйствования. Бардаш настаивает на необходимости структурной разведки газа — бурения системы мелких скважин, позволяющих точно определить запасы, избежать возможных неожиданностей, опасностей и просто лишних затрат. «Быстрота — не горячка, а мне предлагают горячку... Горячка далека от науки». Главный оппонент его — начальник треста Надиров, человек не менее сильный и горячий, но гораздо более честолюбивый и властный. Надиров жаждет скорейшего результата — пользы для родной Бухары, государства и, чего греха таить, славы.

Сын человека, в свое время повешенного по приказу эмира за открытие «адского огня», Бобир Надирович мечтает стать востатлином этого огня, создателем городов, хозяином пустыни.

«Газ был под его подошвами... Газ — новая энергия, веда, куда хочешь, делай, что хочешь, топи, грей, крути, режь, вари, шей... Он его достанет из-под земли и он его даст!

... Да, да... Больше вышек, больше скважин... Надиров летел над песками, как полководец.

Больше вышек! Телеграммы в Ташкент, телеграммы в Москву. Нарацивать удачу, пока она не остыла!

А оппоненты? Эх... кто боится, у того в глазах двоится...»

Однако торопливость, недостаточная теоретическая подготовка мешают победе над газом, ведут к тяжелой аварии.

Правота Бардаша Дадашевича становится очевидной не только для него.

Нужно заметить, что названные герои лучше всего изображены на «производственных координатах». Если судить по большому счету удач советской прозы, можно почувствовать, что с наз-

ванными героями связано не так уж много примет времени, прямой связи с событиями в стране и мире.

Но при всем этом, создание их, безусловно, — удача литератора. И отношения их, понятно, шире намеченной здесь сюжетной схемы. Конфликтуют люди живые, увлекающиеся делом и спором, порой правые и неправые оба... Так и Бардаш, в запальчивости, хватает через край. Верное замечание секретаря обкома: «Хороший управляющий трестом, руководитель» сопровождается репликой: «Плов он хорошо готовит...». Надиров и впрямь мастер плова. Но здесь в оценке его Бардаш явно неправ...

И пожалуй, споры по производственным проблемам, энергичные диалоги, живая и человечная, с ярким узбекским колоритом аргументация, опирающаяся на народную мудрость, — привлекательная особенность романа. В решение спорной проблемы газодобычи активно вмешивается и жена Бардаша — Ягана, дорогой его «Уголек».

Конфликт не очень новый. Заметим, однако, что ни вражда любящих сердец, ни, тем более, размолвка их по «производственному поводу» не кажутся нам поводом для пародии. Конфликт вполне реален, а у «супругов со стажем» и не смешон. Правда, автор, ощущая, видимо, некоторую «несвежесть» ситуации, замечает устами уминыцы Шахаба — друга и соратника Бардаша на всех жизненных этапах: «Производственное столкновение в семейном кругу. Кажется, это литературный пережиток каменного века?» Ироническое замечание это как бы должно повысить достоверность изображенной ситуации. Но дело не в «затертости» конфликта! Дело в том, что выступление Яганы против му-

жа недостаточно аргументировано. Она, поддерживая Надирова в обкоме, решает уехать. И немедленно, в ночь, не сняв праздничного платья и не вынув золотых колечек-сережек из ушей, забирает ключи от машины и уезжает, под горько-шутливую реплику Бардаша: «Я понимаю, вам давно нравятся Надиров...»

Еще раз подчеркиваем, что дело не в каущейся надуманности ситуации. Дело в том, что мотивировки поступка Яганы — а автор обращается к ним неоднократно — крайне прилизательны и противоречивы. Так, сначала она объясняет свое решение «воспитательными» целями: повысить решительность мужа. «Чтобы утолить жажду, нужно много воды. И много решимости, чтобы предотвратить беду. Пришла твоя пора — Ягана. Надо что-то сделать сейчас, немедленно».

Позже Ягана объясняет свое решение, которое Бардаш готов считать предательством, по-другому, но также неубедительно — страхом за мужа. Поэтому читатель видит в ситуации или досадное недоразумение — в лучшем случае, или специальный сюжетный ход, нужный, чтобы подчеркнуть полную самостоятельность женщины, равноправие супругов, их абсолютное взаимодоверие. К счастью, и отмеченные обстоятельства и исключительность семейных отношений: любовь детей, супруги долго отказываются от них — помешают работе — не лишают образ Яганы в целом достоверности и обаяния. Перед читателем милая автору новая семья, лишенная национальных предрассудков, воюющая с ними и любящая добрые традиции... Естественное внутреннее достоинство — его не надо «обнаруживать», комментировать в речи и поведении — сдержанность обоих в проявлении чувства,

вежливая уважительность, традиционное «Вы» даже в интимном обращении.

Много хорошего можно сказать и о молодой паре Рая — Куддуска, о становлении молодых рабочих-интеллигентов, оказывающихся «рыцарями» газа...

В сравнении с этими героями «фигуры» руководящих работников — секретаря обкома, главного инженера, русских и белорусских строителей газопровода выглядят бледновато, выступая в иллюстративно-функциональной роли.

В развитии центрального конфликта, в решении ряда композиционных задач заметную роль играет образ Хазратова, заведующего промышленным отделом обкома, посланного потом «на исправление» председателем колхоза.

Этот карьерист, трус, подловатый дипломат имеет и свое лицо, и методы провокаций. И, пожалуй, речь (иногда она, правда, носит печать безличной фольклорности). Читатель готов поверить в героя как в живое лицо. Не тут-то было! Чуть ли не с первой сцены автор раскрывает Хазратова, навязывает свое, резко отрицательное отношение к нему и, собственно, превращает его в фигуру условную. Мы не собираемся, понятно, устанавливать какие-то нормативы для тона, каким автору следует рассказывать о герое. Но думается, что здесь проявлен нередкий недостаток узбекских романистов: излишне активное навязывание отрицательного отношения к отрицательному герою. Что это? Возянь: а вдруг читатель не поймет зла в герое? Или неумение сдерживать своей антипатии в отношении к нему, хотя бы до тех пор, пока читатель не увидит героя сам? Да ведь будь Хазратов злодеем, по которому, как говорится, тюрьма плачет, и тогда

большая сдержанность автора в его оценке позволила бы читателю пережить образ гораздо глубже, отнестись к нему, как к подлинно... живому человеку. К тому же, автор, как и Бардаш Дадашевич, не выносит ему итогового приговора: «Верить, не верить» — жизнь покажет...

ХАЛИМ-ИШАН И ДРУГИЕ

Вторым композиционным центром романа стал образ Халим-ишана, профессора медресе, которому приходится выступать в роли мелкого делателя и жулика от религии.

С Халим-ишаном связываются люди трудной судьбы, с ним, в рамках закона, но энергично воюют Бардаш, разоблачая его «святых», его махинации перед народом.

«Святой прохвост», по аттестации автора, разъезжает по мазарам на «москвиче» с радиоприемником, обирает верующих и не хочет «уезжать в прошлое»...

С ишаном связаны различные иронико-публицистические страницы, позволяющие увидеть парадоксальность существования в наши дни этого «профессора» и его паствы.

Сделана попытка связать этот образ и с главными конфликтами романа, войти в его внутренний мир. Но в какой-то мере утвердив читателя в убеждении: ишан прохвост и спекулянт на религии, автор вдруг без подготовки показывает нам фанатика веры, противящегося лечению своей слепой дочери, любимой им, и воспринявшего ее прозрение как несчастье.

«Превращения» ишана психологически объяснены.

Такие «мгновенные обороты» происходят и с матерью Оджины. Причем, решение помешать прозрению дочери не может здесь объясниться случайной ситуацией, оно подается как дело решен-

ное. Она будет слепа, так велено аллахом (в которого не верят!)...

Когда встречаешься с историей Хиёла — «внука беженца и сына расстрелянного» — его побегом в пустыню, добычей волчат, жизнью в доме «провидца-ишана», этого блатмейстера мазара, с любовью к слепой дочери спасителя — подчас кажется, будто автору неважно, с какой степенью достоверности показаны эти истории. Вот пример: Хиёл, после побега с буровой, после недельного умирания от жажды и голода в пустыне (ведь не посылал же ему воды всевышний, а без нее — смерть в три дня) решает доказать, что он не трус — готовится сразиться с волчицей и разорвет ее логово...

В романе есть своеобразная «проническая баллада» о деде Хиёла, бежавшем после революции за границу, вкушавшего за несколько десятков лет «иностранного рая» и вернувшегося домой. Написана она с улыбкой и читается так же. Но вот автор включает Сурханбая в число действующих лиц, рассказ о нем приобретает гораздо большую плотность... И тернет достоверность. Поверить в быстрое «перевоспитание» этого человека, дающего уроки своему тестю, Хазратову, ставшего свинарем-энтузиастом (или наложившего на себя епимью?) — право же трудно.

Однако кончать эту статью критическими замечаниями было бы несправедливо: книга-то в целом хорошая!

И русский читатель благодарен переводчику Дм. Холендрю за то, что он помог ему ознакомиться с этим произведением Ибрагима Рахима, помочь увидеть не только яркий кусочек Бухары у Лябихауза, не только труд газопроходчиков: он помог в лучших образах встретиться с современником.

Бардаш Дадашевич и другие запомнились как

живые представители интеллигенции, современных рабочих Узбекистана. Они в одном строю с героями-современниками Ш. Рашидова, К. Яше-

на, А. Каххара, С. Азимова, Мирмухсина, Хамиды Гуляма, А. Мухтара, свидетельствующими о великих переменах на Советском Востоке. И

они — Бардаш, Ягана, Назиров — герои своего свидетельства, своих поступков, своей точки зрения.

Н. МАЛАХОВ.

„СТРАНА, УДИВИВШАЯ МИР“

В теплые сентябрьские дни 1958 года в Ташкент на конференцию писателей стран Азии и Африки прибыло около двухсот литераторов почти из сорока стран.

Большой делегацией была представлена Индия. В составе ее находилась и председатель Джайпурского отделения индо-советского культурного общества Л. К. Чундават.

Л. К. Чундават написала книгу о своей поездке в Советский Союз, которую озаглавила «По ту сторону Гиндукуша» (издана в Джайпуре на языке хинди).

На титуле книги посвящение: «Светлой памяти Великого Ленина и М. Ганди».

Писательница побывала не только в Ташкенте. Она посетила Самарканд, Москву, выезжала в колхозы, гостила в Казахстане. И везде она, все члены индийской делегации видели людей, занятых мирным трудом. Первое, что им бросилось в глаза — изображение белого голубя, символа мира, в Термезском аэропорту.

Вот что говорила госпожа Чундават в одном рабочем клубе: «С тех пор, как мы ступили на вашу землю, куда бы мы ни глянули, кругом видели полные любви глаза, приветствующие нас. Мы не понимали вашего языка, но ваши глаза говорили нам о ваших чувствах». И далее: «Ваша страна своим огромным строительством и прогрессом удивила весь мир». Эта мысль проходит через всю книгу.

«БОРЬБА НАРОДА — НАША БОРЬБА»

Госпожа Л. К. Чундават в своей книге рассказывает о работе конференции писателей стран Азии и Африки, приводит самые различные выступления делегатов. Она подчеркивает основную мысль большинства докладов: «Империалисты уничтожили культуру и литературу в тех странах, которые они покорили, и сегодня прилагают большие усилия, чтобы раздавить души зависимых стран».

На конференции царил деловая атмосфера. Здесь собрались люди разных убеждений, политической зрелости, из государств с различным уровнем эко-

номического развития. Поэтому, естественно, возникали между ними разногласия. И они преодолевались в результате встреч, откровенных бесед.

Автор приводит такой пример. По поводу включения в повестку дня конференции вопроса о борьбе с колониализмом и империализмом, мнения участников разделились, в том числе — и членов делегации Индии. Глава индийской делегации считал, что конференция должна быть посвящена обсуждению только вопросов культуры и литературы. «Что касается лично меня, то я всегда считала и буду считать, — пишет Л. К. Чундават, — что колониализм и империализм являются позором для человечества. И этот позор должен быть навсегда смыт с мировой арены. Не может быть никакой такой политики, которая бы смогла удержать нас в борьбе с колониализмом и империализмом».

В ходе конференции многие изменили свое отношение к этой, очень важной проблеме и пришли к единому мнению. Обращение участников Ташкентской конференции к писателям всего мира, принятое единогласно, с высокой трибуны было зачитано именно представителем индийской делегации. «Мы, писатели, — говорилось в этом Обращении, — собравшись здесь, в столице Узбекской Советской Социалистической республики, заверяем, что наша литература неразрывно связана с судьбой наших народов. Только в условиях, свободы, независимости, национального суверенитета может развиваться литература. Первой необходимостью для полного расцвета литературного творчества необходимо искоренение колониализма и расовой дискриминации. Колониализм, империализм и расовая дискриминация, кроме того, что отняли у нас свободу, богатство, бесцеремленно эксплуатировали, пытались, чтобы наши народы забыли свой язык, культуру, свое прошлое. Но это были напрасные попытки. Цель народа — наша цель, борьба народа — наша борьба».

Работа конференции оказалась плодотворной, она показала твердую решимость писателей бороться за счастье своих народов.

И госпожа Чундават заключает:

«Для того, чтобы понимать душу и особенности каждой страны очень нужна организация таких конференций. Работники литературы и искусства помогут установить подлинный и прочный мир».

«Я ВЕРЮ, ТАКОЙ ДЕНЬ ПРИДЕТ...»

В свободное от работы время делегация знакомилась с жизнью республики. «СССР называют государством рабочих и крестьян, — пишет автор, — там их власть. Человек, отправляющийся в СССР или желающий познакомиться с ним, прежде всего захочет встретиться и познакомиться с его рабочими и крестьянами».

Хотели этого и индийские писатели. Вскоре представилась возможность встретиться с рабочими: делегацию пригласили во Дворец культуры железнодорожников. Подробно описывает автор встречи с рабочими, среди которых была и женщина, «принимавшая участие в революции». «Сюда после работы приходят отдохнуть рабочие и служащие. Между ними нет никакой разницы. Служащие, занимающие высокий пост, и те, кто под их началом, сидят вместе, поют, играют... Если бы нам не сказали, что это рабочие, то мы сами ни за что бы не узнали: красиво одетые, веселые, улыбающиеся люди».

Советских читателей это высказывание, конечно, не удивит — для нас социальное равенство стало повседневным фактом. Но оно сразу же привлекает внимание человека, приехавшего из другого мира. И не случайно Л. К. Чундават, выступая перед рабочими, взволнованно говорила о том, что в этот момент она вспоминает индийских рабочих и думает, когда же они будут такими же жизнерадостными, счастливыми! «Я верю, такой день придет, и у наших рабочих будут свои Дворцы культуры, и на их лицах будет такая же радостная улыбка».

А вот ее впечатление о посещении музея истории Узбекистана: «Начинаешь ярко представлять, как сильно изменились советские люди за несколько десятилетий. Женщины, носившие чадру, сегодня водят автобусы и трамваи, поезда. На любом заводе можно увидеть женщин... Во всех областях жизни некогда отсталая Россия добилась удивительного прогресса. Эту истину признают все страны, и ее обязательно нужно знать».

Во время посещения колхозов делегаты еще раз увидели, как простые труженики искренне рады гостям из далекой страны — «Вместе пели песни, веселились у празднично накрытых столов». В книге подробно и объективно рассказывается о колхозах: об их структуре, о трудностях становления хозяйств (начинали свой путь, имея

всего 10 лошадей и несколько коров), о зажиточной жизни колхозников.

На делегацию произвели впечатление светлые и чистые дома колхозников, мощная сельскохозяйственная техника, механизированная молочно-товарная ферма.

Писательница с удовлетворением отмечает: дело не только в хозяйственном росте колхозов. Главный секрет успеха — в духовном росте людей-тружеников.

«СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ЖИВУТ СПОКОЙНО»

Большое место в книге «По ту сторону Гиндукуша» уделено «красивой столице красивого Узбекистана», с его «широкими, тенистыми улицами», встречам «с веселыми ташкентцами», достопримечательностям этого города.

Во время работы конференции в городе открылась книжная выставка, где большое место, наряду с книгами индийских писателей, переведенных на русский и узбекский языки, занимали книги об Индии, написанные советскими индологами.

Рассказывая о выставке, Л. К. Чундават тепло говорит о советском индологе, академике А. П. Бараникове, с именем которого связано изучение новейших индийских языков в Советском Союзе, с встречах с Чельшевым, Каюмовой, Чернышевым и другими советскими индологами.

Делегация побывала в некоторых московских и ташкентских школах, в которых дети с увлечением изучают языки хинди и урду — по учебникам, написанным местными авторами. В театрах гостям из Индии показали спектакли по произведениям индийских писателей — «Дочь Ганга», «Испорченный ребенок», «Белый лотос». Везде, куда бы ни пошли индийские делегаты, они видели, что «советские люди питают большое уважение и любовь к Индии. Крупные советские ученые занимаются изучением литературы, культуры, искусства, языка Индии».

Всем было интересно познакомиться поближе с жизнью узбеков, посетить их дома, побывать в их семьях.

Делегация была в гостях у многих узбекских тружеников. После этих визитов писательница заключает: «Семейная жизнь там (в СССР — Т. Х.) здоровая и красивая... Хотя и существует свобода вероисповедания, но научное обучение подорвало религиозную веру у людей... Безработицы нет и в помине. Нигде мы не видели голодных и плохо одетых людей. Советские люди живут спокойно, ибо работа, обучение, лечение, пенсия по старости — все это им гарантируется. По этой же причине люди не занимаются скопидомством, деньги тратят на развлечения, книги и свое хобби».

«ДУША РАДУЕТСЯ!..»

Автора книги «По ту сторону Гиндукуша» прежде всего отличает наблюдательность и объективность, Госпожа Чундават пишет: в СССР «уделяется большое внимание всем сторонам жизни. Они (советские люди — Т. Х.) проявляют такую же заботу о литературе и культуре, как о промышленности и сельском хозяйстве. Их библиотеки, вузы и балет так же хорошо известны, как известны своим прогрессом тамошние заводы и сельскохозяйственные фермы».

Разумеется, что госпожа Чундават, писательница по профессии, уделила особое внимание знакомству с культурной жизнью советского народа. Вот что сообщает она своим читателям: «В этой стране мы нигде не видели языковой дискриминации или разногласий на почве языка и культуры. Наоборот, следует сказать, что красивое, гармоничное соединение различных языков и культур позволило создать такое сильное государство. СССР в области литературы вышел далеко вперед».

Делегация посетила многие библиотеки страны, в том числе, «храм науки — МГУ». И везде видела бесчисленные книжные полки, на которых книги никогда не залеживались. «Библиотеки здесь занимают очень важное место... Все учреждения имеют свои большие библиотеки, каждый поселок, каждое село. В Узбекистане 3,5 тысячи библиотек... Повсюду в СССР книга и музыка считаются такой же необходимостью, как хлеб и одежда».

Большое впечатление произвела на делегацию публичная библиотека имени А. Навои со своим огромным книгохранилищем, где «в день выдается около 1000 книг». «Кроме того, — замечает далее писательница, — в личных библиотеках у людей много книг. Любовь к чтению и собиранию книг заслуживает похвалы. И эта любовь сделала СССР такой передовой державой».

Индийцам приятно было видеть, как большим уважением народа пользуются писатели в нашей стране. «Больше всего меня поразило то, что положение писателей и поэтов очень высокое. Их именами называются театры, библиотеки, улицы. Поэты и писатели пользуются самыми различными привилегиями... Секрет большого успеха СССР заключается не только в промышленном труде, но и в том, что ведут вперед творения деятелей литературы и искусства. Создатель Советского государства великий Ленин хорошо знал этот секрет, он сам был большим ученым, страстным писателем и хорошим оратором...»

Любовью и уважением, отмечает автор, пользуются не только современные поэты и писатели. Школьник, показывая памятник Навои, говорил госпоже Чундават: «Это наш национальный поэт». «Глаза его блестели, голова была гордо поднята. Я хорошо понимала этого

мальпша». «Каждая республика, — пишет далее автор, — сохраняет свои национальные традиции, в то же время считает себя неразрывной частью великого Советского Союза».

«ТАМ ТЕБЯ ОЧЕНЬ ЛЮБЯТ!»

Л. К. Чундават подробно рассказывает о старых культурных связях, существовавших между Индией и народами Средней Азии. Особенно тесными они стали в период правления в Индии династии Великих Моголов, основателем которой явился Бабура.

Писательница сообщает много сведений о личности Бабура, его трудах. Бабура «был узбеком, и, разумеется, узбекская культура и литература оказали значительное влияние на нашу страну, — отмечает автор. — В то время литературные, культурные и деловые связи между Индией и Узбекистаном выросли. Индия многому научилась у Узбекистана. Особенно сильное влияние испытала на себе северная часть Индии. Узбекская культура и некоторые узбекские слова стали для нас своими, и мы даже не подозреваем порой, наши это слова или заимствованные».

Во время поездки по Узбекистану и Казахстану писательница внимательно искала и находила много общего в жизни индийцев и народов Средней Азии. Эта общность проявлялась в музыке и танцах, в народных сказаниях, национальных играх...

Многовековые отношения Индии со Средней Азией были прекращены колонизаторами: «Англичане, — пишет Л. К. Чундават, — прервали эти связи, и мы стали чужими для своих соседей». И только после ухода англичан эти связи снова возобновились и продолжают укрепляться в наше время.

По дороге в Индию делегация остановилась в Кабуле, где посетила гробницу Бабура, который перед смертью просил похоронить его там, «где протекает вода, вьются виноградные лозы, цветут розы и поют соловьи».

Ирония судьбы! На его кладбище сейчас нет ни роз, ни соловьев.

И, глядя на гробницу великого правителя и поэта, госпожа Чундават думала: «Если бы те, кто тебя хоронил, пронесли твой прах чуть дальше, на твою родную землю, в Узбекистан, то там бы исполнилось твое желание: над твоей могилкой была бы построена красивая гробница, а поэты читали бы твои стихи. Там тебя очень любят! Бабура, по ту сторону Гиндукуша твой родной Узбекистан добился прогресса, стал могучей частью могучего Советского Союза. Там с большой любовью читают твою поэзию и «Бабура-наме». Там по всей стране цветут розы, поют соловьи и в каждом доме вьются виноградные лозы».

Хорошую книгу написала госпожа Чундават — честную, умную.

Т. ХАЛМУРЗАЕВ

У талантливого литератора (будь он даже сатириком!) — счастливая судьба: его считают «своим» не только в родном городе или республике, но и во всех уголках страны. Именно таким, «своим» и любимым автором уже давно является для меня, жителя Узбекистана, фельетонист Ю. Алексеев.

Настоящие заметки — не рецензия на конкретную книгу. Это отзыв о творчестве талантливого сатирика.

Главное свое внимание Ю. Алексеев сосредоточивает на анализе истоков отрицательного; отжившего, но еще встречающегося в нашем обществе. Многие его фельетоны посвящены обличению головотяпов, приспособленцев, хамов, консерваторов, угодников, проблемам воспитания, семьи, быта. У автора намечился оригинальный подход к решению этих проблем. Он своеобразен не только в разработке темы, но и в сатирическом ее воплощении. Особенно свежи, остроумны и жизненны его сравнения, говорящие о наблюдательности писателя. Порой они гиперболизированы и фантастичны... Высмеивая рьяно использующего свое служебное положение и. о. главного инженера, автор, назвав его безоружным налетчиком, пишет: «Скажи ему такое прямо в лоб, его от негодования вспучит так, что шурки на ботинках лопнут».¹

Или другой пример. В подхалимском угаре служащие завода искали повод угодить директорше. «Некоторые ведущие работники завода с настойчивостью пропавшего грибника выискивали хоть какой-нибудь заваливающий повод, дабы выразить директорше свою необузданную преданность».²

В произведениях Ю. Алексеева не встретишь заштампованных способов сатирического решения темы. Автор умеет в каждом отдельном случае найти действенные приемы обличения.

Остроумны у Ю. Алексеева параллели. Читатель, например, узнает, что в некоем районном Доме культуры дали представление халтурщики. Неловко было ротозеям, приветствовавшим халтурщиков, когда выяснился неслыханный обман. Автор проводит забавную параллель «Есть в Америке «балаганы приятных сюрпризов». Платишь двадцать центов, входяшь в зал, и дверь захлопывается. Тогда выходит из полумрака здоровенный детина, бьет тебя по физиономии боксерской перчаткой и выкидывает через другую дверь.

— Ну как? — спрашивают непростившиеся.

— О, вери гуд»!³

¹ Ю. Алексеев. Безоружные налетчики. «Крокодил», 1962 г., № 20.

² Ю. Алексеев. Русалка с гириями. Сб. «Пляшущие человечки».

³ Там же.

Фельетонист оригинален и в обрисовке героев. Воссоздавая портреты, он делает резкие, грубоватые, гротескные мазки: «В столичных Сандунах стоят в предбаннике белохалатные Добрыни Никитичи с шарикоподшипниковыми глазами. Об эти стальные глаза разбиваются всякие надежды скромного служащего утешаться своими пятнадцатипроблемными штанами на свободное место.

— Нельзя! Занято! — ревет Добрыня».¹

Гротеск дает возможность автору раскрыть изъяны духовного мира персонажа: «Но вот входит дядя в тройке индиошва с баулом из кожи нильского владыки, — и какая же чудная трансформация совершается с Добрыней! Шарикоподшипники превращаются в вилжир, источающий натуральный липкий сок. Выставив губы на вершок, Добрыня любовно сдувает пылинку с многообещающего клиента и ведет его на место, словно невесту с приданым».²

Характерна изобразительная манера Ю. Алексеева. Вот чванливый футбольный болельщик с портфелем. Чиновник «с лицом серым и непроницаемым, как у статуи в районном парке, молчит всю игру. За пять минут до конца он складывает шляпу вчетверо и, массируя чужие мозоли, на прямых ногах шагает через ряды».

Сатирик умеет подобрать необходимые слова, чтобы герой предстал перед читателем в комическом плане. Бывший бухгалтер крадется к жене, фиктивно брошенной супруге. Он боится, что его заметят. «В подъезде он снял свои скрипящие башмаки и, припав кая на холодных ступенях, взвился на верхний этаж».³

Фельетонист не всегда воспроизводит детали портрета. В отдельных произведениях портрет воссоздается бегло, суммарно. К зубному врачу, пишет автор, пришел молодой человек, «ростом под два с мелочью... На лице новоприбывшего виднелась печать нечеловеческих страданий. Можно было подумать, что жена устроила ему сцену, во время которой нагрянул агент по страхованию жизни. Но это только казалось. На самом деле жены у молодого человека еще не было, а страховой агент обходил его холостяцкую комнату стороной, так как ее владелец занимался альпинизмом».⁴

Фельетонист искусно вскрывает нутро сатирического персонажа. Высмеивая

¹ Ю. Алексеев. Бронейная клюка. «Крокодил», 1962 г., № 15.

² Ю. Алексеев. Бронейная клюка. «Крокодил», 1962 г., № 15.

³ Ю. Алексеев. Мотыга. Сб. «Пляшущие человечки».

⁴ Ю. Алексеев. Сила внушения. Сб. «Пляшущие человечки».

голая, он передает его торопливость, годническую взволнованность: «Директор Ботос страшно разволновался. Ведь наказ совнархоза был прост, но суров: — Разбейся в доску, а сделай!

В доску, в доску! — тоскливо прошептал директор и, вдохновенно прошептал, выскочил за ворота завода. А там у входа была доска. Мощная, мемориальная, с выбитой золотом надписью: «Первый в мире механизированный камнерезный завод, основанный в 1802 году Ф. В. Стрижковым».

Стрижков, понятно, молодец. Основал. Изобрел камнерезные станки. И когда! За десять лет до нашествия Наполеона! Орел, умелец, самородок, но не начальник».¹

Гипербола — активный прием в фельетонах Ю. Алексеева. С помощью ее автор заостряет внимание читателя на абсурдности того или иного явления. «Едет! Товарищ из центра едет в Кузбасс!» Слух без труда одолел низкорослый Уральский хребет, переплыл мощную Обь и, погуляв самую малость по

центральной площади Кемерова, проник в Совнархоз».¹

Фельетоны Ю. Алексеева отличаются четким и незаштампованным композиционным рисунком. Удачны и его новеллы, разнообразны подачи сатирического «материала» (совещание, интервью, документальное свидетельство, судебный процесс.) Но наиболее эмоциональны фельетоны-обозрения. Это не простые описательные ревью, а последовательный анализ порочного явления на базе многих жизненных фактов («Пансионат на клюкве», «Докторское адажно», «Бронебойная клюка», «Безоружные налетчики» и др.).

Легко и увлекательно ведет повествование фельетонист. С самого начала оно захватывает читателя. Фельетоны Ю. Алексеева искрятся свежим юмором, отличаются удачными сатирическими находками. «Тропою смеха...» — так именуется последний сборник его фельетонов. Название символично. Молодой автор по «тропе смеха» выходит на большую сатирическую дорогу.

Н. КЛИМОВ,
г. Фергана.

¹ Ю. Алексеев. Кемеровский каравай. «Крокодил», 1965 г., № 6.

¹ Ю. Алексеев. Кемеровский каравай. «Крокодил», 1965 г., № 6.

УСТА УМАР

Случалось ли вам видеть Самарканд ранним летним утром?

Одна из центральных магистралей города — Регистанская, оживленная и шумная днем, только-только просыпается в эти утренние часы. Пустынна площадь Регистан. Еще не появились на ней толпы неутомимых туристов. Нельзя отказать себе в удовольствии пройтись одной по пустынному, выложенному гранитными плитами дворику медресе Улугбека и Шир-Дор.

Гулко отдаются шаги под древними прохладными сводами. В лучах утреннего солнца тысячами оттенков переливается ослепительная лазурь минаретов. Как будто только вчера выписанные искусной кистью древнего мастера застыли в вечном движении львы, устремившиеся за белыми ланями на фронтоне медресе Шир-Дор. Если на минуту закрыть глаза, то надо совсем немного воображения, чтобы услышать звуки древнего города. Протяжное пение муэдзина, сзывающего с минарета мусульман на молитву. Разноголосый шум базарной площади — крики разносчиков, хлопанье бичей, скрип повозок. Можно при желании представить себе пеструю сумятицу толпы в бесконечных торговых рядах. И множество плоских глиняных крыш, как бы придавленных величием куполов и минаретов.

Табличка у входа в медресе Шир-Дор сообщает, что медресе было построено Ялангушем, сыном Улугбека, предательски убившим отца. Своим роскошным подарком аллаху царь-отцеубийца старался замолить свои грехи. Сколько еще тайных преступлений, легенд и преданий таят в себе эти своды, и по сей день приводящие в изумление своей неповторимой красотой и монументальностью!

Стало традицией начинать рассказ о Самарканде с упоминания о памятниках древней архитектуры. И сейчас я поняла, почему так трудно отступать от этой традиции.

Давно изменился облик древнего Самарканда. Канули в прошлое, сохранившись лишь в немногих преданиях, рассказы о кровавых делах восточных владык. И эти величественные стены стоят теперь как вечно живой памятник человеческому гению, памятник искусству древних зодчих, художников, керамистов, ваятелей.

Проходили столетия. Время оставляло на древних памятниках Самарканда свои разрушительные следы. Осыпалась уникальная керамическая мозаика, блекла красочная роспись. Только огромная, кропотливая, каждодневная работа советских реставраторов помогла сохранить для потомства произведения безымянных народных творцов. Благодаря умению и таланту современных узбекских мастеров вновь заиграла глубокая глазурь на минаретах Регистана, вспыхнула яркими красками роспись купола Гур-Эмир и мавзолеев Шах-и-Зинда.

Неподалеку от стен мавзолеев Шах-и-Зинда не каждый прохожий заметит скромную калитку с табличкой: «Цех керамических изделий».

Поднимитесь по лестнице на несколько ступенек, и вы попадете в небольшой, увитый виноградом дворик. Прохладный хауз, перед ним низенькое незвразное строение — это и есть «цех». Если вы уже вошли в здание, остановитесь на пороге, пусть глаза привыкнут к полумраку. Внимательно осмотритесь кругом. Что это?

Дракон с прихотливо закрученным чешуйчатым хвостом и оскаленной пастью словно спустился на полку из узбекской народной сказки. Рядом еще один — он подобрался всем своим пружинистым телом, готовясь к прыжку. А этот уставился на него свирепыми круглыми глазами. Десятки страшноватых и забавных существ смотрят на вас с длинных дощатых полок.

По соседству — совсем другой сюжет, другое настроение. Маленький верблюжонок прильнул к верблюдице, а она склонилась над ним, вся воплощение нежности и материнства. Рядом — стройное, в стремительном порыве тело джейрана. А вот еще фигурка в большой белой чалме — длинная тонкая шея, крючковатый нос, жидкая борода — слугитель аллаха, ишан, полный лицемерия и алчности. Причудливая рыба-сосуд с широко раскрытым ртом. Выстроились в ряд узкогорлые кувшины для вина медовых и темно-коричневых оттенков с изящными резными ручками — так и кажется, что поблескивает в них ароматный прохладный напиток.

Добрый, чуть озорной волшебник, творец этого чудесного мира, сидит в старенькой рубаше, бесшумно вращая босыми ногами старинный гончарный круг. У волшебника лицо мудреца, небольшая седая борода и живые с хитринкой глаза. Имя его — Умар Джуракулов, народный художник Узбекистана по керамике.

Впрочем, ученики его — Абдурахман Мухтаров и Мамур Насыров, мастерская которых здесь же рядом, зовут его просто и уважительно — «уста», «мастер».

Наблюдать за его работой можно часами. Вот берет он из большого чана кусок мягкой маслянистой глины. Бросает на круг. Еле заметным движением ноги приводит в действие нехитрый станок. И на ваших глазах под руками мастера бесформенная глина приобретает вполне конкретную форму. Ежеминутно, как живая, меняет она очертания.

Бесчисленное множество форм таит в себе кусок глины. Трудно угадать, какую из них выявит сейчас мастер. Здесь проявляется безошибочное художественное чутье умельца, великолепное знание материала. Едва уловимые бережные движения чутких пальцев — и через несколько мгновений мастер уже снимает с гончарного круга кувшин строгой благородной формы.

На широкой деревянной лавке рядом с уста Умаром выстроились

в ряд недавно сошедшие с гончарного круга вазы для цветов, касы, кумганы, блюда. Одинакового серовато-желтого цвета. Это модели. Немало таланта и умения еще вложит в них мастер, прежде чем они превратятся в художественные изделия.

Я интересуюсь, где можно увидеть остальные работы Умара-ака, ведь так много создано им за долгую жизнь. Часть изделий,— рассказав мастер,— выставлена в Доме художников Самарканда, часть хранится в его домашней мастерской. Если мне хочется посмотреть — пожалуйста, могу прийти в гости.

На следующее утро я иду по длинной извилистой улице Иттифок, что находится в старой части Самарканда.

Типичная улица восточного города — двухэтажные глиняные дома по обе стороны узкой мостовой, плоские крыши. Чайхана, примостившаяся у подножия старинного полуразвалившегося здания, похожего на маленькую мечеть. Седобородые старики в белых чалмах уже с утра сидят здесь, неторопливо потягивая чай, степенно беседуя о том, о сем. С самого утра жарко припекает солнце. Улица почти безлюдна. И только неожиданно вывернувшийся из-за угла в грохочущей машине-«ракете» малыш возвращает вас в двадцатый век.

Вот и Иттифок, 90. За глинобитным забором шумит сад. Каменный фронтон над воротами украшен керамическими плитками. Стучу. Почти сразу калитку открывает быстроглазая девочка лет десяти с длинными черными косичками. Здесь, наверное, уже знают о госте — девочка радостно и торопливо говорит: «Проходите, дедушка вон там»,— и машет рукой в сторону терраски, увитой виноградом.

Через несколько минут я уже сижу за утренним дастарханом, у которого собралось все семейство мастера Умара — его жена, сын — секретарь Самаркандского обкома партии, невестка, которая, как я узнала, работает учительницей, четверо черноглазых ребятшек — внуки.

Солнечные блики скользят по яркому паласу. В винограднике возятся воробьи. У прохладного хауза негромко гомонят дети. Неторопливо ведет Умар-ака рассказ о своей жизни.

300 лет назад в Самарканде, на этом самом месте, в маленьком глиняном домике поселился с семьей Науруз-гончар. С большим искусством выделывал он большие кувшины для воды, блюда. Особенно славились его касы — большие пиалы для еды. Поэтому и прозвали гончара Науруз-касагор. Вместе с глиняным домиком перешло в наследство к его сыну Одина и гончарное ремесло. Так же, как и отец, провел Одина долгие годы за гончарным кругом. Отвозил свои изделия на базар, тем и кормилась семья. И сын Одины, Кузи, был гончаром. И сын Кузи, Кабил, был гончаром. Ремесло отца и дедов унаследовал и Джуракул — отец Умара.

Первыми игрушками маленького Умара были глиняные безделушки, сделанные отцом. Когда малышу исполнилось восемь лет, он стал первым помощником в отцовской мастерской. А к шестнадцати годам уже владел ремеслом не хуже отца — его изделия пользовались не меньшим спросом. Не кончал Умар ни художественных школ, ни академий. Расписывал свои блюда и чаши нехитрым узором, чтобы радовали они глаз, украшали скромное жилище бедняка.

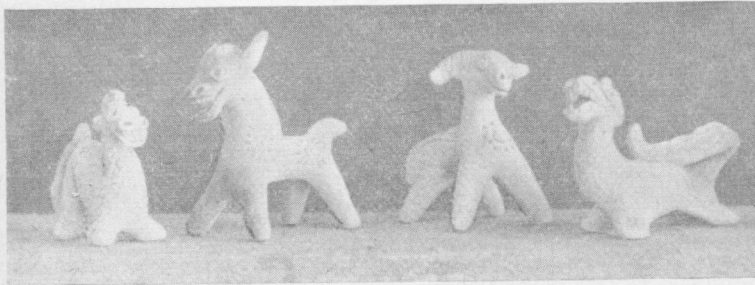
Не придавал Умар особого значения своему увлечению — ремесло как ремесло. Одни пахут землю и сеют хлопок. А вот он, Умар, делает разную глиняную посуду, так уж пришлось в жизни. Иногда, если бывало настроение и время, он подолгу сидел над каким-нибудь блюдом, трудился над орнаментом. Или покрывал резьбой ручки и крышки кувшинов. Нравилось ему и лепить из глины разные фигурки.

С приходом Советской власти в Самарканд Умар записался в

гончарную артель. Делали они там самые простые изделия, необходимые людям в хозяйстве.

А между тем шел тысяча девятьсот двадцать девятый год.

И вот пришел день, который многое изменил в жизни Умара-гончара. Представители новой власти, у которых и без того было дел по горло, заинтересовались его скромным ремеслом. Да настолько, что пригласили Умара участвовать в выставке народно-прикладного искусства. Его блюда, кувшины, фляги были выставлены в большом светлом зале вместе с изделиями других узбекских умельцев. Сотни людей приходили смотреть эти изделия. Умар видел радость в их глазах. Он понял тогда: простое блюдо, если в него вложить душу, может стать источником радости для человека.

Умар Джуракулов получил за свои работы диплом второй степени. А некоторое время спустя поехал с делегацией художников Узбекистана в Ригу, чтобы посмотреть, как трудятся народные умельцы далекого и совсем незнакомого ему края.

Очень понравились Умару изделия латышских мастеров. Позавидовал он высокой культуре керамического дела, оборудованному современным машинами заводу. Больше всего удивила Умара проектная мастерская при заводе, где художники создавали эскизы, а особенно удачные пускали затем в производство.

Привез он в Латвию и свои работы. Рижские умельцы восхищенно рассматривали неведомые им ранее хумы, блюда, расписанные национальным узбекским орнаментом. И пожалели, что не привез с собой мастер Умар эскизы и инструменты, которыми он работает.

«У меня все с собой», — ответил им узбекский мастер. — Эскизы здесь, — он прикоснулся пальцами к голове. — А инструменты — вот они», — и протянул вперед обе руки.

...Вспоминая тот разговор, впечатление, которое произвел его ответ на рижских мастеров, уста Умар, довольный, смеется.

Он вспоминает трудные годы Великой Отечественной войны.

Многие предприятия в тылу закрылись — все было поставлено на службу фронту. Но людям по-прежнему были нужны обувь, ткани, посуда. В условиях сурового военного времени артель, в которой работал Умар-ака, превратилась в небольшой керамический завод. Не хватало рабочих рук. Все молодые и здоровые парни ушли на фронт. И Умар-ака обучил своему, покоен веку считавшемуся неженским, ремеслу около трехсот девушек. Забыты расписные блюда, чаши и вазы. Умар-ака и его бригада выделывают тарелки, миски, пиалы, очень дешевые, доступные каждой семье...

А однажды (это было уже после войны) Умар-ака отпер свою ма-

стерскую. Провел пальцем по густому слою пыли, покрывшей блюда. Словно ласковый глазок, проглянула густая синева.

«Ну, здравствуйте!»...— сказал мастер старым знакомым, притаившимся на полках.

Опять после работы в артели спешил Умар-ака в свою мастерскую. Жизнь входила в мирную колею. Люди снова хотели смеяться, радоваться прекрасному. А значит — нужен был им его труд художника.

Много лет прошло с той поры. Керамические изделия мастера Умара получили широкую известность, разошлись по всей республике, поселились во многих домах. Сам Умар-ака стал одним из самых уважаемых в Самарканде людей. Правительство наградило его почетным званием народного художника республики. Самые уникальные и свое-

образные его работы путешествовали теперь не только по выставкам нашей страны, но и далеко за ее пределами, увеличивая за рубежом славу советского народного прикладного искусства.

...Я прошу мастера показать некоторые работы далеких лет, если они сохранились, конечно, и самые последние его изделия. «Есть, есть», — кивает головой Умар-ака.

Одна из комнат дома отведена под хранилище керамики, созданной мастером за долгие годы. Я иду словно по удивительному, ожившему миру сказки.

Умар Джуракулов — художник яркой и цельной индивидуальности. Его творческая лаборатория — это мир, который окружает его с детства, который он глубоко любит и знает. Отсюда нежность, мягкость и лиричность его дарования. В росписи его блюд, кувшинов, ваз — все оттенки, все краски родной узбекской природы, подмеченные чутким глазом художника. Здесь и пронизанная солнцем зелень плакучей ивы, и серебристо-зеленоватые оттенки джиды, и ласковая белизна хлопка, и глубокая синева самаркандского неба.

Непревзойденными образцами мастерства уста Умар до сих пор считает древнюю керамику, которой так богаты памятники Самарканда. Вот почему так часто Умар Джуракулов обращается к фольклору. И тут проявляется богатая фантазия художника, его тяготение к скульптуре. Носики сосудов изображают то соловья, то сказочную птицу. Богат мир реальных и фантастических животных и птиц в его свистульках и игрушках.

Мое внимание привлекает блюдо, в орнамент которого вплетается арабская вязь. Спрашиваю, что это за надпись. Умар-ака, смущенно улыбаясь, отвечает, что это стихи. Его стихи. Короткие, правда, из трех-четырех строк. Какие стихи можно написать на блюде, которое предназначено для ароматного плова? Или на кувшине, который так и

просится быть наполненным вином? Ну, конечно, веселые эпикурейские строки, от которых плов покажется еще вкуснее, а вино еще хмельнее!

Многие из работ, которые я теперь вижу, были показаны несколько лет назад в Москве на персональной выставке народных художников республики Татевосяна и Джуракулова. Тысячи людей познакомились с творчеством мастеров узбекского искусства. Уста Умар показывает мне копию книги отзывов, которую ему прислали из Москвы. Нет для него дорожке награды за многолетний труд, чем слова этих сотен незнакомых людей, полные восхищения и добрых пожеланий.

Я не могу не удержаться, чтобы не привести здесь некоторые из этих коротких отзывов.

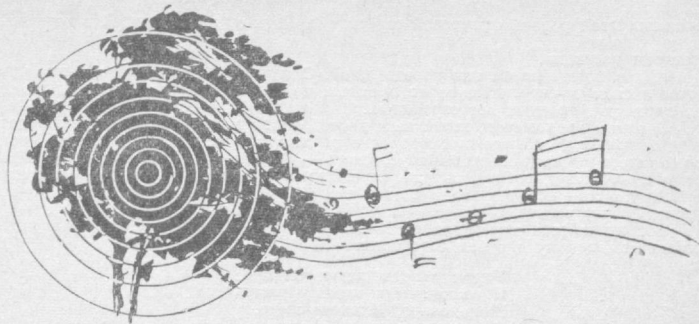
«Самое лучшее — керамика. Чашечки — как кусочки солнечного света, кувшины — как сгустки вечерней прохлады, каждый кусочек глины дышит и поет».

А вот еще: «Керамика Умара Джуракулова замечательна, она полна жизни и света».

А этот отзыв — просто стихотворение в прозе: «Если из праха Омара Хайяма действительно сделали кувшины для вина, как он это предвидел, то кувшины Умара Джуракулова достойны праха великого поэта!»

Абдурахман Мухтаров и
Мамур Насыров — талантли-
вые ученики старого мастера.

С. САВЕЛЬЕВ

Биография песни

Вот уже третий год круглые сутки, через каждые полчаса, звучат по радио хорошо знакомые всем позывные «Маяка»: первая музыкальная фраза популярнейшей, ставшей поистине народной песни «Подмосковные вечера». Вряд ли нужно напоминать ее слова, — их знает каждый в нашей стране, от мала до велика. Да и только ли в нашей стране!

Довелось ли вам видеть вышедший не так давно мультипликационный фильм «Песня летит по свету», созданный по сценарию Юрия Яковлева режиссером Анатолием Карановичем?

На экране — милый, родной сердцу советского человека пейзаж Подмосковья: березки, сосны, ели, тихий, задумчивый лес. И — двое влюбленных: парень с гармошкой и девушка с полевой ромашкой в руках. Медленно растягивает меха гармони и напевает парень, медленно и плавно плывет мелодия «Подмосковных вечеров». Восхищенно слушает ее сидящий на ветке соловей...

Наступает осень. Потянулись в небо караваны журавлей, летящих в теплые края. Вслед за ними улетает и соловей...

Вот он уже в Африке и «разучивает» «Подмосковные вечера» с одной из тамошних птиц. Их слышат, им подтягивают на своем родном языке сидящие под деревом у реки молодые негры — парень и девушка. Проходит минута, другая — и отражение в воде поющей негритянской пары сменяется другой. Теперь «Подмосковные вечера» поют парижанка и парижанин. Затем — эскимосы, затем — молодые жители четвертой, пятой, шестой страны... По небу, по воде вдоль берегов рек и озер летит, перекачивается по белу свету наша русская песня. То на одном, то на другом конце планеты, то на одном, то на другом языке звучат полюбившиеся миллионам людей разных народов «Подмосковные вечера»:

Не слышны в саду даже шорохи,
Всё здесь замерло до утра...
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера...

А знаете ли вы историю рождения этой песни? Нет? Тогда послушайте.

1.

Я начну немного издалека.

В 1965 году, когда вся страна готовилась отпраздновать двадцатилетие нашей победы над гитлеровскими захватчиками, я отправился в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина в Москве. Захотелось перелистать

страницы моей родной фронтовой газеты «За Родину», выходявшей в годы войны на Северо-Западном фронте, — я работал в этой газете ответственным секретарем редакции.

И вот подшивки газеты передо мной. С каким-то непередаваемым чувством листаю я потускневшие от времени, но еще хранящие живое дыхание тех суровых и грозных лет страницы...

В одном из номеров, вышедшем весной сорок второго года, встречаю давно уже, конечно, забытое стихотворение работавшего всю войну в нашей фронтовой газете поэта Михаила Матусовского — «Песня об Ильмень-озере». Пробегаю его глазами, собираюсь уже перевернуть страницу, но что-то — сам еще не пойму, что — останавливает в этом стихотворении мое внимание... А ну-ка, думаю, прочту еще раз.

Вот читайте в «Песню об Ильмень-озере», и вы, очевидно, сразу же догадаетесь, почему я о нем заговорил:

Утром заводи подморозило,
И раскинулось вдаль и вширь
Наше озеро, Ильмень-озеро,
Словно северный богатырь.

От лесов и рек веет славою,
Не сдадут ее никогда
Белоснежные, златоглавые
Древнерусские города.

Сердцу нашему всё здесь дорого —
Сосны вечные да снега.
В битву поднялись против врага
Ильмень-озера берега.

Догадались? Так это же, можно сказать, первый набросок, «прообраз» столь знаменитых ныне «Подмосковных вечеров»! Та же интонация, ритмика, мелодика. Не правда ли, очень все похоже?

Но ведь «Подмосковные вечера», написанные, как известно, тем же поэтом Михаилом Матусовским, появились гораздо позже, чем «Песня об Ильмень-озере»!

Я был так удивлен и даже несколько озадачен этим своим неожиданным «открытием», что вечером того же дня зашел к моему фронтовому другу Михаилу Матусовскому, вместе с которым мы прошагали почти четыре года по дорогам войны.

Произошел довольно любопытный разговор.

— Миша, в каком году ты написал свои «Подмосковные вечера»?

— В каком?.. Дай бог памяти. Да уже довольно давно... В пятьдесят седьмом году. Эта песня была написана для кинофильма «В дни Спартакиады». Участники Всесоюзной спартакиады жили, тренировались, отдыхали накануне предстоящих им трудных состязаний в подмосковном лагере. Я побывал там, надыхался чудесным подмосковным воздухом, набрался впечатлений и, вернувшись домой, к письменному столу, довольно быстро написал эту песню. Честно говоря, я и не предполагал тогда, что нехитрые ее слова вдохновят моего друга композитора Василия Павловича Соловьева-Седого на создание такой чудесной мелодии к тексту и «Подмосковные вечера» приобретут такую славу...

— Как ты знаешь, — продолжал Михаил Матусовский, — я объездил добрый десяток зарубежных стран, и где только я ее не слышал... Приятно было, разумеется... А Василий Павлович Соловьев-Седой особенно горд тем, что первая фраза мелодии этой песни стала позывными радиопрограммы «Маяк», что «Подмосковные вечера» играл в первый свой приезд в Москву замечательный американский пианист, лауреат Первого Международного конкурса пианистов имени Чайковского в Москве Ван Клиберн. Да и десятки других приезжающих в нашу страну зарубежных музыкантов и певцов неизменно исполняют «Подмосковные вечера», как бы выражая этим свои симпатии к советскому народу.

У Василия Павловича, да и у меня, есть даже несколько подаренных нам этими зарубежными певцами, певицами, пианистами пластинок с записью «Подмосковных вечеров»... И поверь, популярность, народность этой песни — лучшая для нас обоих награда!

— А читал ли ты в «Известиях», — смеясь, спросил Матусовский, — что врач-психиатр приезжавшей к нам в Москву сборной бразильской команды футболистов доктор Гослинг попросил прислать ему пластинку с «Подмосковными вечерами»? Не только потому, объяснил он, что сам любит эту песню, но и потому, что, как решил доктор Гослинг, «Подмосковные вечера» помогут, мол, его футболистам психологически настроиться на матч с советской командой... Забавно, не правда ли?

Я поинтересовался, где именно за рубежом пришлось поэту слышать «Подмосковные вечера».

— Где? Однажды — в Гвинее; другой раз — в японском ресторане «На дне», названном так в честь известной пьесы Максима Горького; потом в той же Японии, по дороге из Киото в Осаку, в туристском автобусе (причем люди, певшие эту песню, и не знали, что среди них сидит один из ее авторов); и даже в самолете, летящем над Индией. А впервые за границей я услышал свою песню спустя два года после ее рождения. И это так меня тронуло, что я тут же написал стихотворение, которое так и назвал: «Встреча с песней». Знаешь его?

Я знал это стихотворение — одно из лучших, на мой взгляд, стихотворений Матусовского, — но, почувствовав, как взволновало моего друга воспоминание об истории рождения «Встречи с песней», попросил прочитать его от первой до последней строки. Пользуясь случаем, воспроизвожу текст «Встречи с песней» для читателей «Звезды Востока»:

Шел над крышами над наклонными
Заграничный унылый дождь,
Облачившись в свой нейлоновый,
В свой сверкающий макинтош.

Он струился ручьями тонкими,
На асфальте смывая след,
Над бензиновыми колонками,
Над рекламными сигарет,

Над какой-то согбенной хижинкой,
Чуть светящейся в темноте,
Над какой-то кокеткой стриженной
Из соседнего варьете.

Вереницами шли прохожие,
И взлетали из темноты
На летучих мышей похожие
Перепончатые зонты.

Я шатался пустыми скверами,
Я форсировал сотни луж,
Черт занес меня в эту серую,
В европейскую эту глушь.

Душно в номере — спать не хочется,
Сердце стиснула пятаeria.
Всею глыбой одиночество
Надвигается на меня.

Вот тогда-то в далеком городе
И запели вдруг рупора:
«Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера».

И внезапно бодря и радуя,
Вдруг повеяло все сильнее
Среднерусской грибной прохладой,
Разнотравьем июльских дней.

Будто юность опять аukaлась,
Подавая мне голос свой, —
Как в Малеевке или Внукове,
Или в Щелкове — под Москвой.

Дождь, как пленка, мерцающая титрами,
Шел по улице вкривь и вкось.
Здравствуй, песня моя нехитрая,
Вот где встретиться нам пришлось!

С кем вдвоем эти ночи поздние
Коротала ты у огня?
Под чужими скупыми звездами
Как жилось тебе без меня?

Так далеко от края отчего,
Верный путь находя во мгле,

Без содействия переводчиков
Песни странствуют по земле...

Каждой строчкой и каждой фразой,
Всем, что в сердце у нас живет,
Мы тебе одному обязаны,
Лучший песенник — наш народ.

Знаю, хвастать сейчас не вправе я,
Знаю, голос мой очень мал.
И, поверьте, не из тщеславия
Эти строки я написал.

Просто в сумрачном этом городе
Неуютная шла пора.
Просто были мне очень дороги
Подмосковные вечера.

2.

А теперь вернусь к нашему диалогу с Матусовским.

— Так ты утверждаешь, — сказал я, — что написал «Подмосковные вечера» в пятьдесят седьмом году, то есть десять лет назад? Не так ли?..

— Ну, да, — ответил он, — если «Подмосковные вечера» были написаны в пятьдесят седьмом году, — а это так и есть, — то по Малинину-Буренину выходит, что сие событие произошло действительно десять лет назад.

— Нет, — возразил я, — ты написал эту прославившую тебя песню отнюдь не десять лет, а четверть века тому назад! Да, именно так: двадцать пять лет назад. Именно. По тому же Малинину-Буренину.

— Да ты что?! — загорячился Матусовский. — Кто лучше знает? Я как-никак — автор!

— А вот сейчас посмотрим, кто лучше. Помнишь ли ты свое стихотворение «Песня об Ильмень-озере», напечатанное весной сорок второго года в нашей фронтовой газете «За Родину»?

— Мммм... — промычал он в ответ. — Название это помню, но само стихотворение забыл. Начисто забыл. А в чем, собственно говоря, дело? При чем тут «Песня об Ильмень-озере»? И к чему ты затеял весь этот допрос? Что это — розыгрыш?..

— Никакой не розыгрыш. Вот послушай внимательно...

И строку за строкой я прочитал ему «Песню об Ильмень-озере».

— Да, ты прав... — растерянно произнес Матусовский, когда я закончил чтение. — Действительно, та же интонация, ритмика и мелодика, что и в «Подмосковных вечерах», хотя написал я их спустя пятнадцать лет после «Песни об Ильмень-озере». Ничего не скажешь, — ты прав. Припоминаю теперь, — да и ты должен это помнить, — что приезжавший к нам на Северо-Западный фронт композитор Мариан Коваль написал тогда же музыку к «Песне». Значит, было в этом стихотворении что-то песенное, просившееся на музыку... — взволнованно сказал Матусовский.

— Что ж, — отозвался я, — «Песня об Ильмень-озере» честно сослужила свою службу: и «срочную», так сказать, она была тогда очень ко времени, — и «сверхсрочную». — И, развивая свою мысль, добавил: — Видно, песенная основа ее, музыкальная «канва», если можно так выразиться, «осела» где-то в уголке творческой памяти, пока, наконец, не вылилась пятнадцать лет спустя в «Подмосковные вечера». И тогда уже не Мариан Коваль, а Соловьев-Седой написал на текст, столь родственный «Песне об Ильмень-озере», музыку, да еще какую замечательную: широкую, плавную, раздольную!.. Так что все правильно.

— Бывает же такое! — возбужденно, как-то даже по-ребячьи воскликнул он.

3.

Я написал — «по-ребячьи», а ведь Матусовскому, когда происходил этот разговор, было уже за пятьдесят. И раз уж зашел разговор об авторе «Подмосковных вечеров», то позвольте, дорогой читатель, познакомить вас более подробно с биографией поэта Михаила Львовича Матусовского.

Родился он в Донбассе, в городе Луганске. Учился в семилетке, строительном техникуме, потом работал на строительстве паровозостроительного завода имени Октябрьской революции. Уже тогда начал писать стихи.

В 1935 году двадцатилетний поэт приехал в Москву, был принят в Литературный институт имени М. Горького, закончил его вместе с плеядой хорошо

ныне известных писателей — Константином Симоновым, Евгением Долматовским, Маргаритой Алигер, Виктором Боковым, поэтом Сергеем Смирновым...

Затем Михаил Матусовский был аспирантом Московского института истории, философии и литературы, учеником крупного ученого, литературоведа, профессора МГУ, действительного члена Академии наук УССР Николая Калининича Гудзия, успешно защитил диссертацию по истории древнерусских повестей периода татарского нашествия на Русь и получил ученую степень кандидата филологических наук.

Но дальше в науку Матусовский не пошел, — пошел в литературу. В 1939 году была издана первая книжка его стихов «Моя родословная», а всего за тридцать с лишним лет литературной деятельности у поэта вышло около двух десятков книжек стихов и песен. Одних только песен написано им за эти тридцать с лишним лет более двухсот, в том числе шестьдесят с лишним — к кинофильмам. Напомню вам некоторые, — их тоже поют сотни тысяч людей, не зная, между прочим, кто их автор.

В творческом содружестве с композитором Исааком Осиповичем Дунаевским Михаил Матусовский написал такие общеизвестные, любимые народом песни, как «Школьный вальс», «Не забывай», «Летите, голуби», «Вечер вальса», детские песни «Скворцы прилетели», «Марш юннатов» и другие; с композитором Фрадиным — в первые послевоенные годы — песню «Вернулся я на родину...» (кстати, Матусовский считает ее первой своей настоящей песней); с композитором Хренниковым — песни «Лодочка» к кинофильму «Верные друзья», «Что так сердце растревожено...», «Московские окна»; с композитором Фельцманом — «Черное море мое», «Поезда», «Идет влюбленный человек»; с молодым ленинградским композитором Баснером — песню к кинофильму «Витва в пути» и особенно полюбившуюся народу песню «На безымянной высоте» (к кинофильму «Тишина»).

О песне «На безымянной высоте» стоит рассказать особо, у нее очень интересная родословная.

Когда снимавший «Тишину» кинорежиссер Владимир Басов попросил Михаила Матусовского и композитора Вениамина Баснера написать для этой картины песню старых фронтовиков, поэту вспомнился эпизод, рассказанный ему когда-то нашим общим фронтовым товарищем — военным корреспондентом майором Николаем Чайкой, — эпизод о восемнадцати мужественных сибиряках из 139-й стрелковой дивизии, беззаветно сражавшихся за одну безымянную высоту.

— Эта цифра — восемнадцать, — поделился со мной воспоминаниями Матусовский, — так и врезалась в мою память. Восемнадцать защитников «Безымянной!» Вот только я ошибся, написав в своей песне строку: «Их оставалось только трое из восемнадцати ребят». На самом деле в том бою уцелело, — буквально чудом уцелело — двое солдат... И совсем недавно, — продолжал свой рассказ Матусовский, — недалеко от небольшого районного городка Бетлица был открыт памятник героям-сибирякам. Я покривил бы душой, если бы не признался, как мне дорого, бесконечно дорого то, что на граните памятника высечены строки из моей песни:

Мы не забудем, не забудем
Атаки яростные те
У незнакомого поселка
На Безымянной высоте.

В свое время Михаил Матусовский написал и несколько песен к кинокартине «Рыбаки Арала», поставленной студией «Узбекфильм». Вот одна из этих песен — об Аральском море:

Для сильных душой ты надежда и цель,
А слабых душой ты выносишь на мель.
Ты с самого детства — моя колыбель,
Аральское море, Аральское море...

В каких я ни буду далеких краях,
В каких ни придется мне плавать морях,—
Я соль твоих волн сохранию на губах,
Аральское море, Аральское море...

Особенно много песен было написано и еще будет написано Матусовским совместно с лауреатом Ленинской премии композитором В. П. Соловьевым-Седым, — с ним у поэта сложилась прочная, длящаяся уже много лет творческая дружба. Вместе они написали «Балладу о солдате», «Солдат всегда солдат» и многие другие армейские, и не только армейские песни.

К слову сказать, песенная струя в творчестве Михаила Матусовского взяла свое начало в стихах военных лет. Это убедительно показывает пример с «Песней об Ильмень-озере», с которой и начаты эти заметки.

4.

Вообще о фронтовом творчестве поэта можно рассказать очень много, — это одна из самых ярких страниц в его биографии.

Матусовский ушел на войну вместе с первой группой советских писателей, работал во фронтовой газете, был ранен, лечился в госпитале, после выздоровления приехал на наш Северо-Западный фронт. Оттуда нашу редакцию перебросили на Второй Белорусский фронт, с войсками которого мы дошли до Штеттина.

Уже через пятнадцать лет после Победы — в 1960 году — Матусовский написал стихотворение «Двадцать второе июня», в котором хорошо передал не тускнеющую с годами память войны, переживания молодого парня, впервые отправляющегося на фронт — защищать от врага свою Родину.

Снова все вещи в мешке,
Снова подтянут и юн я.
На календарном листке —
Двадцать второе июня.

В памяти снова встают
Лица, события, даты.
Снова солдатский наряд
Мне выдают интенданты.

Черной завесой беды
Не заволочены дали.
Что суждено испытать,
Мы еще не испытали.

Нам еще песен Джалиль
Не посылал из застенка.
Цел еще старый Смоленск,
Жив еще Сеня Гудзенко.*

Зою еще не обжег
Холод можайского снега,
И не написан роман
Про Кошевого Олега.

Пуля, которой Гайдар
Будет настигнут на тропке,
Где-то в Берлине еще
Спит в магазинной коробке.

Не полыхают еще
В селах украинских клуни...

* Семен Гудзенко — советский поэт.

Юности нашей рубеж —
Двадцать второе июня.

Власть не утратив свою
И не тускнея с годами,
Все это снова встает
Каждое лето пред нами:

Первый наш эшелон,
Мчащийся к Приднепровью,
Первый клочок бинта,
Залитый первой кровью.

Первая на пути
Бомбовая воронка.
Вложенная в конверт
Первая «похоронка».

Первая под сосной
Вырытая могила.
Кажется, лишь вчера
Все это с нами было.

Это — как давний спор,
Что бесконечно долго,
Это — как под ребром
Спрятанный осколок.

Душных теплушек бред,
Женщин бездомных лица, —
Пусть это никогда
С вами не повторится.

Травы и листья в росе —
Дождь прошумел накануне...
Отзвуки дальней грозы —
Двадцать второе июня.

Каждый день в течение почти четырех лет войны выходила наша фронтовая газета «За Родину», переименованная впоследствии во «Фронтовую правду», не было, пожалуй, ни одного номера, в котором в том или ином жанре не выступал бы Михаил Матусовский. Он работал и как поэт, и как очеркист, и как публицист, и даже как сатирик-юморист. «Братья-пулеметчики» — под таким широко известным на нашем фронте псевдонимом выступали поэт Михаил Матусовский и работавший в нашей же газете прозаик Александр Исбах в излюбленном солдатами жанре сатиры и юмора. А очень часто Матусовский выступал как сатирик и «в одиночку».

В нелегких фронтовых условиях поэт написал и шесть довольно больших, тепло встреченных войнами-читателями поэм, или, как он называл их в выпущенном в 1944 году «Советским писателем» скромном сборничке «Когда шумит Ильмень-озеро», — «рассказов в стихах»: «Володька» — о юном герое нашего фронта — школьнике-разведчике Владимире Попове, награжденном за доблесть и мужество орденом Красной Звезды; «Безымянная высота» — о стойкости советских воинов; «Друзья» — о двух бесстрашных снайперах Семене Номоконове и Тогоне Санжееве; «Дед» — о советском патриоте, старом колхознике Иване Васильевиче Липатове, который добровольно вызвался в проводники нашим войнам-разведчикам в трудном переходе через озеро Ловать в тыл врага; поэму «Песня об Айдинды Тагирове и его друге Андрее Савушкине» — на тему дружбы наших воинов — сынов разных советских народов и «Янис» — о храбром латышском стрелке, удостоенном на нашем фронте звания Героя Советского Союза, Янисе Вилхелмсе.

Кстати, почему бы Воениздату не переиздать к исполняющемуся в 1968 году пятидесятилетию Советской Армии «Рассказы в стихах»?

Вот короткие выдержки из этих поэм-рассказов, посвященных конкретным героям Великой Отечественной войны.

Из поэмы «Володька»:

...Он кусты перебегает — не заметишь на бегу,
Он в сугробы залегает — не увидишь на снегу.
Если смерть увидит рядом, — даже глазом не моргнет,
Если лес пройдет с отрядом, — снега с веток не страхнет.

И немало продырявил туполобых черепов
Гневный мститель русский школьник по фамилии Попов...

Из поэмы «Друзья» — о снайперах Семене Номоконове, буряте по национальности, и тунгусе Тогоне Санжееве:

Они сдружились на охоте в орлином снайперском гнезде.
В дождливом месяце апреле, когда прохладен был привал,
Полою собственной шинели тунгус бурята укрывал.
И даже в трудную минуту — закон тайги друзьям знаком —
Они бы жизнью поделились — так, как делились табаком.

Из поэмы «Янис»:

Как бы немцы ни старались,
Сила Янисов не тает.
Там, где падает убитый,
Новый Янис вырастает.

Он стреляет из подвала,
С чердака, из-под навеса,
Из холодного сарая,
Из пылающего леса.

Каждый свой удачный выстрел
Он записывает в книге.
С каждым падающим немцем
Янис Вилхелмс ближе к Риге...

Из «Песни об Айдингы Тахирове и его друге Андрее Савушкине» — поэмы, посвященной Герою Советского Союза А. Тахирову:

В солдатской форме не впервые,
Оставив мирные дела,
Вся необятная Россия
На поле ратное пришла.

Сегодня происходит встреча
Под сенью воинских знамен
Имен, языков и наречий,
Законов, нравов и племен.

На голос Родины великой
Пришел всяк сущий в ней язык:
Узбекский воин медноликий,
Тунгус и друг степей — калмык.

Мы ближе к цели с каждым мигом,
Слова: «Победа» и «Отчизна-мать»
Мы научились не по книгам
На всех языках понимать.

Нет, не за пиршественной чашей
И не за праздничным столом, —
Росла и крепла дружба наша
Под Старой Руссой и Орлом.

Она в сраженьях испытала
Всю силу гнева и любви,
И эта дружба ныне стала
Великой дружбой на крови...

И еще строфы из этой же поэмы:

...Не взвод, не рота, не бригада, —
Шли в наступленье кишлаки,
Шел жаркий ветер Ашхабада,
Шли каракумские пески.

По ледяным и снежным скатам
Шел весь народ до одного,

Чтоб отомстить врагам заклятым
За гибель сына своего.

На черной выжженной полянке,
В седой игольчатой пыли,
В немецкой взорванной землянке
Друзья Тахирова нашли.

Закрыты каменные веки,
И на губах его печать.
Теперь он мог молчать навеки,
Молчать, молчать, всегда молчать.

Лежал он, выбывший из строя,
Отдавший жизнь свою сполна,—
В рубахе русского покроя,
В шинели серого сукна.

И, чтоб набраться вечной силы,
Бойцы с собою унесли
С укрытой елками могилы
По горстке северной земли...

Из огромного множества написанных Матусовским в годы войны стихов хочется упомянуть еще одно. В занятом нашими частями немецком селе, артиллерист Федор Чечко встретил свою родную сестру, угнанную в фашистскую неволю. «Неужели это ты, сестра?» — словно вырвавшийся из груди солдата вопль, звучала начинавшая это стихотворение строка. И — далее:

Как знакома мне твоя косынка,
Добрый взгляд и полудетский рот.
Гая, Гая, Галочка, Галинка...
Смотрит парень — и не узнает.

Где же твой запев звонкоголосый,
Светлый взор, характер озорной?
Как узнать твои густые косы,
Тронутые ранней сединой?

Шел я через реки и долины,
Через разоренные края,
Чтоб спасти тебя, сестра Галина,
Песня украинская моя...

Не остался в долгу бывший сотрудник «За Родину», «Фронтовой правды» и перед Северо-Западным фронтом, где начала свой боевой путь наша газета: к двадцатилетию Победы в содружестве с композитором Матвеем Блантером он написал прекрасную песню «Пушки молчат дальнбойные...» — о родном ему, мне и многим нашим общим друзьям-товарищам по перу Северо-Западном фронте.

На этом фронте, где плечом к плечу с воинами многих других национальностей воевали узбеки, казахи, татары и латыши, наша фронтовая газета «За Родину» издавалась не только на русском, но еще и на четырех родных языках этих воинов. И Матусовский в те годы перевел на русский немало стихов, написанных, в частности, его узбекскими собратьями по перу.

5.

Новые работы поэта: большой цикл стихов «Тень человека» — о Хиросиме, где он побывал во время своей поездки в Японию, — этот цикл выйдет вскоре в готовящейся к печати в «Советском писателе» книге, а также песни к кинофильмам «Эскадра уходит на запад», «Пограничная тишина», «Друзья и годы» и к уже идущему на экранах страны двухсерийному фильму «По тонкому льду», посвященному подвигам советских разведчиков, действовавших в годы Великой Отечественной войны в тылу врага.

Михаила Матусовского по праву можно считать одним из наиболее одаренных наших поэтов-песенников. По заслугам он был награжден, в связи с 50-летием со дня рождения, орденом Трудового Красного Знамени. Слова его песен легко ложатся на музыку, — они просты, точны, ясно выражают идею, главную мысль и в большинстве своем свежи и задушевы.

Но даже самая хорошая песня получает долгую и славную жизнь лишь тогда, когда композитор, говоря военным языком, снаряжает ее в поход не «пристегнутой к тексту», а безраздельно слитой со словами мелодией.

Поэт-песенник Михаил Матусовский отлично это понимает и высоко ценит вдохновенный труд композиторов, создателей музыки к его стихам. Искренняя признательность композитору, творцу многих замечательных, ставших народными мелодий, звучит в стихотворении Михаила Матусовского «Памяти друга», посвященном И. О. Дунаевскому:

...А песня звучит и звучит,
И радуя нас, и печалю,
Опять на Можайском шоссе
Встречаемся мы у рояля.

Как памятен мне этот миг,
Заветная эта минута,
Когда вы берете аккорд,
Прислушиваясь к чему-то.

Когда ваш рассеянный взор
Проходит по окнам и крышам,
Как будто вы слышите то,
Что мы никогда не услышим.

Я рядом сижу не дыша,
И так мне сейчас интересно
Следить, как у нас на глазах
Рождается новая песня.

Сейчас она выпорхнет в мир,
Крылом голубиным сверкая.
Я знаю, совсем нелегко
Давалась вам легкость такая.

Мелодия то зазвенит,
То снова становится зыбкой,
И вся она освещена
Талантливой вашей улыбкой...

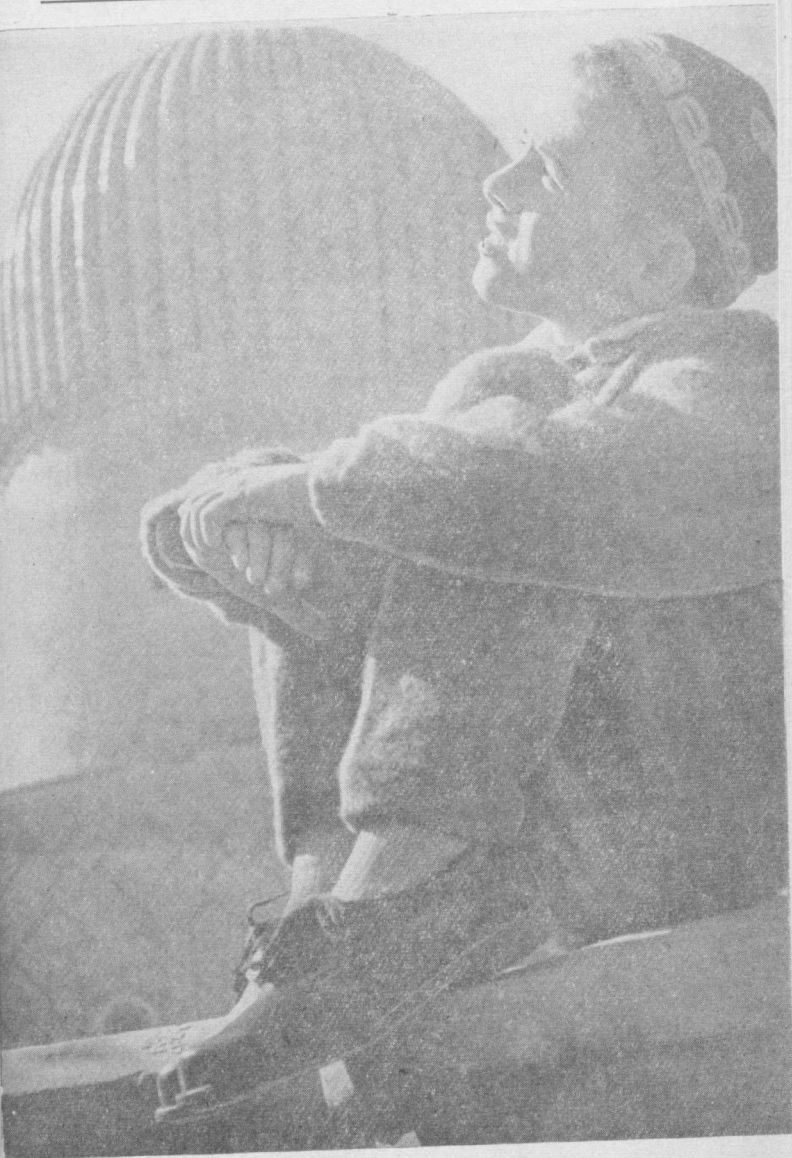
...Раньше я писал, что Матусовскому уже за пятьдесят, но, говоря его же словами, «поэт остаться должен молодым и в двадцать пять, и в тридцать пять, и в сорок»... И — в пятьдесят, и в шестьдесят, и в семьдесят, — добавим мы к этим строкам.

Задумал песню — не жалею труда.
И пусть тебе давно уже не двадцать,
Не разучись с годами никогда
В людей влюбляться, людям удивляться.

Пусть же это четверостишие Матусовского всегда будет служить и ему и всем другим нашим поэтам-песенникам девизом! Тогда каждый из них, в том числе и мой фронтовой друг Михаил Матусовский, сможет сказать о себе словами, какими завершается одна из его последних книжечек стихов и песен «Как поживаешь, земля?»:

Жизнь идет себе все дале,
Ни о чем не ведает.
И как пишется в журнале:
Продолженье следует!

Тимур из 44-й школы.

Дильбар.

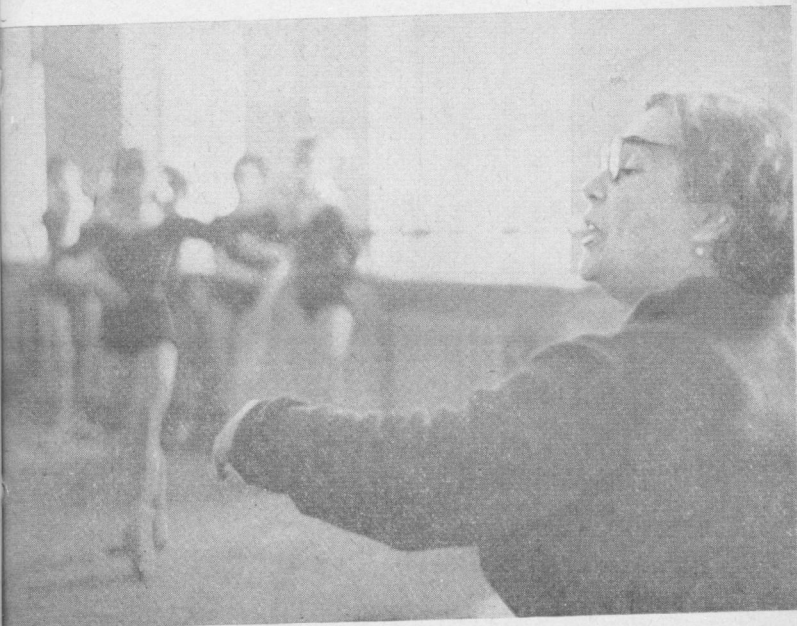
Навои — город в пустыне.

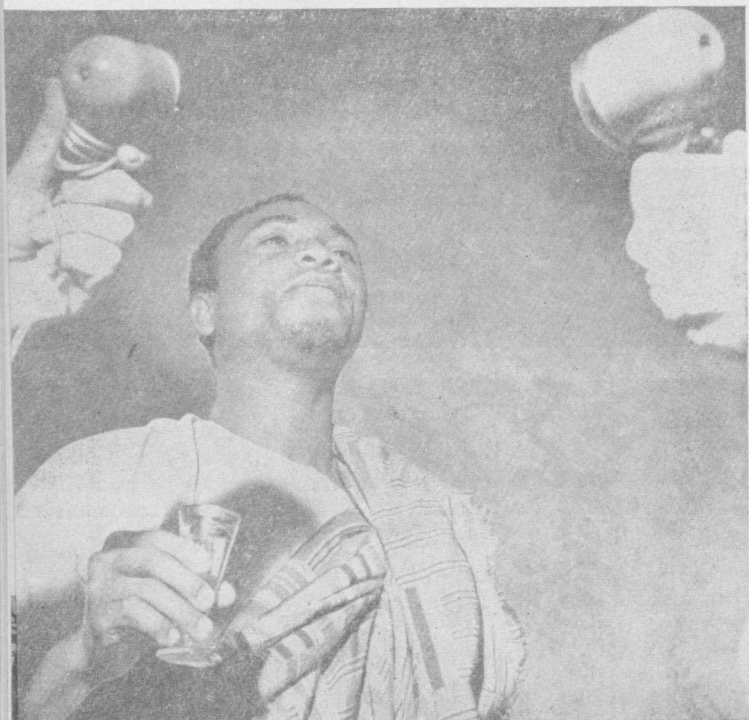

Портрет бригадира.

И-и-и раз, два-три...

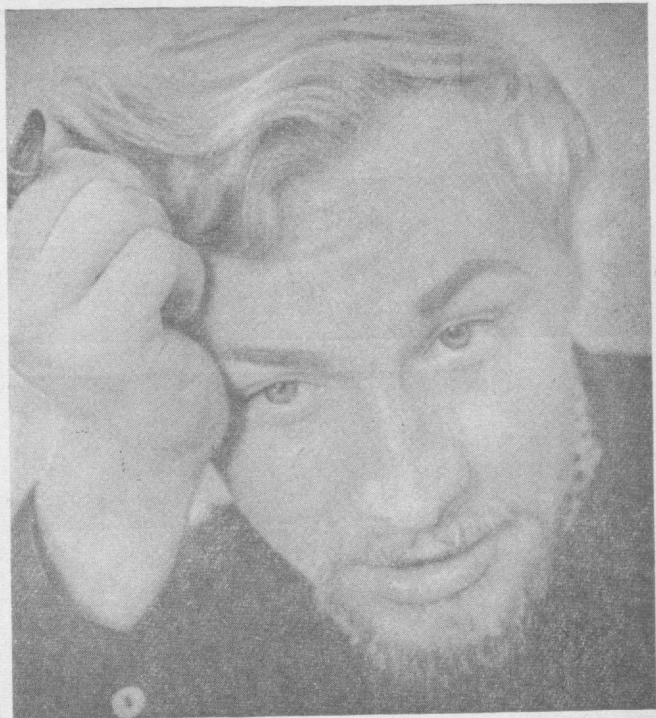

Первые мгновенья.

Авария.

Архитектор.

Укладка.

Самарканд.

Осип КОЛЫЧЕВ

Юрий Олеша

1

Имя Олеша, задолго до моего знакомства с писателем, было окружено ореолом обаяния. Поэты Одессы с восхищением читали ранние стихи Олеша о Беатриче, имитируя его манеру декламации — медленно-торжественную и протяжно-певучую.

Горит звезда. Ее Альдебараном
Живущие прозвали на земле...

Или стихи о девушке:

Девичья шея — драгоценный
ствол,
Что в муке расцветанья
запрокинут...

Вслед за ними и я, начинающий поэт, скандировал эти строки.

Сочетание простейших слов: «Горит звезда». Однако я видел в низком-низком, южном, абсолютно черном небе широкое праздничное полыхание загадочной звезды с экзотическим именем.

Ясно было одно: Олеша — большой поэт.

Он уже, пожалуй, свыше года жил в Москве, вместе с Ильфом и Катаевым. Но в 1921 году по Одессе разнеслась весть: Олеша приехал. Олеша где-то выступал, читал стихи.

Когда-то мельком я видел его лицо, отмеченное, как мне всегда казалось, печатью трагического.

И вот однажды ночью мне посчастливилось встретить его на улице. Я подошел и представился. Он тут же предложил мне прочесть мои стихи.

Я шел рядом с ним и читал стихотворение «Скрипка», одобренное тогда Багрицким.

Со стихами этими произошла странная вещь. Они были написаны мною задолго до того, как я услышал имя Иннокентия Анненского и прочел его стихотворение «Скрипка».

...Смычок все понял: он затих,
А в скрипке эхо все держалось.
И было мукою для них
Что людям музыкой казалось.

Непроизвольное сходство с Анненским, пожалуй, не могло не привлечь внимания. Однако, помню, не этот момент заинтересовал тогда Юрия Карловича Олешу.

— Мне нравятся строчки: «Не сердце бьется из угла, а птица раненая бьется...» Именно, хорошо это: «из угла»! — сказал он.

Мы шли по неосвещенной одесской улице. Он — немного впереди, я — почтительно, на полшага сзади.

О, голодный, неосвещенный, холодный 1921 год!

В домах еще зажигались моргалки, керосин был предметом роскоши, а электричество только грезилось.. Неожиданно свет керосиновой лампы из уличного окна упал шафрановым бликом на чеканный лоб Олеси и выхватил из темноты окруженные синевой, глубоко сидящие, мечтательные глаза цвета морской воды в ненастье.

2

Наши встречи были кратки и случайны. Но, может быть, в этом есть свои законы.

Москва. 1924 год.

Во «Дворце Труда» на Солянке, 12,— печатаю в профсоюзных журналах свои стихи. Здесь через год появится Эдуард Багрицкий и тоже настроит свою романтическую лиру на профсоюзный лад. Здесь начнет свою деятельность и Илья Сельвинский. Пожалуй, все поэты моего поколения прошли сквозь печатное горнило «Дворца Труда».

Помню многоэтажное здание, выходящее одной стороной на Москву-реку, с длинными коридорами и с множеством редакций в этих сумрачных, плохо освещенных коридорах. На дверях — таблички: «Пролетарий связи», «Горнорабочий», «Голос текстильщика», «Кожевник». «Постройка»...

В каждом подобном издании царил своеобразный колорит. «Постройка», например, печатала такие стихи:

Нам нужны Лермонтовы от
цемент,
Нам нужны Пушкины от
кирпича!..

Однажды, в минуту острой нужды, я принес в «Постройку» акrostих на строительную тему, надеясь пленить сердце редактора необычайностью избранной формы и немедленно получить аванс.

Прочитав стихи, я обратил внимание редактора товарища Сарыгина, не очень-то искусственного в технике стихосложения, на первые буквы строк, которые образуют родное для редакции слово — СТРОИТЕЛЮ.

Сюрприз, что называется, дошел моментально. Творцу акrostиха немедленно был выдан аванс в десять рублей.

Я выскочил в коридор, где висела стенная газета «Вопли и сопли», и здесь встретился снова с Юрием Олешей — стихотворным фельетонистом «Гудка» (он выступал под псевдонимом «Зубило»). Популярность «Зубилы» среди железнодорожников была колоссальна. Сам Демьян Бедный, который, как известно, не мог пожаловаться на недостаток признания у рабочих масс, говорил о завидной популярности «Зубилы».

Юрий Карлович — в синем костюме знатного железнодорожника, окруженный веселой ватагой талантливых и остроумных литераторов

(здесь были Валентин Катаев, Илья Ильф, Евгений Петров), излучал веселье и юмор. Особенно хорошо помню Ильфа — с фиолетовыми губами, как будто он только что покусывал чернильный карандаш.

Юрий Карлович вспомнил меня, нашу одесскую встречу. Некоторое время спустя мы с ним сблизились. Я узнал, что он не ограничивается работой в «Гудке» — по ночам писал он «Зависть». Писал, перечеркивал, ломал себя, оступался, падал и брал высоты.

Летом 1925 года Олеша уехал в Одессу, а мне предоставил свою комнату на Мясницкой улице. Я поразился, войдя в нее: обои на стенах испещрены карандашными записями — это были первые черновики его романа.

«Дворец Труда» на Солянке.

По верстовым коридорам бывшего Института благородных девиц, превращенного теперь в этот самый знаменитый «Дворец Труда», проходит метафору протезом, репортер Григорьев, прозванный «Капитан Чугунная Нога». Опорожняет в столовой пивные бутылки бывший сатириконец Евгений Венский...

Мы идем с Юрием Карловичем, возвратившимся из Одессы, и он рассказывает о своем идеале в искусстве.

— Главное в искусстве — высокая идейность, новизна, неожиданность, свежесть, острота изобразительных средств. Помните превосходную метафору Пастернака: «В тот день всю тебя от гребенок до ног, как трагик в провинции драму Шекспирову, носил я с собою и знал на зубок, шатался по городу и репетировал». Развивайте в себе вкус и остроту! Вот — Блок: «Ты, как младенец, спишь, Равенна, у сонной вечности в руках». Это неповторимо! Неповторимое есть и у Сельвинского. У него женское бедро сравнено с «луковицей в гнезде». И это очень здорово! Прекрасное есть и у Багрицкого, и у Светлова. Больше остроты, больше остроты!

3

Слава пришла к Олеше внезапно. С первой книгой «Зависть». Вернее, не пришла, а хлынула на Олешу, как штормовая волна. Успех за успехом следовал неотвратимо.

«Зависть», «Три толстяка», «Заговор чувств», «Список благодетелей». Выступления, статьи. Успех у Мейерхольда. Зинаида Райх — исполнительница главной роли.

Но и в самом зените славы Олеша остается верен своей каждодневной привычке захаживать на Тверской бульвар, 25, в дом Герцена, где в писательской столовой его ожидают друзья.

Я подарил Олеше в 1930 году свою первую книгу, вышедшую в Гиз'е. На следующий день в столовой дома Герцена он процитировал наизусть четыре строчки из моего стихотворения, чем очень меня ошастливил.

Золотые пылинки воспоминаний!..

Вот Олеша в гостях у Катаева. Пьют вино, спорят, хохочут. Жена Катаева прощается, уходя куда-то, но через минуту возвращается.

— Ах, я забыла сумку.

Олеша:

— Вот если бы кенгуру вернулась в нору, заявив: «Я забыла сумку».

Взрыв хохота. Снова наполняются бокалы.

Десятью годами раньше...

Переполненный зал Политехнического. Маяковский на трибуне.

Левой рукой рубя воздух, читает «Открытие Америки». Не читает, а работает, как простой чернорабочий стиха. Пиджак — на спинке стула. Брюки с подтяжками. Голубоватая сорочка.

Зал замер. Где-то в десятом-двенадцатом ряду вижу Олешу.

Весь — восхищение. Весь — изумление. Большая бетховенская голова ушла в плечи. Скажи ему Маяковский: «За мной, вперед!»
Кинется.

Олеша любил мечтателей и чудаков.

Вероятно, он делил человечество на чудаков, мечтателей и лавочников.

Романтик по духу, по всей своей сущности, он порой любил приписывать людям несуществующие качества и особенности. Приписав, сам начинал всерьез верить в них и разносил по Москве легенды.

Однажды, встретившись на Гоголевском бульваре, мы расположились на зеленой скамейке для неторопливой беседы.

— Что вы сейчас делаете? Я редко встречаю в печати ваши стихи. На какие средства живете? — спросил Олеша.

— Вы-то знаете, Юрий Карлович, что лирические стихи печатаются нечасто. Их не очень жалуют наши редакторы.

— Да, это верно. Чем же вы сейчас увлекаетесь? Человек должен жить страстями.

— Меня целиком захватила одна страсть, — признался я. — Начал собирать живопись, картины художников.

— Но для этого нужны большие деньги.

— В том-то и дело, что на большие деньги собирать живопись немудрено... А надо суметь обойтись ничтожными затратами. Выработать в себе нюх к прекрасному. И там, где мимо пройдет даже специалист, в маленьком недописанном этюде или в клочках большого полотна — нащупать большого художника. В этом — спортивный азарт, если хотите!

— Ну, и что же, удалось вам приобрести что-нибудь действительно выдающееся? — заинтересовался Олеша.

— Представьте себе, уже приобрел этюд Серова, прекрасный этюд раннего Поленова, а также работы Малявина, Левитана... Я угадал авторов, хотя вещи не были подписаны. Заезжайте ко мне домой... Все стены обвешаны картинами. Настолько тесно, что негде даже повесить календарь.

— Значит, вы маршан! — внезапно решил Олеша и тут же начал развивать свою мысль. — Поэт-маршан! Это неожиданно! Лирику трудно жить на гонорары. Надо искать какие-то пути к существованию. И вот поэт-лирик становится маршаном. Это — сюжет для Бальзака. Или для Анатоля Франса. Представьте себе, что в один прекрасный день, средихлама и рухляди, в комиссионной лавке вы находите почерневший от пыли и времени, грубо продырявленный чьим-то башмаком гениальный холст. Не подписной. Вы счищаете грязь, паутину — и это — Рембрандт! Или — Рубенс! О-го! Краски начинают сверкать все более, по мере того, как вы убираете наслоение веков, и «Картина гения пред нами выходит с прежней красотой», как говорил Пушкин...

Я хотел было остановить Олешу в начале его импровизации, сказать, что он заблуждается — я не торгую и не собираюсь торговать картинами. Картины — только мое увлечение, не имеющее никаких коммерческих целей. Но Олеша так далеко ушел в своем фантазировании, так заманчиво воссоздал образ поэта-маршана, что я не решился его прервать.

Своим молчанием, как знаком согласия, я как бы санкциониро-

вал этот экзотический образ. Мы расстались — и с тех пор Олеша при случае стал распространять обо мне миф как о поэте-маршане, с жаром и со знанием предмета живописуя подробности, рассказанные мной и приумноженные его собственным воображением.

* * *

Он видел мир в необыкновенном свете, и в людях ему чудилось необыкновенное.

Багрицкий в поэме «Последняя ночь» изобразил Юрия Олешу.

...Старчески согнутая спина
И молодое лицо.
Лоб, придавивший собою глаза,
Был не по-детски груб,
И подбородок торчал вперед,
Сработанный из кремня.
Вот тут я понял, что это он
И есть душа тишины,
Что тяжестью погасших звезд
Согнуты плечи его,
Что, сам не созная того,
Он совместил в себе
Крик журавлей и цветенье трав
В последнюю ночь весны.

Да, тяжестью погасших звезд были согнуты его плечи. Отражения погасших звезд блуждали в его пронизательных глазах.

Олеша был первой дружкой Багрицкого. И Эдуард, уходя из жизни, вспомнил и воспел своего друга как первую и последнюю весну.

Всех, кто соприкасался с Олешей, пронизывало острое обаяние его речей, освещало высоким отношением к жизни и к искусству. Он прошел по жизни средневековым пилигримом — с посохом и с котомкой, полной сказок и чудес, он был среди нас, советских литераторов, газетчиков, звонкоголосым, ясноглазым, босоногим менестрелем, сыгравшим на золотой лютне песню Революции.

4

Как-то я встретился с ним на улице Фурманова, возле Дома писателей, построенного в тридцатых годах Матэ Залкой. (Венгерский писатель возглавил тогда писательский жилищный кооператив.) Олеша был в ударе и то и дело острил.

— Знаете, я задумал повесть «Мемуары трупа». Честное слово! Повесть должна вестись от первого лица, то есть от имени покойника. Как примерно может начаться повесть?.. «И вот пламя свечи раздвоилось, и я расстался с миром»... Или так: «Укол камфары прервался, зазвонили в ушах колокола»... Что-нибудь в таком духе! А? Я обязательно напишу «Мемуары трупа»!..

Мы прошли в Гагаринский переулок и остановились у старомосковского дома, по-своему очень живописного, в котором жил художник Даниил Борисович Даран.

— Мне — сюда, — объяснил я Олеше и позвонил.

— Разрешите присоединиться и мне, — сказал Юрий Карлович. — Люблю художников. Давно знаю Дарана.

К сожалению, художника не оказалось дома. Снова пошли бродить по переулкам — Гагаринскому, Большому Афанасьевскому...

— Когда стану богат, я совершу церемониальный объезд моих друзей. Буду подкатывать к домам своих приятелей в роскошном авто и привозить каждому подарок, — полушутя, полусерьезно говорил Юрий Карлович.

С минуту помолчал и, любуясь старинным Гагаринским переулком, продолжал:

— Дома здесь выразительные. У каждого — свое лицо, я бы даже сказал, свой почерк... как у поэтов. Почти человеческое выражение лица у каждого дома, особенно у старых домов. Печать раздумий лежит на карнизах, как на лбах. Умные печальные глаза окон. Хороши сочетания глухих кирпичных замшелых стен со старинными могущественными липами и тополями. Просится на полотно контраст запальчиво-зеленой на солнце и ультрамариновой в тени огромной кроны дерева, облокотившейся на пятиэтажный дом. Не правда ли!

Потом он заговорил о писателях, их судьбах.

— Я не сторонник теории, что существуют безвременно ушедшие писатели. Как ни коротка была жизнь Лермонтова, он создал все. Это применимо и к ученым и к полководцам. Вот Наполеон... Для чего он прожил на острове Елены в заточении восемь лет? Знаете для чего? Для того, чтобы написать свой дневник.

Последней, незавершенной вещью Юрия Олеши были мемуарные записки, и, как он сам определил, автобиографический роман «Ни дня — без строчки».

Он дал образцы превосходной ясновидящей прсзы, которую, кстати, справедливо оценил В. Шкловский как вклад в фундамент будущей новой советской прозы.

5

Улица Воровского, 52.

Конференц-зал Союза писателей.

В вестибюле — знакомые и друзья, читатели Олеши.

Сдержанный шепот, растерянность, цветы...

А на столе, в длинном, кажется, желтом с позументом, гробу — Юрий Карлович...

В этом запавшем в гробу теле больше нет ни одного чувства. А еще так недавно ими бурлило и kloкотало сердце Олеши.

Об Олеше иногда говорят, что он — писатель одной книги. Есть, правда, такой удел у ряда писателей.

Представим созданное Олешей одной книгой, — что ж, она прогрела в свое время.

Но больше, чем прошлое, ей принадлежит будущее.

Ирина ГРИНБЕРГ

ДВЕ ВСТРЕЧИ С ИЛЬЕЙ СЕЛЬВИНСКИМ

Возможность встречи с Ильей Сельвинским, исследованием стихотворной драматургии которого я занимаюсь, представлялась мне маловероятной...

Ведь еще в 20-е годы, в пору страстных поисков революционных поэтических форм, он скрещивал копыя с самим Маяковским, возглавляя группировку «конструктивистов» из среды которых впоследствии вышло немало оригинальных советских поэтов старшего поколения: Вера Инбер, Владимир Луговской... Сельвинский, сборники которого уже в 20-е годы вызвали ярые споры. Поэт яркой индивидуальности, широчайшего диапазона (лирика, эпос, драматургия), один из основателей советской стихотворной исторической трагедии, воспитатель поэтической молодежи в Литературном институте, наставник многих ныне маститых литераторов.

И кроме того, Сельвинский после тяжелой болезни почти не бывает в Москве, живет за городом. И беспокоить его...

Минувшее лето для ташкентцев было особенным. В любом конце страны фраза «Я из Ташкента» заменяла волшебную палочку, она открывала не только все двери, но и сердца.

Профессор Михаил Степанович Григорьев, которого несколько поколений выпускников ТашГУ и Ташкентского театрально-художественного института по сей день ласково называют «Наш Михстеп», коренной москвич, связавший

свою судьбу и с Ташкентом, сказал мне по телефону:

— Пишете о Сельвинском? Прекрасно! Вы уже были у него?.. Не были? Плохо, очень плохо. Побывайте обязательно... Погодите-ка, сейчас попробую созвониться — а вдруг он в Москве.

Через десять минут звонок.

— А я ведь его поймал дома! Случайно был в Москве. Сказал — пусть приезжает, на этой неделе. Ну, я-то советую не откладывать, поезжайте завтра же.

Так вот просто, к Сельвинскому!... Честно говоря, растерялась. А между тем Михаил Степанович уже заботливо перечисляет повороты тропинки от станции электрички.

— ...Мимо кладбища, да влево... Да, Пастернак там... Мимо дома творчества... Улица Серафимовича, дом 2. Позвоните после встречи — как у вас там получится...

Столько времени заглядывать через строчки произведений в самую душу поэта! Брать на себя смелость оценивать удачи и просчеты, разгадывать замысел автора и объяснять его, оспаривать или признавать оригинальность постановки проблем и их решений, смелость рифм, инструментовки стиха, ритмического его строя, короче — долгое время «по-хозяйски» орудовать «в поэтических владениях» Сельвинского, а теперь — увидеть его самого, говорить с ним о его поэзии!

Поэзия! Не шутки ради
Над рифмой бьешься взаперти,
Как это делалось в шараде,
Чтоб только время провести.
Поэзия! Не ради славы,
Чью верность трудно уберечь,
Ты утверждаешь величаво
Свою взволнованную речь...
...Поэзия! Ты — служба крови!..

Вот и дом творчества неподалеку от станции с несколько насмешливым (в адрес писателей) названием — «Переделкино». Вот и улица Серафимовича, 2.

Я очутилась на веранде. Не успела растеряться — поэт поднимается навстречу мне из плетеного кресла. Он так «похож» на свой портрет из последнего сборника «Лирика» и так по-домашнему прост и приветлив, что иллюзия давнего

накомости позволяли почувствовать себя естественно.

— Нет, нет, садитесь вот в это кресло, здесь вам будет удобнее. Может быть, холодной минеральной воды? Жарко сегодня! Хотя для вас после ташкентской жары...

Знаю, время ограничено: скорее к делу, по которому пришла. Под приветливым, живым, но пристальным, как бы вслушивающимся взглядом, стараюсь как можно короче объяснить, почему из всего огромного количества написанных им произведений — лирических стихотворений, поэм, повестей и романов в стихах, а теперь и в прозе (как раз печаталась «О, юность моя!» в журнале «Октябрь»), и десяти трагедий в стихах — я для исследования пока решила остановиться только на двух-трех его вещах.

Слушает очень заинтересованно. Но вот останавливающе поднял палец.

— Минуту! Ничего не слышу!

Почти над головой пролетел самолет. В паузу замечаю на столе рядом с машинкой листы со столбиками строчек. Новые стихи! А ведь только что закончена работа над романом «О, юность моя!»

Обязательно нужно объяснить, что не знала, как подойти к нему, драматургу, почему выбрала именно «Орла на плече носящего», «Ливонскую войну», что никак не решу, — на какой остановиться третьей... В трагедиях такой диапазон тем, исторического материала различных стран и эпох, проблематики, своеобразия характеров и стихотворной формы языка! Владимир Огнев в послесловии к изданному в 1965 году «Театру поэта» Сельвинского — «художника жадного поиска и смелого риска» — недаром «сетовал», что включенные в сборник «пьесы настолько разные, хотя и принадлежат одному автору, что даже трудно найти общую тему для разговора о них».

Топорщатся коротко остриженные небольшие усы над собранными в трубочку губами, но вот улыбка расправляет губы, за стеклами очков озорно блестят глаза.

— Пожалуй, Огнев прав. И вот что я вам скажу: мне, например, из всех театральных режиссеров был в одном особенно близок Вахтангов. В чем? В том, что под его руководством в одно время были поставлены такие далекие одна от другой пьесы, как «Эрик XIV», «Турандот» и «Гадюбка». Невероятно сложная задача для художника!

Продолжаю что-то объяснять, говорю, что не решилась бы отрывать его от работы, если бы уже не были написаны две статьи (я доказательство показываю папку с машинописными текстами своих статей) и не было бы весьма обширных планов...

— Ничего, ничего, сегодня я уже больше не имею права писать: врачи, же-

на, дочери — строгий контроль. И нам с вами тоже долго не дадут говорить: через час обязательно кто-нибудь появится (заговорщически оглядывается на дверь в комнату). Расскажите же, о чем ваши статьи. Впрочем, лучше прочтите что-нибудь из уже сделанного вами.

Решаюсь прочесть из статьи об «Орла на плече носящем» то место, где для определения мастерства поэта, принципов построения им стиха, сопоставляется звучание стихов трагедии с возможным вариантом их в форме классического стиха.

Читаю «Военную песню» главного героя трагедии — Бабeka, вождя азербайджанского народа, восставшего в IX веке против арабского ига. Это страстный призыв к борьбе, который должен быть услышан народом.

**Ты не пой по горам, вода!
Опаленный ветер, остынь!
Будь безмолвнее, чем всегда,
Серебристая ночь пустынь...**

**Не качай оперением, тис,
Белый дым костра, опустись!
Не шурши, не свисти, змея,—
Чтобы слышалась песнь моя.**

Я прочитываю по строчке с добавляемым мною слогом и комментарием: «Ты не пой по горам, (о) вода!» — звучит просьбой, а не требованием, как у Бабeka; «Опаленный (о) ветер, остынь!» — опять слабее! У Сельвинского куда звывчатее. Нужно во времени сохранить интервал между двумя ударами, «додержать» интервал до следующего удара в слове «ветер». Вот и длится звучание как бы удвоившегося ударного: «опале-енный ветер...» А это усиливает впечатление, делая ощутимее «опаленность ветра», несущего сухой жар пустынь...

— А вы рискован человек!

Вижу — улыбается. Можно показать статьи. Только вот перепечатать бы нечисто, чтоб без поправок.

— Давайте, я разберу и так. Сколько тут? Всего шестьдесят страниц? Ну, это я прочту сегодня же, я работаю быстро. Приезжайте послезавтра — скажу, что думаю.

Теперь, пожалуй, можно и спросить кое о чем.

— Спрашивайте, спрашивайте. О «Ливонской войне»? Как отношусь к своему Ивану Грозному? Оправдываю ли? Верю ли в новое в исторической науке об Иване IV — садисте, распутнике и тому подобное?... — Поэт рассказывает, как были вызваны трое: Алексей Толстой, Владимир Соловьев и он. Предложили создать трагедию, где была бы оправдана личность Ивана Грозного. Но, оправдав Ивана, опрличину Сельвинский оправдать не смог.

— Поверил в то, что Иван Грозный не только неврастеник (как у Соловьева) или зверь (как у А. К. Толстого), а действительно личность, Великий Государь. В нем для меня жила мечта о России...

Сразу вспомнились строки заключительного монолога Грозного в «Ливонской войне», провидящего в потомках людей, способных осуществить необходимый для России выход к морю:

...Пуškai он мучается блеском,
Да шумом пены, да песка сипеньем!
Пуškai ему б не пелось и не елось,
Пуškai бы не пилоь и не спалоь,
Пуškai хоть помешается на снем!
Хоть черту душу — только бы Руси
Не задохнуться.... Только бы под ветер...
Ах, только бы пред нею, золотою,
Серебряная распахулась даль...

— Сложный образ — Иван Грозный. Лобная выходца из крестьян, мастера Чохова, отлившего знаменитый колокол, он думает о закреплении крестьян. И в обоих движениях души искренен.

Вот он любит Марию, но уступает ее горбуну — датскому принцу Магнусу: государственное выше личного! Новое в науке об Иване IV может дать новую точку зрения на историческое лицо... Историк может не согласиться с характером моего героя. Но у меня не документальная трагедия — такой не писал! Хотя исторические документы и были толчком для ее рождения. В создании характеров исторических лиц и, в частности, Ивана Грозного, исходил из ленинского тезиса. Помните, в «Философских тетрадах».

Поэт цитирует: «Искусство не требует признания его произведений за действительность».

— Я и сейчас пишу, — Илья Львович берет со стола те самые листки со стихами, которые так дразняще близко лежали около меня, — собственно, уже закончил трагедию о Ксении Годуновой. И тоже задачу свою вижу не в исторической подлинности превыше всего. Ленинский принцип — вот истина. А Пушкин и его Борис Годунов? А его Самозванец?

Итак, новая, одиннадцатая стихотворная трагедия! А как же проза?

— Ну, собственно говоря, проза все-таки легче, чем стихи. Мастерство? Да оно уже должно быть в кончиках пальцев, пора!.. А Ксения Годунова — это характер! Таких сильных женских характеров у меня еще не было. Это моя Царевна-Лебедь...

Вновь над самой крышей пролетает самолет. Вглядываю на часы: полтора часа разговора. Надо прощаться! Впереди еще одна встреча — послезавтра!

И опять я на даче. Обещаю супруге Ильи Львовича: «Не больше часа!»

Смеемся, успокаивает: «Больше часа все равно не получится — приезжает сестра Илья Львовича из Алма-Аты, с которой он не виделся десять лет. Поезд в Москву уже прибыл.»

Управляюсь ли? В блокноте теперь заготовлена целая серия вопросов.

В этот раз Илья Львович работает прямо в лесу — дощатый стол, садовая скамейка. Веранда менее любимое его рабочее место, чем лес.

Он идет в дом за моими статьями («Ничего, ничего, это мне разрешено и даже полезно»), а с ужасом думаю, что вот-вот придет сестра...

В прошлый раз он с юмором рассказывал о диссертантке из Казани, которая приходила к нему побеседовать об одной его песне, толком не прочитав ее предварительно. «Да нет, не прогнал ее, как вы говорите. Даже что-то советовал...»

Вот они, мои статьи, и сверху — два листка, исписанные красными чернилами, размашистым почерком. Храбрость: прошу не принимать меня за «казанскую сироту», а учесть, что в это лето все ташкентцы — мужественные, и поэтому я готова к самой нелицеприятной критике.

И сразу — гора с плеч:

— Читал с удовольствием. Есть также замечания, находки. Ну, начну с главного: «Драматургия Сельвинского, — пишете вы, — совмещает в себе яркость и определенность создателя эпических полотен с нежностью и тонкостью оттенков истинного лирика». Что касается эпитетов — они на вашей совести, а по существу... думаю, что вывод верный. По крайней мере, для меня важно именно это сочетание... Интересны рассуждения в статье об «Орла на плече носящем» по поводу связки «есть». Вы цитируете строчки:

Есть тень орла на земле,
Значит, близок этот орел!

Вы говорите затем, какую силу обретает это утверждающее «есть», о которое читатель и слушатель как бы спотыкаются. Верно замечаете, что здесь нарушен ритм, и «если», а не «есть» в этом смысле было бы больше «по правилам». «Все было бы на своем месте, — пишете вы, — ритмика песни была бы не нарушена и мысль ясно выражена. Да, но какая мысль? Ведь Бабеку важно пробудить боевой дух, надо поднять массы на битву. И поэт заставляет слушателей, задержавшись на коротком ударном «есть», воспринять утверждение не просто возможности, а уже наличия необходимых условий для борьбы».

Помедлив, Илья Львович замечает:

— Жаль, но этот хороший кусок в вашей работе придется вычеркнуть. Ведь в книге просто опечатка! Должно быть именно «если». Я просто не мог

бы написать «есть тень» — эти ТЬ-ТЕ не звучат!

Неловко и смешно... Несколько секунд даже не слушаю, о чем говорит Илья Львович. А ведь он теперь меня «ругает»! За излишнее внимание к строчке из Пролога к драматическому эпосу «Россия»:

Россия... Родина моя, Россия...

— Ну, следует ли возводить в какое-то особое поэтическое достижение эту фразу? Чтобы ее сказать, не нужно быть поэтом. Хорошо, что у вас ни одно слово не остается незамеченным, даже в ремарках. Но не в данном случае...

И одно за другим следуют замечания, одобрения, возражения...

Вот обижено:

— Неужели моя Мария в «Ливонской войне» — «юродива»? Как можно говорить, что заклочительная сцена второй картины — Курбский и Малюта — опереточная? В самое сердце меня поразили!

Приношу извинения, но не сдаюсь: Курбский решен противоречиво, временами характер нарочито снижен. А ведь есть сцены, где речь его блестяща. Защищаю свои утверждения стихами самого же Сельвинского. Вот Курбский, в минуту сердечной беседы с Иваном Грозным, рассеивает сомнения царя, полюбившего юную Марию:

Средина века — наилучший возраст.

Ну что у молодого за душой?

Все эти губы, зубы — достойные

Родительское. Ну, а сам ты кто?

Вот то-то, государь! А в пятьдесят

Мужчина обретает обаяние!

Он — как вино, что выдержало срок,

Перебродило и достигло тайны.

Отныне в нем глубинная прозрачность,

Игра огней, подобно самоцвету,

Хмельная острота да прятный дух,

И кто хоть раз пригубит этой влаги,

Тому уж виноградного кваску

Не подноси.

Отличные стихи! В них такая стройность мысли и отточенность слога, такая точность поэтического образа. Курбский сейчас изыщен, даже изыскан и при этом искренен. В азарте спора читаю, как читала бы студентам, желая увлечь их материалом, заставить ощутить характер героя, страстную напряженность его речи.

Неожиданно замечаю: мой оппонент улыбается все шире, говорит с явным удовольствием:

— Ну вот, вы смело можете играть Курбского! У вас уже готова эта роль.

И тут же — строго:

— Напрасно следуете за критикой, обвиняя меня в ненужности сюжетного хода в «Ливонской войне» с найденной Малютой варажской. У меня в драматургии (это от Мейерхольда) часто

«играют» вещи. Мейерхольд говорил мне, что когда берется огромная тема, нужно свести сюжет к какой-нибудь вещи. Пусть за этой вещью будет какой-то секрет, как у Скриба — стакан воды. Вот и в новой моей трагедии «Царевне-Лебеди» такой вещью служит лента. Ксения Годунова, которая любила Пожарского (и он любил ее!), подарила ему алую ленту из своей косы; он привязал ее на копье и с ним прошел через все битвы. Когда Пожарский узнал, что она, его Ксения, была наложницей Лжедмитрия, он порвал эту ленту и проклял любимую. Ксения после поругания (ее насилует целый отряд) срывает со своей стриженной головы (ушла в монастырь!) черную ленту и бросает ее Пожарскому... Вот как лента помогает выстроить сюжет.

Поэт смотрит на меня серьезно.

— Да, Ксения моя — действительно трагический характер. Это не Мария. Это — Жанна д'Арк. Только у нее все силы отданы любви.

Нарушаю договор — не перебивать вопросами, спрашиваю: когда же трагедия будет отдана читателям?

— Вероятно, будет напечатана в январском номере журнала «Октябрь».

И снова — замечания по моим статьям. Как внимательно прочитаны они, как обстоятельны суждения!

Нужно успеть все записать. Илья Львович терпеливо ждет. А с террасы уже доносятся оживленные голоса. Вот беда! Конечно, это приехала сестра...

Наверное, Илья Львович слышит голоса, как и я, но он просматривает все свои записи, не пропуская ничего... Это теперь мой первый автограф Сельвинского — поэта в роли критика.

Задаю вопросы:

— Какие ваши трагедии — любимые?

— Хитрая! Скажу «Рыцарь Юана», — жалко «Читая Фауста»; скажу «Читая Фауста», — жалко «Ливонской войны». Сейчас закончил «Царевну-Лебедь» — ее люблю...

— Любимые герои?

— Иван Грозный, Вернер («Читая Фауста»), Бабек... и Ксения. Также не легко выбрать!

Еще вопрос.

— Почему писал о Бабеке, об Азербайджане IX века? Был в поездке по Азербайджану — выступал вместе с Верой Инбер с чтением своих стихов. Вот тогда и попросили написать об азербайджанском национальном герое. Окружили таким вниманием, переводили на русский язык арабские и азербайджанские песни, давали прослушивать старинные песни в исполнении певцов, возили по местам, связанным с событиями прошлого... Меня взволновало. Материал интересный. Помогало еще знание татарского языка — я ведь крмычак. Поэзия Востока тоже всегда привлекала...

Еще бы! Кто не знает отличных переводов Сельвинского великих Рудаки,

Фирдоуси, Омара Хайяма, Саади... А блистательные диалоги в «Орла на плече носящем»!

— Еще вопрос, Илья Львович. Чисто профессиональный, о качестве стиха. Назовите, что вам больше удалось... В смысле стихотворной техники?

— Ох, опять задача! Ну, например, монолог Боя из «Командарм 2». Его специально ходил слушать в театр Маяковский. Вот этот...

Илья Львович произносит первые строчки монолога, и я слышу мастерское чтение! Жаль, что он прерывает себя.

Прерывает все тем же:

— Трудно выбрать.

Еще вопросы: о принципе работы над языком исторических трагедий, о манере письма...

Перебивает...

— Не люблю, когда говорят, что у меня есть манера письма. Каждую вещь нужно писать по законам, присущим ей. (Во вступительной статье к «Избранным произведениям», 1956 год, Вл. Огнев приводит такие слова Сельвинского: «Для истинного поэта нет форм универсальных, а есть диалектика формы»). В лирике еще можно найти

манеру, а в больших произведениях это было бы губительно. У Пушкина был метод, а не манера — и он был всеяден. Разнообразный материал подсказывает ключ, в котором он должен быть решен.

Вот, очевидно, в чем основа использования Сельвинским различных стиховых систем в исторических трагедиях и даже опытов совмещения нескольких систем в пределах одной трагедии.

Торопливо уточняю взгляд поэта на его героев (Баромид, Малюту)... Складываю блокнот, ручку — мол, я уже на ходу. И еще успеваю спросить о символике орла в лирической «Анкете моей души» — переключка с Бабеком?

И — неожиданный ответ:

— Это интересно! Я до этого не додумался.

...Получаю щедрый автограф на книге «Театр поэта», разрешение писать, присылать написанное.

И уже совсем осмелел:

— Можно рассказать читателям нашего «толстого» журнала «Звезда Востока» о встрече с вами?

Озорно поблескивают глаза, топорщатся от сдерживаемой улыбки маленькие седеющие усы:

— Напишите: старый, красит усы...

Г. ШАЦКИЙ

ДВА ЭТЮДА

ХОРЕЗМСКОЙ НОЧЬЮ

Мы ехали глухой нелюдимой равниной Хорезма. Стояла бесснежная зима. Ночь упала на землю своим слабо мерцающим таинственным мраком, она опутала все вокруг подозрительными полутенями, расплывчатыми контурами то ли реальных, то ли кажущихся предметов.

Гулкая, промерзшая земля. Да ветер. Да затуманенные неясные блики звезд над головой.

Давно потеряна неприметная конная тропа. Едем наугад. Часто спешиваемся, чтобы немного согреться на ходу. Курим, хороня в руках огонек папирсы: места ненадежные, безысходная глушь, ходят слухи о мелких басмаческих шайках — осторожность в такой ситуации не помеха.

Впереди неожиданно что-то светлеет. А что, не понять. Может, снег? Но его так и не было с самого Нового года. На солончак не похоже. Подъезжаем ближе — лед: замерзшее озеро. Противоположный берег чуть-чуть виден во мраке.

Стали у льда. Куда теперь: прямо ли, в объезд ли?

Вдруг слышим, хрипит кто-то на льду. Кони наши забеспокоились, заржали. Пошли мы вдоль берега, видим — что-то большое из льда высовывается, темное и живое. Слышно, как тяжело дышит. От берега это недалеко: метров пятнадцать.

Даю я коней своему спутнику, сам — на лед. Делаю несколько шагов — трещит, не подойдешь.

— Попробуй ты, — говорю товарищу, — ты легче.

Прошел он немного дальше моего. Слышу, и под ним лед трещит. Он тогда ложится и дальше — ползком.

— Ну, что там?

— Лошадь, — отвечает, — голова лошадиная.

Долго возился он около нее, то с одного бока подползет, то с другого.

— Хорошая лошадь, — передает мне, — по голове вижу — текинская... в уздечке!..

Вижу, откатился он в сторону, копошится на льду.

— Эй, чего ты?

— Ватник снимаю, хочу рукав завернуть, пощупать ее подо льдом.

— Да она оседлана! — неожиданно вскрикивает он. — Седло тоже текинское!

Как уж он старался вытащить на лед этого коня! И так, и эдак бился — ничего не удается сделать. Хрипит несчастное животное, тянется к нам, а выбраться не может. Видно, глубина тут немалая: лошадь в рост стоит, а едва только голова из полыни высовывается.

Напрасно ищу я какой-нибудь камень, чтобы пробить им во льду каналец к нашему берегу, нет ничего такого вокруг — голая земля. Верхом к несчастному животному тоже не подъедешь: свою лошадь утопишь.

Не меньше часа возились мы с этой живой головой, а пришлось-таки ни с чем ехать дальше. Жаль было беднягу, да что поделаешь!

Не иначе был это басмаческий конь — мирный пастух своего не бросит. Спешил, по-видимому, бандит, удирал, наверное, пустился напрямик через озеро и недалеко от берега застрял. Ну, и бросил коня, а сам пешком драпать.

Прошло с тех пор уже много лет, а мне и по сей день этого коня жаль. Не выходит он у меня из головы, как будто укор какой. И вспоминать-то тяжело!

ТО, ЧТО ЗАЛОЖЕНО В ЧЕЛОВЕКЕ

ТРУДНОЕ это было время. Недавно кончилась гражданская война. Продовольствия нет. На базарах или пусто, или не по карману. Крутись и выкручивайся как знаешь.

Вот тогда и отправился я на охоту в горы: барана, думаю, подстрелю или козла, или что попадет. Зашел к знакомому охотнику, пошли вместе.

Ничего не подстрелили. Сели на камушек отдохнуть перед обратной дорогой. Пока сидели да на неудачный день сетовали, я все приглядывался к кусту одному подозрительному метрах в ста от нас на крутом косогоре.

— Что это вы все на куст смотрите? — спрашивает мой спутник.

— Да не на куст, а под куст, — говорю, — не пойму, что там прячется... Посмотрел и он.

— Камень, чего еще... Ну, пошли, что ли? Чего тут на куст-то глаза пялить! — Он уже поднимался.

— Постойте! — поймал я его за рукав и заставил опять сесть. — Сейчас в бинокль глянем.

Взнуть бинокль из кармана я так и не успел: куст зашевелился и из не-

го поднялся... матерый светло-серый кабан. Он, видимо, только что проснулся. Сидит на заду, озирается.

Мы так и покатались за камень. Глядим оттуда на кабана.

Посидев немного и не увидев ничего подозрительного, кабан снова улегся на старое место. Мы быстро сговорились. Мой знакомый пошел в обход, чтобы выйти к зверю из-за кустарника, а я занял место в засаде, на случай, если кабан вздумает дать тягу.

Но все обошлось благополучно. Мой напарник подкрался почти вплотную к спавшему кабану и ударил в упор картечью. Кабан на боку забился и бревном покатился под гору.

«Ну, вот, — радовался я, — теперь мы с мясом!»

Долго провозились мы с этой тушей: пока в мешок уложили, пока ослика в кишлаке раздобыли. Наступил вечер.

Доставили мы его в поселок — и прямо в дом к моему напарнику. То-то радости было у домочадцев. Охотник свежевал кабана. Жена его готовила весы для продажи свинины. Покупатели уже толпились у калитки.

— Ты смотри, Марья! — крикнул он дочери, уносившей в ведре потроха. — Обмой все да поаккуратней разложи. Все в продажу пойдет — мяса-то ведь на рынке днем с огнем не сыщешь.

— Эй! — крикнул он еще кому-то из своих. — Кровь вон возьми, — и он поставил на землю собранные в миску черные запекшиеся сгустки.

Мое присутствие, как мне показалось, было ему не особенно приятно: он взглядывал в мою сторону косо и хмуро.

Разделка туши закончена. По всем охотничьим традициям и правилам, мне, обнаружившему дичь, непосредственному участнику ее добычи и доставки домой, принадлежала какая-то определенная доля. В самом деле, не укажи я на этого кабана — он бы так и вернулся ни с чем.

Рассудок мой ясно и четко подсказывал, что я должен предъявить сейчас свои права на часть этой пятипудовой туши, пусть не на половину, пусть, на худой конец, на пять-десять килограммов.

Я скручиваю сигарку и безразличным тоном спрашиваю:

— Ну, а мне как продавать будете, по какой цене? Может, скидку делаете?

— А как всем — цена одна.

Все во мне кипело, я постоял минуту... и ушел вон со двора.

Почему я это сделал? Почему я не потребовал свою долю, почему не изругал его вдоль и поперек, не ославил на весь поселок, так, чтобы проняло его кабанью шкуру?

Почему я не поступил так? В чем тут дело?

В гордости, в деликатности? Вернее всего — в «слабости» моей интеллигентской. Никчемное это качество!

ДРУЗЬЯ НАШЕГО ЖУРНАЛА

«Звезду Востока» читают ныне во всех уголках Советского Союза. Для тех, кто не хочет ограничиваться общими представлениями о нашей республике и ее людях, кого интересует современная культурная и общественно-политическая жизнь нашего края, кто испытывает желание, образно говоря, ежемесячно проводить в солнечном Узбекистане несколько часов и дней, не покидая Сибири или Прибалтики, Кавказа или Дальнего Востока,— журнал «Звезда Востока» стал необходимым изданием.

Только за последние месяцы география распространения журнала пополнилась целым рядом не только городов, но и сел, деревень, кишлаков, аулов. Нам все чаще пишут друзья-читатели из Москвы и Ленинграда, Киева и Минска, Душанбе и Фрунзе, Донецка и Ново-Кузнецка, Перми и Южно-Сахалинска, села Дашки Рязанской области и деревни Ретюнь области Ленинградской, из Ургутского района Самаркандской области и из поселка Камашаи области Кашкадарьинской.

Доцент Л. К. Байкалов, например, пишет: «Большой интерес у жителей далекого Севера вызвал впервые появившийся в г. Якутске журнал «Звезда Востока». У нас в киосках «Союзпечати» можно было приобрести и «Простор», и «Неман», и «Радугу», и «Урал», а вот вашего журнала не было... От имени многих моих сотрудников в Госуниверситете большая просьба к Редколлегии: проследить за тем, чтобы журнал «Звезда Востока» регулярно высылался в г. Якутск. Наверняка число подписчиков увеличится».

Подобные письма, а также письма с просьбами выслать тот или иной номер журнала десятками идут в адрес редакции изо дня в день. И примечательно, что многие друзья-читатели «Звезды Востока» становятся ее инициативными распространителями-пропагандистами.

В № 5 «Звезды Востока» за нынешний год мы рассказали о нашей читательнице Наталье Федотовне Кизимовой — операторе-терриконнице шахты «Комсомолец» Горловского района. В 1966 году только на одной шахте она оформила около 100 подписок на «Звезду Востока», а в 1967 году здесь подписалось уже более 200 человек.

— Будет гораздо больше,— сообщает в редакцию Наталья Федотовна.— Просто-напросто о «Звезде Востока» в наших краях еще многие не знают. Все, кто выписывал ее в минувшем году, выписали и в нынешнем, да еще и соседям, друзьям, знакомым рассказали об этом издании. Словом — цепная реакция началась...

Вот некоторые данные. В деревне Ретюнь, Ленинградской области, в 1966 году «Звезду Востока» читал только Иван Павлович Антонов, а в нынешнем году здесь у нас уже десять постоянных подписчиков. В городе Гусеве Калининградской области, где живет друг нашего журнала Илья Яковлевич Баевский, — ныне уже три подписчика. А в селе Дзвиняча, Збаражского района Тернопольской области наша постоянная подписчица Мария Николаевна Язлюк приобщила к «Звезде Востока» своих односельчан — М. Н. Воробец, Г. Т. Святун, Р. С. Ганжу, М. С. Волинец, Л. С. Избаш, Г. А. Бутко, Т. С. Климчук, Р. Ф. Гнатюк, И. Н. Ганжу.

«Пускай «Звезда Востока» сияет на всю страну! Искренне!» — пишет в редакцию друг нашего журнала из города Дружковка Донецкой области Дмитрий Павлович Калюжный, о котором редакция писала в двенадцатой книжке «Звезды Востока» за минувший год. Ныне он распространил среди читателей Дружковки тридцать экземпляров «Звезды Востока».

Характерное сообщение пришло из города Кимовска Тульской области. В прошлом году здесь было не более десяти подписчиков «Звезды Востока», ныне их — 31. Во многом этому способствовал первый постоянный читатель нашего журнала — горный диспетчер Болеслав Андреевич Барташевич.

Заинтересовались «Звездой Востока» и в г. Енакиеве Донецкой области, особенно на шахте 1—2 «Красный Октябрь». Нашим активным другом-распространителем там стал заместитель главного инженера шахты по научным и техническим вопросам Михаил Васильевич Шереметьев. Молодой инженер, любитель литературы, он одним из первых на шахте познакомился со «Звездой Востока».

— Когда я показал журнал своим друзьям, — рассказывает М. В. Шереметьев, — начальникам участков Александру Александровичу Бахтадзе, Эдуарду Шалвовичу Гулордава, Ивану Михайловичу Рязанцеву, они тут же заинтересовались им, а затем рассказали забойщикам, крепильщикам своих участков о материалах, которые будут печататься в «Звезде Востока» в 1967 году — и вот результат: сейчас на шахте 1—2 «Красный Октябрь» Енакиевского района семьдесят постоянных подписчиков «Звезды Востока». А ведь раньше о ней здесь и не слышали...

Каждый день приносит все новые сообщения о растущей популярности «Звезды Востока». Редколлегия и редакция сердечно благодарят своих друзей за внимание к журналу и приложат все силы к тому, чтобы он оправдывал их читательские надежды.

М. В. Шереметьев.

Рассказ

Младший сын знаменитого английского писателя Артура Конан Дойла, широко известного своими блестящими произведениями о сыщике Шерлоке Холмсе, продолжал дело отца. Адриан Конан Дойл в своем творчестве взял за образец его характерный стиль. Любопытная деталь — он и работал за тем же письменным столом, что и отец.

Книга Адриана Конан Дойла «Подвиги Шерлока Холмса» содержит 12 рассказов, из которых шесть принадлежат перу самого Адриана, а шесть написаны совместно с американским писателем Джоном Диксоном Карром.

— Удивительное дело! — воскликнул я, роняя на пол «Таймс». — Не понимаю, почему до сих пор его семья не обратилась к вам за советом. Мой друг Шерлок Холмс опустился в кресло.

— Если вы имеете в виду убийство в Фаулкс Расе, — сказал он медленно, — то вот эта телеграмма может вас заинтересовать. Она была получена еще до завтрака.

Он вытащил из кармана халата темно-желтый бланк и передал мне. Телеграмма гласила:

«Имея отношение к делу Эддлтона, собираюсь приехать к вам ровно в десять часов пятнадцать минут.

Винсент.»

Я поднял «Таймс» и пробежал глазами газетные строки.

— Здесь ни слова нет о человеке, носящем имя Винсента, — сказал я.

— Это ничего не значит, — ответил Холмс. — Судя по стилю телеграммы, можно предположить, что ее автор юрист старой закваски. Он, вероятно, обслуживает семью Эддлтонов. В нашем распоряжении, Уотсон, остается не-

Engineering Research In

R and J. J. MARTIN

erties of Chlorin

GOWERS, L. J. ... extends to

GRANT, James Shaw, View, ...

HALIFAX, P. Ten Min ...

MAYE, A. Poems, CS, 2, from ...

HOLMES, W. Kestrel, fables, ...

HOMER, W. D. P. ...

ISIDORE, S. A. C. ...

view that th ...

consequent ...

objections, ...

George G. Eggers, ...

view that th ...

consequent ...

objections, ...

George G. Eggers, ...

view that th ...

consequent ...

objections, ...

George G. Eggers, ...

view that th ...

consequent ...

objections, ...

George G. Eggers, ...

view that th ...

consequent ...

objections, ...

George G. Eggers, ...

view that th ...

consequent ...

objections, ...

George G. Eggers, ...

view that th ...

consequent ...

objections, ...

George G. Eggers, ...

view that th ...

consequent ...

objections, ...

George G. Eggers, ...

view that th ...

consequent ...

objections, ...

George G. Eggers, ...

view that th ...

consequent ...

objections, ...

George G. Eggers, ...

сколько минут. Мне нужно освесить в памяти детали этого дела, поэтому прочтите, пожалуйста, в слух наиболее важное из утреннего выпуска. Все комментарию корреспондента пропускайте.

Набив глиняную трубку табаком, Холмс откинулся на спинку кресла и стал задумчиво разглядывать потолок сквозь облака едкого голубого дыма.

— «Трагедия произошла в Фаулкс Расе,— читал я,— старинном Суссекском поместье около Форест Роу у Эшдонского леса. Когда-то на этом месте было кладбище...»

— Факты, давайте факты, Уотсон!

— «Поместье принадлежало полковнику Матиасу Эддлтоу,— продолжал я, не возражая Холмсу.— Как известно, сквайр Эддлтон занимал пост местного мирового судьи и был самым богатым землевладельцем в округе. В число обитателей Фаулкс Раса входили: сам сквайр, его племянник Перси Лонгтон, дворецкий Морстед и четверо слуганок, живущих в доме. Обслуживающий персонал, не живущий в поместье, состоит из конюха и нескольких лесников. Живут они в коттеджах на границах имения. Вчера вечером сквайр Эддлтон и его племянник обедали, как всегда, в восемь часов вечера. После обеда сквайр приказал подать верховую лошадь и около часа отсутствовал. Вернулся к десяти часам. Можно предположить, что после приезда дяди между ним и племянником произошел крупный разговор, так как дворецкий, внося портвейн, видел сквайра красным и злым».

— А племянник? — перебил Холмс.— Его, кажется, зовут Перси Лонгтон?

— «Дворецкий утверждает, что он не видел лица Лонгтона, так как молодой человек отошел к окну, все время, пока дворецкий был в комнате, смотрел во двор. Но, уходя, дворецкий слышал яростную перебранку. А вскоре после полуночи весь дом был разбужен громким воплем, доносившимся из холла. Полуодетые слуги бросились на крик и с ужасом увидели на полу сквайра Эддлтона с рассеченной головой в луже крови. Рядом стоял мистер Перси Лонгтон и сжимал в руках окровавленный средневековый топор палача. Очевидно, орудие убийства было взято из коллекции оружия, висевшего на стене над камином. Лонгтон был так парализован, что с трудом смог помочь поднять голову раненого и остановить кровотечение. Но когда дворецкий Морстед склонился над сквайром, тот, ловя воздух ртом, прошептал: «Это... сде... лал Лонг... Том! Это... сде... лал Лонг... Том!» и замертво упал на руки дворецкого. Немедленно была вызвана местная полиция, которая на основании ряда неопровержимых улик — ссоры между обоими мужчинами, присутствия Лонгтона у тела умирающего и, наконец, слов самого сквайра,— арестовала мистера Перси Лонгтона по обвинению в убийстве сквайра Эддлтона». В разделе последних известий сообщается, что обвиняемый отправлен в Лунс, но он упорно отрицает свою вину. Вот основные факты, Холмс.

Некоторое время мой друг молча курил трубку.

— Что говорит Лонгтон о причинах ссоры? — спросил он, наконец.

— Здесь сообщается, что Лонгтон сам заявил полиции о ссоре с дядей по вопросу продажи фермы в Чэдфорде. Эту продажу Лонгтон считал новым бессмысленным разбазариванием земельных владений.

— Новым?

— Оказывается, сквайр Эддлтон продал за последние два года еще часть имения, — ответил я, бросая газету на кушетку.— Должен сказать, Холмс, мне редко приходилось видеть дело, в котором вина преступника была бы столь очевидной.

— Да,— сказал Холмс.— Действительно, если факты, сообщенные газетой, изложены правильно, я не могу представить себе, для чего этот мистер Винсент намеревается отнимать у меня время. Но вот, если не ошибаюсь, наш клиент уж поднимается по лестнице.

Послышался стук в дверь, и миссис Хадсон доложила о приходе мистера Винсента. Наш посетитель оказался маленьким, пожилым, с длинным бледным лицом в бакенбардах. Некоторое время он стоял молча, разглядывая нас близорукими глазами через пенсне.

— Как это нехорошо с вашей стороны, мистер Холмс! — воскликнул он резко.— Ведь моя телеграмма предполагала абсолютное сохранение тайны, сэр. Дело моего клиента...

— Это мой коллега, доктор Уотсон,— прервал Холмс, жестом приглашая посетителя сесть.— Я заверяю вас, что присутствие доктора Уотсона может оказаться неопечным.

Мистер Винсент повесил шляпу и, опустившись на стул, обратился ко мне:

— Прошу поверить, доктор Уотсон, что у меня не было ни малейшего намерения обидеть вас. Но это ужасное утро, смею сказать, совершенно ужасное для тех, кто уважает семью Эддлтонов из Фаулкс Раса...

— Совершенно верно,— согласился Холмс.— Но я думаю, что утренняя

прогулка пешком до железнодорожной станции могла немного успокоить ваши нервы. Физические упражнения действуют успокаивающе.

Наш посетитель поднял брови.

— Послушайте, сэр, я не могу понять, каким образом вы...

— Ну-ну, — прервал его Холмс. — Ведь ясно, что человек, ехавший до станции в экипаже, не может появиться с брызгами свежей глины на левом гетре и таким же пятном глины на кончике палки. Вы шли по каменной сельской тропинке, но вам, очевидно, пришлось пересечь вброд ручей.

— Ваши выводы совершенно правильны, сэр, — ответил мистер Винсент, с удивлением рассматривая Холмса поверх пенсне. — Моя лошадь на пастбище, а в деревне не оказалось даже клячи. Так я смею просить вас, мистер Холмс, или, вернее, самым настоятельным образом требовать помощи моему несчастному клиенту, мистеру Перси Лонгтону.

Холмс откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Боюсь, что я ничем не смогу помочь, — заявил он. — Доктор Уотсон уже сообщил мне основные факты, и они, пожалуй, неоспоримо доказывают вину Лонгтона. Кто ведет дело?

— Местная полиция связалась с Скотланд-Ярдом. К нам направили некоего инспектора Лейстрейда... Боже мой! Мне кажется, мистер Холмс, у вас мучительный приступ ревматизма... Может быть, мне нужно было бы пояснить вам, — продолжал посетитель, — что я — старший компаньон юридической конторы Винсент, Пибори и Винсент, в Форест Роу, и Эддлтоны уже более пятидесяти лет доверяют нам ведение своих дел.

Холмс взял газету и, отметив ногтем статью, передал ее юристу, не говоря ни слова.

— Сообщение достаточно точное, — сказал грустно юрист, пробежав глазами газетный столбец. — Но здесь не сказано, что входная дверь оказалась незапертой, хотя сквайр говорил дворецкому Морстеду, что он ее закроет сам.

Холмс насторожился.

— Не заперта, говорите вы? Гм! Но это можно объяснить тем, что сквайр Эддлтон просто забыл это сделать. И все же, в этом деле один или два пункта мне еще не совсем ясны.

— А именно, сэр?

— Убитый был в ночном белье?

— Нет, он был одет. В ночном белье был мистер Лонгтон.

— После обеда сквайр уехал из дома примерно на час. Часто ли совершал он такие ночные прогулки верхом?

Мистер Винсент перестал приглаживать бакенбарды и бросил пылливый взгляд на Холмса.

— У сквайра не было такой привычки, — ответил он визгливо. — Но ведь он вернулся невредимым, и я не понимаю...

— Совершенно верно, — подтвердил Холмс. — Вы считали сквайра человеком богатым? Прошу ответить точно.

— Матнас Эддлтон был очень богатым. Около сорока лет тому назад он эмигрировал в Австралию. В семидесятых годах вернулся с большим состоянием, приобретенным на австралийских золотых приисках. После смерти своего старшего брата он унаследовал родовое имение в Фаулкс Расе. К сожалению, я не могу утверждать, что его любили соседи. Это был очень замкнутый человек. Его боялись как мирового судью. Словом, он был жесткий, резкий, тяжелый человек.

— А мистер Перси Лонгтон был с дядей в хороших отношениях?

Минуту юрист колебался.

— Боюсь, что нет, — сказал он медленно. — Мистер Перси — сын покойной сестры сквайра. В Фаулкс Расе он живет с детства. Сейчас управляет имением дяди. Он, конечно, является наследником всего майората, включая дом и часть земли. Лонгтон негодовал, когда дядя продавал фермы и участки. Вот это-то и явилось причиной враждебных отношений между ними. Хуже всего то, что именно в эту ночь его жены не было дома.

— Его жены?

— Да. Миссис Лонгтон милая, очаровательная молодая женщина. Она осталась на ночь у друзей в Ист Гринстеде и должна была вернуться сегодня утром. — Винсент помедлил. — Бедная маленькая Мэри, — закончил он тихо. — Какой ужасный сюрприз для нее! Сквайр убит, а ее муж обвинен в убийстве!

— Еще один, последний вопрос, — сказал Холмс. — Что говорит ваш клиент о событиях этой ночи?

— Его версия очень проста, мистер Холмс. Он утверждает, что за обедом сквайр объявил о намерении продать ферму в Чэдфорде, а когда Лонгтон стал говорить ему о нецелесообразности такой продажи и о большом ущербе, который она принесет имению, сквайр очень грубо ответил ему. Это и вызвало разговор на повышенных тонах. Потом сквайр приказал подать верховую лошадь и, не говоря ни слова, уехал из дома. Возвратившись, он потренировал

бутылку портвейна и пригласил племянника. Спор возобновился. Но мистер Перси вскоре пожелал дяде спокойной ночи и удалился к себе в комнату. Он был очень возбужден и не мог уснуть. По его словам, он дважды садился на постели, ему казалось, что он слышит голос дяди из большого холла.

— Почему же он не пошел проверить это? — резко прервал Холмс.

— Я задал ему тот же вопрос. Он ответил, что дядя сильно пил, и поэтому Лонгтон предположил, что сквайр разговаривает сам с собой. Дворецкий Морстед показал, что это не раз случилось и прежде...

— Продолжайте, пожалуйста.

— Часы над конюшней только что пробили полночь, и Лонгтон стал понемногу засыпать. Вдруг раздался ужасный вопль. Соскочив с кровати, Лонгтон надел халат, схватил свечу и побежал в холл. Открыв дверь, он в ужасе отпрянул. Сквайр Эддлтон лежал в большой луже крови. Мистер Лонгтон бросился к дяде и увидел орудие убийства, топор палача. Лонгтон почувствовал слабость и тошноту. Сам не сознавая, что делает, он наклонился и поднял с пола топор. В этот момент Морстед и перепуганные горничные ворвались в холл. Такова версия моего несчастного клиента.

— Так-так, — сказал Холмс.

Некоторое время мы с мистером Винсентом безмолвно сидели, устремив взгляд на Холмса.

Голова моего друга была откинута на спинку кресла, глаза закрыты. Только тонкая ленточка дыма, поднимавшаяся из глиняной трубки Холмса, свидетельствовала, что за пассивной маской его орлиного лица скрывается напряженная работа мысли. Через минуту он вскочил на ноги.

— Воздух Эшдоны, наверно, не причинит вам вреда, Уотсон, — сказал он энергично. — Мистер Винсент! Мой друг и я в вашем распоряжении.

Было уже за полдень, когда мы сошли с поезда на полустанке Форест Роу. Мистер Винсент телеграфом заказал нам помещение в гостинице «Зеленый человек» — старом потрескавшемся каменном здании. Воздух был пропитан ароматом леса, покрывавшего Суссекские холмы. Лес окружал селение со всех сторон. Когда я глядел на этот зеленый пейзаж, мне казалось, что на фоне безмятежных окрестностей трагедия Фаулкс Рас приобретает еще более зловещий оттенок.

Почтенный юрист, очевидно, разделял мои чувства, в то же время Холмс был целиком погружен в раздумье. Он не принимал никакого участия в разговоре, если не считать его краткого замечания о том, что начальник станции, по-видимому, несчастлив в браке и что он недавно изменил положение своего зеркала для бритья.

Наняв в гостинице одноконный экипаж, мы отправились в поместье Фаулкс Рас, расположенное в трех милях от деревни. Дорога шла по лесистым склонам Пиппингфордского холма.

Мы поднялись на его вершину, и я залюбовался видом чудесной торфяной равнины, поросшей вереском. Мистер Винсент коснулся моей руки.

— Фаулкс Рас, — сказал он.

Это был длинный дом из серого камня. Поля, начинающиеся прямо от стен старинного здания, переходили в глубокую лесистую долину, над ней вертикально поднимался столб дыма и оттуда слышалось гудение паровой пилы.

— Эшдонская лесопилка, — пояснил мистер Винсент. — Эти леса расположены за границами поместья. В радиусе трех миль здесь нет других строений.

Когда мы ехали по подъездной аллее, в дверях дома появился пожилой слуга. Узнав Винсента, он бросился нам навстречу.

— Слава богу, вы приехали, сэр! — воскликнул он. — Миссис Лонгтон...

— Она вернулась? — прервал его мистер Винсент. — Бедняжка! Я сейчас к ней пройду.

— Здесь сержант Клэр и инспектор из Лондона.

— Прекрасно, Морстед.

— Одну минутку! — сказал Холмс. — Перенесли ли куда-нибудь тело вашего хозяина?

— Его положили в оружейную комнату, сэр.

— Надеюсь, больше ни к чему не притрагивались? — спросил Холмс резко.

— Нет, сэр, — пробормотал Морстед. — Все осталось как было.

Из небольшого вестибюля, где Морстед забрал наши шляпы и палки, мы попали сразу в большую комнату с каменными стенами, сводчатым потолком и несколькими узкими заостренными вверх окнами. Их стекла были расписаны цветными гербами, через которые еле пробивались лучи вечернего солнца. Тощий мужчина, сидевший за письменным столом, увидя нас, вскочил и покраснел от негодования.

— Почему вы здесь, мистер Холмс?! — воскликнул он. — В этом деле нет необходимости применения ваших талантов.

— Не сомневайтесь, что вы правы, Лестрейд,— беззаботно ответил мой друг.— Тем не менее, бывали случаи...

— Когда счастье оказывалось на стороне теоретика, мистер Холмс? Кто же вызвал вас сюда, если полицейскому инспектору будет разрешено задать такой вопрос?

— Мистер Винсент, юридический консультант семьи Эддльтонов,— ответил я.— Это он обратился за помощью к мистеру Шерлоку Холмсу.

— Ах, вот как! — воскликнул Лестрейд, бросив недобрый взгляд на маленького человека.— Но теперь уже слишком поздно применять ваши великолепные теории, мистер Холмс. Преступник арестован. Всего хорошего, джентльмены!

— Минуточку, Лестрейд,— сказал Холмс решительно.— В прошлом вам случалось ошибаться, и нет гарантии, что вы и в дальнейшем не наделаете ошибок. Возможно, в данном случае вы действительно арестовали виновного, и, должен признаться, пока я и сам так думаю. Однако вы ничего не потеряете, если мне придется подтвердить вашу правоту. С другой стороны...

— Ах, это постоянное «с другой стороны»! Впрочем,— неохотно добавил Лестрейд,— я не считаю, что ваши расследования могут принести вред. Если желаете терять время, мистер Холмс — дело ваше. Ах, доктор Уотсон, какое невероятное преступление!

Я последовал за Холмсом к камину в дальний угол комнаты и отшатнулся при виде ужасной картины. На дубовом полу — большое черное пятно. Камин и даже стенная панель вблизи были покрыты брызгами и пятнами темно-красного цвета.

Мистер Винсент, бледный, как смерть, отвернулся и упал на стул.

— Остановитесь, Уотсон,— отрывисто приказал Холмс.— Я полагаю, Лестрейд, что здесь не было отпечатков ног? — Он указал на забрызганный кровью пол.

— Здесь были следы только одного человека, мистер Холмс, Перси Лонгтона,— с кислой улыбкой ответил Лестрейд.

— Вот как! Похоже, что вы кое-чему научились. Между прочим, что с халатом обвиняемого?

— Как что?

— Посмотрите на стены, Лестрейд, на стены! Конечно, если грудь халата Лонгтона также испачкана кровью, можно будет быстро согласиться с вашими доводами.

— Рукава халата пропитаны кровью, если вы именно это имели в виду.

— Ну, это вполне естественно. Ведь Лонгтон помогал поднять голову умирающего. Рукава мало что дают. Халат у вас?

Инспектор Скотланд-Ярда пошарил в своем кожаном саквояже и вытащил серый шерстяной халат.

— Вот он.

— Гм! Пятна на рукавах и краях халата. А на груди ни одного пятна. Любопытно, но, к сожалению, неизбежно. А! Это орудие преступления!

Лестрейд вытащил из саквояжа жуткий предмет. Это был топор с коротким и узким топорником и широким лезвием. Он был целиком из стали.

— Это, очевидно, очень старинная вещь,— сказал Холмс, рассматривая лезвие через лупу.— Между прочим, куда был нанесен удар?

— Вся верхняя часть черепа сквайра Эддльтона была рассечена, как гнилое яблоко,— ответил Лестрейд.— Поистине чудо, что к нему вернулось сознание хотя бы на миг. Чудо, довольно-таки неприятное для мистера Лонгтона,— добавил он.

— Говорят, сквайр проиграл его имя.

— Да.

Стройная молодая женщина, рыдая, вбежала в комнату. Ее темные глаза лихорадочно горели, руки были крепко сжаты.

— Спасите его! — дико кричала она.— Он невиновен, клянусь вам! О, мистер Холмс, спасите моего мужа!

— Не думаю, чтобы кто-нибудь из нас, не исключая даже Лестрейда, остался равнодушным в этот момент.

— Я сделаю все, что в моих силах,— сказал Холмс мягко.— А теперь расскажите мне о своем муже.

— Он самый добрый человек на свете!

— Не сомневаюсь. Но я имею в виду его внешние данные. Например, могли бы вы сказать, что он ростом выше сквайра Эддльтона?

Миссис Лонгтон удивленно взглянула на Холмса.

— Конечно, нет,— сказала она.— Ведь сквайр выше шести футов...

— Так. Мистер Винсент, может быть, вы сможете уточнить, когда сквайр Эддлтон начал продавать свое имение по частям?

— Первая продажа имела место два года тому назад, вторая примерно

This book provides the way to more effective language teaching.

The difficulties in language learning can be anticipated, as Dr. Lado shows, by comparing the target language with the language to be learned. This makes possible a re-evaluation of the materials and methods which form the basis for better textbooks. The book discusses problems common to all languages: pronunciation, grammar, and cultural patterns. It is an extensive class text for English Language used effectively in the classroom.

колебания. — А теперь, мистер Холмс, если я вам не нужен, я уведу миссис Лонгтон в гостиную.

Мой друг поклонился.

— Нам незачем больше беспокоить миссис Лонгтон, — сказал он. — Но мне хотелось бы сказать несколько слов дворецкому.

В ожидании последнего Холмс подошел к окну и, заложив руки за спину, глядел на пустынный ландшафт. Лестрейд, снова усевшийся за письменный стол, грыз кончик ручки и с любопытством глядел на Холмса.

— А, Морстед! — сказал Холмс, когда вошел дворецкий. — Вы, конечно, хотите сделать все, чтобы помочь мистеру Лонгтону. Мы приехали сюда с тем же намерением.

Дворецкий беспокойно переводил взгляд с Лестрейда на Холмса.

— Ну-с, — продолжал мой друг, — я уверен, что вы сможете оказать эту помощь. Например, постарайтесь вспомнить, не получал ли сквайр писем в тот вечер.

— Да, сэр. Он получил одно письмо.

— Вот как! Не можете ли вы еще чего-нибудь добавить?

— Боюсь, что нет, сэр. На конверте был местный штемпель, сам конверт был обычный, дешевый. Такими пользуются все. Но меня удивило... — Дворецкий на миг замаялся.

— Что же удивило вас? Может быть, поведение сквайра? — тихо спросил Холмс.

— Да, сэр, как раз это самое. Как только я подал ему письмо, он тут же вскрыл его и начал читать. По мере того, как он читал, на его лице появилось такое выражение, что я был рад убраться из комнаты. Когда я вернулся, сквайр вышел, а на колосниках камина тлели куски сожженной бумаги.

Холмс потер руки.

— Ваша помощь неоценима, Морстед, — сказал он. — Теперь вспоминайте хорошо. Полгода тому назад, как вы, может быть, знаете, ваш хозяин продал участок земли. Вы, конечно, не сможете припомнить, не приходило ли к вашему хозяину в то время письмо.

— Нет, сэр, не помню.

— Это естественно. Благодарю вас, Морстед, я думаю, это все.

Что-то в голосе Холмса заставило меня поднять на него глаза, и я изумился перемене, происшедшей в нем. Глаза Холмса горели от возбуждения, легкая краска появилась на щеках.

— Садитесь, Уотсон, — пригласил он, — вон туда. — Он выхватил лупу из кармана и начал тщательный осмотр.

Я с увлечением следил за ним. Камин, каминная доска, даже пол подверглись тщательному и методичному осмотру, Холмс ползал на коленях.

В середине комнаты лежал персидский ковер. Добравшись до него, Холмс вдруг замер на месте.

— Вам следовало бы заметить это, Лестрейд, — тихо сказал он. — Здесь видны слабые отпечатки ноги.

— Что из этого, мистер Холмс? — ухмыльнулся Лестрейд, подмигивая мне. — По этому ковра ходило много народу.

— Но в последние дни не было дождя. Сапог, оставивший этот след, был слегка влажный. Мне незачем объяснять вам причины. Алло! А это еще что?

Холмс соскоблil что-то с ковра и тщательно рассмотрел через лупу. Лестрейд и я подошли к нему.

— Ну, что же это?

Не говоря ни слова, Холмс передал лупу инспектору и протянул руку, в которой что-то лежало.

— Пыль, — объявил Лестрейд.

— Сосновые опилки, — спокойно возразил Холмс. — Мелкие крупинки ясно видны. Заметьте, что я соскоблil их со следа сапога.

— Правильно, Холмс! — воскликнул я. — Но мне непонятно...

Мой друг взглянул на меня блестящими глазами.

— Пойдемте, Уотсон, — сказал он, — разыщем конюшню.

На мощеном дворе мы подошли к конюхе, который насосом накачивал

воду. Я еще прежде говорил, что Холмс обладал даром заводить непринужденные беседы с трудовым людом. Обменявшись с конюхом несколькими словами, он добился полного его доверия, и, когда мой друг высказал мысль, что сейчас, наверно, трудно будет установить, на какой лошади ездил в ту ночь его хозяин, конюх тут же ответил:

— Это была Рейнджер, сэр. Вот ее стойло. Вы хотите посмотреть копыта? Почему бы нет? Вот, пожалуйста, и можете скрести их своим ножом сколько душе угодно.

Холмс внимательно осмотрел кусочки земли, снятые с копыта лошади, осторожно спрятал их в конверт и, вложив в руку конюха полсовершенна, снова вошел в дом.

— Теперь, Уотсон, нам осталось только одно: забрать шляпы и палки и вернуться в гостиницу, — внезапно объявил Холмс. — А, Лестрейд! — продолжал он, когда инспектор Скотланд-Ярда появился в дверях. — Я хочу обратить ваше внимание на стул возле камина.

— Но ведь около камина нет стула!

— Вот поэтому-то я и обращаю на него ваше внимание. Пойдемте, Уотсон, нам здесь нечего больше делать.

Вечер прошел довольно приятно, хотя я немного досадовал на Холмса. Он отказался отвечать на мои расспросы под предлогом, что завтра сможет дать более подробный ответ. Холмс вступил с хозяином гостиницы в разговор на местные темы, которые для нас, посторонних, не представляли, в сущности, никакого интереса.

Проснувшись на следующее утро, я с удивлением узнал, что мой друг уже успел позавтракать и два часа тому назад куда-то ушел. Я как раз заканчивал завтрак, когда Холмс вернулся, по-видимому, очень освеженный утренней прогулкой.

— Где вы пропадали? — спросил я.

— Я следовал примеру ранней птицы, Уотсон, — рассмеялся он. — Если вы уже покончили с завтраком, едем в Фаулкс Рас за Лестрейдом. Наступил момент, когда он может оказаться полезным.

Через полчаса мы снова были в старом поместье. Лестрейд приветствовал нас довольно нелюбезно, и, выслушав моего друга, с изумлением взглянул на него.

— Ну зачем нам бродить по торфяным полям? — сказал инспектор. — Какая муха вас укусила, Холмс?

Мой друг ответил сухо:

— А я-то думал предоставить вам возможность самому арестовать убийцу сквайра Эддлтона.

Лестрейд схватил Холмса за руку.

— Вы это серьезно?! — воскликнул он. — А как же с уликами? Ведь они ясно доказывают...

Шерлок Холмс молча указал пальцем на длинные склоны вересковых полей, за которыми виднелась лесистая долина.

— Там, — спокойно сказал он.

Эту прогулку я долго буду помнить. Я знаю, что Лестрейд, как и я, не имел ни малейшего представления, куда мы идем. Мы следовали за высокой худощавой фигурой Холмса по лугам, каменистой дороге, по пустынным торфяникам. Пройдя свыше мили, мы добрались до поросшей лесом долины и вошли в тень сосен. До нас доносилось жужжание паровой лесопилки, похожее на гудение гигантского насекомого. Воздух был насыщен характерным запахом обжигаемого дерева. Вскоре мы оказались среди штабелей строевого леса Эшдонской лесопилки.

Не колеблясь ни минуты, Холмс направился к хижине с надписью «Управляющий» и решительно постучал. Миг ожидания — и дверь распахнулась.

Мне редко приходилось видеть более внушительную фигуру, чем та, которая появилась перед нами на пороге. Хозяин хижины был гигантского роста, его широкие плечи закрывали всю дверь, спутанные волосы рыжей бороды свисали на грудь наподобие львиной гривы.

— Что вам нужно? — проворчал он.

— Полагаю, что имею удовольствие говорить с мистером Томом Грирли? — вежливо спросил Холмс.

Человек не отвечал. Он откусил кусок жевательного табака. Его глаза холодно глядели на нас.

— Ну и что же, если это так? — спросил он наконец.

— Друзья называют вас Лонг Том — Длинный Том, не правда ли? — сказал спокойно Холмс. — Так вот, мистер Томас Грирли, думаю, что вы поступаете неблагородно, заставляя ни в чем неповинного человека расплачиваться за ваши злодеяния.

Одно мгновение гигант стоял неподвижно, словно каменный, затем с диким ревом бросился на Холмса. Мне удалось обхватить его за талию, а руки Холм-

out-of-doors—tourist, sportsman, teacher, or student. Most mammals in the Great Lakes Region are identified quickly and easily through the use of the simple illustrations. For each of the seventy individual maps that show their distribution in the Great Lakes Region and throughout North America.

The text gives weights, measurements, and adaptations to life in fields of reference for the life of mammals.

field marks. A quick animal, gestation of teeth, toes.

May 1975

per \$3.75

са были погружены в торчащую, спутанную бороду Грирли. Все же нам пришлось бы плохо, если бы Лестрейд не приставил револьвер к виску этого человека. Только прикосновение холодной стали заставило его прекратить сопротивление. В ту же минуту Холмс зашлепнул наручники на его огромных узловатых руках.

По блеску глаз Грирли, я предположил было, что он снова собирается наброситься на нас, но он вдруг грустно рассмеялся и обратился к Холмсу:

— Не знаю, кто вы, мистер, — сказал он, — но вы ловко это проделали. Если расскажете мне, как вам это удалось, я отвечу на все ваши вопросы.

Он провел нас в небольшую контору и бросился на стул, предоставив нам самим устраниваться как угодно.

— Как вы меня нашли, мистер?

— беззаботно спросил он, поднимая скованные руки, чтобы откусить еще кусок табака.

— К счастью для невинного, мне удалось обнаружить кое-какие следы вашего присутствия, — сказал Холмс. — Признаюсь, когда мне предложили расследовать это дело, я был убежден в виновности мистера Перси Лонгтона. Эта уверенность сохранилась у меня и по прибытии на место преступления. Но вскоре я познакомился с рядом деталей, которые были незначительны сами по себе, но бросали новый свет на все это дело. Ужасный удар, убивший сквайра Эддлтона, испачкал кровью камин и даже часть стены. Почему же не было пятен на груди халата того человека, который нанес этот удар? В этом было что-то непонятное, вызывающее сомнение. Далее, я заметил, что у каминна, где лежал убитый, не было стула. Значит, сквайра ударили, когда он стоял, а не сидел, а так как была рассечена верхняя часть черепа, значит удар был нанесен с того же уровня, если не с большей высоты. Когда я узнал от миссис Лонгтон, что сквайр имел свыше шести футов роста, у меня уже не было сомнений в том, что в ходе следствия возникла серьезная ошибка. Мне удалось установить, что в то утро сквайр получил письмо, которое он, по видимому, сжег. Сейчас же вслед за этим он поссорился с племянником по поводу предполагаемой продажи одной из ферм. Сквайр Эддлтон был богатым человеком. Спрашивается, к чему же было тогда периодически продавать свои земли, причем, первая продажа была произведена два года тому назад. Ясно, что его жестоко шантажировали.

— Ложь, клинусь богом! — прервал яростно Грирли. — Он должен был только вернуть то, что ему не принадлежало. В этом заключается истина.

— Осматривая комнату, — продолжал мой друг, — я обнаружил следы сапог, на что и обратил ваше внимание, Лестрейд, а так как погода была сухая, то я, разумеется, понял, что след был оставлен после совершения преступления. Сапог этого человека оказался влажным потому, что он ступил в лужу крови. Сквайр, под влиянием резких протестов своего племянника, после обеда куда-то уехал верхом. Ясно, что он хотел переговорить с кем-то, быть может, умолять его. В полночь этот человек пришел в дом. Он должен был обладать очень высоким ростом и огромной силой, чтобы с одного удара расцелить череп. На подошвах ног этого человека были сосновые опилки. Между мужчинами произошла ссора, возможно, из-за отказа платить, затем более высокий человек сорвал со стены оружие и, раздробив череп сквайра, скрылся. Где, спрашивал я себя, можно найти землю, смешанную с древесными опилками? Конечно, в лесопилке. А здесь в долине находится только Эшдонская лесопилка. Мне еще прежде приходила мысль, что ключ к этому ужасному преступлению следует искать в прежней жизни сквайра. Поэтому я провел поучительный вечерок, болтая с хозяином нашей гостиницы. Задавая, по его мнению, праздные вопросы, я вытянул из него ценные сведения. Два года тому назад какой-то австралиец был назначен управляющим Эшдонской лесопилкой по личной рекомендации сквайра Эддлтона. А сегодня утром, когда вы вышли из своей хижины, Грирли, чтобы дать рабочим дневное задание, я стоял за этими штабелями строевого леса. Я увидел вас и понял, что дело закончено.

Австралиец напряженно, с горькой улыбкой слушал рассказ Холмса.

— Моя беда заключается в том, что он пригласил именно вас, мистер, — сказал он дерзко. — Но я не хочу нарушать нашего уговора и расскажу вам сейчас то немногое, чего вы еще не знаете. История начинается с семидесятих годов, когда недалеко от Калгурли было открыто месторождение золота. У меня был младший брат, который вступил в компанию с англичанином, носившим имя Эддлтона. Оба, разумеется, разбогатели.

В те времена дороги к золотым приискам были небезопасны, потому что в зарослях орудовали беглые каторжники. Так вот, всего лишь через неделю после того, как мой брат и Эддлтон напали на новую жилу, был ограблен транспорт с золотых приисков в Калгурли, стражник и кучер застрелены. По ложному доносу Эддлтона мой несчастный брат был схвачен и обвинен в нападении на транспорт с золотом. В те дни закон действовал быстро, и брата в ту же ночь повесили на дереве. Золотоносная жила осталась целиком во владении Эддлтона. Меня в то время не было на месте, я работал на рубке строевого леса в Голубых Горах. Лишь через два года я узнал от одного золотоискателя правду, которую сообщил ему перед смертью помощник повара. Этот помощник повара был в свое время подкуплен Эддлтоном. Эддлтон нажился и вернулся в Старый Свет. У меня же не было ни гроша, чтобы поехать за ним. С этого дня я начал откладывать деньги, чтобы поехать разыскивать убийцу моего брата... Да, убийцу, будь он проклят! Только через двадцать лет я нашел его, и этот миг вознаграждает меня за все годы лишения и ожидания.

«Доброе утро, Эддлтон», — сказал я. Его лицо сделалось серым, трубка выпала из рта.

«Лонг Том Грирли!» — проговорил он и задохнулся. Я подумал, что он лишится сознания. Ну, мы с ним побеседовали, и я заставил его дать мне эту работу. И начал я выкачивать из него деньги. Это был не шантаж, мистер, а восстановление моих прав на имущество погибшего брата. Два дня тому назад я снова написал ему письмо, и ночью он приехал ко мне верхом, ругаясь и клянясь, что я разоряю его. Я сказал, что даю ему срок до полуночи: будет он платить или нет? Я обещал приехать к нему за ответом.

Он ждал меня в холле, обезумевший от спирта и злобы. Он бранился, кричал, что не боится моего доноса в полицию. Неужели, говорил он, поверят словам грязного австралийского лесоруба, а не ему, владельцу поместья и мировому судье!

«Я так же удружу тебе, как удружил в свое время твоему никчемному брату», — кричал он. Эти слова и заставили меня совершить то, что я сделал. В моем мозгу что-то защелкнулось, я сорвал со стены первое попавшееся под руку оружие и ударил по рычащей, оскаленной голове Эддлтона. Минуту я молча смотрел на него... «Это тебе за меня и за Джима», — прошептал я, повернулся и убежал. Вот и вся моя история, мистер. А теперь я хочу, чтобы вы увели меня прежде, чем вернутся мои рабочие.

Лестрейд и его пленник уже дошли до двери, когда их остановил голос Холмса:

— Мне хотелось бы знать, — сказал он, — известно ли вам, каким именно оружием вы убили сквайра Эддлтона?

— Я уже сказал, что схватил со стены первое попавшееся оружие. Кажется, это был топор или дубинка...

— Это был топор палача, — сказал Холмс.

Австралиец ничего не ответил, но когда он пошел к дверям за Лестрейдом, мне показалось, что странная улыбка осветила его грубое бородатое лицо. Мой друг и я медленно шли по лесу.

— Странно, — сказал я, — что ненависть и чувство мести могут жить двадцать лет.

— Дорогой Уотсон, — возразил Холмс, — вспомните старую сицилианскую поговорку: месть — это единственное блюдо, которое особенно вкусно, когда его едят в холодном состоянии. Но, посмотрите-ка, — продолжал он, прикрывая рукою глаза, — вон какая-то женщина бежит к нам по тропинке. Это, видимо, миссис Лонгтон. Хотя я и обладаю некоторым количеством рыцарских чувств, я не в настроении слушать излияния женской благодарности. Поэтому давайте пойдем боковой тропинкой за кустами. Если мы прибавим шагу, мы успеем к вечернему поезду, в Лондон.

Перевел с английского В. Штенгель.

ВЕНЕРА ЗА 400 ПИАСТРОВ

Вот уже более 140 лет мраморная статуя Венеры Милосской украшает Луврский музей в Париже. Многочисленные посетители подолгу останавливаются перед замечательным произведением искусства, созданным неизвестным греческим скульптором. Но мало кто знает, как попал этот шедевр с греческого острова Милос в залы Лувра. На этот счет существует много вариантов различных историй и поэтических легенд, единственным недостатком которых является то, что все они — вымышленные.

В действительности дело было так.

Однажды сентябрьским утром 1821 года французский военный корабль «Мессажер» бросил якорь в гавани острова Милос. Группа французских моряков, среди которых был молодой офицер Оливер д'Увриль, сошла на берег. Оливера товарищи называли «художником», так как он все свое свободное время посвящал живописи.

Красота острова так поразила д'Увриль, что он поднялся на прибрежную скалу и стал набрасывать эскизы. Работа захватила его, и он не заметил, как к нему подошел старик. Назвав себя Георгосом, он спросил д'Увриль, есть ли у него деньги.

— Смотри для чего, — уклончиво ответил офицер. Старик осторожно оглянулся кругом и прошептал:

— Вы не желаете купить мраморную статую, женщину, невиданной красоты?

Дайте мне 400 пиастров, и она ваша.

Д'Увриль заинтересовался. Ему было известно, что в этих краях из земли иногда выкапывают ценные вещи, и некоторые английские офицеры разбогатели, скупая здесь античные находки и перепродавая их музеям европейских столиц. У него не было четырехсот пиастров, но в случае необходимости он мог занять их у капитана. Кроме того, на острове в это время находился торговый агент французского посольства в Константинополе Брест. Д'Увриль обратился к нему.

Вдвоем они отправились к Георгосу, и тот повел гостей в хлев, где содержались его козы и осел. Когда груды сухих веток и тряпья была разобрана, д'Увриль и Брест увидели статую богини Афродиты. Позже д'Увриль писал в своих воспоминаниях: «Красота этой статуи была ошеломляющей. Ее невозможно описать словами».

Со стариком был заключен договор с условием подождать 2—3 дня, чтобы получить разрешение французского посла в Константинополе на выплату денег. Но Георгос не хотел ждать — деньги ему были нужны срочно. Он обратился к священнику православной церкви на Милосе с просьбой одолжить д'Уврилью необходимую сумму. Священник был сведущ в археологии и сразу понял, какую ценность для греческого народа представляет эта скульптура. Он запре-

тил Георгосу продавать статую французско-католику и предложил ему за нее вдвое большую сумму. Старик согласился.

На соседнем острове Сирос жили богатые греческие купцы. Некоторые из них изъявили желание купить «старый мрамор», как они говорили, «для нации». На Милос приехал их уполномоченный с деньгами, и в ту же ночь статую перенесли на греческую шхуну. Но утром, когда шхуна должна была выйти в открытое море, на «Мессажер» прибыли от французского посольства археолог и казначей с 10000 пиастров и приказом приобрести античную скульптуру за любую цену.

Узнав, что статуя находится на борту греческой шхуны, Брест пришел в ярость. Но греческие моряки не имели никакого желания отказаться от своей покупки. Тогда «Мессажер» навел на маленькое суденышко свои орудия. После двухчасового боя французы перенесли Афродиту на свой корабль.

Так Венера Милосская, как с тех пор начали называть статую, попала в Париж и вот уже почти полтора столетия является символом вечной красоты мира, а для греческого народа, кроме того — ярким свидетельством дерзкого грабежа его национальных богатств.

Перевод с украинского
Э. ПОТАЮК.

(Из журнала «Всесвіт». Киев.).

КАЛЕЙДОСКОП

**Литература
театр
кино
живопись
музыка**

Выйдут в 1967 году...

Многим произведениям поэзии и прозы, увидевшим свет в минувшем году, сопутствовал успех. И каждого, кто следит за книжными новинками, не может не интересовать вопрос, чем же порадуют читателей литераторы республики в 1967 году.

Всё, что планирует выпустить издательство художественной литературы имени Гафура Гуляма, так или иначе связано с приближающейся знаменательной датой — 50-летием Великого Октября. Это будут книги, рассказывающие о судьбах народных в наиболее сложные и драматические периоды истории нашего государства. Разумеется, всего, что появится на книжных прилавках, не перечислишь. Поэтому назовем лишь наиболее значительные произведения.

Новый роман Айбека «Великий путь», который

выйдет на узбекском языке, посвящен жизни крестьянства. Он рассказывает о годах, когда решался вопрос, кому быть хозяевами на земле: дехканину или баю. Книга Хамиды Гуляма «Сердце матери» рисует Ташкент в дни Великой Отечественной войны, героический труд города, ковавшего победу для фронта. В центре произведения обаятельный образ узбекской женщины Ойнысы, прошедшей нелегкие испытания на своем жизненном пути.

Кроме названных, на узбекском языке выйдут избранные произведения И. Рахима, поэма Мирмухсина «Ширак», сборник песен «Гульёр» Т. Тулы.

Русский читатель познакомится с переводами лучших книг узбекских литераторов. В сборник «Гранат», представляю-

щий собой антологию узбекского рассказа, войдут лучшие произведения этого жанра, созданные за 50 лет. Готовится к печати роман Т. Каишбергенова «Дочь каракалпака», рассказывающий о событиях первых лет Советской власти. Они проследятся через трудную судьбу молодой женщины, вместе со своим народом борющейся за право на счастье. Выйдут в свет сборник стихов Аскада Мухтара, драма М. Шейхазаде «Мирзо Улугбек».

Читатели, которым пришлось по душе роман С. Бородина «Звезды над Самаркандом», получат третью его часть — «Молниеносный Баязет». М. Швердин выпускает роман «Семь смертных грехов». А. Иванов, Б. Пармузин и В. Александров также представят на суд читателя свои новые произведения.

Премьера за премьерой

Нынешний сезон в театре имени Алишера Навои, как ни один другой, насыщен премьерами. В первых числах февраля зрители увидят балет А. Хачатуряна «Спартак», поставленный Ибрагимом

Юсуповым. Перед ним и всем артистическим ансамблем стояла довольно сложная задача. Балет идет во многих театрах страны, и надо было найти для него свое, непохожее на другие, решение. Пусть

не в полной мере, но достичь этого удалось.

Режиссеры, дирижеры, художники, весь актерский коллектив полны других интересных замыслов. Конечно, о том, как они будут реализованы, судить зрителю. Однако

настроение приподнято-сти, которое парит в театре, можно счесть добрым предзнаменованием.

525-летию Алишера Навои театр посвящает новую постановку оперы Р. Глиэра и Т. Садыкова «Лейли и Меджнун». Дру-

гая опера, над которой скоро начнется работа, — «Ерил-Таш». Это поэтическое произведение для детей, написанное композитором Сабиром Бабаевым по мотивам одной из народных сказок. Тем, кто испытал величайшую тра-

гедию наших дней, — людям Хиросимы посвящает свой балет Борис Зейдман. Выйдут на сцену новые произведения Икрама Акбарова, Алексея Козловского, Хамиды Рахимова и других мастеров музыки.

Танцует Африка

чем не сравнимое по самобытности зрелище. Он не имеет ничего общего с классическим балетом, в нем нет и намека на стилизацию. И это легко объяснимо: все артисты ансамбля, созданного всего лишь год назад, — не профессионалы, они обучались искусству танца не в училищах и школах, а у себя дома — в деревне, на площади, в дни торжеств и ритуальных церемоний. Молодежь, входящая в труппу, стремится показать миру талант своего народа во всей глубине и своеобразии.

Один из самых впечатляющих — «Танец дня». Подгоняемые магическими звуками там-тама, мужчины в масках необыкновенных существ, в ярких и пестрых одеждах, сверкающих в огнях рамп, танцуют все быстрее. Вместе с ними, демонстрируя пластику, которой владеет, наверное, не каждая балерина, движутся женщины.

В каждом из танцев много импровизации. И все же от начала до конца ощущается четкая режиссерская мысль, продуманность каждой композиции, и заслуга в этом принадлежит руководителю ансамбля, талантливому мастеру хореографии Эдуарду Гаю.

Что же перед нами — балет или драматический спектакль? На этот вопрос нельзя ответить категорическим «да» или «нет», потому что хореографическое искусство Дагомен не подходит ни под какие формулы. Зато оно несет с собою общее для подлинного искусства черты — любовь к человеку, стремление передать волнующие его чувства. Вот почему незнакомый язык танца Дагомен быстро становится близким и понятным зрителю.

На снимке: танцует Африка.

„Ашхабад“

После трех с половиной лет перерыва снова стал выходить журнал «Ашхабад» — литературно-художественный и общественно-политический орган Союза писателей Туркмени.

В первом номере журнала прежде всего привлекает внимание жанровое и тематическое разнообразие опубликован-

ных произведений. «Ашхабад» печатает стихи Д. Халдурды «О Ленине», поэму А. Агабаева «Черное эхо», цикл стихотворений Б. Худайназарова. Проза представлена отрывками из нового романа Берды Кербаяева «Кайгысыз Атабаев», рассказами С. Аннасахатова, К. Ильясова и других авторов.

Большое место занимают материалы под рубрикой «50 героических лет». Кандидат исторических наук Ю. Пермяк рассказывает о героическом пути девяти ашхабадских комиссаров, расстрелянных белогвардейцами в июне 1918 года. Славной истории туркменской семьи, которая носит фамилию

Ивановых, посвящена статье П. Ионина.

Привлекателен раздел сатиры и юмора.

На последней странице, обращаясь к читателям, журнал пишет о том, что наряду с оригинальными произведениями русских авторов он будет публиковать переводы с языков братских народов, прежде всего с туркменского. Поэзия и проза, публицистика и очерк, историко-революционная тема и матери-

алы краеведческого характера, научная фантастика и мемуарная литература, критика и проблемы искусства, выступления новаторов народного хозяйства — все это найдет свое место на страницах «Ашхабада».

Коллективу журнала предстоит вдохнуть жизнь в новое издание, сделать его популярным, читаемым не только в республике, но и за ее пределами. Желаем ему успеха на этом пути.

Еще две ленты

Ленты, выпускаемые Узбекской студией хроникально-документальных фильмов, настолько разнообразны по тематике и жанрам, их так много, что одно перечисление заняло бы десяток страниц. Поэтому скажем лишь о нескольких интересных картинах, сделанных за последнее время.

...Кому из нас не знаком гранитный монумент, у подножия которого горит огонь вечной славы! Кто бы ни проходил мимо, — мальчишка или труженик с побелевшей от времени головой, — он обязательно замедлит шаг, чтобы снова и снова окинуть взглядом памятник, запе-

чатлевший подвиг туркестанских комиссаров. Каждый день, каждую минуту герои революции с нами.

Эта мысль проходит через весь фильм «Памятник на площади». Нет, это не историческая картина. Все, что запечатлела кинокамера, происходит сегодня: и праздничное шествие молодежи, и митинг наших друзей, приехавших строить новый Ташкент, и объяснение влюбленных. Но каждую минуту мы чувствуем неразрывную связь между вчерашним и сегодняшним днем, нас не покидает ощущение, что вся наша жизнь — это продолжение борьбы за торжество идей, во

имя которых погибли герои революции.

«Леса Узбекистана» — другая научно-популярная картина — открывает перед зрителем новые богатства нашего края. Сейчас в республике около миллиона гектаров леса, и эти массивы быстро растут. Авторы фильма показали нам не только лесные красоты, но и раскрыли огромное народнохозяйственное значение древесных массивов, защищающих нас от суховея, регулирующих сток воды в орошаемом земледелии, преграждающих путь селевым потокам.

Обе ленты приняты для демонстрации на всеюнозном экране.

Симфонический оркестр в новом сезоне

Что сулят любителям музыки концерты симфонического оркестра Узбекской Государственной филармонии, открывшего недавно свой зимний сезон? Отвечая на этот вопрос, главный дирижер оркестра Захид Хакназаров сказал:

— Многие произведе-

ния, которые составят репертуар оркестра, посвящены 50-летию Великого Октября. Слушатели познакомятся с новыми созданиями узбекских композиторов, в которых отражены события революции и гражданской войны. Во многих отношениях интерес-

ной представляется мне Вторая симфония Рашида Хамраева. Уверен, что быстро найдет признание новая симфония Бориса Зейдмана — одно из наиболее ярких и зрелых произведений современной узбекской музыки.

Многие из нас лишь

по радио слышали Тринадцатую симфонию Шостаковича. В нынешнем сезоне она впервые прозвучит в концертном зале филармонии. Вместе с этим произведением мы включили в репертуар Третью симфонию Кара-Караева, «Озорные частушки» Щедрина, не-

исполнявшиеся в Ташкенте пьесы Сергея Прокофьева.

Согласитесь, что Стравинский, Малер, Бриттен — эти имена не так уж часто встречаются на наших афишах. Сейчас оркестр работает над некоторыми из их произведений. Поклонники му-

зыки смогут услышать симфонию Хиндемита «Художник Матисс», поэму Стравинского «Жар-Птица», «Музыку для струнных и ударных инструментов» Бартока. Предполагается организовать вечера английской и французской музыки.

Художник-журналист

У художника Николая Корнилова почти всегда в руках перо, карандаш или, на худой конец, кусочек мела. Много лет проработав в газете, Н. Корнилов стал художником-документалистом, и об этом его умении зорко всматриваться в окружающее, отбирая из него самое важное, самое яркое, лучше всего рассказала выставка, с которой познакомились ташкентцы.

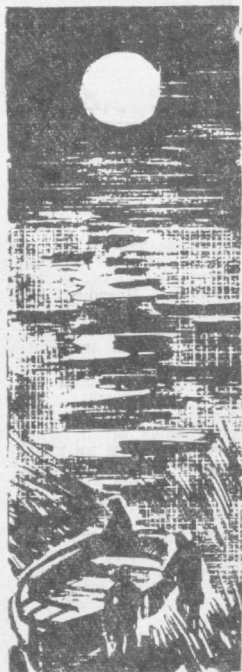
Пусть большинство рисунков выполнено тушью, но это не мешает сказать, что жизнь сверкает на них яркими красками. Основная тема Н. Корнилова — Каракалпакия. Здесь он провел несколько лет, здесь создал свои лучшие работы. Надолго врезаются в память портреты людей, принесших славу своей республике. Вот изобретенное временем, но излучающее силу и ясный ум лицо старого хлопкороба Жа-

сабая Юнусова. А рядом с ним улыбающийся, наверное, никогда не теряющий бодрости духа Азиз Атаев — известный в Каракалпакии чабан.

Привлекает внимание рисунок «Возвращаются, возвращаются!» — вдаль показался траулер, и ребяташки, сбежав в воду, прыгают, кричат, машут платками. Еще несколько минут, и они обнимут своих отцов, просолившихся, пропахших рыбой и ветром и пришедших, должно быть, с богатым уловом.

Художник обнаруживает тонкое чувство колорита в пейзажах «Голубой Арал», «Пустыня покорена». Он любит природу Каракалпакии, любит ее людей, и это делает работы Н. Корнилова интересными, впечатляющими.

Справа — рис. Н. Корнилова «Ночь на Арале».

Песня — это оружие в бою

Яркий след в культурной жизни Узбекистана оставили концерты Микиса Теодоракиса. Слушая его песни, ощущаешь дыхание сегодняшней Греции, воображение рисует образ страны, где, несмотря на все беды, люди не теряют

веры в будущее, в то прекрасное, что несет в себе человек.

Произведения Микиса Теодоракиса называют народными. И это не традиционная формула. Рассказывают, что в Греции концертные залы не вмещают всех желающих

услышать их, и потому оркестр и его солисты обычно выступают на стадионах и в открытых театрах. Микис Теодоракис ведет активную музыкальную и общественную деятельность. Он — депутат парламента от Единой демократической

левой партии — ЭДА, выступает одним из вдохновителей молодежного движения, вспыхнувшего в знак протеста против убийства прогрессивного деятеля Григориса Ламбракиса.

Молодой композитор живет интересами, радостью и болью своей родины, и об этом лучше всего говорят его произведения.

Музыка Теодоракиса поет, и эта напевность имеет один животворный источник — народную песню. Разумеется, произведения композитора — не просто концертная обработка песенного фольклора. В основе их лежит тщательное изучение народного искусства, его характерных черт и

стиля, что и придает им ту простоту, которая сразу покоряет сердца. И в то же время каждое произведение композитора оригинально от начала и до конца, и с народной песней его связывает лишь общий интонационный строй.

Творчество Микиса Теодоракиса ныне в полном расцвете.

Первые шаги

Молодому поэту нужна аудитория. Чем больше слушателей, тем сильнее, эмоциональнее звучит его голос. Вот почему поистине идеальной можно назвать атмосферу, в которой прошел вечер лирики во Дворце культуры железнодорожников.

Первая неловкость собравшихся исчезла пос-

ле первых же строк. Стихи читали разные поэты — Владимир Черноморский, Валентин Гусаров, Александр Файнберг, Роберт Ураганов, — те, кто делает первые шаги в поэзии. Рабочие, студенты и школьники, собравшиеся в зале Дворца, весьма непосредственно выражали свое отношение к услышанному.

И надо признать, что далеко не все поэты ушли с вечера увенчанным лаврами. Некоторые стихи получили довольно суровую оценку.

Вечер закончился жаркой дискуссией о роли поэзии в жизни молодого поколения, дискуссии, которая, несомненно, была полезной и победоносной, и победителям.

Сцена из пьесы «Свадьба на всю Европу», поставленной Ташкентским драматическим театром им. М. Горького.

Фото М. Нуритдинова.

Тайны раскрываются

Что представляет собою искусство наших предков, населявших территорию Узбекистана два тысячелетия назад? Сейчас на этот вопрос можно ответить более обстоятельно, чем прежде. И заслуга в том принадлежит ученым-археологам, открывшим древнее городище Афрасиаб под Самаркандом и откопавшим в нем множество созданий, которые достойны занять место среди лучших произведений искусства древности.

Перечисление того, что найдено, займет слишком много места, поэтому напомним лишь самое любопытное. При раскопках были обнаружены развалины большого здания, принадлежавшего, видимо, богатому феодалу. Стены некоторых комнат охраняли остатки росписи, изображавшей ритуальные сцены, прием

иноземного посольства кем-то из богатых правителей.

В одном из помещений обнаружены остатки барельефа, выполненного в форме медальонов. На нем детали растительного орнамента чередуются с изображением животных, и все это сделано красной и желтой красками, не потерявшими яркости и по сей день.

В другой комнате археологи наткнулись на обгоревшие скульптуры из дерева. Одна из них, предполагают искусствоведы, изображала танцовщицу. К сожалению, едва сохранились остатки резной балки с очень красивым растительным и геометрическим орнаментом.

Городище Афрасиаб — этот уникальный памятник древности — уже посетили многие жители нашей республики.

Весной раскопки здесь будут продолжены. Кто знает, какие еще открытия ждут здесь исследователей!

С успехом прошли в Ташкенте гастроль популярного французского шансонье Лени Эскудеор.

Фото М. Нуритдинова.

Рудольф Керер вчера и сегодня

Рудольф Керер снова обывал в Узбекистане...

Любители музыки помнят его первые выступления. Уже тогда было ясно, что перед нами незаурядный музыкант. Потом воспитанник ашкентской консерватории уехал в Москву, и через несколько месяцев его имя замелькало на границах газет, сопровождаемое самыми лестными эпитетами. Сейчас Рудольфа Керера по праву относят к плеяде лучших мастеров советского фортепианного искусства.

Теперь, когда концерты уже позади, среди музыкантов и любителей искусства продолжают обсуждать о Керере. Но в нем у них расхождений нет: пианист сделал

огромный скачок вперед — именно так хочется определить перемены, происшедшие в его творчестве.

Очень трудно сказать что-нибудь новое в произведении, которое играют часто. Именно об этом подумалось перед исполнением сонаты си-бемоль минор Шопена. И тем не менее создано впечатление, будто мы слышали эту вещь впервые. Такое был способен сделать лишь музыкант, для которого не существует неизблемых исполнительских канонов. Соната, особенно первая и третья части, напомнили, что великие произведения искусства всегда остаются неисчерпаемым источником вдохновения

для талантливого интерпретатора.

Но самым большим событием концертов явилась, пожалуй, Прокофьевская соната ре-минор. Это трудная во всех отношениях пьеса, которую не всякому пианисту дано понять и осмыслить во всей глубине. Но даже после этого только отточенное мастерство, филигранная техника могут помочь донести произведение до слушателя. И пианист снова продемонстрировал свое искусство. Соната раскрыла перед нами новые тайны человеческого духа, заставив испытать такие чувства, которые теперь надолго будут связаны с именем Рудольфа Керера.

„Счастливый путь“

Герои пьесы посвятили свою жизнь поискам земных кладов. Они любят и ненавидят, испытывают душевные драмы и радости. О представителях прекрасной профессии — геологах рассказана в своей пьесе

«Счастливый путь» заслуженный деятель искусств УзССР Р. Арифджанов. Пьесу тепло встретили самаркандские зрители.

А скоро с нею познакомятся и ташкентцы.

«Счастливый путь» покажет народный театр городского Дома культуры имени Ахунбаева. Премьера спектакля состоится на городском фестивале самодеятельного искусства.

Новые изделия, которые выпускает фирма «Сувенир» к 50-летию Великого Октября.

Фото А. Палехова.

На выставки в Москву

Дебаты по поводу того, какие работы послать в Москву, оказались довольно долгими. И в этом нет ничего удивительного. Из множества произведений молодых художников надо было отобрать такие, которые бы достойно представили искусство нашей республики на выставке,

посвященной 50-летию Великого Октября.

Кто же из молодых живописцев, графиков, скульпторов займет место на выставке?

Прежде всего, конечно, Рузы Чарыев с его африканскими этюдами, запечатлевшими жизнь обитателей далекого континента, освободившихся от колониального гнета,

идущих по дороге труда и счастья. Рядом с ними можно будет увидеть работы способного скульптора Марка Иванова — «Портрет узбечки», «Вышивальщица», «Пахта-ой». Среди графически созданных наших художников выделяются рисунки Юрия Стрельникова. Всего посетители выставки увидят почти сто про-

изведении живописи, скульптуры и графики молодых художников Узбекистана.

Одновременно в Москве открывается всесоюз-

ная выставка произведений художников театра и кино. Творчество мастеров нашей республики будет также широко представлено на ней. В числе работ, посланных

в столицу, большое место заняли эскизы декораций и костюмов, выполненные В. Г. Акудиным, П. Н. Ибрагимовым, В. А. Рыфтиным, Т. Шарахимовым.

Ансамбль «Бахор» отправился в гастрольную поездку по Индии и Пакистану. На снимке: репетиция новой программы.

Фото М. Нуритдинова.

Для юных театралов

В нынешнем сезоне ребята вновь увидели на сцене Театра юного зрителя своих любимых героев — Володю Ульянова, Абдуллу Набиева, Павку Орчагина.

В репертуаре появились и новые постановки. Это, прежде всего, спектакль — «Если сердце хочет». Автора пьесы заслуженного артиста

республики Хамзу Умарова связывает с театром давняя творческая дружба. Постановщик нового произведения — народный артист республики Амин Турдыев.

Вот уже много лет живет, не старея, «Снежная королева» — прекрасная сказка Евгения Шварца. Видели ее и ташкентцы, но очень

давно. Сейчас пьеса снова с успехом идет на сцене Театра юного зрителя в постановке молодого режиссера Анжелы Талалаевой. Ее коллега Иргаш Масафаев работает над инсценировкой повести А. Неверова «Ташкент — город хлебный». Театр покажет ее к 50-летию Октябрьской революции.

Дорогой друг!

Пожалуйста, ответьте на следующие вопросы и пошлите этот листок по адресу: г. Ташкент, ГСП, ул. Навои, 30, редакция журнала „Звезда Востока“:

1. Что Вам понравилось в этом и предыдущих номерах нашего журнала? _____

Л
И
Н
И
Я
О
Т
Р
Е
З
А

2. Что не понравилось? _____

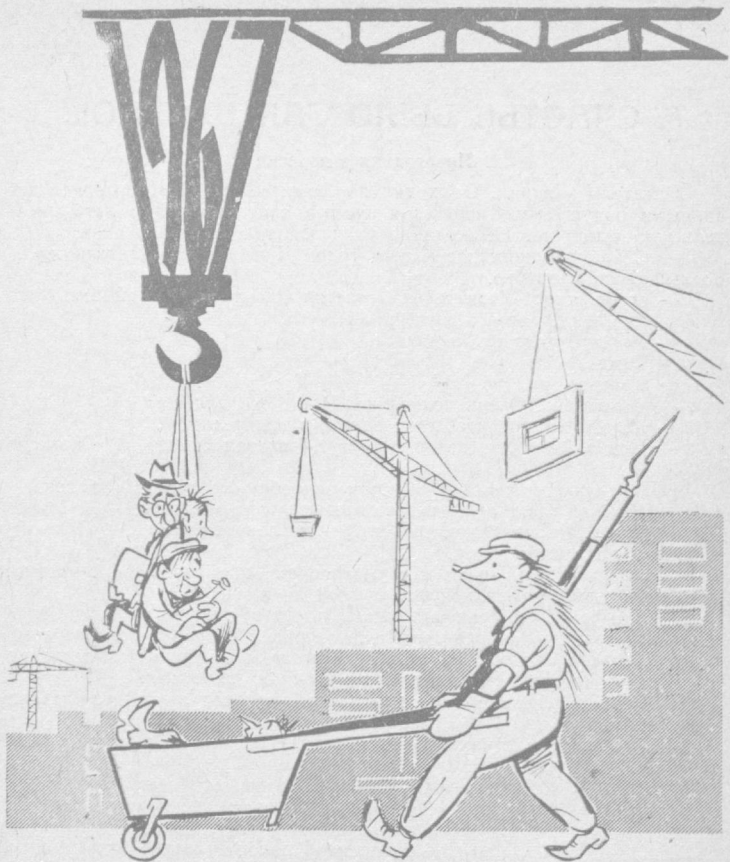
3. Каковы ваши предложения?

4. Сколько человек подписалось на „Звезду Востока“
по лично Вашей рекомендации?

5. Кто Вы? (Просим сообщить фамилию, имя, отчество
возраст, профессию, адрес).

С глубоким уважением.

Редакция журнала „Звезда Востока“

ТИПРАТИКОН

САТИРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
Журнал в журнале

А СЧАСТЬЕ БЫЛО ТАК БЛИЗКО!..

Новогодняя юмореска

Писатель хандрил. Он ходил по комнате злой и швырялся диванными подушками. Творческая пустота заполнила всю его писательскую сущность. Неожиданно раздался телефонный звонок.

— С наступающим вас Новым годом! Говорят из издательства,— послышалось в трубке.

— Очень мило!— язвительно ответил писатель, догадываясь, что опять один из приятелей разыгрывает его.

— Мы прочли вашу рукопись.

— Сами?

— Конечно.

— Похвально. Очень похвально. И что же дальше?

— Мы бы хотели, чтобы вы зашли в издательство.

— Иди ты к черту, не до тебя тут,— сказал писатель и повесил трубку.

На следующий день рано утром задребезжал дверной звонок.

— Ну, кто там еще?— спросил писатель из-за двери.

— Экспедитор из издательства,— последовал ответ.— С наступающим вас Новым годом.

Писатель открыл дверь и с удивлением посмотрел на молодого парня с кожаной почтальонской сумкой на плече.

— Кто вы?— переспросил писатель. И тут вдруг вспомнил, что в это издательство он действительно отправил рукопись полгода тому назад и совсем забыл об этом. Тогда его там не очень благосклонно приняли, и он давно уже перестал на что-либо надеяться.

— Странно очень с вами получилось,— сказал экспедитор, входя в квартиру.

— Что же тут странного?— спросил писатель.— Принесли назад рукопись?

— Да нет, вчера еще вам хотели прислать письменный отказ, но после того, как главный редактор позвонил вам, срочно велели нести вам договор. Вот, пожалуйста, подпишите.

И экспедитор положил перед изумленным писателем заполненные бланки издательского договора.

— Вот это да!— восхитился писатель, с веселым рыканьем бросился на диван и в восторге задргал ногами.

Но это был опытный писатель. Он знал на зубок все сюжетные ходы.

Повалявшись на диване еще с полчаса, он сказал сам себе: «Ну, хватит. Довольно дурака валять».

И тут он, конечно же, проснулся.

ОФИЦИАНТ:

После критики дедушки Крылова — перестроились и теперь играют у нас в ресторане.

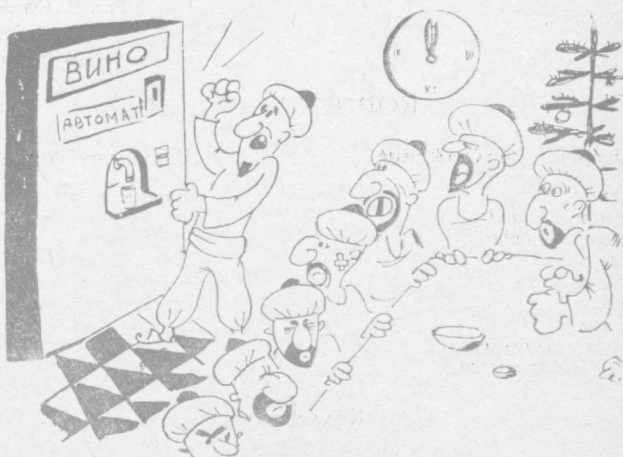
Рис. И. Куприянова.

АЛИ-БАБА:

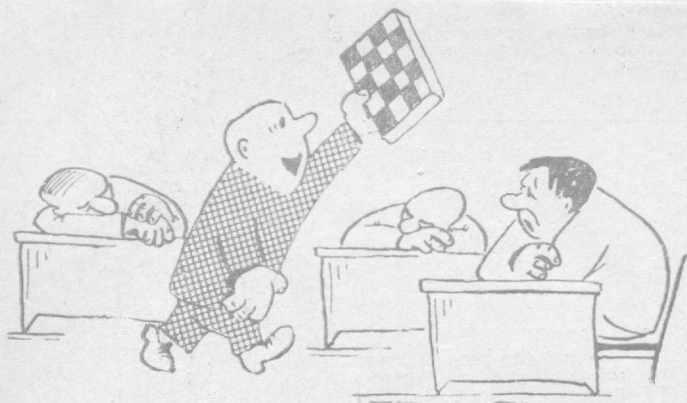
— Сим-сим! Отворись, шайтан тебя поберет! Новый год приближается.

Рис. В. Думкина.

Без слов.

Рис. В. Думкина.

— Сегодня суббота, перерыва нет... Зачем же вы людей будите?

Рис. И. Куприянова.

Вас. БИРЮКОВ

КОРОТКИЕ БАСНИ

Мышиное предложение

Ученые
Смешной народ:
Свиней выводят
Всех пород.
Не лучше ль
Вместо
Сих затей
Котов создать бы...
без когтей.

„Пятиминутка“

Больные ждут.
Болезнь — не шутка.
Из кабинета
Смех и голоса.
— К врачам нельзя.
Пятиминутка...
Длиною в целых
Два часа.

Коллективист

С коллективом
Мирно жил,
С коллективом
Он дружил,
На коллег он
Опирался...
Когда сильно
Напивался.

Точка зрения зонтика

Когда ни выйду —
Непогода вечно,
Повсюду грязь
И дождик бесконечный.

Бережливый

— Секунды мы
Должны беречь! —
На целый час
Завел он речь.

— А еще говорят, что склад не используется!

Рис. В. Думкина.

Навалились!

ЮМОРЕСКА.

В этом году мы впервые разрешили дочке самостоятельно справиться Новый год.

— Тебе, мама, — сказала она вскоре, — поручено испечь пироги, сделать «наполеон» и салат «оливье».

— Постой, постой, — вмешался я. — Я думал...

— Тебе, папа, надо достать вино «Ок мусаллас», — перебила дочка. — Кстати, поколешь орехи и запишешь на магнитофон легкую музыку.

Протестовать было бесполезно. Тем более, что дети, оказывается, объявили соревнование родителей. Оргкомитет, в лице какого-то Владика, чуть ли не каждые полчаса, скрупулезно проверял нашу деятельность.

Вечера после работы трачу на поиски фирменного лимонада и легких марочных вин. Ночью делаю слоеное тесто, колю орехи.

Днем 31-го, когда мы были на работе, дочка привела домой однокашников и коротко им скомандовала: «Навалились!»

Ребята навалились.

— Обойдемся без вина и пирогов, — утешала меня жена, когда мы вернулись домой, — посмотрим телепередачу, послушаем приемник.

Через минуту крик жены донесся из соседней комнаты. Я бросился туда. Из серванта исчезла наша гордость: вся посуда и столовые принадлежности. Места, где совсем еще недавно стояли телевизор и приемник, пустовали.

Видя, что жене плохо, я хотел подать ей стул. Но стульев в квартире тоже не оказалось. Нашли лишь записку, в которой дочка поздравляла с Новым годом и сообщала, что в соревновании мы заняли второе место.

— Ничего, Ниночка, — поддерживая жену за локти, стал утешать теперь я. — Новый год встретим, как и положено, стоя. Песнями. Их у нас ни дочка, ни ее оргкомитет не отнимут. И все-таки, как-никак — второе место.

В. ХУБУЛАШВИЛИ.

— Говори скорей: тебе нравится эта шуба?

Рис. Д. Сеницкого.

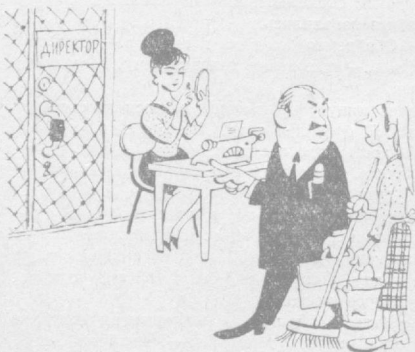
Еще один бесполезный способ привлечь внимание официантки.

Рис. И. Куприянова.

— Когда будет приходить моя жена, немедленно садитесь на это место.

Рис. Д. Сеницкого.

Лиса и бобер

(Новый вариант)

Сценарий написал Бобер,
 Никан не может с ним пробиться.
 — Сосед, не больно ты хитер,—
 Бобру совет дает Лисица.—
 Эх ты, пустая голова!
 Возьми в соавторы Удава
 Или по крайней мере Льва,—
 Получится талант плюс слава.

Квартет

Проказница Мартышка,
 Осел,
 Козел
 Да носолапый Мишка
 Задумали сыграть квартет.
 Квартет у них не получился,
 Зато завклубом отличился:
 В журнале галочку поставил
 И этим сам себя прославил.

Наперсток думал:

«Нет, важнее дел,
 Чем у меня».
 На пальце указательном сидел
 В течение дня!

Ручка и рука

Выводит на бумаге Авторучка
 Глупейшие на свете закорючки,
 Но все ж работает, пока...
 Есть где-то у нее рука.

Сила привычки

Вор бросил воровать, поскольку был
 влюблен,
 Но не забыл он старую привычку:
 Не стал искать ключей от сердца он,
 А сразу отыскал — отмычку.

БЕЛОРУССКИЕ УСМЕШКИ

В кафе

Клиент, подозвав официанта, спрашивает:
 — Почему у вас подают такие маленькие порции?
 — А вы попробуйте сначала хоть такую съесть.

Устами младенца

Увидев на лысине отца муху, маленькая дочка вскрикнула:
 — Мама, опять папа под мухой пришел!

Ответил

На экзамене по физике экзаменатор, протянув студенту линзу, предложил показать ее фокус. Подумав немного, юноша ответил:
 — Я пришел сдавать экзамены, а не фокусы показывать.

Попробуйте узнать

На экзамене по зоологии профессор нарисовал хвосты разных птиц и предложил студенту по этим рисункам определить каждую птицу. Студент не смог этого сделать.

— Ставлю вам двойку,— вздохнул профессор.— Давайте свою зачетную книжку.

Студент направился к дверям.

— Куда вы,— воскликнул профессор.— Как ваша фамилия?

— А вы по хвосту узнайте,— ответил студент и скрылся за дверями.

Из журнала «Вожык».

Перевод с белорусского.

СГОВОРИЛИСЬ

Сотрудникам учреждения выдается зарплата. Как и обычно, из уважения, кассир пришел с ведомостью в кабинет директора Кадырова.

Тот взял деньги, не считая положил их в ящик стола.

— Скажите Нуралиеву, чтобы зашел.

Через две минуты явился главный бухгалтер Нуралиев.

— Послушайте меня,— обратился к нему Кадыров.— Давайте сегодня немного проветримся. Зарплату мы получили...

— Прекрасная мысль! А еще кого позовем?

Кадыров нажал кнопку. Вошла секретарша.

— Быстренько вызовите Апсаматова и Сабирова.

Незамедлительно явились Апсаматов с Сабировым.

— Ну-ка,— сказал Кадыров,— сложимся по пятерочке. Поедем на Юган-тепе и сообразим дружеский плов.

Апсаматов только этого и ожидал — тут же выложил пятерку. Но вот Сабиров продолжал стоять, почесывая в затылке.

— Ну,— удивился Нуралиев,— что мямлите? Неужели пять рублей жалко?

— Пятерки, положим, не жалко. Но... моя жена точно знает, сколько я получаю.

— Э-э!.. Оставьте эти разговоры.

Сабиров, словно прощаясь с душой, дрожащими руками выложил на стол пять рублей.

Тут же Кадыров вызвал шофера и объяснил, что к чему.

Как только прозвенел звонок, четверо сообщников помчались на Юган-тепе.

Шофер был мастер варить плов — в его плове каждая рисинка сыяла, словно алмаз. И салат он мастер готовить — смешанный с зелеными стручками перца. А тушеный чеснок!..

Короче — загуляли гурманы. Домой вернулись за полночь. Кадыров развез друзей-сослуживцев и повернул к своему дому.

Постучал в калитку. Никакого ответа. Еще раз постучал. Еще...

Уже и соседи собрались, чтобы узнать, в чем дело, а жена не выходит.

Кадыров продолжал стучать.

А жена его, оказывается, стояла за калиткой и слушала. Наконец сказала мужу:

— Идите туда, где гуляли.

Кадыров растерялся и долго ничего не мог ответить.

— Оставь жена, не срами перед соседями. Переговорим спокойно дома.

— Не открою.

И ушла в дом.

Что делать? Ходил Кадыров по улицам, ходил... Наконец решил пойти к себе в учреждение. Подходит — в чем дело? Из окон учреждения свет виден! Неужели воры? Где же тогда сторож?

Сторож радостно приветствовал Кадырова.

— Мне надо подготовить отчет... Вот и пришел чуть свет... — про-
бормотал Кадыров.

Открыв дверь кабинета, он ошеломлен. Главный бухгалтер Нура-
лиев спал на его диване.

«Что такое? Ведь я его довез до самого дома?» — подумал Кады-
ров и попросил у сторожа ключ от планового отдела.

— Открыто, ака, открыто; братец Апсаматов там спит.

— А отдел кадров?

— Он тоже открыт. Там — Сабилов.

Кадыров не знал, что и делать, попросил ключ от гаража.

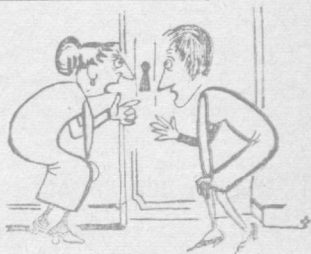
— И там занято. Шофер спит в «Волге».

В ту ночь жены четверых сотрапезников были хоть и расстроены,
но довольны собой. И жена сторожа тоже радовалась: добрый у мужа
начальник.

Двадцатилетне пана
директора.

Рис. Кароля
Баронцего.

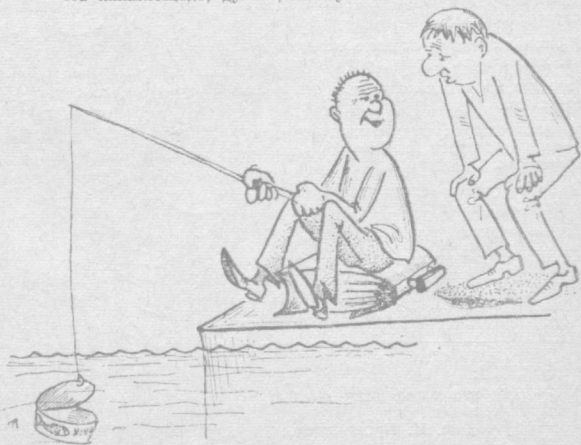

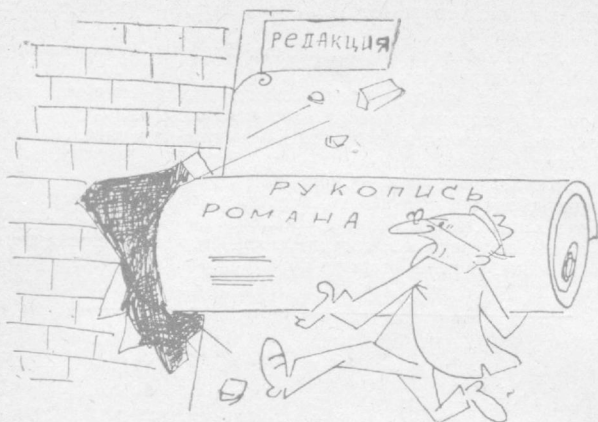
Обмен мнениями.

Рис. Збигнева Киулина.

ЗАВКАДРАМИ НА РЫБАЛКЕ

— На жилплощадь, думаю, клонут!

Без слов.

Рис. В. Думкина.

МЫСЛИ ПРО ЗАПАС

И у массовой песни должно быть свое лицо.
И при восхождении на Парнас необходима страховка.
Начинающий автор был законченной бездарностью.
Поэта ругали за моральное разложение.
Умолял: «Оставьте хоть пережиточный минимум!»
Талант писателя в том, что он пишет.
Талант редактора в том, что он вычеркивает.

ЧУТЬ-ЧУТЬ УЛЫБКИ

Шапочное знакомство для приобретения импортной шляпы.

В старости трудно держать язык за зубами, хотя бы уж потому, что зубов мало.

Торговля краденым лесом шла без сучка и задоринки.

Начальник проявлял чуткость только тогда, когда требовалось подслушать разговор подчиненных.

Басни поступали в журнал в баснословном количестве.

Собутыльников дружба спавает.

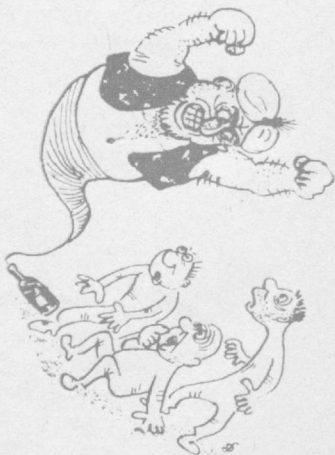
«Звезд» с неба не хватал, а переманивал из других футбольных команд.

Л. КРАЙ.
г. Баку.

ДЖИНН:

— Так кто хотел меня «раздавить на тронх»?!!

Рис. И. Куприянова.

Я БРОСИЛ ПИТЬ

Я прослушал лекцию «Алкоголь — наш враг» и твердо решил: больше ни капли!

Жена была восхищена. Она сказала, что это для нее — лучший подарок к Новому году.

— А знаешь, друже, — радостно сказал я своему приятелю, когда тот на следующий день заглянул ко мне и торжественно поставил на стол «охотничью», — я больше не пью!

Он улыбнулся и попросил штопор.

— Серьезно, не пью.

Он внимательно взглянул на меня и покраснел.

— Извини, — сказал он, — тебе, должно быть, уже передали... Я действительно назвал тебя идиотом и кретинном, но это у меня просто вырвалось. Ты же знаешь, что я о тебе совершенно другого мнения.

— Дело не в этом, — ответил я. — У меня нет никаких оснований обижаться на тебя. Просто я больше не пью.

— Ну, оставь, не надо так сердиться, — умолял он со слезами на глазах. — Ну, в самом деле, я сказал директору, что ты слабый работник, что тебе не хватает опыта, но ты же сам знаешь, директор принципиальный, у него свой взгляд на людей.

— Клянусь, не поэтому. Я просто больше ни капли...

Он одевался с видом трагика, которого побили в бильярдной. На прощанье сказал:

— Если бы ты знал, как тяжело терять друзей!

На следующий день, возвращаясь с работы, я встретил своего соседа.

— У меня сегодня такая радость! — воскликнул он. — Наконец-то утвердили мое рацпредложение!

— От души поздравляю! — вежливо отозвался я.

— Это событие надо обмыть! По стаканчику натурального? — предложил он и потянул к магазину «Вина-Соки».

— Не могу, — запротестовал я. — Я больше в рот не беру...

Минуту он смотрел подозрительно. Потом положил руку на мое плечо.

— Не принимай так близко к сердцу, — сказал он искренне. — Ну, было, сказал комплимент твоей жене, ну, извини, больше не буду.

— Да вовсе не из-за этого! Я просто бросил пить.

— Ну и не надо! — возмутился он. — Перед тобой извиняются, а ты...

И ушел не попрощавшись.

День рождения родственника начался, как всегда, с длинного поздравительного тоста. Была дана команда — пить до дна.

— А это что такое? — спросил родственник, указывая на мою полную рюмку.

— Не пью, понимаете...

— Ах, вот как! — грозно сказал он. — Понятно, ты не можешь примириться с тем, что ничего не получил из бабушкиного наследства!

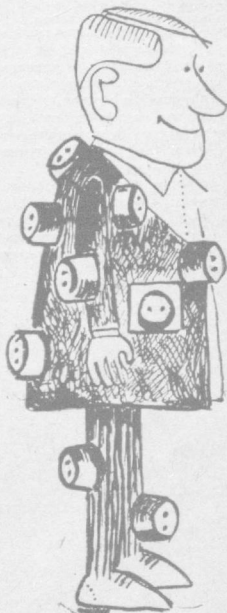
На работе меня встречали постные лица и провожали косые взгляды...

А сейчас мы сидим с женой за праздничным новогодним столом. Друзья и родственники, сославшись на уважительные причины, придти отказались. Яркое сияние огнями елка, весело искрится шампанское. Жена улыбается и предлагает тост за счастье нашей семьи.

Куранты бьют двенадцать.

— Но ведь ты знаешь, — говорю я, — дал слово: ни капли...

— Я давно это замечаю, — разрыдалась жена, — наше семейное счастье для тебя ничто!

...Сейчас важнее всего иметь много контактов.

Рис. Иосифа Качмарчика.

Братья МОРМАРЕВИ

ОДНА НОЧЬ В САН-ФРАНЦИСКО

Стояла отвратительная погода — было сыро и мрачно, непрерывно моросил дождь. Поэтому не удивительно, что вскоре после прибытия мы очутились в известном баре «Фриско», расположенном недалеко от пристани.

Атмосфера в баре была приятная, задушевная, располагающая к интимным разговорам. Мы заняли места и заказали виски.

Скоро зал наполнился посетителями. Около одиннадцати часов к нам подошел молодой человек и попросил разрешения сесть за наш столик, чтобы выпить порцию виски.

Порция была достаточно большой, но он заказал тройную и выпил ее одним духом. Потом заказал еще — опять тройную.

— От хорошего не пью! — сказал он, заметив наши недоумевающие взгляды.

И рассказал нам историю, исполненную драматизма.

— Слышали ли вы о форте Конг Тун? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Очевидно, нет. Ведь газеты ничего не писали о его падении. Это было большое поражение, и вина за него лежит целиком на мне. Это случилось три месяца тому назад. Нас привезли в Сайгон, и оттуда меня направили прямо в Конг Тун.

Он сделал большой глоток.

— Я — предатель! Возмутительно, не правда ли? Но что поделаешь, обстоятельства иногда способны и самого горячего патриота превратить в предателя! В первый же вечер меня послали в разведку. Возмутительно, не правда ли? Джунгли там густые, очень густые! Ничего не видно — темно, хоть глаз выколи. И тихо. Только иногда что-то шуршит в кустах. Нет-нет, да и выстрелишь. А это опасно — вдруг испугаются в форту и начнут палить из орудий. Свернул я на шоссе — там светло и можно рассмотреть врага. В полумиле от форта заметил какой-то огонек. Перебежкой добрался до него. Смотрю — бамбуковая хижина. Пинком открыл дверь, вскинул автомат и скомандовал: — руки вверх!

Все подняли руки. Оказалось — американцы. Возмутительно, не правда ли? Из глубины хижины — голос:

— О, Билл, откуда принесла тебя нелегкая?

Это был мой старый приятель Боб. Все пожали мне руку. Позже я узнал, что это были разведавательные патрули трех соседних фортов. Ребята тоже искали врага там, где светло.

Пили до утра. Мне понравился боевой дух наших парней. Но когда утром я вернулся в Конг Тун, уже не было ни Конга, ни Туна. Ничего не было. Остались только шесть вертолетов, но и те догорали.

Наш собеседник допил бокал и заказал третий.

— Сколько, — продолжал он, — вы думаете, я заслуживаю за это предательство? Учтите, что если бы я довел разведку до конца, я бы раскрыл планы противника, и форт был бы спасен. Мы пожали плечами.

— Два года! — воскликнул он, размахивая двумя пальцами у нас перед носом. — Целых два года! А они тянут, я еще на свободе! Возмутительно, не правда ли?

Развязка произошла у нас на глазах в тот же вечер. В бар вошел военный патруль из трех человек и остановился у нашего столика.

Наш собеседник поблдевел.

— Я хочу получить заслуженное, — произнес он. — По закону мне полагается два года тюрьмы. Здесь, в Сан-Франциско!

Двое патрульных его увели. Третий остался с нами. Он сел, не спросив разрешения, и заказал тройную порцию виски.

ные власти, уверяя, что он виновен в падении Конг Туна. Еще немного и его бы упрятали в тюрьму. Его история выглядит очень правдоподобно. Но, к его несчастью, вчера объявились еще трое предателей из этого форта. И что бы вы думали? Во Вьетнаме нет никакого форта Конг Тун! Кто-то придумал эту историю и продавал ее солдатам за сто долларов, чтобы они могли избежать посылки во Вьетнам. Как видите, некоторые купили эту историю. Но их разоблачили и завтра отправят на фронт. Вообще, джентльмены, я очень обеспокоен моральным состоянием нашей молодежи — притворяются сумасшедшими, готовы сесть в тюрьму, лишь бы не идти защищать честь американского знамени во Вьетнаме. При каждой поимке такого подлеца я чувствую, что выполнил свой долг перед родиной!

И он заказал еще тройное виски.

В это время к нашему столу приблизился новый военный патруль.

— Допивай свое виски, Дик, и следуй за нами, — сказал один из патрульных. — Хватит выдавать себя за военного полицейского. Уже три дня тебя ищем. Завтра отправимся во Вьетнам.

Патруль забрал нашего собеседника и ушел. Вслед за ним поднялись и мы — нам показалось, что над нашим столиком тяготеет проклятие.

При выходе из бара мы столкнулись с молодым человеком, бывшим слегка навеселе.

— Я предатель! — заявил он нам без обиняков.

— Знаем! — ответили мы. — Конг Тун, не правда ли? Только не садитесь вон за тот столик!

Перевела с болгарского
Н. ПОТАЮК.

По ложному следу.
Рис. В. Думкина.

Н. ГРИГОРЬЕВ

Исповедь подхалима

Я быть могу
Не только мылым,
Но, если надобно,
и — мылом.

Стрекоза и муравей

Стрекоза, пропев все лето,
Шлялась в поисках жилья,
И — нашла

(сумев при этом
Стать женою Муравья).

Услужливый Медведь

Льва одарил на день рожденья
Медведь услужливый
вареньем,

(Медком, награбленным окрест),
Забыв, что Лев лишь мясо ест.
На Мишкиной карьере крест.
И Лев Медведя нынче ест.

Ручка и авторучка

— Быть может, чем-то ты и хороша,
Но мне одно в тебе не по нутру:
Ведь у тебя — чернильная душа, —
Сказала Ручка Вечному Перу.

Эпипафия формалисту

Другому не простил бы никогда
Сей формалист подобного нахальства:
Мир бренный покидая навсегда,
Он не запасся визами начальства.

Вражда в семье опаснее жала скорпиона.

Корова, дающая мало молока, мычит чаще других.

Если жалеешь волка, значит, жертвуешь овцами.

И в тихой воде имеются крокодилы.

Как обжора давится во время еды, так лжец выдает себя в разговоре.

Время — это сокровище для того, кто знает ему цену.

Упущенная рыба всегда большая.

Морские разбойники обвиняют горных в преступлениях.

Если бы предыдущий знал, что скажет следующий, то совсем бы не говорил.

Только тот, кто долго не спит, знает продолжительность ночи.

Кто не встречался с трудностями, тот не может оценить благополучия.

МЕТАМОРФОЗА

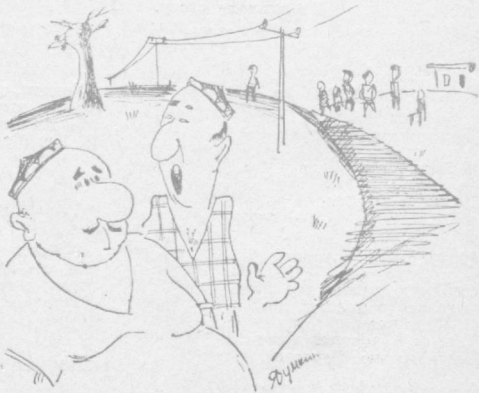
Жил-был в одном лесу осел. Обыкновенный, серенький, глупый осел.

И все звери просто не могли его терпеть: зайцы не любили за длинные уши; лиса за то, что у осла хвост не хвост, а срамота; какая-то медведь — за глупую рожу...

Но вот состарился царь зверей, и стали в лесу решать: кого поставить царем? Медведя? Ленин и думает только о себе. Волка? Вышел из доверия. Шакала — мелочен и корыстолюбив. И вдруг порешили: «Давайте — шутки ради — выберем осла!»

Стал осел царем. И — о чудо! — зайцы нашли, что уши у осла не такие уж длинные, а наоборот — в них есть какая-то эстетическая прелесть; лиса, — что хвост у осла так красив и пушист — просто завидно; и шакал уверял, что «наш шеф — рысак самых благородных кровей». А уж как умен! Соловей даже воспел осла!

Мораль: и МЕСТО красит человека.

— Сегодня же конец месяца — почту должны привезти.

Рис. В. Думкина.

Истинны, рожденные наборщиком типографии

Мастер спора, перворазладин.

Солист бокального ансамбля.

Поэт ценил дружбу и взаимоподнимание.

Художник сгущал краски, чтобы прикрыть
бледность таланта.

Видно птицу по полету: держится на кры-
латых фразах.

Кинокомедия вызывала смех лишь потому,
что в смешном положении оказались...
авторы.

ДЕД-МОРОЗ ЗА ТАКИЕ ДЕЛА НЕ БЕРЕТСЯ

Поэт Галактион Свистюк в существование Деда-Мороза не верил. Но это не мешало Галактиону Свистюку каждый год писать для детей стихи про Деда-Мороза. В стихах, между прочим, рекомендовалось ждать от Деда-Мороза подарков.

А в этом году Галактион Свистюк дождался подарка от Деда-Мороза сам. К нему, примехонько в его кабинет, зашел Дед-Мороз и сказал:

— С Новым годом, будьте здоровы! Вот, подарок вам принес.

— С Новым годом, — машинально ответил Свистюк, — но я сейчас занят...

— Ничего, — успокоил его Дед-Мороз, — Я вас долго не задержу. У меня работы тоже немало. Распишитесь вот здесь, что вы получили подарок, и я пойду.

— Какой подарок? И кто вы такой вообще?

— Я Дед-Мороз.

— Этого не может быть! Деда-Мороза в природе не существует!

— Ну, не будем спорить. Сейчас вы убедитесь, что я все-таки есть!

С этими словами Дед-Мороз достал из мешка какой-то предмет, очень похожий на урну для мусора, перевернутую вверх дном.

— Это пьедестал для вашего памятника. Вот, смотрите.

Дед поставил перевернутую урну посреди кабинета, дунул на нее, и Свистюк увидел, что это действительно пьедестал — «урна» увеличилась раз в десять и заняла чуть ли не весь кабинет.

— Читайте, что написано: «Поэту Свистюку — благодарные читатели». Теперь вы можете брать пьедестал под мышку (если дунуть на него дважды, он уменьшется), нести на первую попавшуюся площадь, ставить, дуть, влазить на него (лестница у тоже принес) и стоять в любой позе, сколько захочется. А когда замерзнете или захотите есть, то вот вам табличка «Памятник закрыт на обед». Вешайте и отправляйтесь по своим делам. Ну, чем не подарок?

У Галактиона Свистюка от радости перехватило дыхание, и он поверил, что Дед-Мороз — не фикция.

— А что вы подарите моим коллегам?

— Такие же пьедесталы. Они стандартные.

— Товарищ Дед-Мороз, а не могли бы вы вместо пьедестала сделать другой подарок?

— Именно?

— Сделайте так, чтобы меня включили в список.

— На квартиру? Так ведь же у вас...

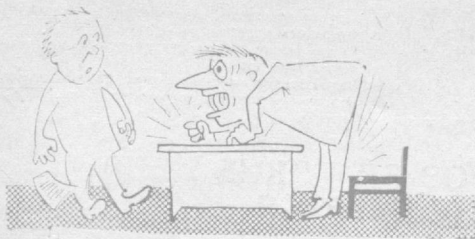
— Нет, другой. Сейчас объясню. Когда литературоведы пишут, скажем, об отображении вылова хомяков в нашей литературе, они обязательно указывают, что про хомяков писали такой-то, такой-то и такой-то. А уж затем добавляют «и другие». Когда речь идет об отображении в нашей литературе сбора металлолома, то опять называются конкретные фамилии, а в конце — «и другие». И так всегда. Так вот вечно я в литературоведческих статьях фигурирую в числе «и другие». Нельзя ли меня внести в твердый список, хотя бы шестым? Я ведь тоже писал и про хомяков и про...

Кудесник Дед-Мороз охнул, нервно затряс головой и выскочил из кабинета.

— Я за такие дела не берусь! Это не в моих силах, — крикнул он уже с порога. — Обращайтесь в правление Союза писателей. Там все могут.

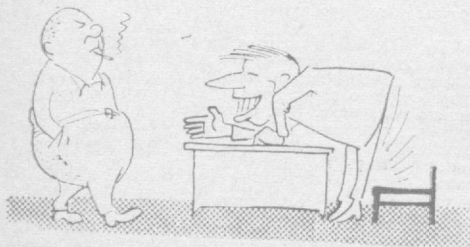
Николай БЕЛКУН.

Не разгибая спины.

Рис. И. Куприянова.

Я. ОСТРОВСКИЙ

КЦ

КЦ — коллекция цитат из публичных высказываний — на совещаниях, в кругу друзей, в учреждениях и т. д. Я собираю ее не очень давно, но в ней есть уже некоторые, вполне достойные внимания. Их авторы менее всего помышляли о том, чтобы смешить. Но я, например, не мог их слушать без улыбки.

Вот они, украшения моей КЦ.

Вьюга была такая, что все движение стояло.

Никто об этом палец о палец не желает подумать. И нам остается только гнить на корню.

Я, например, собираю артистов кино и эстрады. Но у нас в поселке почему-то артисты не продаются. Когда же кончится это безобразие?

Под вещами юмористического плана лучше всего подписываться каким-нибудь простым, бесхитростным псевдонимом. Например, Дик Жаркий или Заратустра.

Я, товарищи, сам был свидетелем: вошла в трамвай женщина. У нее не

было мелочи. Она попросила разменять ей рубль. И что ж вы думаете? Все над ней насмехались, издевались. И никто не пошел навстречу. Более того, ей пришлось сойти. А в трамвае нас было не менее трех человек, двое, правда, в состоянии сильного опьянения и я. Но хоть бы кто-нибудь вмешался!..

Повесть, на мой взгляд, не лишена некоторых частных недостатков: серости и невыразительности образов, монотонности, растянутости, композиционной рыхлости.

Я убежден, что декады надо резко сократить: до трех-пяти дней.

Хулиган ударил меня отрывком от памятника.

Хочу остановиться на предыдущем товарище.

Я откровенно заявил, что наш директор левша: дефицитные товары сбывает только налево. После этого я вылетел с работы, как из пушки по воробьям.

Безусые лейтенанты... Мальчики, еще совсем недавно танцевавшие на школьном балу. Юноши, которых мы, кажется, только вчера провожали в училище. Сегодня они — офицеры, и, завидя их, в струнку вытягивается солдат.

Им много дано, с них много спрашивается. У них крепкие руки и верный глаз. И все-таки им всего по двадцать лет! Как хочется в это время, чтобы каждый прожитый день был ярким и интересным. Как жгуча жажда жизни, волнующей, необычной. Но трудно подчас отыскать в мирных армейских буднях, суровых, похожих, как близнецы, ту военную романтику, о которой мечталось еще в детстве.

Безусые лейтенанты — юноши в офицерских кителях. Как ни сурова их профессия, им свойственны все те же «болезни возраста». Училище дало им знания, но характер им даст только жизнь, и путь его становления непрост. Немало придется испытать и радости и горечи, пока ты станешь настоящим мужчиной и настоящим офицером, пока поймешь на опыте, не всегда сладком, что такое долг, честь, дружба. О вечном сражении за Человека, об армии мирных, но нелегких будней рассказывает популярный военный писатель, Герой Советского Союза ВЛАДИМИР КАРПОВ в своем новом произведении, романе

„ВЕЧНЫЙ БОЙ“

Роман будет напечатан в февральской, мартовской, апрельской книжках нашего журнала.

Звезда

Востока

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Нажил Мирамов: „УЛИЦА ОРУЖЕЙНИКОВ“
(оноичанские повести).

Абдулла Наххар: „СИЛЮЩИЕ ВЕРШИНЫ“.
Рассказы.

Владимир Карпов: „ВЕЧНЫЙ БОЙ“.
Роман.

Непубликовавшиеся стихи Дмитрия
Недрина.

Е. Ефимов: ТАШКЕНТ, МЕЧТЫ И ЯНЬ.
Очерки.

„ТИПРАТИНОВ“.

• 1937 •

Индекс
75273